

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

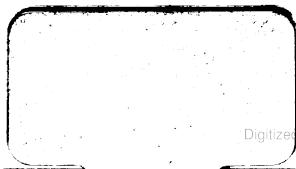
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08190987 5

Slav. Res.

88-1453

Trudy Obshchestva

Т Р У Д Ы
ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
5-453
РОССИЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

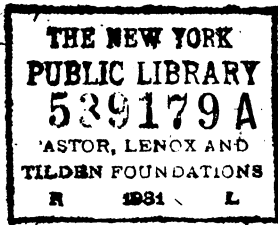

МОСКВА, 1818.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

СВЯТЫЙ СЛАВЯНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТЪ

Въ Ценсурный Комитетъ надлежащее коли-
чество сей книги доставлено.

О ВКУСѢ И ЕГО ИЗМѢНЕНІЯХЪ.

*Рѣчь, говоренная въ торжественномъ
Собраніи Общества Любителей Рос-
сійской Словесности 1817 года.*

Еще годъ прошекъ, Почтенные Сочлены, послѣ возобновленія нашего Общества, прерваннаго временными нещаспіями Опечесства, шайвшими въ вѣдрахъ своихъ сполько благъ прочныхъ, и споль вождельнную для него славу. — Прошекъ предъ очами нашими годъ, и онъ доказалъ, что мы — если позволено говорить благородному, сознательному чувству откровенно и свободно — кажется, не измѣнили себѣ. — Заняпія наши продолжаются также дѣяпельно и быстро, какъ онъ воспріяли начало; усердіе наше не охладѣло, и силы не упали. Это безъ всякаго сомнѣнія должно радовать, должно утѣшать сердца наши, и вмѣстѣ, смѣемъ надѣяться, сердца всѣхъ друзей истиннаго просвѣщенія, всѣхъ любителей опечеспвеннаго слова.

Книжка XV.

А 2

Волга, Dec. 6, 1930.

Правда, — мы еще не все сдѣлали, что имѣли въ виду своемъ; но уповаемъ, что по-чтеннѣйшіе Соотечественники извинятъ недоспадки наши, зная трудность поприща и ограниченность силъ человеческихъ: — все истинно полезное, истинно великое есть плодъ времени продолжительнаго, усилій постоянныхъ и многихъ обстоятельствъ благоприятныхъ; — оно созрѣваетъ не годами, а вѣками, подобно всѣмъ драгоценнѣйшимъ произведеніямъ природы, сей неупомимой, всемогущей художницы, дѣйствующей подъ проработительною рукою верховнаго ея Создателя и Правителя. — Довольно, что усердіе наше не оскудѣвало: о семъ токмо имѣемъ право сердечно радоваться и привѣтствовать другъ друга. — Но прежде всего, въ торжественный сей для насъ день, вознесемъ сердца и души наши, исполненные благоговѣйной благодарности къ Тому, вдохновеніемъ Котораго родится всякая мысль благая, влеченіемъ Котораго всякое совершается дѣло святое на пользу ближнихъ, силою и крѣпостію Котораго преодолеваются трудности и препятствія, и вначаетъ доброе начинаніе успѣ-

домъ добрымъ. — Къ Тебѣ послѣ Него, мудрый и попечительный Распространитель и Поборникъ истиннаго просвѣщенія, ревнующій о благѣ и славѣ Своего народа, о чести, силѣ и совершенствованіи слова опечисленнаго, какъ вѣрномъ знаменіи его благорасположенія, обращающа прізнательные обѣщанія наукъ и наши! Потомъ къ Вамъ, достопочтенные Споспѣшествователи высочайшей и благой воли ЦАРЯ, благотѣльнымъ вліаніемъ своимъ укрѣпляющіе насъ въ пути, которой мы себя назначили! — Примите искреннюю признательность и Вы, знаменитые Любители Словесности, разспрашивающіе собственными подвигами своими ея область, и полезными примѣрами одушевляющіе цвѣтущую юность, священный залогъ общественаго благоденствія! и Вы, почтеннѣйшіе Посѣпители собраній нашихъ, ободряющіе насъ благоклоннымъ своимъ вниманіемъ и живѣйшимъ участіемъ въ трудахъ нашихъ! — Счастливо безъ сомнѣнія по Государство, въ которомъ всѣ власни, всѣ званія, воспламененныя единымъ духомъ, сливаются въ одну всеобщую гармонію намѣреній, дѣиспованій

и цѣли; — гдѣ всѣ, вѣдая по опыту испи-
 ныя средства къ частному и общему благо-
 сосполянiю, совѣпомѣ и дѣломѣ имѣ сооп-
 вѣствуюа, собственными примѣрами ихѣ
 распространяя, способствуюа силѣ, богат-
 ству и чести Отечества. — Свято сіе и велико
 дѣло со стороны Правительства благотворнаго;
 но великій трудѣ и искусство перебуется для
 избранiя сихѣ способоѣ, къ произведенiю духа
 всеобщаго, сей гармонiи спасительной,
 повсемственной; ибо если Правительство
 дѣйствуеа сѣ своей стороны во благое, то
 сѣ другой стороны необходима готовность
 и усердiе тѣхѣ, на копорыхѣ имѣеа влія-
 нiе сей духѣ-зидишель. Солнце, образѣ Боже-
 ства высочайшаго, освѣщаеа, плодотвориа
 вѣ равномѣ своемѣ печенiи всѣ спраны свѣ-
 ша: но не всѣ равно приносяа плодѣ доб-
 рый. — Такѣ очевидно являеа особли-
 вая прозорливостѣ Правительства вѣ вы-
 борѣ средствѣ, долженствуюаихѣ приводиа
 вѣ выгодное движенiе духѣ народной. — Раз-
 личеа возрастѣ людей вѣ образованiи, раз-
 личны ихѣ силы, различны пособiя, завися-
 щiя отѣ климата, положенiй спраны, отѣ

нравовъ и предразсудковъ, часто несчастно
 закоренѣлыхъ. Сія мысль благодатная, безъ
 сомнѣнія, внушена была Всевышнимъ вели-
 кому Преобразителю Ошечества, ПЕТРУ
 Первому, или паче, она родилась съ Нимъ:
 ибо едва опдѣлился Онъ отъ младенческой
 Своей колыбели, попчасъ первой взоръ Его
 обращенъ былъ на просвѣщеніе Своего народа:
 въ самой колыбели Своей раповаль уже нашъ
 Геркулесъ, расперывающій змѣй люпыхъ,
 посланныхъ божествомъ враждебнымъ. —
 Чпо весь пупъ Его жизни до гроба? что Его
 удовольствія, что Его пруды, Его заба-
 вы? — Единственно просвѣщеніе Своего на-
 рода, науки основательныя и изящныя, дѣй-
 ствующія исключительно на нравственностію.
 Таково Его поприще! таковъ завѣтъ Его Вы-
 сокимъ Своимъ Преемникамъ! — ЕЛИСАВЕТА,
 ЕКАТЕРИНА, АЛЕКСАНДРЪ! Имена, вѣч-
 но для наукъ незабвенныя! — Они соверши-
 ли великое намѣреніе несравненнаго Импера-
 тора, Своего Предшественника! Они изчер-
 пали въ продолженіи времени мысль Его не-
 обхятную, или паче, изчерпали мысль Божо-

ства, благодѣющаго Россіи! . . . Чего для насъ не сдѣлано? —

Два способа, коими на пользу народа благодѣтельствуемъ просвѣщеніе. — Одинъ заключается въ наукахъ, такъ называемыхъ основательныхъ, имѣющихъ предметомъ своимъ удовлетвореніе нуждъ общественныхъ, обогащеніе Государства, усроеніе внутрѣннихъ органовъ его, и вмѣстѣ внѣшнюю защиту; другой — распространеніе наукъ словесныхъ и искусствъ, приготоляющихъ и образующихъ нравы къ воспріятію степенъ благодѣльныхъ просвѣщенія, къ тѣснѣйшему соединенію гражданъ, къ укрѣпленію и силѣ ихъ взаимныхъ связей, къ ихъ личной безопасности, спокойствію и удовольствіямъ. Сей способъ есть приуготовительной къ первому; ибо безъ сомнѣнія нужно сперва обозрѣть, соединить, поставитъ, уготовитъ машину, дать ей жизнь и душу, дабы послѣ употребитъ ее для предполагаемой цѣли и привести въ движеніе. — И дѣйствительно, Великій Государь, по примѣру древнихъ и новыхъ знаменитыхъ просвѣщителей разныхъ народовъ, при другихъ необходимыхъ для блага обновляемаго

Государства способахъ, изученіе наукъ и искусствъ изящныхъ, почиталъ *первымъ* предметомъ Своихъ попеченій. Онъ первая соединяютъ людей къ одной общей цѣли; онъ скарпляютъ связи гражданственныя, которыя, подобно нервамъ въ человѣческомъ тѣлѣ, образуя правильную систему, оживоворяютъ тѣло общественное. ЕЛИСАВЕТА, ревностная Его Подражательница, уже наслаждалась высокимъ удовольствіемъ Царей: Она видѣла садъ наукъ, Ея вліяніемъ одушевляемый, въ златой и богатой весѣ его. — Чпо имѣла особенно въ предметъ ЕКАТЕРИНА Великая? Ея сладчайшія радости, Ея уединенныя занятія, Ея досуги драгоцѣнные — были изящныя науки, словесность и вкусъ; Дворъ Ея почитался однимъ изъ образованнѣйшихъ въ Европѣ; Она была не только Героинею, Законодательницею, — она была Царицею вкуса. — При Ней уже видѣли мы созрѣвшіе плоды отъ древа, насажденнаго ПЕТРОМЪ и возлелѣяннаго Его Великою Дщерію; при Ней чувствовали мы сей духъ общественный, возделанный, духъ высокій благороднаго честолюбія, споль блистатель-

но показавшій себя въ счастіи и несчастіи, въ бурѣ и покоѣ, при несравненномъ Ея Внуку, по сердцу Ея Наслѣднику, Совершителю святыхъ и великихъ намѣреній Пешровыхъ, постепенно возвышающихся, и наконецъ принесшихъ въ благословенное царствованіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА плоды свои незабвеннымъ событіемъ, которое даровало, такъ сказать, Россіи то, о чемъ гадалъ токмо сладостно, какъ Пророкъ, Отецъ-Преобразитель ея — первенство между Европейскими Державами! — И такъ у всѣхъ Монарховъ едино было средство, едино направленіе къ высокой мѣрѣ: дѣйствовать сначала посредствомъ изящныхъ наукъ. — И такъ случилось надъ Россією то же, что случилось со всѣми новообразуемыми народами: вездѣ Словесность и вкусъ отворяли имъ врата во храмъ прочихъ полезныхъ познаній, опытовъ, изобрѣтеній; или паче: Словесность была преддверіемъ къ обилію истинной образованности, чести, славы и благоденствія народнаго. — Дабы занять Ваше, Почт. Сочлены, приличнѣйшимъ образомъ сему дню, сполько для насъ торжественному, позвольте мнѣ предложить на

разсужденіе Ваше нѣкоторыя мысли о началѣ и судіи въ изящныхъ наукахъ и искусствахъ, о *Вкусѣ*, который споль великое имѣетъ вліяніе на общіе нравы и обычаи. Этотъ предметъ — самой ближайшій къ образованности народной, и ни о чемъ не говорятъ пакъ много и часто, какъ о немъ. — Онъ пригопвляетъ насъ къ другимъ важнѣйшимъ гражданскимъ добродѣтелямъ, и попому, при всѣхъ недоспапкахъ моего слова, онъ долженъ быть для Васъ любезенъ. — Ваша опытность и ученость исправитъ и болѣе распротравитъ мои мысли, безъ сомвнѣнія, не чуждыя главной цѣли нашего Общества.

Предпринимая говорить о споль прудномъ и по сю пору еще споль мало объясненномъ предметѣ, чувствую я всю слабость силъ своихъ. — Сознаюсь напередъ, что, можетъ быть, мысли мои о вкусѣ сполько же прибавятъ свѣта къ безчисленнымъ о немъ сужденіямъ славнѣйшихъ ученыхъ Европы, какъ капля дожда, упавшая въ море. Спроситъ: что же заставило меня избрать предметъ, сполько уже изпощенной, и припомъ непостыжимой? — То же самое, что побу-

дѣло и другихъ обращать на него свое вниманіе: важность и повсеместное дѣйствіе его въ наукахъ изящныхъ и искусствахъ. Самыя безплодныя усилія въ подобныхъ прудѣхъ раздражаютъ еще болѣе любопытство, самая непоспѣшимость предмета приковываетъ къ нему умственные наши очи, и онъ нечувствительно время отъ времени объясняется болѣе и болѣе даже самыми погрѣшностями пѣхъ, которые о немъ разсуждаютъ.

Вліянію вкуса покорено все: онъ царствуетъ свободно, и даже совершенно между всеми народами, во всѣхъ краяхъ свѣта, по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ люди, собравшись въ общества, познали благоустройство и свои удовольствія, или съ того времени, какъ начали дѣйствовать душевными своими силами. Онъ есть голосъ природы въ человѣкѣ, дающій себя слышать первой, и прежде нежели другія умственные способности наши открываются, — при всѣхъ измѣненіяхъ своихъ равно могущественный, равно трансцендентный. Онъ есть Промей, избѣгающій оковъ всякой власти, всякаго закона, всякаго принужденія и всѣхъ усилій *ловцовъ* ученыхъ; — онъ,

не позволяя, чтобъ его постигали, всегда
 даетъ себя чувствовать; онъ разливаетъ по-
 всюду стихія свои благодѣянія, и осыпаетъ
 насъ своими цвѣтами въ то время, когда
 мы противъ него вооружаемся предразсудка-
 ми и заблужденіями. Благодѣтель неизвѣст-
 ный, онъ лобзаетъ родившагося счастливаго
 ребенка въ его колыбели, лелѣетъ и воспиты-
 ваетъ его; управляетъ его глазами и
 сердцемъ, водитъ его на помочахъ своихъ
 по излучистымъ путямъ великолѣпнаго сада
 природы, и, непосннжимый даже самому себѣ
 оракулъ, но исполненный духа своей ма-
 тери природы, открываетъ онъ ея тайн-
 ства, ея богатства, ея красоты улыбаю-
 щемуся своему питомцу въ каждомъ цвѣткѣ,
 въ каждой травкѣ, въ малѣйшемъ мошылкѣ,
 собирающемъ съ нихъ эфирную жизнь свою;
 показываетъ ему то, чего другіе не видятъ,
 чего не видятъ даже умы высокіе. — Такимъ
 образомъ отвергается для питомца Музъ ра-
 но, весьма рано таинственный храмъ при-
 роды, — и онъ, любимецъ ея, не чувствуя
 самъ, какъ и по чему, спановится вдругъ
 ея живописцемъ; не изучая сердца челове-

скаго, дѣлається его органомъ всемогущимъ, и творить самъ языкъ новой, которой, выпекая оупъ сердца, одному полько сердцу понятенъ: языкъ спраспей и движеній въ ихъ самыхъ нѣжнѣйшихъ перебивахъ. — Гармонія сообщаетъ сладость свою его голосу; Воображеніе осыпаетъ самыми свѣжими цвѣтами его лиру, и ширясь горь, навѣваетъ на нее легкими своими крылами прекрасныя, до безконечности разнообразныя свои мечтанія; Память предлагаетъ ему всѣ свои сокровища, и строгой Умъ, ослабляясь, пріятно подаєтъ ему руку: онъ нѣжится на цвѣтахъ его, не ослабѣвая; онъ украшается ими, не перяя своей важности и силы; онъ любитъ самъ собою въ сіяніи юнаго ласкающаго своего друга. — Но одно ли полько сіе дѣйствіе благопворнаго вкуса? Онъ имѣетъ величайшее вліяніе на блага и несчастія всей нашей жизни. И кто не испыталъ сего собственнымъ своимъ опытомъ? кто не обязанъ вкусу пріятнѣйшими удовольствіями? — Судія всѣхъ твореній ума и воображенія, онъ самъ избираетъ матеріаловъ и творецъ; онъ дѣйствуетъ не полько въ изящныхъ искусствахъ, но и въ другихъ на-

укахъ, имѣющихъ цѣлю свою важнѣйшія выгоды жупія человеческого, дѣйствуетъ на весь кругъ истиннаго просвѣщенія; безъ него вѣтъ искусства; красота не имѣетъ прелестей, мудрость своихъ любителей, значность и пышность — жизни; счастье мертво; несчастье безоправданно, убійственно. Видали ли вы бѣдняка, по наружности лишеннаго всѣхъ способовъ къ удовольствіямъ свѣта, питающагося одною коркою хлѣба, дневными трудами приобретеннаго, и водою изъ ближняго источника? — Онъ съ веселымъ лицомъ, сидя на порогѣ бѣдной хижины за какою нибудь работою, пѣетъ радостныя пѣсни и улыбается на природу и всякаго, кто съ нимъ встрѣтится. Вотъ благодѣяніе врожденнаго вкуса! — Видали ли вы великолѣпнаго, гордаго Самрапа, посреди изобилія, радостей и утѣхъ безчисленныхъ умирающаго со скуки? Вотъ мщенье умертвившему его въ своемъ сердцѣ! Видали ли несчастнаго узника въ темницѣ, томимаго медленнымъ, изнурительнымъ ожиданіемъ грозящей рѣшительной судьбы своей? — Посреди ужасовъ, въ жилищѣ униженія и отчаянія,

онъ занявъ какую нибудь прежнюю любимую свою охоту; на блѣдномъ лицѣ его проглядываетъ улыбка, сердце его забывается; онъ не слышитъ шума оковъ своихъ, онъ не чувствуетъ бѣдственнаго своего соспоянiя; и для него время летитъ такъ же скоро, какъ для свободного очасливца. . . . Вотъ цѣлебное очарованiе вкуса! — Оно улаживаетъ горести бытiя, умножаетъ сладости удовольствiй, ускоряетъ для счастливыхъ и несчастныхъ равно полетъ тяготящаго времени! Замѣчено, что у всѣхъ народовъ съ успѣхами въ наукахъ вкуса, шли равнымъ шагомъ и успѣхи въ нравственности, въ семейственныхъ и общественныхъ добродѣтеляхъ; — и дѣйствительно вкусъ даетъ самымъ добродѣтелямъ особенной блескъ и привлекательность. — Катонамъ и Регуламъ вы удивляетесь хладно, какъ чуждые; Сократа и Марка Аврелiя любите, какъ друга, какъ своего ближняго. — Ганнибалъ великъ, но сердце ваше склоняется къ великому Цициону, его побѣдителю, знаменитому другу Еннiя и Музъ Римскихъ. — Не вкусъ ли же предохра-

Няетъ насъ и отъ пороковъ, и отъ слабостей постыдныхъ, особенно въ лѣта вѣжливѣйшей юности? Счастливъ потъ молодой челоуѣкъ, которой препорученъ будетъ при-смотре образованнаго, добраго учителя, или которому случится войти въ сообщество друзей неспорченныхъ! Удовольствія вкуса суть истинное, неизвѣстное утѣшеніе гонимой добродѣтели, невинное разсвѣніе прудолюбиваго Вельможи, сладостное, почтенное вдохновеніе Героя, Судии, Мужа государственнаго, опцовъ и друзей попечительныхъ, любителей свѣта и уединенія. — Если умъ, какъ господствующая способность души, благодѣтельна самъ; что научаетъ насъ различать добро отъ зла, то изящный вкусъ не менѣе благодѣтеленъ, научая насъ наслаждаться первымъ и гнушаться другимъ. — Двѣ сіи силы въ разумнѣи челоуѣчскомъ есть по же, что въ солнцѣ всеозаряющій свѣтъ и животворящая теплота! — — — Кто наконецъ можетъ быть столь грубымъ отверженцомъ Природы, чтобы пренебрегалъ

творенія вкуса и необходимыя объ немъ познанія? . . .

Въ разсужденіи моемъ о вкусѣ не осмѣлился я вступать въ шайнспвенный лабиринтъ Психологіи, хотя дѣйствительно тамъ сокрываются первыя его начала. Безъ сомнѣнія опшоль происпекашь можешъ и свѣшъ; болѣе или менѣе озаряющій сущность его; но для сего предпріяпія не было еще, кажешся, ни Героя, похищителя злашаго руна; ни Ариадниной нити. Первыя спихіи души нашей неизвѣсны, и шщепно будемъ мы спарашься изыскивать причины удовольствій и самую природу вкуса до тѣхъ поръ, пока не будемъ имѣть яснѣйшаго понятія о способностяхъ и дѣйствіяхъ души нашей. Я ограничу себя одними наблюденіями, апологіею вкуса; дабы опредѣлить, сколько возможно, свойства его, измѣненія и дѣйствіе въ нравспвенномъ и физическомъ мірѣ; ибо въ семъ особенно заключаешся польза подобныхъ разсужденій.

Какъ обыкновенно опредѣляютъ вкусъ? — Иные называютъ его способностію опличать красшны въ природѣ и искусствахъ, и на-

слаждаются ими; другіе говорятъ: онъ есть взоръ души, ясно замѣчающій приличія или скрытыя отношенія въ предметахъ. Иные нарицаютъ его гласомъ природы, врожденною любовію къ самому себѣ; которая избираетъ предметы по ближайшему ихъ къ намъ отношенію или вліянію. Всѣ сіи опредѣленія; можетъ быть, справедливы; но они, какъ вы изволите примѣнить, только скользятъ на поверхности предмета; и ни мало не показываютъ намъ его сущности. Въ нихъ мы понимаемъ вдругъ и творца и судію, художника и зрителя, или чинашеля; и соглашаемся, что шому и другому должно быть со вкусомъ, дабы они были довольны другъ другомъ. . . . Первое, что во всѣхъ сихъ опредѣленіяхъ встрѣчается сомнительное, есть самое слово *способность*. — Спросите крикики спросятъ: должно ли принимать вкусъ дѣйствіемъ разсудка, или внутреннимъ особеннымъ чувствованіемъ? — Помогъ: что такое разсудокъ въ отношеніи къ изящнымъ искусствамъ и наукамъ? — Помогъ еще: что такое красота, или прекрасное вообще, кошрое, вкусъ и з б и р а е ш ь? —

Б 2

Наконецъ: какимъ образомъ надежныѣ оплѣчаетъ вкусъ сіе прекрасное изъ природы и искусствъ взятое, и по какимъ именно признакамъ избираетъ его? — О бедна ученыхъ сомнѣній! чѣмъ далѣе, тѣмъ темнѣе! . . . Такимъ образомъ все опредѣленіе вкуса исчезаетъ само собою, какъ неудовлетворительное. Развѣ опредѣляемъ мы существо солнца, сказавъ, что оно есть свѣтъ и тепло, или что душа есть эфирный огонь, гармонія, или единица отъ Единицы? — Въ самомъ дѣлѣ, если положимъ, что вкусъ есть дѣйствіе разсудка, какъ опредѣлить сей разсудокъ, дѣйствующій въ искусствахъ? Если подъ симъ словомъ понимаемъ способность ума, которая въ опвлеченныхъ предметахъ открываетъ истину, а въ вещественныхъ судитъ, сообразны ли средства съ предположенною цѣлю: то думаю, что сей вопросъ легко рѣшить можно; ибо для всѣхъ очевидно, что вкусъ не зависитъ ни отъ одной изъ сихъ способностей разсудка. Не логическіе доводы, выводимые одинъ изъ другаго, не глубокія сужденія ума убѣждаютъ насъ, по чему лугъ весенній, юною зеленью покрытый, легкимъ зефиромъ обвѣваемый, улѣ-

реннею росю орошенный, прохладю благоухающею пишающій — по чему сей лугъ прекрасенъ — по чему предестна роза, или какойнибудь другой цвѣтокъ? по чему сія колонада кажется лучше, нежели другая? по чему занимающѣ меня сіи развалины, сей обгорѣлой опѣ молніи дубъ, къ которому нечаянно приближился я въ своей прогулкѣ? по чему одинъ человекъ съ перваго разу болѣе нравится, нежели другой? Довольно одного взгляда, и мы очарованы; мы уже наслаждаемся, не въ силахъ показати причинъ ощущаемаго нами удовольствія. Философъ и крестьянинъ, дитя и мужъ, равно останавливаются предъ огромнымъ, блистательнымъ зданіемъ, предъ колоссальною сгнатуею, равно любящѣ смотрѣти на лучезарную радугу, копорую Всевышній Воцпелъ, послѣ грозной бури, примиряясь съ швореніемъ, благоизволищ наконецъ, яко лукъ Свой, повѣситъ на высотахъ небесъ онѣ востока до запада. — Опѣ чего насъ утѣшающѣ иногда бездѣлка, копорой и употребленія мы не знаемъ — бездѣлка часто вредная въ своихъ послѣдствіяхъ, утѣшающѣ болѣе, нежели что

либо хорошее, нами самими за такое по разсудку признанное? Мы къ сей бездѣлкѣ привыкаемъ, привычка обращается въ спросъ; — и послѣ многихъ лѣтъ спроси насъ, по чему мы ее любили; мы не въ состояннн сказать причины. — И такъ способность ощущать удовольствія при красотахъ, симъ подобныхъ, кажется, зависить болѣе отъ внутренней чувствительности, нежели отъ дѣйствія мыслящей силы. Можетъ быть, по тому же получила она и названіе наружнаго чувства, того, чрезъ которое мы ощущаемъ и различаемъ пріятность пищи. Но если главное основаніе вкуса заключается въ нѣкоторой врожденной, похожей на инстинктъ чувствительности къ прекрасному, то съ другой стороны, какъ послѣ мы докажемъ, разсудокъ не престаешь способствовать ему во многихъ дѣйствіяхъ: онъ распространяетъ его область и силы. — Это доброй пѣсунъ, дядька, которой, позволяя дѣлать и самому сморять, и самому ходить, не спускаетъ его однако съ помочей своихъ; или, лучше сказать, онъ истинный воспитатель, которой располагаетъ и глазами, и умомъ, и сердцемъ

своего воспитанника. И такъ вкусъ въ семъ смыслѣ есть способность, свойственная всѣмъ людямъ, но крайней мѣрѣ, въ известной степени; и можетъ ли быть иначе? — Не для всѣхъ ли равно открыто великолѣпное зрѣлище Природы? Какъ скоро человекъ посланъ былъ Зиждипелемъ въ срединѣ пворенія; какъ скоро въ первомъ воспоргѣ своемъ воскликнулъ онъ: гдѣ я? кпо я? откуда я? въ то время развилось въ немъ первое чувство красоты и прелестей, зародышъ чистѣйшихъ наслажденій его сердца. Мильшонъ представляеть первыхъ двухъ человекѣ, занимающихся цвѣтами, копорые они собирали, сберегали, садили. — Это не только стихотворный вымыселъ, но истина философическая; ибо душа, исполненная дѣятельности, жаждущая занятій, на что прежде всего могла обратить взоръ свой, какъ не на цвѣты, испещряющіе бархатной лугѣ, на сію эмблему прелестей и даже самыхъ удовольствій, ошъ нихъ происходящихъ? — Чувство красоты, говорю, вообще свойственно, сродно природѣ человеческой, въ какомъ бы родѣ оно ни было. — Въ самыхъ дѣтяхъ

везде всего открываешь способность вкуса, или стремленіе къ прекрасному. — Онѣ любящія шѣла правильныя, дивящія картинамъ, статуямъ, кукламъ и всякимъ подражаніямъ, сильно привязываются ко всему, что ново или чудесно. Въ самыхъ даже пустыняхъ Американскихъ, гдѣ человѣческая природа является въ послѣднемъ своемъ униженіи, дикіе имѣютъ свои наряды, праздничныя платья, украшенія, свои военныя и надгробныя пѣсни, свои рѣчи и своихъ ораторовъ. Серги, перспни, кольца принадлежатъ не однимъ Европейцамъ; дикіе также украшаютъ себя, хотя инымъ образомъ. Караибская дѣвушка съ узорчатымъ лицомъ, съ узорчатыми руками имѣетъ такое же требованіе на вкусъ, какъ Парижанка. — По сему мы должны заключить, что первыя начала вкуса глубоко заключены въ нашемъ сердцѣ. Человѣку не меньше свойственно имѣть въкопоруую разборчивость въ прекрасномъ, какъ и обладать способностію ума и даромъ слова.

И такъ имѣтъ ни Готтешшоша, ни Караиба, совершенно лишеннаго вкуса. — Но какое распояніе между имъ и просвѣщен-

ымъ Европейцамъ! Степени вкуса безчисленны. Въ иныхъ едва примѣпны нѣкопорыя искры сего божественнаго дара. Красоты, ими опличаемыя, суть самыя грубыя, и производящъ на нихъ очень малое, смупное впечатлѣнiе. Напрошивъ того въ другихъ вкусъ восходитъ до тончайшей разборчивости, до самаго живаго чувствованiя нѣжныищихъ, едва замѣчаемыхъ оппѣнковъ красоты. — Первыхъ душу можно сравнить съ грубымъ металломъ, или камнемъ неполированнымъ, на которой упаяя лучи солнечныя, разсѣваюпся безъ отраженiя и блеска. Другихъ сердце похоже на кристалъную Невтонову призму, которая своими гранями, гладкостiю, принимая и удерживая свѣтъ, раздробляетъ его, умножаетъ и отражаетъ на всѣ предметы, какiе угодно. Можно вообще замѣтитъ, что неравенство между людьми болѣе ощупительно въ способности вкуса и его наслажденiяхъ, нежели въ общемъ смыслѣ и разсудкѣ. — Каждой хреспянинъ имѣетъ довольно ума для обыкновенныхъ дѣлъ своихъ; но сколь мало плакихъ, которые умѣютъ пользоваться пло-

дами прудовъ своихъ! — Спроеніе нашей природы въ семъ отношеніи, равно какъ и во всѣхъ другихъ, показываешь дивную премудрость Отца небеснаго. Онъ менѣе положилъ различія между дѣтьми Своими въ дарахъ разсудка; но въ разсужденіи пѣхъ даровъ, которые служатъ полько къ украшенію жизни, былъ Онъ къ нимъ умѣреннѣе въ щедростяхъ Своихъ; — Онъ бережливѣе разсыпалъ сѣмена удовольствій, чѣобы сдѣлать ихъ для насъ дороже, и заславилъ насъ болѣе прудиться обѣ ихъ образованіи.

Отъ чего зависитъ неравенство вкуса между людьми? — Конечно отъ разнаго ихъ сложенія, отъ большей или меньшей нѣжности органовъ, отъ быспроты силъ умственныхъ, копорюю одни одарены болѣе другихъ. Но не природа полько причиною сего неравенства; еще болѣе зависитъ оно отъ образованія и воспитанія. — Сія истина несомнительная ведетъ насъ къ другой: *Вкусъ можетъ быть приводимъ въ совершенство.* — Въ предположеніи семъ легко удосновѣриться можемъ, если подумаемъ о томъ безмѣрномъ превосходствѣ, какое

ученіе и образованіе дають просвѣщеннымъ народамъ предъ народами дикими въ образѣ жизни, упонченіи вкуса, въ помѣ превосходствѣ, которое чувствительнo даже между людьми одной націи, упражняющимися въ изящныхъ искусствахъ, и чернью грубой, незнакомой съ сими занятіями. Труды и упражненіе только дѣлають человека совершеннымъ. — Это равно примѣнить можно къ нашимъ физическимъ и умственнымъ силамъ; можно по же сказать и о нашихъ наружныхъ чувствахъ, хотя ихъ вообще не столько стараются обрабатывать, сколько другія душевныя способности. — Мы видимъ, сколько изощряются наружныя чувства у тѣхъ людей, которыхъ промыселъ, или званіе заставляетъ чаще имг дѣйствовать съ усиленіемъ. — Осязаніе, на примѣръ, бываетъ крайне нѣжно у тѣхъ, которые должны испытывать ровность твердыхъ тѣлъ. — Употребляющіе микроскопъ, или тѣ, которые гранятъ и шлифуютъ дорогіе камни, приобретають столь необычайную быстроту зрѣнія, что разглядываютъ почти непримѣтныя неровности. — Роскошный Сапиръ оплываетъ особливою способ-

носію различать доброту винъ, и даже узнавать всѣ соспавныя ихъ часпи. — И такъ, если разсмапривать духовную способность вкуса, такъ какъ чувство простое, наружное, то не лзя сомнѣваться въ томъ, что частное упражненіе и тщательное направленіе его къ изящнымъ предметамъ должны чрезвычайно уточнить его природныя силы. Доспапочный примѣръ для сего имѣемъ мы въ томъ, что обыкновенно называется *слухомъ музыкальнымъ*. Ежедневный опытъ убѣждаетъ, что слухъ всегда способенъ достигать до извѣстныхъ степеней совершенства. Сперва особенно нравился ему самая прелепая музыка, которая была удѣломъ перваго человѣка и первыхъ обществъ; потомъ навыкъ и упражненіе знакомятъ сердце наше съ новыми удовольствіями. — Мелодія болѣе разнообразная спавовишя для насъ гораздо вряпнѣйшею, и слухъ привыкаетъ чувствовать сладость гармоніи въ самыхъ трудныхъ и многосложныхъ сочиненіяхъ. — Музыкантъ слушаетъ огромный оркестръ, и чувствуетъ всѣ взаимныя отношенія каждаго инструмента, ихъ согласіе, или несогла-

сіе, ходъ и переливъ; онъ объемлетъ и читаеиъ, въ сихъ звукахъ мысль композитора. То же самое можно сказать о главѣ; онъ не вдругъ привыкаетъ къ разпознаиію вѣжнѣйшихъ оппѣяковъ живописи; но образуется поспепенно, занимаясь картинами и разсмапривая произведенія самыхъ лучшихъ масперовъ. — Не такимъ ли же образомъ привыкаемъ мы судить о красотахъ сочиненія? Чрезъ разсмаприваніе лучшихъ образцовъ; чрезъ изученіе славнѣйшихъ писателей, чрезъ сравненіе красотъ однѣхъ съ другими, достигаемъ мы до упонченія вкуса. Въ первой разѣ, когда еще начинаемъ мы только ознакомиться съ произведеніями Генія; чувство красоты въ насъ бываетъ темно и сбивчиво: все какъ бы въ туманѣ. — Мы не въ состояннн оплнчать достоинствъ и недоспапковъ читаемаго нами пворенія; мы не знаемъ, на чемъ ушверднть своей суды; мы вѣрнмъ только пому впечатлѣнню, которое остается въ насъ по прочтеннн цѣлой пьесы; мы говорнмъ вообще, съ большнмъ или меньшнмъ веспоргомъ; и часпю повто-
ряя за другими: *это прекрасно, это хо-*

рошо, это дурно! Но какъ скоро приобретемъ нѣсколько опытности; когда вкусъ, поспешенно становясь образованнѣе; разборчивѣе; устремится съ новымъ жаромъ въ разсмаприваніе изящнаго; тогда начнеть онъ опличать не только достоинство цѣлаго сочиненія, но красоты и недоспапки каждой его части, каждой подробности; тогда будешь въ состояніи означать всѣ особенныя качества піесы, дурныя или хорошія. — Мракъ, носившійся прежде предъ нашими глазами, исчезнетъ — мы увидимъ новое въ самыхъ старыхъ предметахъ; наблюденіе плодовитъ наши удовольствія, и мы можемъ наконецъ произнести твердо и безоспаповочно приговоръ нашъ о сочиненіи. — Такимъ-же образомъ вкусъ, разсмаприваемый какъ чувство; весьма совершенствуется посредствомъ упражненія.

Но довольно ли разсмаприванъ его, какъ чувственный только инстинктъ? — Чувство его первая основа; но разсудокъ и здравый смыслъ имѣющъ, какъ прежде я замѣтилъ, споль великое вліяніе на всѣ работы и приговоры художника, что чистой, хорошіи

вкусъ можно и должно почитать за способность, составленную изъ врожденнаго чувства красоты и ума образованнаго. — Дабы въ себѣ удостовѣриться, спойтишь только замѣшишь, что всѣ труды Генія суть ничто иное, какъ подражанія природѣ, изображенія характеровъ, нравовъ и дѣйствій человѣческихъ. Удовольствіе, получаемое нами отъ шакихъ подражаній или изображеній, основывается на вкусѣ; — но судишь о точности и вѣрности оныхъ принадлежишь разсудку, который сравниваетъ копию съ оригиналомъ. —

Я читаю поэму, на пр. *Россіаду*. — Когда удовольствіе мое совершенно? — Тогда, когда замѣчаю въ ней хорошей планъ, ходъ повѣствованія и части, соединенныя, вѣроятно, съ надлежащимъ приличіемъ; когда я замѣчаю достоинство характеровъ, взятыхъ изъ природы, или вымышленныхъ, приличной разговоръ, приличное дѣйствіе. Сперва удовольствіе, происходящее отъ повѣствованія произшедшій великихъ, трогательныхъ, услаждаетъ нашъ вкусъ, такъ какъ чувство внутреннее; потомъ удовольствіе, возбужденное послѣ суда о ходѣ и стройности

Поэмы, принадлежатъ неоспоримо здоровому разсудку. — И чѣмъ болѣе умъ нашъ спаво-вится способнымъ открывать приличія и порядокъ въ сочиненіяхъ; тѣмъ болѣе умно-жается наше наслажденіе. Врожденное чув-ство доставляетъ очарованіе красоты; раз-судокъ же показываетъ намъ, по чему и ка-кимъ образомъ мы сіе удовольствіе получаемъ. Когда шворенія вкуса имѣютъ цѣлю подра-жаніе природѣ; когда разсматриваются въ нихъ отношенія между цѣлымъ и его частя-ми, между средствами и концемъ; что слу-чается въ самомъ дѣлѣ почти вездѣ; тогда несомнѣнно вся выгода ихъ зависитъ отъ су-жденія разсудка. —

Такимъ образомъ открывается обширное поле для успѣвнѣйшихъ нашихъ способностей въ очаровательномъ царствѣ вкуса; особливо въ отношеніи къ сочиненіямъ и другимъ рабо-тамъ Генія. Отсюда-то рождается другой важ-нѣйшій источникъ уснѣховъ сей способности чрезъ приаровленіе разсудка и здраваго смысла къ ея произведеніямъ. — Ложныя или спран-ныя красоты; шаковыя на пр. уродливыя ха-рактеры и грубыя или искаженныя чувства;

принужденной слогъ можетъ понравиться на одну минушу, и понравиться только по тому, что несходство ихъ съ природою и противоположность здравому смыслу не были еще довольно изслѣдованы. — Покажите только, какимъ образомъ должно подражать или представлять природу вѣрно, съ точностію и благоразуміемъ; какимъ образомъ можетъ Сочинитель обработать предметъ свой съ большею выгодною: тогда мгновенно разрушится очарованіе, и то, что прежде находили прекраснымъ, покажется бѣднымъ и ничтожнымъ.

И такъ успѣхи вкуса, какъ умственной нашей способности, должны произтекать отъ двухъ различныхъ началъ: 1) отъ частаго занятія вкуса и 2) отъ принаровленія разума и здраваго смысла къ его произведеніямъ. — Безъ сомнѣнія вкусъ въ самой высочайшей степени есть плодъ природы и науки; онъ есть не что иное, какъ врожденное чувство изящнаго, усовершенствованное прилѣжнымъ наблюденіемъ красотъ всѣхъ родовъ, и управляемое разумомъ мудрымъ и справедливымъ.

Присовокупимъ еще къ нашимъ замѣчаніямъ одну неоспоримую истину: Хорошій вкусъ

Книжка XV. В

пребуеѣ и добраго, чувствительнаго, нѣжнаго сердца. Красоты нравственныя не только самыя по себѣ превосходнѣе всѣхъ; но онѣ при всякомъ случаѣ имѣютъ великое вліяніе почти на всѣ другіе предметы вкуса. — Если бы понадобилось живописать спраспи, характеры, или дѣйствія человѣческія (а все это конечно доставляетъ генію самыя благородныя, обильныя предметы), то никогда не можемъ мы составить вѣрнаго, сильнаго, или прогашельнаго ихъ изображенія; ниже почувствовать красоты ихъ собственной, не обладая добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ. — Тотъ, котораго чувства черствы или жестки, кто не удивляется всему высокому, или хвалы достойному, и кто не питаетъ въ душѣ чувствованій крошечныхъ и чистыхъ, тотъ никогда не будетъ вкушать удовольствія и при совершеннѣйшихъ красотахъ витійства и Поезій.

Признаки, или отличительныя черты вкуса, доведеннаго до возможнаго совершенства, суть: *нѣжность и исправность, или тонкость.*

Нѣжность вкуса зависитъ особенно отъ той врожденной чувствительности, которая

служитъ ему основою, и опъ нѣжности органовъ, которые постигаютъ красоты, непоспизимыя для другихъ. Можно быть весьма чувствительнымъ, и не имѣть нѣжнаго вкуса. Инаго весьма сильно поражаютъ красоты природы и искусства; но онъ видитъ въ нихъ только то, что или грубо, или слишкомъ разитель-но; украшенія простыя и скромныя избѣгаютъ его взора: — въ такомъ состояннн вообще вкусъ у грубыхъ и непросвѣщенныхъ народовъ. Напротивъ того приобрѣтшнй нѣжность вкуса, чувствуетъ и сильно, и правильно. Онъ видитъ малѣйшня опличня и сходства шамъ, гдѣ другнє ихъ не видятъ. — Самыя сокровенныя опшѣнки не упаятсн опъ его наблюде-внй, и самыя ничтожныя погрѣшности оскорбляютъ его взоръ. — О нѣжности вкуса судить можно по шѣмъ же примѣламъ, по которымъ обыкновенно судятъ о нѣжности какого нибудь внѣшняго чувства. — Доброта наружнаго вкуса не попому только познается, чтобъ ощущать прнятность или непрнятность кушанья, но по тому, что онъ разбираетъ разность составныхъ его частей, не смолря на многое смѣшеннє тончайшихъ

приправъ. Такимъ же образомъ нѣжность внутренняго вкуса обнаруживается въ скоромъ и живомъ ощущеніи нѣжнѣйшихъ, сложнѣйшихъ и самыхъ сокровенныхъ оппѣнковъ предмета.

Правильность вкуса зависитъ особенно отъ того пособія, какое получаетъ онъ отъ связи своей съ разумомъ. — Правильный вкусъ никогда не позволитъ себя обольстить ложнымъ блескомъ красоты. Во всѣхъ случаяхъ здравой смыслъ служитъ ему руководителемъ. — Онъ съ точностію цѣнитъ относительныя достоинства различныхъ красотъ, встрѣчающихся въ какомъ либо твореніи генія, распределяетъ ихъ по мѣстамъ приличнымъ, назначаетъ причины, сколько это возможно, по чему онъ нравятся, и по чему столько нравятся, а не болѣе. — Надобно замѣтить, что сіи качества вкуса, *нѣжность* и *правильность*, рѣдко бывають одна безъ другой. — Вкусъ не можетъ быть оппично нѣжнымъ, не бывъ правильнымъ; равно также не можетъ быть правильнымъ, не будучи нѣжнымъ, или разборчивымъ. — Но часто случается, что одно изъ сихъ качествъ имѣетъ перевѣсъ надъ другимъ. —

Нѣжность вкуса особливо оказывается въ различіи подлиннаго достоинства сочиненій. *Правильность* вкуса являея особенно въ отверженіи ложныхъ требованій на достоинство. — Нѣжность основана на чувствѣ, а правильность на сужденіи ума; первая — даръ природы, послѣдняя — плодъ образованности и искусства. — Между древними крипиками Лонгинъ обладалъ болѣе нѣжностію, Аристотель болѣе точностію; у насъ Ломоносовъ болѣе правиленъ, Державинъ болѣе игривъ и нѣженъ.

Показавъ вкусъ въ самой высокой степени, намъ должно и теперь разсмащивать его усстраненія отъ пупи, надлежащаго, его переменны и прихоти, копорымъ онъ часто бываетъ подверженъ. — Мы постараемся доискаться, нѣтъ ли какихъ средствъ различать истинной вкусъ отъ искаженнаго, испорченнаго. Такое намѣреніе весьма затруднительно; ибо должно признаться, что никакая способность ума человеческого столько непремѣнлива и несвоевременно въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ вкусъ. — Его разнообразіе столь велико и часто временно, что нѣкоторые спали думаютъ объ немъ какъ

о совершенно свободной способности, не имѣющей никакой основы; спали подозрѣвать, что онѣ никакъ не можетъ утвердиться, но во всемъ повинуются въпренной своей фантазіи и модѣ. — Слѣдствіемъ сего было бы то, что всякое учение, или изслѣдованіе Философовъ о вкусѣ осталось суеиднымъ и безнужнымъ. — Въ архитектурѣ Греческіе образцы долгое время почитались совершеннѣйшими; въ послѣдующіе вѣки готическая архитектура взяла первенство; прошло нѣсколько времени, и опять Греческій вкусъ воскресъ во всей силѣ, и возбудилъ всеобщее удивленіе. Въ Краснорѣчій и Поезіи Азіатцы любили излишества, роскошь украшеній и все блестящее, даже напыщенное, между тѣмъ какъ Греки удивлялись только скромнымъ и простымъ красотама, и презирали Азіатское надмѣнное тщеславіе.

Но мы еще ничего не сказали о томъ, что называется *красотою*. Что она такое? — Какъ узнаеть и опличаетъ ее вкусъ? — Есть ли для сего надежнѣйшіе и вѣрнѣйшіе признаки? Когда есть, по какіе точно сіи признаки, по которымъ угадываетъ вкусъ, что есть прекрасное, изящное, или красота?

Если бы хопя на одно мгновение вдохновенный стихотворецъ, которъй у древнихъ именовался великимъ именемъ Пророка, имѣлъ силу вознестись до такой высоты, чпобы могъ взирать на вселенную, и обнимать ее единымъ взглядомъ, тогда бы онъ увидѣлъ предметы, превышающіе все его воображеніе; увидѣлъ бы стройность, порядокъ, совершенство, благость Зиждителя въ цѣломъ необъятномъ и въ частяхъ его, отъ твореній безконечно великихъ до твореній безконечно малыхъ, отъ видимыхъ проспымъ глазомъ до едва зримыхъ окомъ вооруженнымъ; тогда бы онъ возгласилъ въ сердечномъ, святомъ восторгѣ: все совершенно, все прекрасно у Господа! *велий еси Господи, и чудна дѣла Твоя!* . . . Но пророкъ земный, но стихотворецъ, ограниченный языкомъ своимъ, нравами, обычаями, образомъ правленія, вѣкомъ и мѣстомъ, которыя стѣсняютъ кругъ его дѣятельности, смотришь на предметы тѣми же глазами, какъ и прочіе, для которыхъ онъ пишеть, и въ томъ только пространствѣ, которе имъ извѣстно. — Единъ

Богъ, какъ Творецъ безконечныя вселенныя, какъ Хозяинъ въ своемъ домъ, съ божественнымъ спокойствіемъ созерцаешъ ее, обнимаешъ мѣсто, пространство, время, отношеніе, и предназначеніе каждой, неизмѣримо великой и неизмѣримо малой вещи. — Единъ Онъ речешъ устами Моисея: *Се добро! и бысть утро, и бысть вечеръ!* Со всеми нашими умствованиями, со всемъ щещеславіемъ нашего мудрованія унизимся и вмѣстимся въ средѣ своей. — Единъ Богъ читаешъ вселенную, какъ гимнъ, какъ нѣкую поему совершенную, и наслаждается ею. — Предъ Нимъ разогнута сія книга; предъ Нимъ единымъ открыта сія картина, составляющая единое цѣлое, совершенное въ себѣ, совершенное въ непостижимыхъ своихъ подробностяхъ и отношеніяхъ.

Успокоимся и признаемъ, что совершенное и прекрасное въ природѣ, по неограниченности нашего разума, не есть для насъ совершенное, прекрасное; ибо можемъ ли наслаждаться тѣмъ, чего не понимаемъ? — Можемъ ли наслаждаться, когда мы не въ силахъ достигнуть сей всеобщей связи, сихъ все-

общихъ отношеній, еспройности, гармоніи? — Многія вещи ослѣпленному уму нашему кажутся неправильными, безнужными, излишними; многое кажется не въ свое время, не въ своемъ мѣстѣ, не въ своемъ порядкѣ. Только око мудреца вдохновеннаго проникаетъ иногда за сію таинственную завѣсу; а мы, слѣсенные предразсудками, мы наложили сами на себя тяжоспныя оковы, называемыя модою, обычаями, приличіями, обспояпельспвами. — Теперь спрашивается, пошѣ ли мирѣ мы имѣемъ, на которой смотрятъ чистые, просвѣщенные души? То ли у насъ почитается красою, что въ самомъ дѣлѣ есть краса? — Нѣтъ! при всемъ и самомъ великомъ своемъ образованіи человекъ и гражданинъ видитъ и понимаетъ только часть этого огромнаго храма изящности Творчей, только уголокъ предметовъ, которые къ нему близки и ему знакомы, только одинъ листокъ великой книги, которую читаетъ Предвѣчный, ее создавшій. — Предспавимъ теперь, что правила обѣ изящной словесности неизвѣспны; но она уже существовала; уже были Спихопворцы и Орапоры, компо-

рые дѣйствовали на умы своихъ согражданъ, и что наконецъ Архистъ - Философъ рѣшился опредѣлить сіи правила. — Онъ спалъ наблюдать всѣ физическіе и нравственные феномены собственнаго своего круга; онъ замѣнилъ все то, что есть въ природѣ физической и нравственной: движенія тѣлъ и душъ, ихъ виды, ихъ степени, ихъ измѣненія по лѣтамъ, состоянію, положеніямъ; съ другой стороны, онъ испытывалъ и тѣ впечатлѣнія, которыя ощущалъ въ самомъ себѣ. — Онъ замѣнилъ все то, что производитъ въ немъ удовольствіе, или неудовольствіе, когда болѣе и когда менѣе, и по чему сіе удовольствіе пріятнѣе, или непріятнѣе, возбуждалось въ его сердцѣ при каждомъ новомъ предметѣ. — Продолжая свои наблюденія, почувствовалъ онъ, что чѣмъ ближе къ нему предметъ, тѣмъ онъ больше принималъ въ немъ участіе; чѣмъ онъ отъ него далѣе, тѣмъ спановился къ нему холоднѣе. — Онъ видѣлъ, что паденіе молодаго дерева трогало его болѣе, нежели паденіе камня; смерть живошнаго, которое казалось ему вѣрнымъ и нѣжнымъ, болѣе печалила его, не-

жели смерть дерева. — Замѣчая такимъ образомъ далѣе и далѣе, онъ открылъ, что участіе возрастаетъ по мѣрѣ приближенія видимыхъ предметовъ къ сосоянію, въ которомъ онъ самъ находится. *2 е.* Узналъ онъ, что все то, что возбуждаетъ въ умѣ и сердце его большую дѣятельность, что распространяетъ кругъ его мыслей и его чувствованій, — все то имѣетъ для него прелесть особенную. — Тогда блеснулъ предъ нимъ новый свѣтъ. Онъ оставилъ спезю мучительную, бесплодную, доказывать красоту предметовъ по ихъ наружнымъ видамъ, по ихъ разнообразію, по ихъ расположенію. Онъ весь погрузился въ самого себя и заключилъ, *1 е.* что всѣ предметы, которые намъ представляютъ искусство, должны быть *занимательны*, *т. е.* имѣть ближайшее къ намъ отношеніе; что врожденная любовь къ самому себѣ есть начало и причина всѣхъ движеній души человѣческой; что самой вкусъ не что иное, какъ голосъ сей врожденной любви къ самому себѣ; что первые служители ея — боязнь и желаніе, составляютъ, такъ сказать, духовное бытіе чловѣка. *2 е.* Замѣнилъ онъ, что вкусъ по природѣ своей

ищеть всегда своего усовершенствованія, распространенія своихъ удовольствій, а потому предметы, занимательные по отношеніямъ своимъ къ намъ, должны сверхъ того имѣть все совершенство, къ которому они способны; однимъ словомъ: тѣмъ они болѣе нравятся, чѣмъ болѣе заключаютъ совершенствъ относительныхъ къ своей природѣ и къ нашей.

Вопрь пущь, по моему мнѣнію, самый удобнѣйшій для того, чтобы опредѣлить изящное. — Человѣкъ желаетъ, и боится, по врожденной любви къ самому себѣ. — Желать и бояться онъ можетъ только того, что относится къ нему, или ему подобнымъ, или къ вещамъ, для него драгоценнымъ. Эти вещи сопавляютъ предметъ особеннаго его вниманія; не въ томъ дѣло, производятъ ли онъ любовь, ужасъ, или отвращеніе; довольно, что онъ входитъ въ кругъ изящнаго. — Избирайте ихъ и располагайте по вашему намѣренію, п. е. такъ, чтобы онъ подъ вашими руками произвели то дѣйствіе, которое вы имъ предназначили.

Отсюда слѣдуетъ, что отношеніе предметовъ къ намъ самимъ есть начало всего изящнаго. — *Исполненіе намѣренія стихо-*

творца есть сокращеніе всѣхъ правилъ. — Скажуиъ мнѣ: Не трудно угадать слѣдствіе, которое хотимъ произвести ; но чрезвычайно трудно изобрѣсти, изловить нужныя для того средства. — Признаюсь, талантъ сей не всякому дается. Опличить въ природѣ черпы, достойныя подражанія, предвидѣть дѣйствія, которыя онѣ произведутъ въ сердцахъ, — такое знаніе бываетъ только плодомъ продолжительнаго опыта; — собрать, видѣть сіи черпы оживленными предъ собою, — это есть дѣло пламеннаго воображенія ; vybrать и расположить ихъ, дать имъ наконецъ приличное дѣйствіе — вотъ дѣло здраваго разума и нѣжнаго чувства.

Но, боясь оскорбить благосклоннѣйшее Ваше вниманіе ПП. ПП., прерываю здѣсь мое, слишкомъ уже пространное разсужденіе. Въ другое время постараюсь предложить замѣчанія свои о существенныхъ качествахъ вкуса и о шѣхъ красотахъ, которыя онѣ избираетъ, творитъ и судитъ для умноженія чистѣйшихъ нашихъ удовольствій.

А. Мерзляковъ.

ВЗГЛЯДЪ

на истинное достоинство Писателя.

Ouvrez tous les livres dignes
d'être lus, vous trouverez que
la littérature est un recueil
d'hymnes à la vertu.

Boufflers.

Награда талантовъ — слава; цѣна ихъ въ заслугахъ обществу. Съ его пользою неразлучна польза авпорскаго искусства. Авторъ имѣетъ въ гражданскомъ порядкѣ свое достоинство и свои обязанности. Воинъ защищаетъ Государство; Судья охраняетъ законы; церковный Пастырь служитъ предъ олтарями Вѣры; многочисленный народъ упражняется въ земледѣліи, въ промышленности, въ торговлѣ; Писатель трудится для успѣховъ просвѣщенія. Можетъ быть, злоупотребленіе сего послѣдняго слова въ наши дни пребудетъ новаго опредѣленія. Оно не входяи въ предѣлы сего краткаго опыта. Замѣтимъ только, что безъ отношенія

къ нравственнымъ обязанностямъ нѣтъ здраваго просвѣщенія. Если достойно мыслящаго человѣка изслѣдовавъ науку природы и тайну вещей; то сколько достойнѣе существа нравственнаго утвердить основаніе общаго порядка, добра и счастья. Вотъ прекрасная, но опдаленная цѣль, къ которой медленно идутъ народы одни за другими, и къ которой приближаютъ ихъ только опыты мудраго разума! Великіе писатели въ рукахъ Провидѣнія суть орудія Его благой воли. Счастливыиъ тотъ, кто принялъ вдохновеніе Неба и не измѣнилъ святоши таланта!

Какое же достойное употребленіе сего таланта? Ближайшее ко благу чловѣчества. Чловѣчество говоритъ писателю: „Мнѣ принадлежитъ свое искусство. Для меня надѣлила тебя Природа умомъ и краснорѣчіемъ. Пиши уставы мудрости, говори истину народамъ и Царямъ, разпространяй на земль царство добродѣтели. Порочный да чистаепъ себя съ безпокойствомъ, злодѣй съ угрызениемъ совѣсти, а добродѣтельный съ пріятнымъ умиленіемъ въ сердцѣ.“ —

Писатель, достойный вниманья сему голосу, слѣдуетъ ему со всею ревностію благороднаго сердца, преданнаго пользѣ человѣчества; но языкъ и чувство истины не увлекають за предѣлы умѣренности писателя, истинно просвѣщеннаго. Конечно потѣ, котораго вопрошаетъ какъ мудреца родъ человѣческой, вопрошалъ въ свою очередь лѣтписи сердца природы — и онѣ отвѣчали ему голосомъ убѣдительною опытностію, что истина, предъ слабыми очами смертнаго, должна нечувствительно разливать свой чистый, но яркой свѣтъ, подобно восходящему на воспокъ солнцу, котораго она есть образъ въ нравственномъ мірѣ. Что убѣдительное, что святое Христіанскаго ученія? — Но и его истины воспоржеспвовали только со временемъ и особливо въ наше время, славное ихъ быспрыми успѣхами. И такъ дѣло писателя быть вѣрнымъ другомъ истины, но осторожнымъ пушеводителемъ разсудка.

Если наука просвѣтила челоѣка въ особенностію, то просвѣщеніе челоѣческаго рода вообще должно быть нѣкогда ея пвореніемъ. Великія перемѣны государспвенныя

опереживають сію важную эпоху, а не ослабляють поспешеннаго хода разума, не мѣшаютъ ему подвигаться впередъ на пути науки и образованія. Нынѣ, послѣ грозныхъ бурь, нанесенныхъ разрушительнымъ духомъ времени, видимъ новую чистѣйшую зарю, восходящую въ Европѣ; видимъ въ политикѣ опмищенную свободу народовъ и защищенныя права человѣка; въ Философіи гордую мудрость земную, примиренную съ крошкой Вѣрой небесной; наконецъ въ государственныхъ договорахъ священный союзъ Царей, заключенный въ пользу общей безопасности и общаго достоинства народовъ. О, если бы изъ всѣхъ предѣловъ земнаго міра могли соединиться шруды умовъ государственныхъ и умовъ ученыхъ! если бы общія усилія человѣческія могли нѣкогда привести въ совершенство науку гражданскаго счастья! Какое зрѣлище представилось бы тогда на лицѣ земли! Всѣ просвѣщенные спраны свѣта, цвѣтущіе города и селы, плодоносныя поля, населенныя пустыни, вездѣ мудрыя правительсва, вездѣ свободные народы и нако-

нець міръ чловѣчскій, доспойный благословенія Неба, доспойный взоровъ своего Бога! Такое вліяніе должны, кажешся, имѣть на судьбу народовъ творенія великихъ умовъ, ободренныхъ земными власпами.

Но сей обширный кругъ дѣйствія, которой могучь шолько обнять писатели всѣхъ вѣковъ, ограничивается для каждого изъ нихъ предѣлами спраны своей и пользами своего народа. Служить народу перомъ ооимъ естъ первый поржеспвенный обѣтъ, произнесенный предъ олпаремъ Музъ и Опечесива ихъ благодарнымъ любимцемъ. Если писатель молчалъ, то за него говорило Опечесиво. Условіе заключено его именемъ. Горе ему, если онъ не могъ возвыситься, облагородсипвовати, воскресить духа народнаго! Вѣчной спыдъ ему, когда онъ унижалъ еще души, ласкалъ порокамъ и снисходилъ къ разврашнымъ нравамъ своего вѣка! Нѣтъ, уваженіе къ вѣрѣ, къ законамъ, къ власти, благоговѣнная любовь къ семейспвеннымъ и домашнимъ добродѣтелямъ, великодушная пре-

дѣяность обществу во всѣхъ государственныхъ состояніяхъ, вошъ предметы, вызывающіе краснорѣчіе патріота.

Ни одинъ родъ Словесности не исключаетъ сего условія. Тѣ легкія сочиненія, которыя говорящъ воображенію, говорящъ въ то же время разуму, и удовольствіе приносятъ дань общей пользѣ. Поемы и романы въ пріятныхъ вымыслахъ открываютъ глубокія истины. На театрѣ вредныя пороки, знаменитыя пресупленія, гонимыя добродѣтели, имѣющъ одни свое поржество, другіе свое паденіе, доспойное вѣчнаго правосудія. Въ Исторіи особливо заключается изящное нравоученіе. Историкъ являетъ великій судъ передъ лицомъ вѣковъ, именемъ вселенной, не слабой и порабощенной, но свободной, но справедливой, для которой все исчезаетъ, кромѣ истины. Такъ безсмертный Тацитъ предалъ имена пиратовъ грозному проклятію народовъ, а память добрыхъ Государей неумолкаемому благословенію потомства. Такъ у насъ въ грядущіе вѣки

счастливыи Историкъ нынѣшняго царствованія изобразишь добродѣтели Августѣйшаго Покровителя наукъ и паланповъ въ Россіи ; изобразишь въ Монархѣ челоука, въ нѣдрахъ всемогущества кропосишь сердца и шу скромность въ величїи , въ побѣдахъ , въ славъ , копорая была удивленїемъ вѣка и ушѣшенїемъ народовъ.

Какой прїятной долгъ для писателя бышь исполковашелемъ добродѣтели! Но чтобы говоришь о ней достойнымъ образомъ, надбно имѣшь ее въ сердць. Счастливыишія выраженїя выливаюшя опѣ прекраснаго чувства. Безъ души нѣтъ шаданша , нѣтъ краснорѣчїя. Смѣемъ вѣришь , что въ оныхъ душахъ , зрѣющихъ для славы , дарованїя неразлучны съ добродѣтелью. Но къ сожалѣнїю , она теряетъ иногда право свое надъ прекраснѣйшимъ шаланпомъ , для нее сошвореннымъ. По крайней мѣрѣ достойный писатель естѣ вѣрный исполнитель природы и добраго сердца. Онъ знаетъ , что искусства и науки служатъ шолько новымъ украшенїемъ

емъ для ума, для честности, для сердечнаго достоинства, что слава добрыхъ нравовъ предпочтительнѣе славы великаго Генія, что дарованіе имѣетъ право на удивленіе людей, а добродѣтель на ихъ любовь, на ихъ уваженіе. Такъ онъ мыслилъ, такъ поступалъ во всѣ дни свои, и скромной пупъ на землѣ заключаетъ, какъ мудрецъ истинный. Его вѣтъ; но примѣръ его жизни, но творенія его ума и сердца еще приносятъ пользу и творятъ добра въ міръ.

Владиміръ Измайловъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ СИНОНИМЪ.

Прежде сего имѣлъ я честь представить на судъ Вашъ, Мм. Гг., нѣсколько Синонимъ. Онѣ были одобрены Вами и, къ довершенію удовольствія моего, благосклонно приняты просвѣщенной Публикою. Вниманіе — самая леспная награда за труды. Не лзя не радоваться, что вкусъ къ чтенію у насъ распространяется, и уже вкусъ не на Радклифины и Дюкредюминилевы произведенія; но и сочиненія ученя, заставляющія мыслить и пребующія большаго вниманія, находятъ Читапелей. За нѣсколько времени кпо не слыхалъ жалобъ на умныя, тщательна обрабощанныя и полезныя піесы въ журналахъ! Напропавъ нынѣ оспавляютъ эфемерныя каррикатуры Словесности и съ удовольствіемъ читаютъ книги нравственныя и о предметахъ ученыхъ. Проницательный наблюдатель успѣховъ просвѣщенія въ нашемъ Опечесствѣ безъ сомнѣнія замѣшитъ сію перемяу нашего времени.

Объясненіе словъ языка своего принадле-
житъ къ числу пѣхъ же предметовъ, копо-
рыхъ прежде не хопѣли и слышашъ. Но не
зная основашельно языка, можно ли основа-
пельно судитъ? Слова сутьъ знаки вещей и
поняпій. Какъ же будемъ сравнивать мысли
и выводитъ новыя заключенія, если знаки или
изображенія идей не ясны, не почны и не
вѣрны? Одно изъ лучшихъ пособій для сего —
разборъ Синонимъ.

1.

Искренность, откровенность.

Переую раждаешъ любовь; *другая* про-
исходитъ отъ характера. Мы *искренно* го-
воримъ другу, если его любимъ; *откровенно*
всякому, если не скрытны. *Откровенный*
не всегда бываетъ искрененъ: онъ говоритъ
просто все, что знаетъ; *искренній*, буду-
чи всегда откровеннымъ съ близкимъ человѣ-
комъ, открываетъ свои чувства по сердеч-
ной привязанности. — *Одинъ* говоритъ о
добромъ, о худомъ безъ особеннаго участія,
другой съ намѣреніемъ внушитъ любовь къ
доброу и отвратитъ отъ порока. *Откровен-
наго* не должно бояться; *искренняго* должно

любимъ. *Откровенность* не скроетъ обманъ ; *искренность* никогда его не выдумаетъ. Первая относится къ однимъ словамъ, другая къ чувствамъ. Мы *откровенно* говоримъ, *искренно* любимъ.

2.

Вянуть, блекнуть.

Распѣнія *блекнутъ*, измѣняя цвѣтъ ; *вянутъ* засыхая. Въ *поблекшихъ* розахъ нѣтъ алой краски, въ *увядшихъ* совѣмъ нѣтъ листьевъ ; *поблекшія* снова разцвѣтутъ, *увядшія* умираютъ. Красота *блекнетъ* отъ горести, отъ болѣзни ; но она можетъ опять прійти ; красота *вянетъ* отъ времени и пропекшей юности — и ее возвратить не лзя.

3.

Найти, сыскать.

Мы *находимъ* неожиданно, *сыскиваемъ* потерянную вещь или шу, которую хотимъ *сыскать*. Нѣсколько лѣтъ не могъ я *сыскать* книги, которую *всегда нашель* печаянно. Мы *находимъ* друзей хотя рѣдко, но почти никогда не можемъ ихъ *сыскать*.

Скромность, стыдливость, застенчивость.

Скромный молчит о своих достоинствах; *стыдливый* смущается отъ всякой непристойности; *застѣнчивый* не умѣетъ управлять своими поступками. *Первой* молчаливъ, *второй* робокъ, *последній* нерѣшительнъ. Добрый бываетъ *скроменъ*, невинный *стыдливъ*, не выдавшій свѣта *застѣнчивъ*. Самолюбивые не *скромны*, опытные не *стыдливы*, обходительные не *застѣнчивы*. *Скромность* можно назвать добродѣтелью, *стыдливость* непорочностью, а *застѣнчивость* недоспапкомъ. *Скромности* пропивополагается *наглость*, *стыдливости* — *безстыдство*, *застѣнчивости* — *развязность*. Кто безпрестанно выказываетъ себя, тотъ не имѣетъ *скромности*. Мы переемъ *стыдливость*, когда привыкаемъ къ непристойнымъ разговорамъ и поступкамъ; частое обращеніе съ лучшимъ обществомъ прогоняетъ *застѣнчивость*.

5.

Древній, старинный, старый, ветхій, давнишній.

Древній относится къ такимъ вещамъ, или происшествіямъ, которыя очень давно истребились; *старинный* къ такимъ, которыя истребляются; *старый* къ давно-сущесwующимъ, *ветхій* къ однимъ вещесwеннымъ признакамъ устарѣлости, *давнишній*, или *давній* ко времени. Одежда *древняя* совсѣмъ истребилась и находится только въ кабинетъ рѣдкостей; *старинная* вышла изъ употребленія, однако изрѣдка и теперь мы видимъ ее; *старая* давно была въ употребленіи; на *ветхой* видны слѣды старости; *давнишней* прошекло много времени, но она можетъ быть нова. *Древнему* пропивополагается новѣйшій, *старинному* — нынѣшній, *старому* — новый, *ветхому* — необновленный, *давнишнему* — недавній.

6.

Привязанность, приверженность, пристрастіе.

Мы *привязаны* къ тому, что любимъ; *привержены*, что уважаемъ; *пристрастны*,

что привлекаетъ насъ ; *привязанность* къ семейству, *приверженность* къ начальнику , *пристрастіе* къ игръ ; *последнее* слово принимается большею частію въ дурную спорону. *Пристрастіе* бываетъ сильно, *привязанность* велика , *приверженность* неограниченна. *Привязанность* каждой день открываетъ другу достоинство его поварщика ; *приверженность* можетъ показать превосходство его ; а *пристрастіе* въ состояніи закрыть въ немъ и недоспашки.

7.

Увеселеніе , забава,

Увеселеніе предполагаетъ удовольствіе , *забава* пріятность. Люди праздные живутъ *увеселеніями* ; люди должностные иногда на досугъ позволяютъ себѣ *забавы*. Въ *увеселеніяхъ* мы наслаждаемся ; въ *забавахъ* разсѣваемъ себя и смѣемся. Печальный не *увеселителенъ* ; скучный и слишкомъ важный не *забавенъ*. *Увеселительными* дѣлаетъ насъ нравъ, *забавными* характеръ. Отъ частыхъ увеселеній мы бываемъ *разсѣяны* , отъ *забавъ* рѣзвы. *Увеселительный* смѣется ; *забавный* хо-

чѣшъ смѣяться ; *увеселительный* шутишъ надъ другими , *забавный* надъ собою.

8.

Вѣрный , постоянный.

Вѣрный свято исполняетъ обѣщаніе ; *постоянный* не опсупаешъ опъ него ; *невѣрный* измѣнникъ , *непостоянный* вѣпренъ. *Невѣрный* , измѣнивъ одному чувству , можетъ *постоянно* предаться другому ; *непостоянному* продолжительная спрасъ неизвѣсна. Въ *вѣрности* двѣспуетъ чувство любви , въ *постоянствѣ* характеръ. *Постоянный* привязанъ , *вѣрный* любитъ. *Непостоянство* обнаруживается поступками , *невѣрность* даже мыслями.

Сими Синонимами ограничиваюсь инынѣшній разъ , опасаясь во зло употребить благосклонное вниманіе Ваше. Признаю самъ недоспашки въ обьясненіи словъ ; но и можно ли въ первыхъ опытахъ обнять всю обширность предмета? — Можетъ бытъ , многіе желали бы видѣть въ Синонимахъ не одно описаніе употребленія , но рожденіе и испорію каждаго

слова съ постепеннымъ распространениемъ идей народныхъ; желали бы, чтобъ показано было, какъ одно понятіе раздѣлялось на разныя отрасли, получало различныя значенія опъ различнаго примѣненія къ другимъ предметамъ, и поному соединялось съ тѣмъ или другимъ дѣйствіемъ, и производило то, или другое выраженіе; — многіе желали бы, чтобъ самое объясненіе было живѣе, занимательнѣе и украшено кистію Фон-Визина... и сколько другихъ желаній у доброхотовъ опечесшвеннаго языка!.. — Но, Мм. Гг., желанія, какъ бы хороши ни были, не ограничены — ихъ исполнишь въ состояніи одно время.

Саларевъ.

О Г Е Н И Й,

*о главныхъ его свойствахъ, о средствахъ,
имъ употребляемыхъ; и о вліяніи
его на современниковъ и потомство.*

Осмѣливаюсь принести слабую дань признательности знаменитому Обществу, удостоившему меня чести быть соучастникомъ въ Трудахъ его. Знаю, что предметъ, мною избранный для разсужденія, гораздо выше, нежели мои силы; но съ одной стороны, важность его въ Словесности и во всѣхъ искусствахъ, а съ другой ободрительная Ваша снисходительность вливають въ меня смѣлость испытать себя на поприщѣ, которому посвящалъ я всѣ драгоценныя минуты моихъ досуговъ. Счастливымъ почту себя, Милостивые Государи, если слабыя мои мысли обратятъ на себя благосклонное вниманіе Ваше.

Я намѣренъ обозрѣть свойства, образованіе высочайшаго таланта въ Поезій —

еенія. Никакое выраженіе не было такъ часто употребляемо и почти всегда въ различныхъ знаменованіяхъ, болѣе или менѣе удаляющихся отъ истиннаго, какъ слово *геній*. Кажется, что начало сего слова должно быть опнесено къ тому аллегорическому божеству, которое въ язычествѣ предполагали присущимъ при всѣхъ дѣланіяхъ человека, обучающимъ и руководствующимъ его невидимо. Это геній — то есть, духъ добрый или злой. — Приближался болѣе къ сему первоначальному значенію, я называю *геніемъ* въ человекѣ высшаго рода врожденную способность и непреодолимую склонность къ чему-либо высокому и благородному. Ученый Аббатъ Дюбосъ далъ сему слову почти такое же значеніе, но послѣ удаляясь, разпространилъ его слишкомъ далеко. Онъ называетъ *геніемъ* даже низкую склонность къ игрѣ. Осмѣливаясь не согласиться въ этомъ со мнѣніемъ сего знаменитаго мужа, понимаю подъ симъ знаменованіемъ даръ великій, несравненный, дѣлающій человека изворцомъ въ искусствахъ, подражателемъ великаго Творца Природы, и постараюсь объяснить,

сколько могу, спешени и важность сего благодѣтельного дара.

Человѣкъ родится въ обществѣ мнѣнїи съ склонностію къ чему вибудѣ по организации своей; воспитаніе даетъ ходъ этой склонности. Промыслительное Провидѣніе вливаетъ въ сердце его особенное какое-то сильное чувство, влекущее къ предметамъ въ Природѣ, болѣе соотвѣтствующимъ его способностямъ душевнымъ и тѣлеснымъ, его уму и вообще врожденнымъ дарованіямъ. Такимъ образомъ оно предначерпало кругъ дѣйствія для каждаго человѣка, копорого предѣлами ограничиваются предѣлы его успѣховъ. Несчастливъ тотъ, кто, пресупивъ ихъ, успрямится въ поприще, не назначенное ему судьбою! Силы его скоро ослабѣютъ, и онъ падетъ безъ сомнѣнїя, или отъ усалости, или отъ препятствій, копорыхъ побѣдить не въ состоянїи. Предѣлы сіи иногда стѣснены, иногда обширны, всеобъемлющи. Первые образуютъ то, что я назову просто врожденною склонностію и способностями. Последніе суть — предѣлы гениа.

Какіе же сущь признаки истиннаго гѣнія? Я уже сказалъ: это вообще стремленіе ко всему высокому, благородному, стремленіе къ изяществу, къ славъ, къ безсмертію. Искры сего пламени божественнаго таятся въ безопасности лѣтъ младенческихъ, пламяютъ въ юношесствѣ и блистаютъ ярко; согреваютъ и освѣщаютъ, какъ солнце въ лѣтахъ мужества. Опробъ - герой въ мечпаніяхъ младенческихъ помышляетъ уже о славъ; она богъ его, она его кумиръ! Уваженіе, пламенная любовь къ доблестямъ великимъ, подвигамъ славы, есть первое, характеристическое въ немъ чувство. Оно обнаруживается въ малѣйшихъ его поступкахъ, оно блистаетъ въ его взорахъ, оно дышетъ въ первыхъ словахъ его. — Младенецъ - живописецъ допитъ уже жаднымъ взоромъ разительныя черты великолѣпной картины природы; онъ не знаетъ еще, что такое живопись, но рисуетъ уже въ своемъ воображеніи явленія природы какъ физическія, такъ и нравственныя. — Младенецъ - поэтъ любитъ уже нарисъ полемъ мысленнымъ въ обласпахъ возможнаго; горизонтъ умовъ

Книжка XV.

Д

обыкновенныхъ не есть его горизонтъ ; прѣдѣлы міра видимаго не суть для него прѣдѣлы ! Онъ шворитъ уже для себя нѣкошорымъ образомъ міръ идеальный, и не зная, что такое Поэзія, исполненъ уже ея очарованій. Юный Юлій - Кесарь, удивляясь подвигамъ Александровымъ, сказалъ однажды съ чувствомъ благороднаго соревнованія : *въ мои лѣта Александръ уже выигрывалъ сраженія*. Слова сіи не суть ли знаменіе великаго врожденнаго чувства ? — Фукидидъ проливалъ слезы, внимая радостнымъ плескамъ, увѣнчавшимъ искусство Геродота. Не знаменуютъ ли сіи слезы печашь испиннаго Генія, стремящагося къ достойной славы, и не тогда ли уже видѣнъ былъ въ немъ будущій краснорѣчивый Историкъ Греціи ? — Корреджіо, разсмотрѣвши въ первый разъ картину Рафаелеву, вскричалъ : *и я живописецъ !* — Но какой примѣръ можетъ быть разительнѣе поприща знаменитаго Ломоносова ! Не въ первыхъ ли лѣтахъ младенческаго вѣдѣнъ былъ въ немъ великій Поэтъ, знаменитый испытатель природы, Орапоръ, Законодатель въ Краснорѣчїи и Поэзи, луче-

зарное свѣтило Россійской Словесности, слово; великій геній на поприщѣ наукъ и искусствъ? геній даруется и воснипываемой природою; онъ блистаетъ даже ко иракъ необразованности, какъ необдланый брилланта въ сквозь грубую, покрывающую его кору.

Теперь посмотримъ на него среди поприща, на его дѣйствія. Дѣйствія генія всеобвѣмлющи; какъ природа; которой онъ любимый сынъ. Во всѣхъ наукахъ и искусствахъ онъ господствуетъ; онъ есть вмѣстѣ необыкновенная, чувстввенная и умственная сила, обнаруживающая себя въ важнѣхъ откритіяхъ; или въ новыхъ блистательныхъ красотахъ искусства. Онъ можетъ быть одинъ въ совершенно различныхъ склонностяхъ; но дѣйствуетъ тогда различно; геній Математики, Физики; Музыки и пр. Въ наукахъ умственныхъ одно наблюдение природы служило ему путемъ отъ простѣйшихъ истинъ до глубочайшихъ умозаключеній; онъ измѣряетъ; взвѣшиваетъ; сравниваетъ, рассуждаетъ и открываетъ доселѣ неизвѣстныя тайны природы. Въ искусствахъ образовательныхъ и словесныхъ онъ раз-

смаіриваець ёе, какъ шворецъ - подражатель, и дѣйсвуець не на умѣ исключительно, а болѣе на воображеніе и сердце. Я здѣсь предположилъ себѣ особенно говорить о геніи Поэзіи.

Nascuntur Poetae, говорили древніе. Подъ симъ разумѣтся то, что съ одними пособіями науки человекъ не можетъ сдѣлаться Поэтомъ, не можетъ удивлять, убѣждать насъ силою слова. Въ чемъ же состоитъ сія чудесная сила, низпосылаемая свыше на счастливаго смертнаго, которому определено быть чудомъ вселенныя? Состоитъ ли она особенно въ счастливой памяти, въ проницательномъ умѣ, въ воображеніи изобрѣтательномъ? Совсѣмъ нѣтъ; это только вспомогательныя орудія генія. Человекъ, назначенный быть великимъ Поэтомъ, получаетъ отъ природы неизвѣстный, рѣдкій даръ видѣть, понимать, чувствовывать, соединять по своему плану красоты ея физическія и моральныя, наполняться ими; свободно и живо выражать ихъ. Эта сила влечетъ его съ самыхъ юныхъ лѣтъ по внушению, для него самаго неизвѣстному, къ пред-

мешамъ изящнымъ , къ предметамъ прекраснымъ и высокимъ. Она опвергаетъ всѣ впечатлѣнія низкія и недоспойныя , озаряетъ предъ нимъ красоты , скрытыя для людей обыкновенныхъ , даетъ ему чувствовать собственные свои достоинства , и наполняя его благородною гордостью , направляетъ къ цели , указанной ему свыше , къ мечтѣ знаменитой и блистательной. Это сила , расправляющая младому орлу великія крыла его для полета — къ безсмертію ! Обратится ли сей гений на огромную массу міра видимого , природы вещественной : — могущественъ и силенъ , какъ Царь , плаваешь онъ въ неизмѣримомъ морѣ чудесъ ея , обнимаетъ однимъ взоромъ великолѣпное разнообразіе въ единствѣ и простотѣ , внимаешь гармоніи , царствующей въ твореніяхъ Существа верховнаго , все расположившаго по единому чертежу , и возносится даже до свѣтозарнаго Его престола. — Обратится ли онъ взоръ быстрый на часпи самыя скрытыя , для обыкновенныхъ глазъ невидимыя , сего великаго цѣлаго : — онъ проникаетъ въ сокровеннѣйшія красоты , дивится высокому , и въ самыхъ малѣйшихъ предметахъ заклю-

ченному, опдыхаетъ на прекрасномъ, наслаждается разнообразіемъ, и разсмаприваетъ его вмѣстѣ окомъ живописца и окомъ философа. — Представится ли ему обширная картина природы нравственнѣйшей: — онъ видитъ въ образцахъ великихъ добродѣтелей и пороковъ сердце человѣческое обнаженное; ему открыты и всѣ тайныя изгибы его; — истинно великіе характеры для него только понятны; онъ одинъ изчисляетъ и всѣ непримѣнныя почти оцѣнки свойствъ человѣческихъ. Этого недовольно — онъ, обтекавъ взоромъ неизмѣримое пространство вѣковъ пролекшихъ, достойно поражается великими переменами, преобразившими лице вселенныя, совѣщаетъ съ исчезнувшими народами, и, возсѣдая на обширныхъ ихъ гробницахъ, собираетъ истины высокія и полезныя для человечества. Онъ переносится воображеніемъ въ міръ будущій, сравниваетъ, предрекаетъ и влечетъ за собою толпы непросвѣщенные. Онъ сверхъ того имѣетъ еще особенный даръ извлекать изъ несовершенствъ міра какъ нравственнаго, такъ и физическаго черпая истинно разительныя и понятныя

глубокія. Онъ составляетъ міръ идеальный, населяетъ существами, имъ самимъ созданными, и тогда особенно онъ есть пворецъ; онъ изобрѣшаетъ, вымышляетъ. Таковы дѣйствія истиннаго гения Поэзіи.

И такъ, если предметъ его — все высокое и благородное, следовательно предполагается въ немъ всегда соединеніе многихъ достоинствъ, нравственныхъ истинно-великихъ. Онъ суть: чувствительность необыкновенная, воображеніе пламенное, смѣлость благородная, добродѣтель высокая, презрѣніе всего обольстительнаго, терпѣніе непреодолимое и особенно какая-то врожденная свобода и гордость, начало величія нравственнаго и источникъ мыслей и чувствованій, одному только ему свойственныхъ. Это есть то чувство, которое, какъ я сказалъ прежде, рождаетъ въ немъ нелицемѣрное удивленіе къ успѣхамъ блистательнымъ другаго великаго человека, изъ какого бы народа и вѣка онъ ни былъ. Одинъ только гений совершенно понимаетъ гения; ихъ чувства общія; у нихъ одна душа. Гомеръ и Тассъ узнали бы другъ друга по чувству таинственному, со-

единяющему гениевъ; Еврипидъ и Расинъ говорили бы однимъ языкомъ; Горацій и Державинъ подали бы другъ другу руку и обнялись бы, не смотря на пространство, ихъ разделяющее.

Геній, образуясь, достигаетъ наконецъ той степени совершенствованія, съ которой можетъ привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе. Это предполагаетъ непременно непрерывное, упорное дѣйствіе собственныхъ его усилий и опрагительное вліяніе всѣхъ окружающихъ его предметовъ, дѣйствіе духа народнаго, нравовъ, обычаевъ господствующихъ, степени просвѣщенія и образованности, среди которыхъ онъ живетъ. — При всѣхъ узахъ, которыми связанъ онъ отъ обстоятельствъ настоящихъ, не лзя отвергнуть однако великаго вліянія его на общее мнѣніе. Онъ удаляется отъ узкой пропасти, пробитой слабыми своими предшественниками, и совершаетъ путь свой шагомъ смѣлымъ и быстрымъ, спезею новою. Онъ видитъ все иначе, нежели они, и заставляетъ всѣхъ смотрѣть собственными его глазами; онъ чувствуетъ, и всѣ съ нимъ чувствуютъ

ють одно и то же. Такимъ образомъ станови-
вшись онъ образцемъ, пворцемъ, законода-
телемъ своего искусства и своихъ современ-
никовъ.

Каково бы ни было вліяніе народа на ге-
ній и обратно генія на народъ, цѣль его
всегда одна и та же. Ни вѣкъ, ни всеобщее
расположеніе умовъ ее не измѣняютъ. Она
есть неопіемлемая принадлежность его. Цѣль
высокая — безсмертіе. — Такъ! истинный
геній Поэзіи, находящійся въ связи неразрывной
съ великими качествами душевными, никогда не
допускаетъ человека, обладающаго имъ, перятъ
оную изъ виду. Всѣ его мысли, всѣ его дѣя-
нія нечувствительно къ ней спремются...
Онъ мыслитъ, онъ дѣйствуетъ для круга об-
ширнѣйшаго въ настоящемъ и будущемъ вре-
мени. — Теперь спросимъ: по чему великіе
геніи, блиставшіе за тысячы предъ симъ
лѣтъ между народами, совершенно опличны-
ми отъ насъ въ нравахъ, обычаяхъ и склон-
ностяхъ: Гомеры, Софоклы, Гораціи, Вир-
гиліи, удивляютъ насъ также, какъ и Поэты,
писавшіе между нами. Объясненіе этого во-

проса покажетъ намъ средства генія и ея успѣхи.

Самый творческій геній есть только подражатель природы; она есть пошъ великій образецъ, соотвѣпственнo которому дѣйствуютъ искусства; правила, руководящія генія, суть ея законы; слѣдовательно намъ нравятся только то, что сообразно съ сими законами. Это положеніе неоспорно, когда говорится о природѣ физической; ибо чувствованіе красотъ ея не подлежитъ, кажется, никакимъ измѣненіямъ. Ея величіе, ея прелести производятъ одинакое впечатлѣніе на генія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Картины Гомера и Теокрипа, Виргилія, Мильтона, Делла и Геснера не дышатъ ли всегда равною высокостію, вѣрностію и сладостію? Но въ природѣ моральной мы усматриваемъ нѣчто пропивное: то, что нравится намъ, не нравится другимъ; что нравилось намъ прежде, теперь не доставляетъ намъ никакого удовольствія. Отъ чего же это? не уже ли природа измѣняется? Нѣтъ! она сама по себѣ всегда одна и та же; но измѣняютъ ее въ глазахъ нашихъ различныя оми-

ношенія; или лучше, мы сами измѣняемся въ отношеніи къ ней по различнымъ обстоятельствамъ общей и частной нашей жизни. Она имѣетъ качества свои существенныя, которыя всегда принимаемъ мы болѣе или менѣе какъ относительныя.

Исторія, сей великій памятникъ народовъ и событій, представляетъ намъ черты великихъ добродѣтелей и великихъ пороковъ, разсыянные въ разныхъ эпохахъ бытія политическаго; онѣ блистали въ просвѣщенныя времена Греціи, и въ могущественномъ Римѣ, и у дикихъ Американцевъ и у образованныхъ Европейцевъ. Вездѣ добродѣтель была почтенна, пороки — ужасны; вездѣ господствовали надъ человекомъ спраси; вездѣ тиранственная власть ихъ возбуждала въ немъ состраданіе, вездѣ порожество надъ ними привлекало его удивленіе. Ариспидъ и Регулъ были бы велики въ странахъ Мексиканскихъ, Кандидатъ и Пожарскій были бы обожаемы Асинами и Римомъ. Великіе Трагики умѣли насъ пронуть мученіями любви, изображая Грековъ, Римлянъ, Американцевъ и Олптомановъ. Воупъ черты общія.

Эти же самые страсти, эти характеры разнятся безчисленными оппѣнками по временамъ, климатамъ и народамъ, ихъ образованию и промышленности.

Время имѣетъ вліяніе, потому что безпрерывно пріобрѣтаются новыя познанія, изглаживаются другія, измѣняются мнѣнія, измѣняются самые люди.

Важное вліяніе климата на физическую природу человека, которая столь тѣсно соединена съ его природою моральною, разпространяется и на сію послѣднюю. Сіе взаимное вліяніе равно ощупипельно дѣйствуетъ на цѣлыя общества, какъ и на каждого человека въ особенности. Оно-то производитъ сіи безчисленные оппѣнки въ характерахъ и страстяхъ, столько примѣпныя между различными народами. Любовь съ одинакой ли силой могла господствовать надъ хладнымъ воинственнымъ Римляниномъ, какъ надъ пылкимъ, страстнымъ Оросманомъ, въ изступленіи ревности умерщвляющимъ свою любовницу ?

Различіе въ цѣлыхъ народахъ состоитъ въ разности обычаевъ и мнѣній. Общій обы-

чай, или общее мнѣніе царствуетъ неограниченно надъ каждымъ сильнымъ движеніемъ природы въ челоѣкѣ частномъ. Онъ связываетъ и заглушаютъ даже чувствованія, по видимому самыя характеристическія. Въ черпъ относительныя.

Какъ же пользуется Поэтъ-гений и глѣмъ и другими? — Великій Поэтъ, пишущій для современниковъ, пишетъ также и для потомства. Онъ пѣнопѣвецъ для своего народа, также какъ и для всѣхъ нуждыхъ. Онъ спарается пѣнпъ не внѣшнія шокмо чувсва наши и не суепными, только наружныи приличіями; онъ представляетъ нравственныя красоты въ шомъ видѣ, въ какомъ онъ всегда равно любезны. Это должно быть основою швореній его, или паче существомъ ихъ. Онъ не жершвуетъ своею священной обязанностию временному вкусу и мнѣніямъ, которые могутъ дать ему только наружную оболочку для карпинъ. Первое сущности, другое форма, размѣръ и одежда. Такимъ образомъ онъ угождаетъ равно и своему вѣку и другимъ, шрогаетъ, поражаетъ насъ, заставляетъ насъ переселяться вмѣстѣ

ѣвъ нѣмъ въ тѣ мѣста, въ тѣ обстоятельство, словомъ; въ тѣ лица, которымъ даешь онъ жизнь, чувство и слово. Вотъ красныя общія и частныя. Первыя зависятъ отъ началъ природы, другія отъ измѣняющагося непрерывно мнѣнія народнаго. Магическая сила искусственнаго ихъ соединенія есть сила гения.

Могущественный власшеликъ вселенныя; онъ воспаряетъ выше ея предѣловъ; обращаетъ быстрые взоры на прошедшее, настоящее и будущее; видитъ человека опдѣльно и въ отношеніи къ состоянію гражданственнаго и политическому; сближаетъ, сравниваетъ, и обогащаетъ опытами и познаніями; возмъщаетъ самъ съ собою и — дѣйствуетъ:

Онъ проникъ въ тѣсныя сіи отношенія; онъ замѣтилъ таинственную связь; соединяющую человека дикаго и образованнаго; философа и невѣжду; просполюдима и жишеля городского; онъ напишался, какъ сказашь, самыми пламенными чувствованіями души человѣческой въ ея безчисленныхъ порывахъ и направленіяхъ; онъ взиралъ на добродѣтель и порокъ безъ покрова; онъ видѣлъ;

какъ въ зеркаль, самаго себя; словомъ: онъ умѣетъ чувствовать, и — дѣйствуетъ.

Этого не довольно: онъ сближаетъ сіи чертны, разсѣяанныя въ пространствѣ природы необъемлемомъ, соединяетъ, такъ сказать, легкія облака, чшобъ составить изъ нихъ пучу громоносную и удобнѣе поразишь своихъ чшшпателей, или слушателей; онъ сближаетъ ихъ, дабы съ силою большею стремиться къ высокой мѣтѣ своей, и составляетъ изъ нихъ одно цѣлое, великое, совершенное. Оно не существуетъ въ природѣ, но вѣроятно можетъ существовать. Это *идеаль*. Вошъ дѣйствія генія въ природы.

Отсюда происходятъ тѣ безчисленныя красоты въ великихъ его швореніяхъ; копорыя мы называемъ, какъ и я прежде назвалъ, *общими*, потому что онъ поражаетъ всякаго имѣющаго чувствительное; неизнаженное сердце; тѣ вѣрныя изображенія спраспей, монюрыя возбуждаютъ въ насъ живѣйшее сопраданіе и убѣждаютъ своею истинною и разительностію; тѣ чувства высокія, сильныя и непришворныя, копорыя наполняютъ

душу священнымъ благоговѣнiемъ; пѣ восхитительныя черпты невинности и добродѣтели, которыя непреодолимою прелестію своєю привлекаютъ и самую нечувствительность; короче сказать, это будетъ живая, разительная картина сердца человеческого, котораго исторія составляетъ испорцію изученія самаго генія.

Такимъ образомъ великіе Поэты, изображая намъ людей, совершенно отличныхъ отъ насъ нравами и обычаями, силою своего генія; сближаютъ ихъ съ нами во всѣхъ отношеніяхъ и обстоятельствевахъ. Трагедіи Шакспира послужатъ въ семъ случаѣ разительнымъ примѣромъ. Онѣ сочинены почто сообразно съ нравами Англичанъ и во вкусъ ихъ древняго театра, совершенно отличнаго отъ нашего; но между тѣмъ мы находимъ въ нихъ красоты неподражаемыя и истинныя признаки генія высокаго. Это отъ того, что стихотворецъ умѣетъ говорить нашему сердцу, говоря о любезныхъ намъ предметахъ.

Я уже упомянулъ о вліяніи генія на своихъ соотечественниковъ; оно есть необхо-

дичное слѣдствіе его усилѣхъ, всегда блистательныхъ. Произведенія великихъ Поэтовъ имѣютъ особенное вліяніе на словесность и вообще на просвѣщеніе народное; ибо гений, дѣйствуя новыми средствами своими, нечетъ рѣшительно всегда къ совершенству, и уважая своихъ предшественниковъ на поприщѣ славы, не спрашивается при томъ дерзашъ далѣе, открывая красоты, доселѣ неизвѣстныя. Корнель явился во Франціи, и отвергнувъ прежнія ненадежныя средства Французскихъ трагиковъ, показалъ своей націи истинное драматическое искусство и сдѣлался образцомъ для своихъ послѣдователей. Нашъ Ломоносовъ явился посреди народа, неизмѣннаго еще образованнаго вкуса, и, великій ученикъ древнихъ, захватилъ всѣхъ писателей своего времени и украсилъ зарю нашей словесности. Однимъ словомъ, явленіе гениевъ великихъ есть для словесности то же, что благотворныя лучи солнца для всей природы.

Несправедливо, кажешься, мнѣніе нѣхъ, которые утверждаютъ, что поприще гения со временемъ становится ограниченнѣе и что исполщаются матеріалы для его

Книжка XV. E

дѣйствованія. Это значитъ заключать въ
нѣсныя предѣлы необъемлемость приро-
ды физической и моральной, и не обращать
вниманія на успѣхи поэтовъ, процвѣпав-
шихъ въ позднѣйшія времена. Предполагая воз-
можность сего положенія и разсматривая
безчисленное множество стихотворцевъ, явив-
шихся между древними и новыми народами,
по крайней мѣрѣ можно было бы заключить,
что ничего не оспавалось поэтамъ временъ
позднѣйшихъ, кромѣ рабскаго подражанія сво-
имъ предшественникамъ; но и въ семъ слу-
чаѣ мы видимъ совершенно пропавшее. —
Сколько и нынѣ писателей, копорымъ нѣтъ
образцовъ между древними! Кто укажетъ
мнѣ образцы почные Ломоносова и Держави-
на? — Хотя мы и величаемъ ихъ, одного
Рускимъ Пиндаромъ, а другаго Рускимъ Го-
раціемъ: — но это пустыя слова и пустыя
похвалы, ни мало не показывающія ихъ ха-
рактера. Ломоносовъ и Державинъ столько
же оригинальны въ своихъ красотахъ и по-
грѣшностяхъ, какъ Горацій и Пиндаръ; и воз-
можно ли, обращая око наблюдательное на
разнообразіе природы, на безчисленность вѣс-

ношеній ея къ чловѣку , на многоразличныя
 измѣненія самыхъ отношеній сихъ , — возмож-
 но ли, говорю , предположить , чѣтобъ сія бо-
 гатая сокровищница истощилась когда ни-
 будь для генія всеобъемлющаго , для генія ,
 совершенно ее поспигающаго ! Онъ пере-
 сталъ бы бытъ геніемъ , когда бы не могъ
 пользоваться ея чудеснымъ разнообразіемъ ,
 когда не замѣчалъ бы всегда чего нибудь но-
 ваго , неописаннаго ; онъ творецъ , а не по-
 дражатель . Поэзія эпическая , Трагедія , Ко-
 медія , Ода и Поэзія дидактическая казались
 въкопное время спѣсенными въ извѣст-
 ныхъ предѣлахъ , кои , будучи освящены древ-
 ностію , почитались законными для всѣхъ .
 Поэты временъ новѣйшихъ , казалось , необхо-
 димо должны были слѣдовать по стопамъ ихъ ,
 не дерзая предпринимать ничего новаго для
 удобнѣйшаго дѣйствованія на сердце чловѣ-
 ческое ; но геній , всегда дѣятельный , не-
 испощимый и великій въ предпріятіяхъ , об-
 рапился къ предметамъ новымъ , прежде не-
 замѣченнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ из-
 мѣнившимся нравамъ и обыкновениямъ людей ;
 нашелъ сокровища тамъ , гдѣ природа каза-

Е в

лась совершенно бесплодною; проложилъ новые пути къ сердцу человѣческому изобрѣтеніемъ системы страстей, совершенно неизвѣстной для древнихъ. Заключимъ наконецъ: Гений всегда выше общаго мнѣнія, всегда неисповимъ въ средствахъ, великъ въ намереніяхъ, и всегда равно успѣваетъ, побѣждая и увлекая за собою своихъ современниковъ; его цѣль — безсмертіе, награда — неувядаемая слава.

П. Новиковъ.

О С Т А Р О С Т И .

Предлагаю еще переводъ изъ Римскаго Оратора, изъ другаго сочиненія его о *Старости*. Заглавіе не лишкомъ привлекательное; но Цицеронъ чего не украситъ? Мысли его въ этомъ произведеніи приятны для спарцевъ и полезны для юношей. Одни остаются довольны собою, повѣряя жизнь свою съ жизнью великихъ людей; другіе видящъ то, что ожидаетъ ихъ впереди, и могутъ заранѣе приготовить къ тому, чтобъ въ старости не скучать, а гордиться благоразумнымъ спранствіемъ по жидейскому морю.

Сочиненіе о *Старости*, написанное въ видѣ разговора, Ораторъ посвящаетъ нѣжному другу своему Аттику, и заспавляетъ говорить объ этомъ Катона, котораго спрогая, воздержная, благоразумная и добродѣтельная жизнь служила предметомъ всеобщаго удивленія. Олѣ того здѣсь слогъ прости, сход-

ный съ языкомъ Катона ; но краткость и быстрота , какъ отличительный характеръ Римскаго слога , украшаютъ и это въ разговорахъ. Сочинитель , говоря съ Брутомъ , товарищемъ въ дѣлахъ опечества , часто только намекаетъ на многіе предметы ; говоря съ Антиккомъ , онъ не можетъ довольно наговориться , какъ обыкновенно бываетъ съ ближайшими друзьями. Обиліе мыслей ; прекрасныя картины жизни , разительныя примѣры великихъ мужей — вотъ особенное достоинство сего произведенія Оратора-Философа.

„Умѣренность и постоянство души твоей“, говоритъ Цицеронъ Антику , „мнѣ извѣстны. Не смотря на это , мнѣ хочется облегчить тяжесть лѣтъ , обременяющихъ насъ , и разсѣять тучи , которыя уже собираются надъ нами. Знаю , что для благоумія твоего и твердости легко и это время , какъ и всякое другое ; но я хочу подарить тебя бесѣдою о предметѣ , столько близкомъ намъ обоимъ. Мысленно бесѣдуя съ тобою о старости , чувствовалъ я такое удовольствіе , что забывалъ всѣ житейскія

неприятности. *Съ Философіей человекъ во всякое время жизни счастливъ.*“

И изъ этого сочиненія выбираю только то, что можетъ болѣе угодить вкусу нашего времени. Главная цѣль моя — показать лучшее изъ философическихъ произведеній Цицерона. Здѣсь переведена одна часть сочиненія; приятнымъ долгомъ почту окончить и оспальное, если эта Старость покажется сочиненіемъ не совсемъ старымъ.

Содержаніе сего разговора такое: Циционъ и Лелій удивляются твердости, съ какою переносятъ Капонъ бремя старости, и желаютъ научиться у него сему великодушію. Капонъ, угождая имъ, показываетъ, что жалобы иныхъ старцевъ должно опнести не къ старости ихъ, а нравамъ; что старость, кромѣ опытности и добротѣпей, счастлива свободою отъ спраспей — и заключаеетъ эту половину сочиненія изображеніемъ благополучія сего возраста, наслаждающагося сельскою жизнью.

Жалобы иныхъ старцевъ должно отмести къ ихъ правамъ.

Вы удивляетесь, что я не скучаю старостью; но чему пущь удивляться? Всякой возрасть имѣеть непрятности для него, кто въ самомъ себѣ не находить удовольствія. Напрощивъ, довольный собою не ропщетъ на то, что зависишь отъ законовъ природы. — *Такова старость! Все приближается къ ней, и все жалуется, когда ее достигаютъ.* Вошь постоянное человеческое!

Говоряшь, старость обыкновенно приходишь, какъ гость нежданный. Спранное ослѣпленіе! Развѣ мужество скорѣ смѣняется старостью, нежели дѣтство юношью? и уже ли старость была бы въ восемь сотъ лѣтъ сноснѣе, нежели въ восемьдесятъ? Минувшіе годы, сколько бы ихъ ни было, не могутъ утѣшить старости безпущной . . .

Все, чему вы удивляетесь, состоишь въ томъ, чтобъ слѣдовать природѣ, вождю самому вѣрному, и повиноваться законамъ ея, какъ закону Провидѣнія. . . . Все вещи имѣютъ предѣлъ свой, всему назначено старѣть

и разрушались. Так падаютъ съ деревьевъ плоды, когда совсѣмъ созрѣвающъ. Мудрецъ! шерцънъе! Природѣ можно ли пропивиться?

Бывало слыжалъ я Салдпанора, слыжалъ и Спуря, бывшихъ Консулами, какъ жаловались они на спароспъ, коцнорая будшо дичала ихъ удовольствій и уваженія. . . . — Въ семъ случаѣ виноваты мы сами, а не спароспъ. Спарики умѣренные; тихіе и веселіе не могутъ быть несчастливы; а дурной нравъ во всякомъ возрастѣ несносенъ. — Однажды Серифской гражданинъ, споривъ съ Семиспокломъ, сказалъ ему, что онъ славою своей обязанъ опечеспву, а не себѣ самому; Тогда Семиспоклъ опвѣчалъ: „Еслибъ я былъ и Серифской уроженецъ, но и тогда бы что нибудь значилъ; а ты былъ бы пошлѣ же и въ Афинахъ.“ Это можно примѣнить къ спароспи: она приятна для мудреца и при бѣдномъ сосноянн; ужасна для невѣжды и въ изобиліи роскоши. Лучшая ограда опбскуки въ спароспи — науки и добродѣтели. Съмена, посѣянная ими въ продолженіи жизни, производящъ безцѣнные плоды. Онъ никогда не оставляющъ насъ; чистая совѣсть и во-

поминаніе добрыхъ дѣлъ всегда служатъ утѣшеніемъ.

Добродѣтель облегчаетъ тягости престарѣлаго возраста.

... Правда, не всѣ Циціоны и Фабіи — не всѣ могутъ вспоминать о завоеваніяхъ, побѣдахъ и торжествахъ. Но для счастья въ старости довольно спокойной, честной и почтенной жизни. Такова старость Платона, который умеръ на восемьдесятъ первомъ году, безпрестанно занимавшись Философіей. Такова старость Исократы, который на девяносто четвертомъ году написалъ извѣстный Панатенейскій, и еще послѣ того жилъ пять лѣтъ. Наставникъ его, Горцій Леонтейскій, жилъ сто семь лѣтъ, не оставляя любимыхъ занятій. Однажды спросили его: для чего хочешь ему жить такъ долго? „Для того,“ чин старость,“ сказалъ онъ, „не можетъ попрекнуть мнѣ въ прежней жизни.“ Отвернувъ прекрасный и достойный мудреца!...

Говорятъ, что старость отнимаетъ у насъ возможность заниматься дѣлами. — Ка-

кими? Тѣми, которыя пребудутъ оиѣ: молодости? Но развѣ, вѣтъ дѣлъ, приличныхъ спарикамъ, гдѣ болѣе дѣйствуетъ умъ, при всей слабости тѣла? Когда Фабій, Павелъ Эмилій, Сципіонъ, Фабрицій, Курій, поддерживали величіе Державы знаніями своими, тогда уже ли они были бесполезные граждане? Аппій Клавдій былъ спаръ, сверхъ того и слѣпъ; однако, въ то время когда Сенатъ соглашался на перемиріе съ Пирромъ, онъ имѣлъ довольно силъ произнести незабвенныя слова: „мудрый Сенатъ! что съ тобою сдѣлалоось?“

Утверждаютъ, будто спарость не годится для дѣлъ, сполько же несправедливо, какъ и говорить, что бесполезенъ на кораблѣ кормчій, который по видимому сполько сидитъ съ рулемъ на кормѣ, тогда какъ другіе по взбираются на мачты, по управляютъ парусами и суепятся на палубѣ. — Спарики не сдѣлаютъ того, что молодые — пусть такъ; но они сдѣлаютъ что нибудь важнѣйшее и полезнѣйшее. Великія дѣла пребудутъ не силы, не проворства, не ловкости, но благоразумія, осперожности, пре-

незданедьности . . . Молодости свойственна
предприимчивость, а старости одышность.

*Старость имбеть довольно силъ для
должностей, свойственныхъ сему воз-
расту.*

. . . Еще попрекающъ стариковъ въ сла-
бости силъ. Я съ своей стороны ни мало
не сожалью о силахъ молодости, также какъ
и въ молодости не завидовалъ силамъ слова.
Дѣло благоразумія пользоваться тѣмъ, что
имѣешь, и дѣйствовать по силамъ своимъ.
Одному Милону Кропотіяшскому приличны
подобныя жалобы. Онъ въ старости завидо-
валъ апломбамъ, и часпо, посмапривая на
ослабѣвшія руки свои, восклицалъ: „онъ уже
не шакovy!“ Жалкой человекъ! вся слава
его соспояла въ рукахъ! Но кто слыжалъ
шакія ропщанія отъ мужей великихъ? . . .

Вспомните Неспора, которыи доживалъ
уже шрепшій вѣкъ человеческой, когда поучалъ
мудроспью своей; рѣчь его, какъ говорили,
сладче меда; и онъ силъ ли это тѣлесныхъ?
Атаменонъ лучше желалъ имѣшь десяперыхъ

Неспоровѣ вмѣсто десятерыхъ Аяксовъ, зная, что съ десятью воинами мудрыми скорѣ можно быть побѣдителемъ. . . .

И чтожь? хотите ли лучше быть Милономъ, нежели Пифагоромъ? Нѣтъ! — наслаждайтесь благомъ, пока имѣете его, и не раскаивайтесь, когда болѣе его не будетъ. Сколько же странно въ юности горевать о дѣлствѣ, а въ мужествѣ оплакивать юность. Жизнь течетъ въ неизмѣняемомъ порядкѣ. Каждый возрастъ имѣетъ назначеніе свое — и слабость дѣлства, и пылкость юности, и зрѣлость мужества, и дряхлость старости — все приходитъ въ свою очередь.

. . . Скажутъ: есть спарики сколько слабые, что они ни къ чему не бываютъ годны? — Но это относится къ сложенію тѣла, а не къ старости. . . . Должно заботиться о сохраненіи здоровья — жизнь вести дѣятельную, столько имѣть умѣренный, для того чтобы возобновлять силы, а не обременять себя. Кромѣ тѣла, должно заботиться о душѣ, особливо о нравахъ. Въ старости умъ сходенъ съ лампадою, которая гаснетъ, если забываютъ наливать въ нее масла. Трудъ бодритъ

пѣло; мысли живящѣ умѣ. — Цецилій называетъ спариковѣ брюзгливыми; но онѣ разумѣтѣ спариковѣ неразсудительныхѣ и безпупнаго поведенія; эпи же пороки зависящѣ не отѣ спарости, а отѣ жизни, похожей болѣе на сонѣ. . . .

Спарость всегда и въ уваженіи, если умѣютѣ заслужить его — если умѣютѣ поддерживать свое достоинство. Въ поведеніи молодого челоѣка почтенны черты спарика; въ спарикѣ приятны остатки молодости. Челоѣкѣ спарѣтѣ только пѣломѣ. Я самѣ до сихѣ порѣ продолжаю любимыя занятія свои; до сихѣ порѣ по вечерамѣ привожу себя на память все, что я днемѣ сказалѣ, что слышалѣ, что сдѣлалѣ. А кто безпреспавно занятѣ, тому вѣрно нѣтъ времени гревашѣ о минувшей молодости. Кромѣ обширнаго знакомства, отправляю я должности въ Сенатѣ, куда приношу рѣшенія обдуманныя; а для эшого, кажется, потребны силы душевныя. Даже случись мнѣ занемочь — и тогда не поскучаю; спану но крайней мѣрѣ размышляя о томѣ, чего уже не въ силахѣ сдѣлать. Но эшого я не

опасаюсь; пошому чпо жизнь молодыхъ лѣтъ предохранила меня отъ всякихъ недуговъ. — Такимъ образомъ въ непрерывныхъ занятіяхъ и не видишь, какъ проходитъ время, и не примѣчаешь, какъ старѣешь: по-немногу, а не вдругъ гаснешь жизнь человѣческая.

Старость щастлива свободою отъ страстей.

Вотъ еще въ чемъ попрекають старость; будто эптовъ возрастъ лишень удовольствій. — Тѣмъ драгоценнѣе шо время, которое мершвилъ въ насъ пороки молодости. Справедливъ мудрецъ Архипасъ: нѣтъ ничего, говоривалъ онъ, опаснѣе сласполюбія. Оно раждаетъ спраспи; отъ него и измѣна отечеству, и паденіе государствъ; отъ него всѣ преступленія. Высочайшій и благороднѣйшій даръ, которымъ Природа наградила человека, есть разумъ; а сласполюбіе непримиримый врагъ разума...

И пакъ если старость хладнокровна къ наслажденіямъ сласполюбія: шо эпто должно

почиташь особливимъ ея преимуществомъ. Говоряшъ, что спарики не могутъ быть добрыми поваряцами въ пиршесвахъ. Будто это также дурно. Прелестъ удовольствій очаровательна; — онъ прикрываютъ собою самые пороки; на нихъ идутъ люди, какъ рыба на уду. Впрочемъ удовольствія знакомы и спаросши, но только удовольствія умеренныя. Въ мое время бывало преспарылъ Дуиллий, первый побѣдитель Картагенянъ на морѣ, выходилъ изъ - за стола съ факелами и флейшами. Конечно для чашнаго челоука это необыкновенно; но уже слава его давала ему на то право... Что касается до моихъ вечеринокъ съ друзьями — то онъ самый скромный; ихъ всегда одушевляешъ живоспъ цвѣтущаго возраста. У меня главнымъ удовольствіемъ почиташься не угощенье, а дружеское общество. И всѣ наши пиршества приятнѣ Греческихъ: у насъ вмѣстѣ обѣдаешъ значитъ вмѣстѣ жить; у Грековъ — пить и пресыщашься. Я спростно люблю ешолъ съ друзьями — и не съ одними ровесниками, а вмѣстѣ съ людьми молодыми. По лѣшамъ своимъ не могу

съ ними равняюсь въ обязанностяхъ пиршества ; но вмѣсто эшого чувствую болѣе нужды въ разговорахъ. Впрочемъ не совсѣмъ опречаюсь отъ яствъ и напоекъ. По обычаю предковъ нашихъ , большой столъ , заздравное пиѣе , крошечные бокальчики , кошорые лишь прохлаждаютъ челоуѣка — лѣпомъ на опкрыпомъ воздухѣ , зимой передъ огнемъ — отъ пакого пиршества , скажите , кто откажется ? Такъ и пеперь живу я въ моей Сабинѣ ; у меня всякой день сосѣди — въ такомъ приятномъ кругу часпо и ночь пролетаютъ. . . .

Сельскія удовольствія.

А удовольствія сельскія ? — Ихъ можеть вкушати старосъ въ полной мѣрѣ ; эпо удовольствія мудрости. Въ деревнѣ занимають челоуѣка родныя нивы , послушныя его шрудолобию ; онѣ озлащаютъ шѣ сокровища , кошорыя онѣ ей повѣряеть. Какъ чудесны произведенія земли ! Она въ опверсныя сохой нѣдра принявъ сѣмена , послѣ закрышыя бороной , согрѣваетъ ихъ , пишатъ соками своими , выводитъ зеленой оппрыскъ ,

Книжка XV.

Ж

которой легкохонько колышась на корешкѣ, непримѣтно расплетъ, поднимается на колѣнчатомъ стебелькѣ, сперва кроется въ оболочкѣ — и потомъ опшуда выходитъ полный колосъ, унизанный острой остью — кажется для того; чпобъ пшички не емъли до него коснуться.

Что приятнѣе разведенія винограда? Вотъ еще удовольствія, всегда новыя для меня — вопъ опрада въ досугахъ староспи. Изъ крошечныхъ, едва примѣльныхъ зернышекъ вырастаютъ такія обширныя вѣтви! Не лѣзя не дивисься природѣ. Какъ спелѣется виноградъ по землѣ — вѣшками, точно руками, цѣпляется ко всему, что встрѣшится. . . . Съ весною на вѣтвяхъ наливаются почки — изъ нихъ пробиваются кисти — и эпи - по кисти, согрѣтыя теплотою солнечной, даютъ людямъ споль вкусное питье. Какой видъ представляютъ деревья, увишныя виноградными вѣтвями и, обремененныя сочными плодами!

Кромѣ винограда; деревьевъ; жашвъ; сѣнокоса — кромѣ всего этого, сколько удовольствій въ садахъ, огородахъ, опъ ско-

говоспва и пчелъ! — Вы простиите мнѣ, что я слишкомъ распроспранился о деревнѣ: признаюсь — это спраспъ моя; припомѣ старость любилъ — таки поговорилъ. — Такой сельской жизнью наслаждался Курій, послѣ побѣдъ надъ Самнипцями, Сабинцами, Пирромъ. Любуновъ сельскимъ его домикомъ, который недалеко отъ моего, не могу надивиться честности сего великаго мужа и скромности его вѣка. Здѣсь — по онъ, сидя у огня своего, опказался отъ сокровищъ Самнипцянъ, сказавъ имъ, что для него славноѣ повелѣвать шѣми, у которыхъ золото, нежели самому имѣть его. *Столь благородная душа могла ли не быть счастлива и въ старости?* —

(Вудеть окончаніе.)

Деде.

Ж 2.

539179M

Р Ъ Ч Ъ

при возобновленіи засѣданій Общества.

Снова сръпваю Васъ, П. Члены, спешшихся въ храмъ Музъ послѣ приятныхъ досуговъ, снова привѣтствую Васъ съ начинаніемъ обыкновенныхъ трудовъ нашихъ, каждому изъ насъ любезныхъ и посвященныхъ пользѣ дражайшаго Отечества. Не по холодному чувству корысти, недостойной благороднаго сердца — не по суетному щеславію, чуждому истинныхъ достоинствъ, привяли Вы на себя труды сіи: Вы уже показали усердіе къ общему благу — и кто же нынѣ усомнится въ ревностномъ исполненіи Вашихъ обязанностей?

Пламенная любовь къ общественной пользѣ не погасла въ насъ опъ бурей брани и въ ту несчастную годину, когда, по не-исповѣдимымъ пайнамъ Промысла, испытаніемъ бѣдспій готовились къ насъ происходящимъ благамъ и распались съ любимыми бѣдами.

Не должно ли сіе благородное чувство еще болѣе пламенѣть подъ мирною сѣнію оливоу благодашнихъ, когда самъ Миротворецъ, предъ Коимъ вся Европа преклоняла шрофенъ свои и величественное шествіе устинала побѣдными лаврами — обожаемый **МОНАРХЪ** нашъ нынѣ въ древней Сполицѣ, опрысшей сѣ главы своей пепелъ знамениныхъ развалинъ и сіяющей въ новомъ краснѣйшемъ великолѣціи; когда симъ вождѣленнымъ присущствіемъ Самодержца и Августѣйшаго Дома, оживленные жипели въ радостномъ восторгѣ благоговѣюще великодушнаго своего Вънценосца и благоговѣюще предъ подвигами Его милосердія и Божественнаго благочестія? Спаситель Европы сооружаетъ храмъ Христу Спасителю! Зрѣлище высокое, небесъ достойное!

При семъ-па поржесивъ первопреспольнаго града и мы радостно приступаемъ къ прудамъ своимъ, близкимъ сердцу Сполицы, древней обипели Рускихъ нравовъ и обычаевъ, роднаго языка и всего священнаго для гражданина — приступаемъ къ зананіямъ слова, сего вѣрнаго знаменія возвышенныхъ достоинствъ челоука — сего орудія про-

свѣщенія и красота разума. Сколь великія блага изливаются оно на умъ, возносящій человека надъ вселенной! Спаясь изображать мысли ясно и справедливо, мы научаемся здраво судить и благородно чувствовашь. Передавая на словахъ чувства свои и мысли другимъ, мы способствуемъ образованности народной и распространению свѣта познаній. Проницательные Математики, не обладая въ надлежащей степени языкомъ, кажутся темными. Глубокіе Философы, не имѣя дара слова, не объясняютъ таинствъ природы. Краснорѣчіе, приобретаемое науками, взаимно служитъ наукамъ и силой и вѣнцемъ. Не оно ли смягчаетъ нравы народа, образуетъ и возвышаетъ Государства? не оно ли успѣхи предзнаменуютъ успѣхи общества во всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ усиліяхъ? Незабвенныя времена Перикловъ въ Аѣнахъ, Августовъ и Медіцисовъ въ Римъ, Людовиковъ во Франціи, были вмѣстѣ славны и краснорѣчіемъ. Музы любятъ народъ просвѣщенный.

П. Ч. ! и мы все, что успѣемъ сдѣлать въ пользу языка своего, все сдѣлаемъ во сла-

ву и благо любезнаго Отечества. Мудрые
отдаютъ полную справедливость занятіямъ
Вашимъ. Просвѣщенные Любители и Люби-
тельница Россійскаго Слова принимаютъ лесп-
ное участіе въ бесѣдахъ нашихъ. Награда за
доброе дѣло въ самомъ дѣяніи: — симъ высо-
чайшимъ удовольствіемъ Вы уже наслаждае-
тесь.

А. Прок. Антонской.

1817 года

Октябрь.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ МОИСЕЯ,

предъ его кончиною, къ собранному

Израиллю.

Второзаконія, глава 32я, отъ стиха 1го до 44го.

Предувѣдомленіе.

Предметъ сей Пѣсни есть увѣщаніе народу Израильскому; проповѣданное Моисеємъ на брегахъ Иорданскихъ; за нѣсколько времени предъ его кончиною, когда онъ вручалъ жезлъ управленія Іисусу Навину. Великій Пророкъ, которому — по словамъ Святаго Писанія — не было другаго подобнаго: (*И не воста къ тому Пророкъ во Израили, яко же Моисей, его же позна Господь лицемъ къ лицу; — во есѣхъ знаменіяхъ и чудесѣхъ сотворилъ онъ дивная и великая и имѣлъ руку крѣпкую и мышцу высокую.* 34 Впороз ст. 10—12.) сей Пророкъ — говорю — зная непостоянной, легковѣрной и спропшивой характеръ народа Израильскаго, склонность къ язычеству, развратъ и слабосць, ушверждаетъ его сею Пѣснію въ законъ и испиѣ. Сперва воспоминаетъ онъ всѣ благодѣянія Всевышняго, Іудеямъ оказанныя; потомъ говоритъ о томъ, какъ неблагодарныя чада Іакова забыли све-

Книжка ХУІ.

А 2

его Предвѣчнаго Благодѣшеля и предались богамъ
нуждымъ, которые не могли спасти ихъ. Рев-
нующій Богъ отвратилъ отъ нихъ лице Свое,
предалъ ихъ народамъ варварскимъ и послалъ на
нихъ всѣ нещасія. Но послѣ опять умило-
спивился, поразилъ враговъ, ихъ угнѣдав-
шихъ, и воспавилъ народъ Свой. — Такимъ
образомъ, и угрозами наказанія, и объяти-
ми милосердія Божія, попеременно дѣйствуетъ Мои-
сей на сердца Іудеевъ. Особливо величественно
изображено въ подлинникѣ всемогущество Бо-
жіе и любовь Его къ избранному народу. Въ
Библии сказано: *И написа Моисей Пѣснь
сію въ той день и научи ей сыны Из-
раилевы. . . . Яко азъ вѣмъ, Израилю,
ревеніе твое и вѣю твою жестокою: еще
бо мнѣ живу сущу съ вами днесъ, пре-
огорчающе бысте Господа: кольми паче
по смерти моей! . . .*

Я старался приблизиться къ подлиннику
и позволялъ себѣ только нѣкопоря ошступ-
ленія для необходимой связи и ясности. —

ПѢСНЬ МОИСЕЯ,
предъ его кончиною, къ собранному
Израиллю.

Услыши, Небо! возглаголю:

Земля, внуши свяпый урокъ!

Какъ дождь помиму зноемъ полю:

Живый словесъ пролейся шокъ!

Какъ росы упренни, пріятны:

Текише пѣсни благодапны!

Какъ ливень бурный жаркихъ дней

Смываешь съ дровъ пыль вредну, гады,

Даруя злакамъ жизнь, опрады:

Пишай мой гласъ сердца людей! —

Благословенъ Господь, Иегова предвѣчный! . . .

Ему хвалы, Ему воздайте безконечны! —

*

Основной камень, сила Онъ!

Его дѣла . . . краса висока;

Его пуши . . . добро, законъ;

Богъ явенъ, вѣренъ безъ порока;

Богъ преподобенъ, правъ и свяпъ! — —

И Богъ, сей Богъ смущенъ неправдой злобныхъ

*

чадь!

О родъ спропшивый, родъ развраша,

Безумный, непокорный родъ!

Сіа-ль признапельности плаша

Тому, Кшо Царь швой и оплопъ? —

Не сей ли, солнца, звѣздъ Зиждичесель,

Тебя изъ перепти сотворилъ? —
 И — какъ Отець, какъ Искупитель —
 Спяжалъ, возставилъ, укрѣпилъ?
 Не сей ли присный мвой Владыка? — — —

*

Возстани память древнихъ дней!
 Вѣщайше разумамъ людей
 Дѣша языка до языка! . . .
 Спроси родившаго тебѣ:
 И дасъ событій извѣщенье;
 Спроси старѣйшинъ вокругъ себя;
 Рекутъ пвое уничиженье! —

*

Когда, разсѣявый Адамлевы сыны,
 Всевышній раздѣлялъ всѣ племена земныя:
 Поставилъ рубежи и власпи Онъ свящія,
 Даль въ спражу и число имъ Ангеловъ чины;
 И бысшь Господня частъ, Иаковлево племя;
 Израиль . . . домъ и градъ, наслѣдіе Творца,
 Удѣлъ земный небесъ, благословенно сѣмя,
 На коемъ почивалъ свѣтъ Божія лица. —

*

И Богъ взыскалъ его въ пущыни;
 Исполнилъ силы, благоспыни;
 Провелъ среди жестокихъ мѣсщъ;
 Въ безводныхъ, напоилъ въ часъ зноя;
 Какъ спражъ, обшекъ его окреспъ,
 Уча, лелѣя и покоя;
 Пріалъ въ объятія, согрѣлъ;
 Какъ Своего зѣницу ока,

Хранилъ его ошь язвъ порока;
 И, какъ пернатыхъ Царь, орель
 Гнѣздо на немѣ горь свиваетъ,
 Милуя, радуя пшеницовъ,
 Надъ ними крыла просшираетъ,
 Ширясь — живой покровъ —
 Или, несясь ошь свѣша къ свѣшамъ,
 Когда въ ефирѣ пишина,
 Подъемлетъ ихъ на рамена
 И учипъ выпреинимъ полетамъ:
 Такъ Богъ сыновъ Своихъ водилъ,
 Такъ слабыхъ ограждалъ Богъ силъ! — —
 Не боги съ ними были чужды,
 Не боги мершвы ихъ спрегли:
 Онъ ихъ посшавилъ выше нужды,
 На красныхъ висопахъ земли;
 Насыпилъ ихъ ошь шуковъ жиша,
 Изъ камня медъ усшамъ ихъ шекъ;
 Елей точила грудь граниша,
 Имъ бреги улыбались рѣкъ;
 Древа имъ соплетали сѣни,
 Имъ вѣялъ воздухъ чистъ и здравъ;
 Въ трапезны призывали шѣни
 Млеко овецъ и масло кравъ,
 Овны и агнцы преципанны,
 Злапо - зернистое ишено,
 Тельцовъ и козлиць шукъ желанный,
 И гроздїй рдана кровь, нико. —

Упился сильный, скрылся правый,
 Возлюбленъ — Отчій чуждымъ спаль;
 Преципанъ, шучень, величавый,
 Разширясь, одряхлѣль, упаль
 И Бога позабыль въ шуманахъ оболщенья;
 Сошворшаго забыль: Тебя, оплошь спасенья! . . .

*

О Боже, что Иаковъ Твой?

Посыдныи чпипель чуждыхъ нравовъ;
 Иноплеменныхъ рабъ, успавовъ,
 Поклонникъ идоловъ слѣпой,
 Вознесъ духамъ нечиспымъ жерпвы;
 Богамъ, безвѣспнымъ для опцовъ! — — —
 Нелѣпы, новы, нѣмы, мертвы,
 Слѣпцы, швореніе слѣпцовъ,
 Пріемлютъ храмы, почеспь, дани! —
 А Богъ, а Топъ, Кпо насъ родиль,
 Чьи насъ повиди сильны длани;
 Кпо восципаль и воздоиль,
 Ошчизны крѣпкій Богъ, оспавленной, презрѣнной,
 Ревнуешъ, сѣшуя надъ тварью опреченной! —

*

Ревнуя, рѣвомъ воспылаль

Противъ Израилевой дщери;
 Ярасъ на чадъ ея, вѣщаль:
 „Щедропъ запечашлѣйтесь двери!
 „Я отвращу лице опъ злыхъ!
 „Уаряпъ свой грѣхъ, свою невѣрноспъ,
 „Тщепу надѣяній пуспыхъ;
 „Узряпъ Мою кипящу ревноспъ! . . .

„Такъ ! Богъ ревнивъ , ревнивъ къ сынамъ ;
 „Онъ мстишь обътовъ нарушенью. —
 „Меня , Творца , предашь шворенью !
 „Мной жертвовашъ ! . . . чему ? мечамъ ,
 „Богамъ ничтожнымъ , испуканнымъ ! . . .
 „И Я ихъ духъ преогорчу !
 „Не родомъ знаменитымъ , браннымъ ,
 „Гдѣ мечъ ешь равный врагъ мечу :
 „Нвпъ ! . . . ослѣплены Мной , помчашся
 „Противъ безмысленныхъ племень ;
 „Мечи въ соломѣ пришупашся ,
 „Ослабнетъ мышца въ шмѣ измѣнъ ;
 „Гдѣ брань — игра , гдѣ стыдъ — побѣда ,
 „И сильный собошвеннаго слѣда
 „Во срамъ невосхоцетъ знашь :
 „Тамъ имъ погибель собирашь ! —
 „Испаюшь суешой , мечтами ,
 „Разсыплюшся собою сами ! — —
 „Не выль , безумные , возжли
 „Всю силу ярости Господней ? —
 „И огонь сей свидеть къ преисподней ,
 „Поаяшь плоды и злакъ земли ,
 „Спалишь кремнистыхъ горъ основы ! — —
 „Сберу на бѣдспва . . . бѣдспва новы ;
 „Какъ тучи къ тучамъ , приложу ;
 „И — грома пламеннымъ ударомъ —
 „На васъ обрушу , въ гнѣвѣ яромъ ,
 „Разсѣю стрѣлы , разпочу ! —
 „На васъ — шомимыхъ люшымъ голодомъ ,

„Спихій свирѣпствомъ , язвы адемъ —
 „Пошлю желѣзныи зубъ звѣрей,
 „И жала искромешныхъ змѣй;
 „Опъ виѣ , вась мечь Мой обезродитъ;
 „Внутри, поскливая Гроза —
 „Ликъ блѣдный , дикіе глаза —
 „Боязнъ по спогнамъ вашимъ бродитъ;
 „Все жертвою Моею , опмщенія въ пушяхъ;
 „Мужъ , дѣва , старецъ , младъ , при матернихъ
 сосцахъ!

*
 „Такъ Я вѣщала . . . . и слово Бога свято:
 „Погибнуть! . . память ихъ позорная умретъ. —
 „Но во враждѣ Творца участья смершнымъ нѣтъ!
 „Погибнуть Мной они ; да гордость супоста-
 шовъ,
 „Кичась , безумная! не скажешь Миѣ въ позоръ:
 „Не Егова казнилъ ихъ въ ярости
 правдивой:
 „Высокой мышцей , мы низвергли родъ
 сиропливой;
 „Израиль нами сшершъ. — Умолкни злый
 соборъ;
 „Миѣ судъ Моихъ людей! не вамъ . . . Сокрой-
 шесь въ прахъ!
 „Богъ — истина и судъ; благоговѣйше въ спрахъ! —

*
 О , еслибъ мыслили они !
 И мыслявъ , мудри , разумѣди ,
 Чшо съ ними было въ оны дни,
 Которы ерамъ ихъ печашляли! —

Какъ могъ гнать тысячи единыхъ?
 Какъ двѣ тысячи храбрыхъ рати
 Не возмогли предъ горстью спасти,
 Противъ Израильскихъ дружинъ? —
 Зане — ничто ихъ боги въ брани
 Противъ всеправящія длани,
 Противъ вождя Іеговы! . . .
 Безъ духа и безъ рукъ . . . пошуплены главы . . .
 Какъ жершвенны шельцы предъ олшаремъ стояли,
 И плвнь нашъ на себя недвижны призывали! —

*

И дивно ли? Ихъ виноградъ
 Есть отъ содомскихъ виноградовъ;
 Ихъ лозы изпочають ядъ,
 Исполненный Гоморры ядовъ;
 Ихъ грозди — желчь и шукъ скорбей!
 Вино же ихъ — драконовъ яросшь,
 Неизцѣлимыхъ яросшь змѣй! —

*

Израиль! се урокъ и радость! —
 „Не всель сіе — Егова рекъ —
 „Есть тайный судъ Мой неизмѣнный? —
 „Награды, казни сокровенны
 „Въ Моихъ хранилищахъ отъ вѣкъ,
 „Мое спасенья, мести время!
 „Уже ослабла ихъ спопа;
 „День близокъ: тягошѣтъ бремя
 „И совершится ихъ судьба!
 „Возстанеть Богъ награды, возстанеть Богъ
 ошмщеній:

„Разсудишь Свой народъ, съ нимъ прю Свою
рѣшишь;
„И умилился Онъ ко чадамъ прегрѣшеній,
„И узришь: мышца ихъ ослабла, въ прахѣ
щипъ,
„И пригнулося мечь . . . изурены, въ неволѣ!
„И сирымъ, гладнымъ, безъ опца,
„Уже имъ не оспалось болѣ,
„Какъ ждашь въ помленіи поспыднаго конца! —

*

„Тогда речешъ: гдѣ ващи боги?
„Гдѣ уиованія предѣль?
„Гдѣ, гдѣ сіи надежны, многи,
„Охранны силы душъ и шѣль?
„Сіи, копорыхъ жерпвы спрашны
„Снѣдали вы при олшаряхъ?
„Копорымъ въ чesть, вино и брашны
„При пляскахъ пили и играхъ? —
„Взывайше къ нимъ! да ополчашся
„И помощь въ нуждѣ вамъ дадушъ;
„На супосшатовъ устремяшся
„И васъ во крѣпосшь облекушъ! —

*

„Познайше же, познайше нынѣ;
„Я живъ, Я сый, единъ; и нѣпъ,
„Другаго нѣшъ вoждя судьбинѣ! —
„Я создалъ, Я храню сей свѣнъ! —
„И жизнь и смершь . . . въ могущей длани!

Съ хвалами чады Его блаженныхъ!
Онъ испилъ и испилъ *за честь сыновъ,
За кровь Своихъ благословенныхъ!
Онъ пляско възыщеть со враговъ ;
Воздасть за злобу и киченье ;
Онъ міру . . . . свѣшь и очищенве! —

А. Мерзляковъ

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ 3а.

Стройше гусли славы чада!
Гряньте въ праздничный шимпань!
Пойте Богу! — Онъ отрада,
Спражь и Царь Сіонскихъ спрань.
Пойте Богу! — Онъ всесилень,
Правосудень, милосердь;
Съ нимъ Израиль въ браняхъ швердь
И богатствомъ изобилень.
Пойте Богу! — Имъ крѣпка
Царства нашего держава,
И побѣды дивной слава
Знамениша и громка.

Словомъ Божимъ утвердилася
Звѣздныхъ сводовъ высота;
Духомъ уотъ Его свершилася
Сила, жизнь и красота.
Онъ изрекъ: „Да будетъ время,
„Тьма ночная, дневный свѣтъ;
„Да прозябнетъ, возрастетъ
„Кедра и былинки сѣмя!
„Да прольются шоки рѣкъ,
„Птицы въ воздухъ воскресяся,

„Звѣри въ дѣбряхъ поселяшся
 „И . . . явился челоѡкъ!“

Рекъ — и вдругъ хаосъ ужасный
 Видь прелестный воспріаль :
 Солнца краснаго лучъ ясный
 Надъ землею возсіяль ;
 Миліоны звѣздъ зажглися ,
 Засвѣшилася луна ;
 Темныхъ пропастей со дна,
 Къ небу горы вознеслися ;
 Океанъ въ брега вошелъ ;
 Пальмы оѡвнили сушу ;
 Все пріяло образъ , душу ;
 Міръ родился и зацвѣль.

Да шрепещешъ и смиришся
 Предъ Творцомъ своимъ вся шварь !
 Да повсюду воцаршся
 Богъ единый . . . . міра Царь !
 Онъ одинъ въ могущей длани
 Держишь жребій царствъ земныхъ ;
 Онъ одинъ караетъ злыхъ
 И судьбами правишь брани.
 Не забудьте Божій страхъ ,
 Свѣша срочнаго Владыки !
 Вы для смершнаго велики ,
 Но предъ Богомъ шопъ же прахъ.

Предъ Всезнающимъ открышы
 Тайны скрышыя въ душахъ.
 Какъ глубоко ни зарышы
 Злые умыслы въ сердцахъ :
 Но Всевидящій ихъ видишь ;
 Все извѣстно для Него :
 Гдѣ, когда и кто кого
 Наградишь, или обидишь.
 Глазь оправды, скорби спонъ,
 Предъ Всевышняго восходишь
 И не рѣдко съ неба сходишь
 Опомощашъ невинности Овъ.

Многой силой не спасешя
 Всея вселенной властелинъ ;
 Возмутися, ужаснешя
 Сильный въ битвахъ исполниъ.
 Если счастья преидушь лѣша,
 Мечъ опмщенья заблестишь,
 Ангель смерпи воспрубишь
 И попребуешъ опвѣша :
 Горе сильнымъ ! . . . горе злымъ !
 Не помогуть и короны,
 Ничего не значашъ проны
 Предъ судилищемъ свяшымъ.

Гдѣ могущій, что хвалился
 Покоришь себѣ весь свѣшь ?
 Книжка ХУІ.

Грянулъ громъ . . . и раззорился
 Нечестиваго совѣтъ ;
 Руки крѣпкихъ ослабѣли ,
 Пали нашихъ бѣдъ шворцы ,
 И Сіонскіе пѣвцы
 Пѣснь побѣдную воспѣли .
 Счастія прешорглась нищѣ ,
 И ужаснаго червь гложеть . . .
 Ктожь посмѣеть , кто возможеть
 Божій судъ пересудить ? . . .

Славень Царь , блаженно царство ,
 Если Богъ возлюбилъ ихъ !
 Сила , гордость и коварство
 Не обрящутъ мѣста въ нихъ .
 Тотъ народъ , что называется
 Онъ наслѣдіемъ Своимъ ,
 Миромъ оградясь благимъ ,
 Твердь какъ пальма пребываетъ ,
 Напротивъ , другой языкъ ,
 О кошоромъ Богъ забудеть ,
 Вѣчно слабъ и презрѣнъ будетъ ,
 Какъ межъ кедрами шроспникъ .

Боже ! мы оныя колыбели
 Уповали на Тебя ,
 За свободу въ бой лезли ,
 Не щадя самихъ себя :

Вспомяни Ты наше рвенье,
Нашу къ родинѣ любовь,
Ужась бившъ, пролипу кровь,
И — за вѣрность въ награжденье —
Будь нашъ Царь и спражь всегда.
Да продляшся мира годы!
Да не смолкнетъ пѣснь свободы
Чадъ Сіонскихъ никогда!

Шатровъ.

И Л І А Д А.
П Ъ С Н Ъ Ш.

Поединокъ Париды съ Менелаемъ.

(Воинства Греческія и Троянскія, раздѣленнымъ на племена, сходятся къ общей битвѣ.)

Такъ лишь устроились въ бой, и всѣ пле-
мена за вождями
Двинулись — Трои сыны съ шумомъ, съ кри-
комъ, какъ птицы!
Крикъ раздастся шаковъ журавлей подъ не-
бомъ высокимъ,
Если избѣгнувъ и зимнихъ вьюгъ и ливней
осеннихъ,
Съ крикомъ спаницей лепящъ черезъ быструю
хлябь океана,
Смерть и погибель несутъ жалорослому племю
пигмеевъ,
И воздушная рать нападающъ въ нихъ бит-
вой жестокой.

Но приближались безмолвно мужествомъ
грозные Греки,
Съ чувствомъ единымъ въ груди — погибашъ од-
ному за другаго.

Клань по холмамъ горы Аквилоны шуманъ раз-
 ливающъ,
 Пастырю гибельный, хищнику спадъ вожд-
 делннвйшій ночи :
 Видно въ то время не далъ, какъ падаешъ
 брошенный камень ;
 Такъ изъ подъ стопъ ихъ прахъ, воздымаяся,
 черный клубился
 Въ слѣдъ за идущими ; быстро полны проше-
 кали равнину.

Рапи сошлись, и когда соспупались другъ
 въ друга ударить ,
 Въ первомъ явился ряду Александръ, какъ без-
 смертный прекрасенъ ,
 Кожею шигра покрывъ, за плечами съ искри-
 вленнымъ лукомъ,
 Съ свѣплымъ мечемъ на бедрѣ, и въ рукахъ
 повершенные мѣдью
 Два попрысая копья, вызывалъ онъ сильнѣй-
 шихъ изъ Грековъ
 Выйши одинъ на одинъ и измѣрился грозной
 съ нимъ бившой.

И Герой Менелай, лишь только узрѣвъ,
 что Пріамидъ
 Смѣлъ выдашся впередъ и широкой стопой
 выступаетъ ,

Въ радость приходишь какъ левъ, набредя на
 великую добычь,
 Встрѣпя рогатую лань, или дикую пучную
 козу;

Съ голода люшь, восхищаетъ корысть онъ
 и жрець, хопъ надъ оной

Самъ окружень и рѣзвыми псами и юношью
 пылкой застигнуть.

Въ радость такую пришелъ; — Менелай Алек-
 сандра младаго

Близко узря, и лѣпясь наконецъ опмстивъ
 нечестивцу,

Вдругъ съ колесницы Герой съ оружіемъ пря-
 нуль на землю.

Но прекрасный Паридъ, едва завидѣль Амрида
 Въ первомъ блеснувшаго спрофъ — въ немъ дрог-
 нуло нѣжное сердце;

Вспянь онъ въ дружину Троянь укрылся, бѣ-
 гущій отъ смерти.

Такъ, есшли въ дебри гористой пушникъ дра-
 кона увидишь,

Прянувъ назадъ, цепенѣешь, — спрясутся подъ
 нимъ всѣ сосавы,

Съ ужасомъ вспянь онъ бѣжишь, на лицѣ его
 смершная блѣдность.

Такъ убѣжалъ, и скрылся въ толпахъ Пергам-
 лянъ надменныхъ

Славный красою Паридъ, успрашая Амреева
 сына.

- Гекторъ, узрѣвъ бѣглеца, оскорбилъ его
рѣчью жестокой :
- „Робкій Паридъ ! лишь по виду Герой ; жено-
любець , предъстпшитель !
- „Лучшебъ ты не былъ рождень, иль погибъ до
несчастнаго брака —
- „Мнѣбъ по оправдѣе было; и лучше на свѣшъ
не родиться ,
- „Нежели срамомъ бышь и позорищемъ цѣлому
свѣту !
- „Какъ посмѣюшся враги ! . . . Торжествю ты
для гордыхъ Данаевъ ,
- „Випяземъ спрашнымъ себя почитавшихъ по
зрачному виду.
- „Видь твоей красенъ ; но ни силы въ душѣ , ни
мужества въ сердцѣ !
- „Естьли шаковъ ты , за чѣмъ , малодушный ,
съ толпою подобныхъ
- „Бурный ты поншъ измѣрялъ на твоихъ ко-
рабляхъ мореходныхъ ,
- „Въ чуждое племя входилъ и похищилъ изъ
спраць опдаленныхъ
- „Женъ ихъ красу , сеспру и невѣстку мужей
браноносныхъ ?
- „Гибель за чѣмъ ты шворилъ и опцу и народу
и Царству ?
- „Радосшь Ахеемъ врагамъ , а себѣ — поношенье
навѣки ?

- „Что ны съ оружемъ въ рукакъ, не встрѣ-
пиль Априда Героя?
„Ты бы узналъ, у кого ны похипиль младую
супругу?
„Лира явоя и дары Афродиты — и кудри и
прелесть
„Былибь не въ помощь шибъ, предъ Апри-
домъ проспертому въ прахъ! —
„Робокъ Троянской народъ, иль давнობъ уже
быль ны не свѣтлой —
„Каменной ризою одѣтъ, виновникъ бѣдспвй
народныхъ!“

- Гектору бжспро въ отвѣтъ Паридъ воз-
разиль лѣповидный:
„Гекторъ! ны въ правѣ хулишь, — и швод
мѣ хула не обидна.
„Но душа у тебѣ непреклонна ни чѣмъ, какъ
сѣкира;
„Въ хищныхъ рунахъ она мужа, шворца кора-
блей мореходныхъ,
„Толщю пронзаешъ дубовъ, и рукъ его силу
сугубишь:
„Такъ и въ персяхъ швоихъ не смирино высокое
сердце!
„Нѣшь, любезныхъ даровъ не порочъ ны зла-
шой Афродиты:
„Нѣшь, не презрѣнь ни одинъ блистательный
даръ всемогущихъ;

- „Есть намъ ихъ боги даюшь; никто не принялъ
ихъ по волѣ.
„Хочешь ли ты, чѣмъ я шеверъ же съ Апри-
домъ сразился?
„Рапи сдержи, повели ты возсѣсть и Троннамъ
и Грекамъ,
„И на средину полковъ меня съ Менелаемъ
Героемъ
„Къ бою сведите двоихъ, и окончимъ мы споръ
за Елену.
„Кто побѣдитъ, одержа надъ противникомъ
верхъ несомнѣнный,
„Топь и жены и сокровищъ похищенныхъ
вѣчный власпищель.
„И тогда вы, союзъ утвердивши и кляпвой
и жерпвой,
„Будете Троей владѣть, а Данаи въ дома воз-
вращаются,
„Въ Аргось, богатый конями, и въ Элладу,
обищель красавиць.“

(Гекторъ объявляетъ желаніе Париды; Минелай
принимаетъ вызовъ; и между тѣмъ, пока въ-
стники обоихъ племенъ готовятъ клят-
венныя жертвы для договора, Ириса подвѣ-
домъ Лаодики, Приановой дочери, являясь
Еленѣ.)

Въ свѣпломъ чертогѣ сидя, Елена тка-
 ла многозгибный,
 Пышный, пурпурный покровъ, и на ономъ
 пруды вышыкала
 Грозныхъ конями Троянъ и мѣднохипонныхъ
 Данаевъ,
 Кои ошъ Марсовыхъ рукъ за нее подымающъ
 Герои.
 Къ ней присупя, легконогая вѣспница шакъ
 говорила :

„Шестивуй, милая Нифма, дѣянїя чудныя
 видѣшь
 „Грозныхъ конями Троянъ и мѣднохипонныхъ
 Данаевъ !
 „Мигъ передъ симъ, какъ ихъ раши, движа-
 ся бурнымъ Ареемъ,
 „Съ шумомъ сходились въ поляхъ, кроваваго
 жадные боя ;
 „Нынѣ безмолвны спояшъ, на щипы склони-
 лися вои,
 „Копья ихъ въ доль вонзены, ушихнула бран-
 ная буря.
 „Храбрый одинъ Александръ, и съ нимъ Мене-
 лай рашоборець
 „Съ копьями выйши хошяшъ, за тебѣя предъ
 полками сразисься,
 „И супругой любезной тебѣя наречешъ по-
 бѣдшель.“

Такъ говоря, пробудила богиня въ ней
 сладкія чувства,
 Думы о первомъ супругѣ, объ опшескомъ гра-
 дѣ и кровныхъ.
 И она, шоропливо наброся покровъ серебряспый,
 Скоро изъ храмины шесшвуесть съ шихой сле-
 зой на рѣсницахъ,
 И за нею спѣшашъ служебницы вѣрныя объ,
 Эвра, Пшѣева дочь, и Климена съ блиспаю-
 щимъ взоромъ.
 Скоро онѣ пришекли до Скейскихъ врагъ воз-
 вышенныхъ.
 Тамъ уже былъ и Пріамъ и Панѣей и Фимешъ
 сѣдовласый,
 Клишій и Лампъ и Гикѣшаонъ, древній напер-
 скихъ Арея,
 Укалегонъ и съ нимъ Ашпеноръ, прозорливые
 мужи;
 Тамъ они спарцы народа на башнѣ Скейской
 сидѣли,
 Спарцы, безильные въ брань, но мудрые му-
 жи совѣта,
 Тихимъ подобные спрекозамъ, кои въ дубравѣ
 зеленой
 Сидя на вѣшвахъ деревъ, разливаютьъ свой
 сладоспный голосъ:
 Сонмъ шаковыхъ возсидѣлъ спарѣшцинь града
 на башнѣ,

И едва лишь они увидали Елену близъ
 башни,
 Начали пакъ межъ собой разглагольствовашъ
 голосомъ пихимъ :

- „Нѣтъ, не возможно винить, что Трояне
 и храбрые Греки
 „Сполько годовъ и пакія бѣды за жену сію
 шедцашъ :
 „Вида безсмертныхъ богинь она своимъ ви-
 домъ подобна !
 „Но — и сполько прекрасная, пусть возвра-
 тишся въ Эдладу,
 „Пусть удалишся она, и нашей и чадъ нашихъ
 гибель !“

- Такъ говорили ; Пріамъ же къ себѣ призы-
 валь ее громко :
 „Шествуй, любезная дочь, и возсядь ты со
 мною ; описель
 „Узришь супруга твоего прежняго, узришь и кров-
 ныхъ и ближнихъ.
 „Ты невиновна предъ нами, единце боги ви-
 новны ;
 „Боги плачевную рать на меня и на домъ мой
 послали.

(Елена остается на башнѣ, и между тѣмъ какъ
 Пріамъ, спрашиваетъ ее о вождахъ Грече-

скиѣ — вѣстники, неся изъ града потребное для жертвъ, по желанію Грековъ призываютъ Пріама быть свидѣтелемъ клятвъ. Онъ является въ собраніе еожей; жертвы совершаются, и Агамемнонъ прозноситъ клятвы.)

- „Мощный Зевесъ, повелитель Идейскій,
преславный, великій!
- „Геліосъ, видящій все и внемлющій все въ под-
небесной!
- „Рѣки, зѣмля, и вы, подѣ землею судилители
мершвыхъ,
- „Боги — каратели душъ — беззаконныхъ ру-
шителей клятвы,
- „Будьте свидѣтели вы, и храните намъ клятву
завѣла!
- „Если Пріамидъ Паридъ убьешь Менелая Апи-
рида,
- „Онъ и Елену въ дому и сокровища всѣ да
удержишь;
- „Мы же на черныхъ судахъ опшывемъ опъ
бреговъ Иліонскихъ.
- „Если Парида въ бою поразитъ Менелай
свѣшловланный,
- „Нынѣжъ Троянцы должны возврашше и жену
и богатства;
- „Грекамъ обязаны дань заплашше, какъ до-
ешейную пѣню,

- „Памяшь о ней чпобъ достигла до поздныхъ
племень челоувѣковъ !
„Но когда мнѣ Пріамъ и семейство Пріамова дома
„Должную дань заплашишь не захочешъ по
смерти Париды,
„Раповашь вновь я начну, пока не принужу
ихъ къ дани;
„Здѣсь я останусь, пока не найду конца рапо-
борству.“

Рекъ, и горшани овновь разсѣкъ онъ су-
ровою мѣдью,
И на злачной землѣ положилъ ихъ, въ прене-
пѣ смершномъ
Кровь изливавшихъ и жизнь, убишую мѣдью
суровой.
И Ахеи, вино изъ урны чѣрпая кубкомъ,
Въ честь возливали богамъ, мольбы возноси къ
вѣчносуцимъ.
Голось одинъ поднялся ошъ рядовъ и Троямъ и
Ахеянъ :

- „Мощный, славный Зевесь, и вы, безсмерт-
ные боги !
„Ежели есть среди насъ пресшупники первыя
кляшвы,
„Пусшь изъ главы ихъ на прахъ, какъ вино сіе,
мозгъ разольется,
„Ихъ вѣроломныхъ, и чадъ — и пришельцы
ихъ женъ поругаюшь.

(Пріамъ, не могши смотрѣть на сына въ битвѣ,
отвѣзжаетъ обратно въ Трою.)

Гекшоръ Пріамидъ тогда съ божеспвеннымъ
сыномъ Лаерпа
Мѣсно бишвы измѣряюшь; и жребій двухъ са-
моборцевъ
Въ мѣдный шеломъ положа, сопрясаюшь, чшобъ
ими рѣшилось
Мервому въ бишвѣ кому кошь, нападая, повер-
гнушь.
Раши межъ шѣмъ, проспирая руки съ мольбою
къ безсмертнымъ,
Такъ на обвихъ спранахъ, по воинскимъ ря-
дамъ возглашали:

„Зевесъ и великій и славный, о царь, обла-
дающій съ Иды!
„Кшо сихъ погибельныхъ дѣлъ, народамъ шво-
рецъ ненависпный,
„Дай ему нынѣшній день низринуться въ шар-
пашъ подземный;
„Намъ же и дружбу и миръ ушвердишь нена-
рушимой кляшвой.“

Такъ возглашали. — Но Гекшоръ воин-
спвенный жребій снова,
Взоръ опшрація, сопрясь, и вылетѣлъ жребій
Царида.

Всѣ тогда сѣли рядами, въ срединѣ ихъ каж-
 дый оставилъ
 Роющихъ землю коней и оружія, разныя цѣвѣ-
 томъ,
 И тогда поспѣшилъ облечься въ доспѣхъ веле-
 лѣнный,
 Богу подобный Паридъ, супругъ волновласой
 Елены.
 И сперва наложилъ на бѣлыя ноги понежи
 Пышныя, сребренной снизу смыкавшіеся крѣп-
 кой зашежкой;
 Окреспъ рамень надѣвалъ изъ блистательной
 мѣди багряной
 Панцырь Ликаона брата, доспѣхъ и ему со-
 размѣрный;
 Съ плечъ на широкомъ ремнѣ спустилъ свой
 мечъ среброгвозднй
 Мѣдяный; сверху набросилъ свой щипъ и ог-
 ромный и твердый;
 Крѣпкій надѣлъ на главу шеломи, осѣненный
 власами
 Конскими; гровоно на гребнѣ власовъ раздѣвали-
 ся космы;
 Тяжкое поднялъ копье, но споручное сильной
 десницѣ.
 Такъ и Апридъ Менелай облакался оружіемъ,
 храбрый.

И когда наконец ополчились, [каждый
 в дружинѣ,
 Вдруг на средину полковъ пропивники оба
 выходящъ;
 Грозно взоры ихъ блещущъ; ужась при видѣ
 ихъ обнялъ
 Гордыхъ конями Троянъ и Ахеянъ одвѣянныхъ
 мѣдью. —,
 Вишязи оба сошлись, и на мѣспѣ измѣренномъ
 спали,
 Копья на взмахъ разводя, распаленные равною
 злобой.
 Первый молодой Александръ копье длинно-
 тѣнное ринулъ,
 И пришелся ударъ въ Апридовъ щипъ кругло-
 видный;
 Но исчезъ на мѣди: согнулось копейное жало
 Въ швердомъ щипѣ. — И тогда на Паридѣ,
 съ подняшой мѣдью
 Грозный Апридъ наступилъ, моля Зевеса вла-
 дыку:

„Зевесь! помоги мнѣ опмспитъ начи-
 нашело горькой обиды!
 „Дай мнѣ моею рукой сокрушить нечестив-
 ца Паридѣ,
 „Чтобъ и въ поздныхъ вѣкахъ шрепешали сы-
 ны челоуѣковъ,
 „Зломъ за пріязнь воздавашъ добродушному
 спраннопримцу.“

Книжка XVI.

В

Рекъ — и назадъ размахнувъ, копье длин-
 нопѣнное ринуль,
 И жестоко попали въ Приамидовъ щипъ кругл-
 видный;
 Щипъ свѣшозарный насквозъ могучая мѣдь
 пролетѣла,
 Бурнымъ спремленьемъ насквозъ хипроко-
 ванный панцирь пронзила,
 И по чреву близъ ребръ разодрала хипонъ
 Александра.
 Прянулъ онъ въ бокъ, и едва избѣжалъ поги-
 бели черной.
 И Апридъ герой, испоргнувши мечъ оребро-
 гвоздный,
 Въ размахъ надъ гребнемъ ударилъ въ шеломя;
 но мечъ вокругъ шелома
 Въ три и чепыре куска раздробившися, гря-
 нуль на землю.
 Съ гнѣва завопилъ Апридъ, на высокое небо
 взирая:

„Кронидъ Зевесъ! — ни одно божество,
 какъ ты, не злоторно!
 „Я наконецъ уповаль покарашь нечестивца
 Париды, —
 „И въ рукахъ у меня сокрушается мечъ,
 и напрасно
 „Мнится копье у меня; не могу я постигнуть
 злодѣя!“

Рекъ онъ, и бросясь къ нему, за шоломъ
 ухватилъ коневласый,
 И, съ нагнутой главой, пошацилъ его къ ра-
 ти Ахейской;
 Духъ у Парида спѣснилъ, давивъ ему нѣж-
 ную выю
 Шишый узорно ремень, шоломъ подъ бородою
 скрѣплявшій.
 Такъ его влекъ Менелай, и покрылсябъ онъ
 вѣчною славой;
 Но любимца узря Зевесова дочь Афродита,
 Рвешъ подшоломный ремень, вола суровую
 кожу:
 Слѣдуешъ праздный шоломъ за могучею дланью
 Героя.
 И Апридъ Герой, ненавистную добычъ сопря-
 сши,
 Ринулъ къ Ахейскимъ рядамъ, — и полняли
 вѣрные други;
 Самъ же онъ бросился вновь, Парида убишъ
 пламенѣя
 Мѣднымъ копьемъ; но его опъ очей похищаетъ
 Киприда.
 Вмигъ (божества всемогущи!) она, окруживъ
 его тмою,
 Вноситъ въ брачную сѣнь, въ ароматный чер-
 шогъ, благовонный.
 И сама поспѣшаетъ Елену призвать; и на башнѣ

Ледину дочь , окруженную сонмом Троянокъ ,
находитъ ;
Трогаешь тихо рукою , ризы нектарной ка-
саясь ,
И являешь ей подъ образомъ спарицы древ-
ней ,
Пряхи искусной , копорая въ Спартѣ при ней
обипая ,
Волну прекрасно пряла , и Царевну нелесно
любила .
Въ образъ спарицы сей Афродита вѣщаешь
Еленѣ :

„Шествуй , любезная дочь ; супругъ тебя
въ домъ призываетъ :
„Въ домъ онъ самъ , въ ложницѣ Герой , на
одрѣ велелѣпноу ,
„Свѣпелъ красой и убранствомъ ; увидя , не мол-
вишь , что выпязъ
„Съ грознаго боя притекъ , но на радостный
пиръ хороводный
„Хочешь идти , или съ пира предспалъ , и по-
чить восклонилъ .“

Такъ говоря , возбудила волненіе въ пер-
сахъ Елены .
Но Елена , узрѣвъ прекрасную выю Киприды ,
Прелестей полныя перси , быстро блестящія
очи ,
Въ ужась пришла , и къ ней обратившись , пакъ
возгласила :

„Какъ , жешпокая ! иль опяшь обольспить
меня хочешь ?

„Въ землю какую опяшь за собою повлечь
меня мыслишь ?

„Въ новой ли Фригии градъ , или въ градъ Мео-
ни веселой ?

„Или и памъ у тебя между смерпными шай-
ный любимецъ ? —

„Нынѣ , когда Менелай , въ бою побѣдивъ Алек-
сандра ,

„Снова въ свой домъ приняшь меня недо-
спойную хочешь ,

„Что предспаешь ты ко мнѣ , разспилая ко-
варныя сѣщи ? —

„Шеспвуй къ любимцу сама , опрекися пушей
Олимпійскихъ ,

„И твоею спопой не касаясь лазурнаго неба ,

„Скройся ты съ смерпнымъ , спрадай , разшѣ-
чай свои ласки Троянцу ,

„Счаспиемъ спавя женой ему бышь , или да-
же рабыней ! . . .

„Я не иду , не явлюсь , чшобы мнѣ . . . (и по-
зорное дѣло !)

„Одръ бѣглеца украшашъ ; — какъ спыдь свой ,
Троянскія жены

„Всѣбъ меця презрѣли . . . Нѣпъ ! мнѣ де-
вольно для сердца перзаній !“

И Киприда ей вдругъ раздраженная бы-
спро воззвала :
„Смолкни, злосчастная! — или спрашиси, чпо-
бы я не презрѣла :
„Чтобъ на злобу къ тебѣ не смѣнила люб-
ви безпредѣльной. —
„Ненависть двухъ сихъ племень, кровавую
мечь сихъ народовъ
„Я на тебя обращаю, — и погибнешь ты бѣд-
ешвенной смерщью !“

Такъ изрекла, и содрогмась Елена, рожде-
ние Зевса ;
И лице осѣнивъ блистательнымъ, бѣлымъ по-
кровомъ,
Идесть безмолвно, Троянкамъ невидимо, въ
слѣдъ за богиней. —
Скоро доспигли онѣ къ Александрову пышно-
му дому ;
Обѣ служебницы вдругъ обратились къ ра-
бамъ домовымъ,
Леды же дочь на верхній черпогъ, благород-
ная, всходитшь.
Тамъ роскошное кресло радостей масть
Аеродита
Взявши сама, предъ лицомъ Паридовымъ ста-
вить Еленѣ.
Зевса прекрасная дочь, Елена, смущная, съла,
Очи назадъ ошвращя; и супруга шакъ упрекала:

- „Съ битвы пришелъ ты! — о, лучшебъ,
несчастной, на ней ты погибнулъ,
„Храбрымъ тымъ смертнымъ сраженъ, чьей су-
пругою бытъ я-гордилась!
„Какъ? — или прежде не ты величался, что
въ подвигахъ рапныхъ
„Мужествомъ, силой, копьемъ превзойдешь
Менелая Героя? —
„Шестивуй шеперь, и любимца Ареова вызови
снова,
„Снова начни ты съ нимъ бой . . . Но нѣтъ,
не совѣшую болѣ!
„Лучше покойся въ дому, не дерзай никогда съ
Менелаемъ
„Въ свѣчахъ сходиться, ни въ битвахъ рѣши-
тельныхъ спорить безумно;
„Или спрассишь, чшобъ тебя его грозная мѣдь
не смирила.“

- И молодой Александръ опвѣтствовалъ бы-
стро Еленѣ:
„Нѣтъ, о супруга! души не пронзай мнѣ обид-
нымъ упрекомъ.
„Нынѣ Атридъ Менелай побѣдилъ съ свѣшло-
окой Аѳиной; —
„Будешь и онъ побѣжденъ: покровители боги
и съ нами!
„Но приближься ко мнѣ, — насладимся любовью
взаимной.“

„Нѣшь, никогда еще пакъ не владѣла лю-
 бовь моимъ сердцемъ ;
 „Ни въ попь счастливый день, какъ тебя я
 изъ Спаршы веселой
 „Мчалъ похищенную въ домъ на моихъ кораб-
 ляхъ мореходныхъ,
 „Ни въ попь мигъ, какъ тебя на Кранаѣ
 въ объятія принялъ. . . .
 „Нѣшь, я сильнѣе люблю . . . и объялъ меня
 сладосный препенъ!“

Рекъ онъ, и къ ложу идешь, и за нимъ оп-
 ходишь супруга,
 Гдѣ возлегли, и на пышно завѣшанномъ ложѣ
 почилъ,

Но Апридъ между шѣмъ, какъ звѣрь, меж-
 ду полчицей рыскаль,
 Взоры бросаая кругомъ, не узришь ли младаго
 Парида ?
 Но никто изъ Троянъ, но никто изъ друзей
 ихъ усердныхъ
 Въспи объ ономъ подашь не могъ бранноносу
 Априду.
 Вѣрно изъ дружбы къ нему не скрылъ бы ни-
 кто его зрѣвшій ;
 Въсмъ онъ давно уже былъ ненавистень, какъ
 черная гибель.

И тогда къ нимъ воззвалъ владыка мужей

Агамемнонъ :

„Слушайте Трои сны и Дарданцы, и раши
союзныхъ !

„Ясно для всѣхъ шоржеспво Менелая, любим-
ца Арея ;

„Нынѣ должны возврашпть вы Елену, и съ
нею богапспва ;

„Дань вы должны заплашпть, какъ доспой-
ную пѣню Данаямъ ,

„Память о ней чшобъ доспшгла до позд-
ныхъ племень челоувѣковъ.“ —

Такъ онъ въщаль, и крикомъ хвалы гремѣли
Данаи !

Г — чь.

О КРАСОТѢ.

КЪ ДОРИДѢ.

Пѣснь Лирическая,

Въ чѣмъ обрѣспи Красу, Дорида? —
Кто мнѣ опредѣлишь черны
Очаровашельнаго вида? —
Гдѣ почный образъ Красоты?

Не въ красѣ ли упра Майскаго,
Какъ восходитъ солнце красное
Изъ-за холмовъ зеленѣющихъ,
И лучами шепловворными,
Осушаетъ съ бѣлыхъ ландышей
Слезы упра сладостраспныя? —
Нѣтъ! спарикъ, согбенный лѣпами,
Не находить въ немъ пріятносшей;
Красота зари вечерня,
Солнце въ воды погруженное,
Для души его пріятнѣе.

Розъ ли альбе листы,
Цвѣтъъ разкинутый, душистый,
Ликъ являютъ красоты? —
Дубъ ли гордый и вѣповисный,
Въ ошдалены синій боръ,

Брегъ съ высокими скалами,
 Изпещренный лугъ цвѣтами,
 Иль вершина снѣжныхъ горъ,
 Нивъ ли волны золотые,
 Иль валы морей сѣдые,
 Иль шумящій водопадъ,
 Твой маняшь, Дорида, взгляды?

*

Тебя плѣняешь то; другой другимъ плѣнился;
 И въ мнѣннн о-красѣ никшо не согласился!
 Различный нужень видъ, кого плѣнить, когда:
 Испанкѣ гибкой спанъ, Тосканкѣ шолшпоша,
 И малые глаза красавицѣ Кипая,
 И бѣга быешпропа праправнукъ Мамая.

*

Бровь нѣжной дугой,
 И взоры съ огнями,
 Ланины съ зарями
 Счищаютъ красой;
 Счищаютъ красою
 Агаповый глазъ,
 И щеки, собою
 Какъ бѣлый апласъ
 Съ опипѣнкою розы;
 Во взорахъ угрозы,
 Насмѣшка въ успахъ;
 Густыя косицы,
 Какъ въ черныхъ власахъ
 Паеосской Царицы.

*

Взоры помные, лазурные,
 Пол-открыши губы алыя,
 Блѣдность — образъ состраданія;
 Но улыбка живошворная
 И влasy, подобны Ангельскимъ,
 Свѣшлорусые, волнистые,
 Не красую-ль почиаются?
 Не плѣняются ли сердца людей?

*

Въ чемъ обрѣсти красу, Дорида?
 Кто мнѣ опредѣлитъ черты
 Очаровательнаго вида?
 Гдѣ почный образъ красы? —

*

Мой вкусъ, мой вкусъ самолюбивый,
 Желаньямъ жертвуешь своимъ;
 Мы въ шомъ красу лишь только зримъ,
 Чѣмъ дыщешь духъ нашъ прихотливый,
 Рафаель, Микель - Анжъ, Карашъ,
 Любимцы Музы и дѣти славы,
 Намъ дали-ль на красу уставы? . . .
 Могли ли вкусъ принудить нашъ
 Плѣняться правильной чертою? . . .
 А ежели она собою

Всегда не въ силахъ насъ плѣнить;
 Такъ можешь ли красую бышь?

*

Что мнѣ въ красѣ условной!
 Въ изгибѣ круглomorphic, или углахъ,
 Въ чертѣ прямой, или неровной,

Иль въ черныхъ , голубыхъ глазахъ , —

Гдѣ красота всеобщей слава ?

Въ чемъ , въ чемъ она ,

Безъ предразсудка и усава ,

Равно для всѣхъ сильна ?

*

Ахъ ! нѣтъ для насъ въ мѣрѣ прямой красота ?

Однѣ лишь мечтанья ,

Однѣ испытанья ,

Однѣ суестьи !

*

Какъ призракъ все въ жизни : явилось ... прошло !

Какъ шѣнь ... добродѣтель ,

И бѣдствій содѣтель ,

Надмѣнное зло !

*

Но добродѣтели есть образъ въ свѣтѣ ,

Есть образъ красота для глазъ .

Онъ обипаешь въ видѣ , въ цвѣтѣ ;

Лишь предразсудкомъ скрываетъ ошь насъ ,

Какъ скрываетъ добродѣтель .

О ! ешьлибъ бышь могли мы шѣмъ ,

Чѣмъ создалъ насъ мѣровъ Содѣтель :

Тогда бы красота была откритая всѣмъ !

*

Кшо , въ жемчужной колесницѣ ,

Тамъ на бѣлыхъ лебедяхъ ?

Діадима вся въ зарницѣ ,

Поясъ въ радужныхъ огняхъ ?

На челѣ ея высокомъ ,

Брови — будто ненарокомъ —

Легкой брошены чершой ;
 Черныхъ глазъ всежгущій пламень
 Подъ рѣсницею гуспой
 Превращаетъ въ пламя камень ,
 Сердце нѣжись и помилъ ;
 Въ волосахъ , рука Харипъ
 Кудри съ перлами сложила ;
 Цѣлшь пурпуровый въ устахъ ;
 Близна снѣговъ въ щекахъ ;
 И души , и жизни сила
 Въ спанъ , въ поспуи , въ рѣчахъ . . .
 Вкругъ ; Амуры въ суесахъ ! —

*

Кшо же , кто , скажи , Дорида ,
 Тамъ спускается въ нашъ мръ ? —
 Торжествуетъ громко Ида ,
 Слышны звуки льсшивыхъ лиръ !
 Судъ Париса совершился
 Надъ богинею земной ;
 Мръ Кипридъ поклонился ;
 Бывъ сраженъ ея красой .
 Кшо не зрѣлъ въ пространномъ свѣтѣ
 Славныхъ дѣлъ богини сей ? . . .
 Чшо же , чшо въ ея предметѣ ? —
 Только гордостъ дышетъ въ ней ;
 Гордостъ къ ней влечетъ людей .

*

Жертвѣ хвалъ и удивленья ,
 Жерпѣ даже наслажденья

Есть началъ : — обольщатьъ,
Сспрасни сердца угождатьъ.

Земная любовь . . . земной красотѣ !

Все въ мирѣ мечпанье ,

Одно испытанье. —

Любовь и краса лишь полько въ мечтѣ.

Разрушился шѣло . . . и всѣ чудеса

Прелестницы милой ,

Ничто подѣ могилой.

Условна , не вѣрна , земная краса ;

Гдѣ брѣнность едина , гдѣ шѣло и кровь :

Тамъ нѣтъ совершенства !

Нѣтъ въ спрасни блаженства !

Завсѣ полько въ намекѣ краса и любовь.

Но шамъ , гдѣ чистый умъ , далекъ очарованій ,

Гдѣ исчезаетъ міра плѣнь ;

Гдѣ нѣтъ премены и сліяній ,

И вѣчность безъ временъ ;

Гдѣ нѣтъ ни возраста , ни пола ;

Гдѣ , съ ликомъ Ангельскимъ святымъ ,

Вокругъ Божественна престола ,

Тѣла неплѣнныя узримъ :

Тамъ будемъ о красѣ мы всѣ единыхъ мнѣній ;

Блеснетъ предвѣчный свѣтъ : разсѣются мечты !

Дорида ! Богъ единъ — начало наслажденій ;

Источникъ истины , любви и красоты ! . . .

А. Степановъ.

К Ъ М Е Ч У ,

*присланному Графиней Анною Алексеев-
ною Орловою Графу Михаилу Андрее-
вичу Милорадовичу (*).*

Драгой подарокъ Доброславы,
Какимъ ты блескомъ озарень! —
Залогъ священный древней славы,
Ты былъ Вождю шому врученъ,
Что гибель Опшомановъ спроя,
Париль надъ безднами Орломъ!
Ты нѣкогда блисхаль въ рукъ Вождя-Героя,
Что брося въ Поршу спрашный громъ,
По гласу Росскiя Палады
Опламениль спруи Эллады,
Облекъ пожарами моря и горизонтъ,
Пошрясь Сшамбуль, сжегъ флощъ, открыль
пушь Россамъ въ поннъ:
Ты славень былъ . . . но смерть, презрѣвъ и
блескъ и силу,

(*). Сей драгоценный мечъ полученъ Графомъ Милора-
довичемъ въ концѣ 1812 года, въ то самое время,
когда авангардъ подъ начальствомъ его готовился
перейти за Неманъ.

Героя увлекла въ могилу
 Желѣзною дланію своею:
 Блестящи подвиги прошли, какъ рядъ пѣней.—
 И нынѣ, безцѣнный даръ великія Царицы!
 Упавъ изъ мощныхъ десницы,
 Уснулъ въ забвенныя долгиыя сномъ.
 Ты спалъ!... и годы пропекали,
 Гремѣлъ кровавыхъ браней громъ,
 Вносились царства, упадали,
 Разиль народы рока гнѣвъ;
 Ты спалъ!... и блескъ своихъ рубиновъ и по-
 лазовъ,
 Сафировъ, яхонтовъ, алмазовъ,
 Красой своею дивилъ однѣхъ лишь конныхъ дѣвъ;
 И лавры, что тебя издревлѣ обвивали,
 Въ пѣни безвѣстія блѣднѣли, увядали;
 Ты спалъ!... „Когдажъ твой сонъ минетъ?
 „Когда тебя пробудитъ слава?
 „Ты въ чьей рукѣ увидишь свѣтъ?“
 — Славянскихъ дѣвъ краса, такъ мыслишь
 Доброслава. —
 „Кому и чьи полки опять разишь побой?
 „Гдѣ вождь, предъизбранный судьбой,
 „Гдѣ пошь дѣлами славной воинъ,
 „Кшюбъ былъ, о грозный мечъ! владѣшь побой
 достоинъ?
 „Найдется-ль онъ?“ — Межъ пѣмъ Европы
 мощный врагъ,

Гроза Царей и Царствъ, рушитель общихъ
благъ ,

На Россю ополча неизчислимы силы,
Сторукій исполинъ, схватя сто копій, вспаль
И взоры огненны бросаль

Окрестъ на миръ, предъ нимъ безмолвный
и унылый. —

Возспаль . . . и мощные Цари
Блѣднѣли въ пышныхъ багряницахъ ;
Дрожали скиптры въ ихъ десницахъ
И колебалися священные олтари ! . . .

Обвинный мракомъ бурь, онъ шель какъ Божій
гнѣвъ :

И впорилъ гуль въ поляхъ звукъ спали, мѣди
ревъ ! . . .

Онъ шель . . . и молніи отъ грозныхъ стоупъ
сверкали ,

Кровавая заря горѣла въ вышинѣ,
Цвѣтущи веси исчезали
И грады таяли въ бгнѣ ! . . .

Прошелъ . . . и слѣдъ его : одѣшны пепломъ степе-
ни ! . . .

И молніи быспрѣй изъ края въ край молва
Гласить : „идешъ гроза ! . . . несеть къ намъ
мечъ и цѣпи !“

Смутился градъ Пепровъ, восплакала Москва :—
Но, твердой шамъ снѣжной, Россійски спа-
ли вом

И запыдали грозны бои ! . . .

Въ опечесивъ война Героевъ родила,
И вновь, во громъ бившъ, зряшъ бмостраго
Орла,
Который—въ славные для Россовъ прежни годы—
Надъ Альпами гремѣль, средь ужасовъ при-
роды.

Изъ мрачной тишины явился сей Герой,
Блеснулъ, и въ путь побѣдъ повелъ Россійской
спрой;

Уже хвалы о немъ вѣщаетъ Россамъ слава,
И славѣ дѣлъ его внимаетъ Доброслава.
Уединенная, въ кругу прекрасныхъ дѣвъ,
Враждебныхъ, лютыхъ ордъ ужасный слыша
Ревъ,

Смятенна, въ скорби восклицаетъ:
„Уже ль и здѣсь, враговъ намъ злоба угрожаетъ?
„И здѣсь, о родина моя!
„Гдѣ, жизни на зарѣ, цвѣла въ блаженствѣ я?
„Наслѣдіе опцовъ, мѣста душъ ополь милы!
„Сразитесь ли и вы губительной войной? —
„Увы! придетъ врагъ ... и наглою стопой
„Попретъ священный холмъ опеческой моги-
лы! —
„Нѣтъ, нѣтъ! ужасна мысль, не оскорбляй мой
духъ!
„Покойся, мой опецъ! покойся, нѣжный другъ!
„Не будешь возмущенъ, Герой, швой прахъ во
гробъ:

Г в

„Я пробужу швой мечь на ужась дерзкой злобь!
 Такъ славнаго опца, дщерь нѣжная речеть.
 И мечь драгой пріявь, въ роду ея священный,
 Обдержанный въ бояхъ и славой пошлещен-
 ный,

Герою Росскому, враговъ разящу, шлещь.

Препоясуй его, Екашерининъ мечь!

Блиспай, какъ молній лучь, по дымнымъ шу-
 чамъ брани!

Какъ смерти спрацная коса средь грозныхъ
 съчь :

Сверкай, рази, пронзай, врацаясь въ мощной
 длани!

До Вислы шумныя и Одера береговъ,

Пускай — какъ Божій громъ — разяшь швои удары,

Гонимыхъ бурями и ужасомъ враговъ ;

На нихъ Московской пепель, на нихъ Россіянъ
 кровь!

Ихъ слѣдъ: народовъ спонъ, градовъ и сель
 пожары! —

Въ восторгѣ нѣкоемъ святоиъ

Предчувствую, что нашъ за Рейномъ грянешъ
 громъ ;

Что мы воспразднуемъ Европы всей-свободу,

Столицы гордыя въ спѣнахъ ;

И Россъ Московскииъ шлемоиъ воду

Зачерпнешъ въ Сенскииъ берегахъ ! . . .

Предчувствуешь и пы, о мечь! побѣдны брани

И — мнишься — просишься сверкашь въ могучей
длани :

Чтобъ, съ гибелью враговъ, блескъ новый по-
лучишь

И жажду многихъ лѣтъ изъ кровью уполишь.

Пожди! . . . но грянулъ громъ, зардѣлся бой
кровавой ;

Здѣсь врагъ : воспрянь, рази, покройся вѣд-
ной славой! —

Ө. Глинка.

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ Поэмъ

Искусства и Науки.

ИВ. Авторъ разсказавъ объ изобрѣшеніи мореплаванія,
о водяныхъ мѣльницахъ, о заливныхъ трубахъ
и проч. говоритъ:

И воду - ль человекъ одну поработилъ?
Онъ землю, и огонь, и воздухъ покорилъ!
По манію его, въспрь въ мѣхъ заключенный,
Дыша сугубишь жаръ, въ горнилъ воспаленный;
И шаюшь съ клокошомъ мешаллы, будпо лёдъ:
И черный ихъ Циклопъ въ сосудъ, какъ воду
льёшь.

Сребро и золото, какъ мягкій шелкъ прядется;
Изъ мѣди ... упвари, шишакъ, броня куется;
Чугунъ ... рѣшешокъ, плить, сполповъ при-
емлетъ видъ. —

Здѣсь глинѣ прочношь, цѣвпъ и блескъ
огонь дарипъ;

А тамъ простой песокъ, искусствомъ рас-
топленный,

Преобразившимся въ прозрачныя зрю стѣны.

Ртуть, жидкое сребро, въ стеклѣ заключено,

Чтобъ сказывашь какъ гдѣ тепло, или холод-
но. —

И польно ли? . . . Въ проспи кристальной
барометры

Предвозвѣщаютъ дождь, дни ясные и вѣтры.

Глазъ — мѣдной съ стеклами трубой воору-
жень —

Въ бездонной пропасти небесной углублень ,

Надъ млечнымъ зришь пушемъ всегда путь
новой млечной ,

Тьмы солнцевъ , звѣздъ , кометь , въ круженьи
спройномъ вѣчно.

Великолѣпіе , огромность , красота ,

И вмѣстѣ сила , пружинъ , орудій простота ,

О славу дивнаго Спроишеля вѣщаютъ ,

И умъ величіемъ смущая ужасающъ.

Невпоны! дай крылья мнѣ: да небо облечу

И для земли чертежъ вселенны начерчу!

Твой въ шѣлѣ духъ ужъ былъ небеснымъ Сера-
фимомъ

И — въ мракѣ до себя никѣмъ недостижимомъ —

Ходъ, дальность, вѣсь планешъ и звѣздъ опре-
дѣлилъ ;

Погналъ, достигъ въ бѣгу кометы, подчинилъ

Двумъ силамъ, держащимъ порядокъ въ спрой-
номъ мѣрѣ :

И не заблудяшся шеперь онѣ въ эфирѣ !

Шаръ солнца естъ Монархъ : планеты,
Дворь его ;

Кружась почпипельно вокругъ Царя сего,
Вершяся вкругъ себя въ одно и то же время;
Царь облегчаетъ ихъ, онъ Царево время.

Онъ рабы его, а онъ законовъ ихъ. —

Планеты также дворь и подданныхъ своихъ,
Въ блестящихъ спущникахъ, въ свою чреду имѣ-
ютъ :

Онъ имъ свѣщамъ въ ночь и въ день — бытъ,
можешъ — грѣюшъ.

Взаимно всѣ шары одинъ другой влекутъ

И — уклоняся другъ ошъ друга — бѣгушъ

Въ извѣстной дальности, съ чудесной быспро-
шою.

И каждый самъ своей особенной спезею. —

Верховныхъ солнцевъ сихъ, бытъ можешъ, ми-
лионъ

Въ безбрежной пропасти Создашелемъ заженъ ;

И солнца оныя съ планетами, лунами,

Огромнѣйшихъ шаровъ сутъ данники и сами ;

И каждый оный шаръ съ шмой солнцевъ и пла-
нетъ

Вкругъ солнца своего съ послушностью печешъ,

Заемля и дая другимъ мірамъ сиянье,

И зная мѣсто, чинъ, пушь, часъ и разстоянье. —

Кометы, какъ послы, изъ міра въ міръ летяшъ

И между сферами союзъ любви крѣпяшъ. —

Я вижу блескъ очамъ шѣлеснымъ несперпимый :

То солнце солнцевъ всѣхъ; на спражѣ... Се-
рафимы,

Любовь и Благодать и Ангеловъ полки.

Какъ искры, звѣзды тамъ разсыпанъ изъ руки

По темной синевѣ въ подножіи, Зиждипель.

Среди небесъ Своихъ избралъ Себѣ обитель;

Но краше, не еще величественнѣй Богъ

Въ сердцахъ у праведныхъ имѣеть Свой чертогъ.

Въ обширности небесъ паренемъ упо-
мленный,

Спѣшу сойди на лугъ, цвѣтами испещренный;

Но вижу новую здѣсь бездну предъ собой...

И глазъ мой новою вооруженъ трубой!

Тамъ, постепенно міръ огромный спановится;

Здѣсь, уменьшаяся спѣщитъ опъ насъ ук-
рыться.

Народъ на листикѣ древесномъ поселенъ,

И въ каплѣ дождевой міръ цѣлый помещенъ.

Семейства, общесства, Цари, граждане, власти,

Свои враги, друзья, законы, нравы, страсти

У эфемеровъ сихъ... и въ нѣсколько минулъ,

Всѣ возрашны они до дряхлости пройдушь

И вкусяшь и болѣзнь, и скорбь, и наслажденье:

Ихъ часовая жизнь есть жизни сокращенье! —

Но въ устройеніи шѣлесномъ шварей сихъ,

— Невидимыхъ для глазъ за мѣлкостью ихъ —

Премудрый Неба шѣль огромныхъ видѣнь Зодчій:

И ша же благосшь здѣсь, и шопъ же промысль

Опчій.

А. Воейковъ.

Б Е З В Ъ Р І Е. (X)

О вы, которые съ язвительнымъ упрёкомъ
Считая мрачное безвѣріе порокомъ,
Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
Безумно погасилъ опрадный сердцу свѣтъ,
Котораго вся жизнь есть мракъ и испушленье:
Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье! —
Взгляните на него! не шамъ, гдѣ каждый день
Тщеславіе на всѣхъ наводишь ложну пѣнь:
Но въ пишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
Въ бесѣдѣ съ дружесшвомъ, иль съ шемною мечтою
Взгляните! бродитъ онъ съ увядшею душой,
Своей ужасною помимый пустошой.

То горьки слезы льешь: то — рабъ шпрасшей,
волненья —

Напрасно ищешь онъ унынья развлеченья.
Напрасно, въ пышности свободной простоты,
Природы передъ нимъ открыты красоты:
Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ
водишь:

Умъ ищешь божества, а сердце не находишь. —
Наспигнешъ ли его глухихъ судебъ ударъ:
Отшмемся ли вдругъ минувный счастья даръ:
Въ любви ли, дружесшвѣль, обнимешь онъ измѣну
И невозвращную онъ имъ узнаешь цѣну:

(X) Записано въ общ. 30 мая. 1817.
См. Записк 12, 1818, стр. 14.

Лишенный всѣхъ опоръ, ошпадшій вѣрнъ сынъ,
Ужь видишь съ шрепешомъ, что въ мірѣ онъ
одинъ;

И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не просширается изъ за предѣловъ міра. —
Несчастные опрастей и немощей снми,
Мы всѣ на страшной гробъ родясь осуждени;
Всечасно бранныхъ узъ готово разрушенъ;
Нашъ вѣкъ, невѣрный день: смерть, быспроо
запмѣнье. —

Когда холодна тѣма объемлетъ грозно насъ,
Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ:
Ужасно чувствоватъ слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
О вѣра! ты стоишь у двери гробовой;
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь,
И оболренную съ надеждой опускаешь. —
Но, други, переживи ужаснѣ друзей! . . .
Лишь вѣра въ шшинѣ, опрадою своей,
Живитъ унылый духъ и сердца ожиданъ;
„Наспанетъ — говоришь — назначено свиданъ“
А онъ, слѣпый мудрецъ! у гроба спонетъ онъ.
Съ усладой бышя несчастный разлученъ,
Надежды шихаго не внемлетъ онъ привѣсна:
Подходишь къ гробу онъ, взываетъ . . . нѣтъ
отвѣта!
Видали-ль вы его въ безмолвныхъ шѣхъ мѣсяцахъ,

Гдѣ кровныхъ и друзей священный пѣпелъ
 прахъ?...

Видали-ль вы его надъ хладною могилой,

Гдѣ Делія его шайтся пепельъ милой?

Къ-почившимъ позваный вечерней тишиной,

Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной
 главой;

Одинъ, съ опчаяемъ, въ слезахъ ожесточенья,

Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ измупленья,

Дрожишь! — И между пѣмъ, подъ сѣнью пем-
 ныхъ ивъ,

У гроба матери колѣна преклонивъ,

Тамъ дѣва юная въ печали безмятежной

Возводишь къ небу взоръ болѣзненной и нѣжной.

Одна, шуманною луной озарена,

Какъ ангелъ гореспи являешся она;

Вдыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ:

Все тихо; но она — какъ кажется — внимаетъ.

Несчастный на нее въ безмолвствіи глядишь,

Поникнулъ головой, пренецещъ и бѣжитъ;

Спѣвшишь онъ далѣе, но въ слѣдъ унынья бро-
 дить. —

Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча
 входитъ;

Тамъ умножаетъ лишь поску души своей:

При древнемъ шоржествѣ священныхъ олтарей,

При гласѣ паспыря, при сладкомъ хоробѣ пѣньи.

Тревожится его безвѣрное мученье.

Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зришь;

Съ померкшею душой святынь предспоишь;
Холодный ко всему и чуждый умиленью,
Съ досадою пихому внимаешь онъ моленью.
„Счастливецъ! — мыслишь онъ — почему не
можно мнѣ,
„Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
„Забывъ о разумѣ и немощномъ испрогомъ,
„Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ
Богомъ?“

Напрасный сердца крикъ! нѣтъ, нѣтъ! не суждено
Ему сей тайны знать: безвѣрие одно,
По жизненной спезѣ во мракъ вождь унылый,
Нечестнаго влечетъ до вѣчныхъ вратъ могилы!

Александръ Пушкинъ

Еще опытъ перевода изъ того же Автора, изъ котораго переведена была сказка, чипанная въ прошедшемъ засѣданіи Общества. — На сценѣ тѣ же лица. Крестьянка - старушка, пригоповивъ для своихъ внучатъ овсяной кисель, рассказываетъ имъ исторію овсянаго зернышка. Предметъ по видимому мѣлкій; но Авторъ соединилъ съ нимъ мысли высокія. Говоря о проспой былинкѣ, онъ возбуждаетъ въ душѣ Чипапеля прекрасныя мысли о Провидѣніи. Все оживлено въ его каршинѣ. Каждое растѣніе имѣетъ своего Ангела; жребій невидимаго зародыша также занимаетъ всеобъемлющую любовь Создателя, какъ и блистательный жребій планеты. И плѣнная былинка не примѣтно спановится эмблемою человѣческой жизни: въпѣ въпѣвапаго умствования, ибо здѣсь говоришь поселенка, говоришь дѣшамъ, и языкомъ ей приличнымъ; но есть живое, сильное, всеоживляющее чувство. Переводчикъ спарался не ошступитъ ни въ малѣйшей под-

робности онъ своего оригинала, спарался перенять у него привлекательный языкъ просподушія, и если въ его переводѣ найдется какая-нибудь неспочность въ описаніи работъ земледѣльческихъ, то не его вина; онъ хотѣлъ бытъ только вѣрнымъ, и ничего не перемѣнилъ. Впрочемъ надобно замѣтить, что дѣйствующія лица этой сельской Идиліи — Швейцары, обитатели окружности Базеля, сосѣди Альпійскихъ горъ — тогда не покажутся страннымъ и то, что въ ней упоминается о мятели и снѣгѣ, споль частыхъ во всякое время года на висошахъ Альпійскихъ.

ОВСЯНОЙ КИСЕЛЬ.

Дѣши, Овсяной Кисель на сполѣ; читай-
те молишву;
Смирно сидѣшь! не марашь рукавовъ и къ гор-
шку не совашься!
Кушайше, всякой намъ даръ совершенъ и дая-
нѣ благо.
Кушайше, свѣшы мой, на здоровье! Господь
васъ помилуй.
Въ полѣ отецъ посвяляъ овесь и весной заскор-
билъ.
Вошь Господь Богъ сказалъ: поди домой, не
забошься;
Я не засну! безъ шебя онъ взойдешъ, разцвѣ-
шешъ и созрѣшъ!
Слушайше-жь, дѣши: въ каждомъ зернущкѣ ши-
хо и смирно
Спишь невидимой малюшка зародышь. Долго,
долго
Спишь онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣспъ и не пьешъ;
и не пикнешъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положашъ и въ ней
не согрѣюшь;
Вошь онъ лежипъ въ бороздѣ и малюккѣ шеп-
ло подь землю!

Вопшь психомолкомъ проснулся, взглянулъ и
сосепшь, какъ младенецъ,
Сокъ изъ роднаго зерна, и ростепшь, и не ви-
димо зрѣетшь;

Вопшь уползъ изъ пеленъ; молодой корешекъ
пробуравилъ;

Роешься въ глубь, и корма ищепшь въ землѣ, и
находитшь.

Чшо же? . . . Вдругъ скучно и тѣсно въ попоме-
кахъ! — „Какъ бы провѣдашь,
„Чшо тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится? . . .“

Тайкомъ, бояливо

Выглянулъ онъ изъ земли. . . . „Ахъ! Царь мой
небесный! какъ любо!“

Смотришь — Господь Богъ Ангела шлетъ къ не-
му съ неба:

„Дай росинку ему и скажи отъ Создателя:
здравствуй!“

Пьепшь онъ: . . . ахъ! какъ же малюпочкѣ сладко,
свѣжо и свободно! —

Рядится красное солнышко; вопшь нарядилось,
умылось,

На горы вышло съ своимъ руководѣлемъ; идепшь
по небесной

Свѣшлой дорогѣ; прилѣжно работаая, смотрипшь
на землю;

Словно какъ машъ на дия, и малюпкѣ съ не-
бесъ улыбнолось,

Книжка ХУІ.

Д

Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые
 взыграли!
 „Доброе солнышко! даромъ вельможа, а всяко-
 му ласка!“
 Въ чемъ же его руководѣлье? Точешъ облачко
 дождевое!
 Смопришь: посмеркло! вдругъ каплишь! вдругъ
 полилось, зашумѣло!
 Жадно зародышекъ пьешь; но подуль вѣспе-
 рокъ — онъ обсохнулъ!

„Нѣшь, говоритъ онъ, теперь ужъ подѣ
 землю меня не замаянть!
 „Что мнѣ въ подемкахъ! здѣсь я оспанусь!
 пусть будешь, что будешь!“
 Кушайше, свѣшны мои, на здоровье! Господь васъ
 помилуй! —
 Ждешь и малюшочку сяжкое время: шемныя
 лучи
 День и ночь на небѣ спояшь, и прячешся солнце;
 Сибѣгъ и мешель на горахъ, и градъ съ гололе-
 дицей въ полѣ!
 Ахъ! мой бѣдный зародышекъ! какъ же онъ зяб-
 нешь! какъ плачешъ!
 Что съ нимъ будешь? Земля заперлась и негдѣ
 взять пищи!
 „Гдѣ же (онъ думаетъ) красное солнышко?
 что не выходитъ?

„Или боишься замерзнуть? Иль и его нѣтъ на
свѣтѣ?

„Ахъ! за тѣмъ покидалъ я родимое зернушко!
дома

„Было мнѣ лучше! сидѣть бы въ пріютномъ
шепелѣ подѣ землю!“

Дѣшущки, шакъ-то бываетъ на свѣтѣ! и вамъ
доведецца

Въ чужѣ, межъ злыми, чужими людьми, съ
шрудомъ добывая

Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказаешь
въ одинокой печали:

„Худо мнѣ! лучше бы дома сидѣть у родимой
за печкой!...“

Богъ васъ ушѣшишь, друзья! всему ешь конецъ!
веселѣ

Будешь и вамъ, какъ блиночекъ; слушайте:
въ ясной день Майской

Свѣжесъ повѣяла... солнышко яркое на горы
вышло,

Смотришь, гдѣ нашъ зародышекъ, что съ нимъ,
и крошку цѣлуешь!

Вопъ онъ ожилъ опяшь и себя ошь веселѣ не
помнишь! —

Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла; зеленѣешь и слива, и

въ полѣ

Гуще спановицца рожь, и ячень, и пшеница
и просо;

Д 2

Наша былиночка думаетъ : „я назадъ не оста-
нусь!“

Кшамъль ? листки разпустила . . . кто такъ
прекрасно сошкаль ихъ ?

Вотъ спѣбелекъ показался . . . кто изъ жило-
чки въ жилку

Чистую влагу провель ошь корня до маковки
сочной ?

Вотъ проглянулъ , налился и качается
въ воздухъ колось ! . . .

Добрые люди , скажите : кто шакъ искусно раз-
вѣсилъ

Почки по гибкому спѣблю на поненькихъ , шелко-
выхъ нишяхъ ?

Ангелы ! кто же другой ? . . . Они ошь былин-
ки къ былинкѣ

По полю взадъ и впередъ съ благодапью небес-
ной летаютъ !

Вотъ ужъ и цвѣпомъ нѣжный , зыбучій коло-
сикъ осыпанъ !

Наша былинка споишь , какъ невѣспа въ убо-
рѣ вѣнчалномъ !

Вотъ налилось и зерно и пихохонько зрѣеть ;
былинка

Шепчетъ , качая въ раздумьи головкой : я знаю ,
что будетъ !

Смопришь : слепаются мошки , жучки молодую
поздравить !

Пляшущъ, полкучся кругомъ, припѣваешь ей:
многоя лѣта!

Въ сумеркижъ, только что мошки, жучки по-
 заснушь и замолкнушь,

Тащишься въ шпакѣ свѣтлякъ съ фонаремъ по-
 свѣшишь ей въ пошемкахъ.

Кушайте, свѣшны мои, на здоровье! Господь васъ
 помилуй!

Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно
 скосили;

Собраны вишни; въ саду ни одной не оспале-
 ся сливки;

Вотъ ужъ пожали и рожь, и ямень, и пшеницу,
 и просо;

Ужъ и на жниво собираютъ босикомъ ребяшишки
 сходились.

Колось оброшенный; имъ помогла пихомолкомъ
 и мышка . . .

Что - то былиночка дѣлаешь? О! ужъ давно
 пополнѣла!

Много, много въ ней зернушекъ; гнешся и ду-
 маешь: „полно!“

„Время мое миновалось! за чѣмъ мнѣ одной
 оставаться

„Въ полѣ пущомъ межъ карпофелемъ, пухлою
 рѣпой и свеклой!“

Вотъ съ серпами пришли и Лука и Иванъ и
 Дуняша;

Ужь и морозъ покусаль имъ упромъ и ве-
 черомъ пальцы ;
 Вошь и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ
 молошили
 Съ трехъ часовъ до упру до пяни по полу-
 дни на ригѣ;
 Вошь и Гвѣдо пошацился на мѣльницу съ во-
 зомъ птяжелымъ ;
 Началь жерновъ молошь ; и зернушки опали
 мукою ;
 Вошь молочна надеила ошь пѣгой коровки род-
 ная
 Полный горшечикъ; сварила кисель , чпобъ дѣ-
 шушкамъ кушашъ ;
 Дѣшущия екушали , ложки обшерли , сказали :
 спасибо !

УТѢШЕНІЕ ДОБРОДѢТЕЛИ.

При счастья, радости и шоржествѣ порока,
При всѣхъ успѣхахъ здѣсь блистательныхъ его,
Ты, Добродѣтель, бывъ печальной жертвой
рока,

Невольно иногда роптанья своего
Вздохъ шпжкѣй, горестный на Небо возсылаешь,
И бѣдствія свои, и слезы исчисляешь! . . .
Но слышишь ли? Тебя Спаситель міра, пвой
Съ неиспощимою любовью вопрошаетъ
(И бывъ спрадальцемъ самъ, спрадальцевъ утѣ-
шаетъ
Божественныхъ словесъ съ изящной просто-
пой):

„Ты непрешупница? но эштошь крестъ какую,
„И муки всѣ на немъ Я заслужилъ виною? —
„Ничто порочное не сдѣлано тобой:
„Но злоба, клеветѣ твою чернили слагу,
„И вида правоты въ гоненьяхъ не храня? —
„А развѣ клеветѣ и злоба на Меня
„Не щились, въ слѣпотѣ, излишь свою отраву? —
„Никто въ прискорбїяхъ, въ спраданїяхъ тво-
ихъ
„Участья не беретъ? Но бралъ ли кто въ Ме-
ихъ? —

„И вещи самыя бездушныя, мечтаешь,
 „Спрашаешься участи печальнѣйшей своей? —
 „Не ослышалось ли, содрогшись, отъ Моей
 „Свѣтила дневное?... За чѣмъ же унываешь,
 „Когда Творецъ всѣхъ благъ и міра самаго
 „Всѣ скорби претерпѣвъ и бѣдопрія его? . . .
 „Такъ! если чашу золь своихъ срадишь съ
 Моею:

„То будешь пить ее съ веселою душею,
 „И въ сердцѣ пламенномъ за тебѣ благодарить,
 „Что осудилъ тебя въ печаляхъ, въ скорби
 жить, —
 „За шѣмъ, чшобъ радостно окончишь дни мя-
 шежны,
 „И тамъ обрѣсшь покой и счастье надежны!“

Князь Шаликовъ,

Г И М Н Ъ   К Р А С О Т Ъ .

Царица взоровъ и сердцеъ ,
Предметъ всегдашній удивленья
Любви , восшерговъ , поклоненья ,
Начало страсти и вѣнецъ —
О Красота , богиня міра ! —
Предстанецъ : и злаяя лира
Тебѣ хвалою возгремись ,
И киснь холщину оживись ! —
Рѣзецъ въ холодный мраморъ чувствю
Огонь и душу водворись ! . . .
Тебѣ природа и искусствю
Своимъ обязаны вѣнцомъ ! —
Лапландцы , Кафры , Цапагоны
Чшущъ сладостныя пвои законы ; —
Велишь : и лютый врагъ съ врагомъ ,
Какъ съ братомъ братъ , въ союзъ будешь ; —
Польспишь улыбкой : и забудешь
Несчастливый о рокъ зломъ ,
Мудрецъ о строгоспи , и воинъ
О лавръ Марсовыхъ полей ! . . .
Какъ счастливъ шощъ , кто удостоинъ
Улыбки , Красота , пвоей ! . . .

Блажу тебя, Богиня міра,
Царица взоровъ и сердець!
Въ тебѣ намъ съ горняго зѣира
Свой образъ ниспослалъ Творецъ! —
На западъ дней моихъ безвѣстныхъ
Ты сыплешь розы ясныхъ лѣтъ;
Съ тобой, въ мечтахъ души прелестныхъ,
Еще люблю и жизнь, и свѣтъ!

К. П. Шаликовъ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Donec gratus eram tibi.

(Hor.)

Г о р а ц і ю.

Когда я былъ любимъ побою,
Когда я на груди прелестнѣйшей швоей
Тѣмъ радостей вкушалъ, — кто равень былъ
со мною?

Я выше былъ Царей!

Л и д і я.

Когда душой швоей и сердцемъ я владѣла,
Когда плѣнялся шимъ моею красотою,
Когда соперницею я Хлою не имѣла, —
Я Или была щасливѣе судьбой!

Г о р а ц і ю.

Пріянимъ голосомъ обворожаетъ Хлоя,
Мнѣ весело ее любить!

Безъ Хлои для меня нѣтъ счастья, ни покоя;
Я умереть готовъ, чшобъ дни ея продлить.

Л и д і я.

Каласъ юный ждетъ ошрады,
Ушѣхъ и счастья ошъ взора моего;
За вѣрность и любовь достоинъ онъ награды:
Я жизнь свою ошдашь согласна за него.

Г о р а ц и й.

Но если-бъ сердцемъ воздыхая,
Тобою, Лидія, я восхищался вновь,
И связь постыдную на вѣки разрывая,
Тебѣ я возвратилъ всю прежнюю любовь? . . .

Л и д і я.

Хотя Калаисъ занялъ мною,
И спраслю нѣжною клянесь вѣкъ горѣшь;
Хотя невѣренъ ты . . . . но я хочу съ побою
И живи, и умереть!

В. Пушкинъ.

ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ.

Время любить! спѣши насладиться,
Чашу блаженства съ другомъ испишь!
Быстро лепишь, на вѣки умчишься
Время любишь.

Время любить! есть голосъ природы;
Смертный Эропа долженъ почтись!
Царство его — цвѣшущіе годы:
Время любишь!

Время любить! оспавъ заблужденъе:
Сына Киприды спрашно гнѣвишь!
Сстрога казнишь онъ хладно презрѣнье:
Время любишь!

Время любить! пока не увяли
Лиліи персей, розы ланишь!
Подъ вечеръ дней, подъ игомъ печали,
Поздно любишь.

Степанъ Нечаевъ.

ГРОБНИЦА АНАКРЕОНА.

Все въ паниншевномъ молчаньи,
Холмъ одѣлся пемнопой;
Ходишь въ облачномъ сiяньи
Полу - мѣсяць молодой;
Темныхъ миршовъ занавѣса
Наклонилася къ водамъ;
Въ ихъ сѣни, у края, лѣса, —
Чью гробницу вижу тамъ?

Розы юныя алѣюшъ
На покрывомъ камнѣ мхомъ;
Лавры цвѣтъ любви лелѣюшъ,
И Зефиры ихъ не смѣюшъ
Свѣяшъ препеннымъ крыломъ. —
Вижу . . . лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой пишинѣ;
Лишь порою звонъ унылой,
Будпо лѣни голосъ милой,
Въ мертвой слышишся спрунѣ. —
Вижу . . . горлинка на лирѣ;
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ! . . .
Други! други! въ сладкомъ мирѣ
Здѣсь Теоской спитъ мудрецъ!

Посмотрите : на гробницѣ
 Сынъ ошрадъ изображенъ ;
 Здѣсь на вѣтренной цѣвницѣ
 Рѣзвый нашъ Анакреонъ ,
 Красотой очарованный ,
 Нѣжно гимны ей поешъ ;
 Виноградомъ увѣчанный ,
 Въ чашу сокъ его ліешъ. —
 Здѣсь онъ въ зеркало глядишь ,
 Говоря : я сѣдъ и спаръ :
 Жизнью дайшежъ насладишь ;
 Жизнь , увы ! не вѣчный даръ ! —
 Здѣсь на лиру кинувъ длани
 И нахмура важно бровь ,
 Хочешъ пѣть онъ бога брани ,
 Но поешъ одну любовь. —
 Здѣсь готовишь природѣ
 Тяжкій долгъ онъ заплашишь . . . .
 Спарый пляшетъ въ хороводѣ ,
 Жажду просишь уполишь ;
 Вкругъ философа сѣдаго
 Дѣвы пляшущъ и поющъ :
 Онъ у времени скупого
 Брадетъ нѣсколько минушь. —
 Вотъ и Музы , и Хариты
 Пригорюнившись сидяшъ ,
 Плющемъ , розами повиши ,
 Кажешся , въ слезахъ швердяшъ :
 „Онъ исчезъ , какъ наслажденье ,

„Какъ невинный вздохъ любви! . . .
„Смертный! вѣкъ твой свидѣнье:
„Счастье рѣзвое лови!
„Наслаждайся! наслаждайся!
„Чаще кубокъ наливай,
„Страстью шайной ушомляйся
„И за чашей отдыхай!

Александръ Пушкинъ.

О Д А
О А Ф О.

О матъ любви, душа всего дворянства,
Виновица и радостей, и слезъ!

Попричь алтарь швой . . . . — Мщенъ!
мщенъ! . . .

Гдѣ громъ Царя небесъ? . . .

Дщерь шартара, свирѣпа Тизифона!
Опикни, опикни! да жертву мукъ швоихъ,
Кровавыя змѣи Фаона
Терзающъ каждый мигъ!

Да хищный вранъ, мучитель Прометей,
Кинящій въ немъ пожретъ коварства ядъ! . .

Да съ прелепомъ на казнѣ злодѣя
Возришь и самый адъ! . . .

Но что реку? . . . — Увы! его мученья
Не возвращающъ любви пропекшии часъ! . . .

О Цишерея! льнь, не мщенъ,
Ты внемлешь скорби гласъ!

Даруй ему все счастье возможно,
Коль онъ забылъ любовь пропекшихъ льнь;
Книжка XVI. Е

Коль совѣсть, судія неложной,
Въ немъ сердца не грызешь!

Но я!... — О Зевь! какой ужасной шьюю
Покрыль ты пушь спраданыя моего! . . .
Гдѣ лучъ надежды надо мною? . . .
Блеснулъ . . . и нѣтъ его!

Супруга, дщерь:— увь! — равно презрѣнна!
Во цвѣтѣ лѣтъ забыша отъ боговъ . . . .
Несчастливая! лишь смерть смягченна
Даруешь мнѣ покровъ.

Простижь, прости, о лира, другъ вѣнчанной!
О радость дней моихъ! — Въ послѣдній разъ
Съ бряцаньемъ спрунь швоихъ сліянной
Мой слышенъ скорбный гласъ!

Я смерти дань! — Къ тебѣ, о брегъ Левкада,
Къ тебѣ спремлюсь огнь спраспи ушушипъ...
Но, ахъ! и въ самой безднѣ ада
Могуль его забышь?

В. Чюриковъ.

ДНѢПРОВСКІЙ ТЕРЕМЪ.

Близъ Днѣпра, на дикомъ полѣ,
Теремъ Рувольда споялъ;
Тамъ красавицу въ неволѣ
Хищникъ злобный сокрывалъ,

Каждый день слезой встрѣчая,
Ольга въ грусти памъ жила,
И напрасно, увядая,
Друга милого ждала.

Вотъ ужъ ночь и мракъ глубокий,
Замолчалъ степенящій вѣтръ,
Скрылся дальный лѣсъ высокій,
Въ берегахъ упихнулъ Днѣпръ.

И съ рѣкою онѣмѣлой
Воцарилась тишина;
Освѣшила несинѣлой
Неба сводъ, сквозь тучь, луна.

Ольга въ теремѣ, съ слезами
Просширала скорбный взглядъ,
И въ шуманной мглѣ очами
Мнила друга опыскашь!

„О спѣши, спѣши, другъ милой,
 „Ольгу вѣрную спаси;
 „Тяжко въ горести унылой
 „Въ започены дни веси!“

*
 Ольга слышитъ шорохъ близкій . . . .
 „О! не другъ ли мой спѣшитъ?“
 Ждетъ . . . все тихо! яворъ низкій
 Только лисьями шумитъ.

*
 „Поспѣшай! вопъ скоро ясный
 „Запылаетъ въ небѣ свѣтъ;
 „Совершится бракъ ужасный:
 „Жизнь, иль честь моя падетъ!“

*
 Ждетъ . . . все тихо надъ холмами!
 Только блещущей струей
 Льется Днѣпръ между берегами,
 Освѣщаемый луной!

*
 Сонъ долины покрываетъ
 И усалый лѣсъ заснулъ;
 И денницы свѣтъ мелькаютъ;
 Опъ воспока вѣпръ подулъ!

*
 Все молчитъ! . . . . и вдругъ прикраты
 Звукъ раздался по холмамъ;
 Отозвались перекапы . . . .
 Гуль понесся къ берегамъ.

*
 Мечиславъ съ своей дружиной
 Прямо къ шерему летитъ

Ошуманенной равниной ;
Миценъ вождь ему и щипъ.

*

Бойся , дерзкій похищитель !
День погибели насталь ;
Ольги храбрый избавитель
Къ берегамъ пвоимъ присталь ,

*

Какъ добычу озирая
Левъ свирѣпый нападешь ;
Такъ опмищеніемъ пылая ,
Рыцарь спрахъ врагу небешъ .

*

И любовью окриленный ,
Онъ ужъ бьешся со врагомъ ;
Слышенъ крикъ ожеспоченный ,
Слышенъ звукъ меча съ мечемъ .

*

„Совершилось ; умираю ! —
„Злобный хищникъ заспеналь —
„Но ушѣшенъ погибаю :
„Я опмиспиль врагу и паль !“

*

Мечиславъ лепить спрѣлою ,
Ищеть милую вездѣ ;
Окруженный щемнопою ,
Приближается къ спѣнѣ . . . . .

*

Съ двери спаль запоръ скрыпящей :
Рыцарь съ шрепешомъ вступиль ;

Тамъ лампы свѣтъ горячей
Ольгу мершвую опкрыль,

*

Алой кровію омышый
Мечь въ ея груди блиспаль;
Взоръ угась, навѣкъ сокрышый;
Хладъ всѣ члены оковаль,

*

„Нѣтъ! во вѣкъ не разлучуся;
„Жиль шобой, умру съ шобой!
„Съ милой бѣрацу съединюся
„Подъ опрадною землей!“

*

Въ длани мечъ сверкнулъ ужасной —
И . . . героя болѣ нѣтъ! —
Такъ съ подругою несчастной,
Онъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ!

*

Прошекли вѣка рѣкою
По велѣнію небесъ;
Теремъ скрылся подъ землею,
Праха любовниковъ исчезъ.

*

Все умолкло надъ водами,
Опустѣлый брегъ молчишь;
Только вѣтеръ дръвъ листвами
Въ полночь грозную шумишь!

Саларевъ.

ПОПУГАЙ,

Б а с н ь

Случайно вылетѣвъ изъ клітки золотой
Зеленый Попугай, въ дубравѣ поселился,
И шамъ, возвысивъ голосъ свой,
Съ надмѣнностью пустился
Всѣхъ пщицъ пересужающъ
И мнимымъ знашокамъ въ сужденьяхъ подра-
жающъ.

По мнѣнью новаго Зоила,
Для опытныхъ судей
Весны любимецъ, соловей
Пѣлъ слишкомъ громко; вѣдь не сила,
А нѣжность въ музыкѣ плѣняетъ болѣ слухъ.
Малиновка, надежный другъ
Соловухи - Орфея,
Пріяннымъ голоскомъ владѣя,
Изъ шона въ шонъ переходилъ,
Къ несчастью, не умѣла;
А пѣночка, уныло, шомно пѣла.
О прочихъ не хощѣлъ знапокъ и говоритъ;
Они не споили вниманья:
Щегленокъ, чижъ, въ пѣвцы попали невзначай;
И словомъ, были всѣ предметомъ порицанья.
Лишь пщички запоющъ . . . . засвищешъ попугай;

Пѣвцы терпѣныя потеряли.

„За что ны насъ бранишь? они ему сказали:

„Мы видимъ, что тебѣ не можемъ угодить,

„А пѣсенокъ твоихъ еще мы не слыжали;

„Изволь насъ поучить,

„Запой и удиви гармоніей своею!

„Что прибыли свиспашъ?“

Зояль, повѣся носъ, имъ принужденъ сказашъ;

„Свищу я хорошо, а жѣль я не умѣю.“

В. Пушкинъ,

ГНѢВЪ ЗЕВЕСА,

Б а с н я .

Разгнѣванный Зевесъ , въ Идадіи прекрасной
Туманомъ небо обложилъ ;
Сокрылось солнце . . . . и ужасной
Борей завылъ въ спранѣ , гдѣ все живошворилъ
Зефиръ дыханьемъ благодатнымъ .
Унынне царствуешь въ дубравахъ , на холмахъ ,
Увяли розы на кустахъ
И воздухомъ луга не дышущъ ароматнымъ .
Вездѣ печаль и спонъ ; и въ капищахъ своихъ ,
Колѣна преклонивъ передъ Творцемъ при-
роды ,
Всѣ молящъ житиели , да отвратишь отъ нихъ
Онъ бури и невзгоды !
Моленье чистое доходить до небесъ .
Умилосердился Зевесъ
И гнѣвъ на благость обращаешь ;
Онъ солнцу грѣшь повелѣваешь :
Все оживляешь прелестною весной !
Смиряться должно предъ судьбой ;
Опець и Судія вселенной управляешь ,
Онъ наказуешь . . . . и прощаешь .

*

Давно - ль Москва , краса градовъ ,
Подъ игомъ бѣдспвія спенала ,
И — посреди ярящихся враговъ —
Въ развалинахъ пылала ?

Туманы пронеслись ! гордыни сломень рогъ !
Изъ пепла своего Москва возспала краше ;
О Ты , Который все трудями превозмогъ ,
Сіяй надъ нами , Солнце наше !

В. Пушкинъ.

В Е Р Б Л Ю Д Ъ ,

В а с н ь .

Въ кошоромъ именно году , я шо забыль ,
Верблюдь , изъ-за морей впервые привезенный ,
Коврами , перьями , звонками украшенный ,
Въ столицѣ Франціи показываемъ былъ
При звукѣ прубъ и барабановъ .
Верблюдь сей роспомъ былъ изъ роду велика-
новъ ,
Осаниспъ и казиспъ ; пакъ диволь , что на-
родъ
На чуде посмотришь со всѣхъ споронъ пу-
спился ,
И пакъ вокругъ его сполпился ,
Что заградилъ Верблюду ходъ ?
Спалъ онъ и спали всѣ ! глазъ съ чуда не
спускающъ
И всѣ по своему о чудѣ разсуждающъ .
Лестилъ , кошорый въ помъ верьхъ счастья
полагалъ ,
Чтобъ цѣлый , круглый годъ , безъ всякой пе-
ремѣны ,
Въ передней у вельможъ , перепъ спиною спѣны ,
Въ Верблюдѣ видъ его смиренный выхвалялъ ;
Судья его спепеншвомъ восхищался ;

А между тѣмъ скупецъ кричалъ и надрывался,
 Превознося его умѣренность во всемъ.
 Съ досадою въ очахъ, съ нахмуреннымъ челомъ,
 Украшенный двумя горбами,
 Откуда ни взялся уродъ,
 И — посмопрѣвъ съ презрѣньемъ на народъ —
 Вскричалъ: не стыдно-ль вамъ, занявшись пу-
 стяками,

О нихъ такъ много толковать:
 Важнѣйшее — жь изъ виду упускать?
 Взгляните на сей холмъ, который украшая
 Животнаго сего хребетъ
 И легкости его отнюдь не уменьшая,
 Столь важный видъ ему даетъ
 И прелести его природны возвышаетъ!
 Вотъ то, что болѣе всего
 Достоинство прямое означаетъ
 Животнаго сего.

Природа; отличивъ его
 Изящной сей красюю,
 Конечно намъ чрезъ то хотѣла показать,
 Что должны мы его признать
 Животныхъ всѣхъ царемъ, владыкой и главою.

Горбунъ мой всякому покажется смѣшнымъ...
 Согласенъ; но ему не всѣмъ мы подражаемъ?
 Не всѣ ли мы, въ хвалахъ другимъ,
 Хвалы самимъ себѣ сплетаемъ?

Д. Вельяшевъ - В.

Р О З А,

Б а с н я.

Въ началѣ Майскихъ красныхъ дней,
Въ саду предъ хижиной моею,
Любимица младая Флоры,
Любезна роза разцвѣла:
Очаровала умъ мой, взоры,
И каждый часъ къ себѣ влекла.
О какъ я ея любовался,
И дорожилъ, и наслаждался!
Какъ бережно ее хранилъ!
Какъ часто самъ своей рукою,
Въ часы полуденнаго зною,
Палимый цвѣшъ ея крошилъ
Спуденой, свѣжею водою! —

Доволенъ, весель и счастливъ,
Забытый всеми, всѣхъ забывъ,
Я полько розой занимался
И какъ ребенокъ восхищался
Ея чудесной красою;
Но . . . что здѣсь прочно подь луной?
Случилось ночью бышь морозу,
И я, не знавъ бѣды моею,
Спѣшилъ поздравить милу розу

Съ румяной, утренней зарей;
 Пришелъ, и чтожь? . . . листья завяли,
 Цвѣтны кругомъ на землю пали,
 Остались . . . шипы одни.

Не такъ ли, въ красны наши дни,
 Любовь злодѣйка насъ прельщаетъ;
 Умъ, сердце, чувства въ плѣнь беретъ
 И — пренесъ въ волшебный свѣтъ —
 Намъ верхъ блаженства обѣщаетъ? —
 Но горе, ввѣрился кпо ей! . . . .
 Кичась побѣдою своею,
 Она какъ разъ взмахнетъ крылами
 И улешитъ, сѣвась надъ нами.
 Тогда, прости рай Майскихъ дней!
 Простите всѣ мечты счастливы,
 Весны соупницы игривы!
 И вы любви спремилесь въ слѣдъ?
 Поспойте, милыя! . . . „Нѣтъ, нѣтъ!
 „Позналъ любви ты наслажденья:
 „Теперь познай ея мученья!
 „Познай: любовь какъ розы цвѣтъ,
 „Который мигомъ разцвѣтаетъ,
 „Который мигомъ засыхаетъ;
 „Засохъ и . . . . вѣкъ не разцвѣтеть!“

Д. Вельшевскій - В.

Д У Б Ъ ,

В а с н ь .

„Какъ ты безжалостенъ! . . . смотри : по всей
долинѣ

„Обломки отъ моихъ разсѣялъ ты вѣтвей.“

— Такъ вѣпру грозному , стоящій на вершинѣ

Дубъ древній говорилъ . — „Иль въ ярости своей ,

„Свирѣпый ! моего паденья ты желаешь ?

„Тогда , какъ близъ меня , на берегу зыбей ,

„Кого же! . . . слабую протинку , ты ласкаешь! “

„Такъ — отвѣчалъ Борей — я клялся быть
врагомъ

„Такихъ , какъ ты , надменныхъ ,

„И только для однихъ смиренныхъ ,

„Въ часъ бури , укрощаешь и молнію , и громъ ,

„Моимъ велѣніямъ подвластный . . .

„Спѣши покорностью смягчить мой гнѣвъ ужас-
ный ,

„Когда себѣ не хочешь ты вреда! —

„Нагнись — иль мигомъ вонъ съ корнемъ! . . . “

„Пусть лучше упаду: — Дубъ отвѣчалъ съ пре-
зрѣнемъ —

„Но преклонись . . . . никогда! “

Викторъ Чюриковъ.

КАБУДЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ, ВОСТОЧНАЯ
СКАЗКА.

На берегахъ Эвфрата
Жилъ дахарь, именовъ Гассанъ,
Смиранный, добрый Мусульманъ:
Который не имѣлъ ни серебра, ни злата;
Имѣлъ осла; любилъ его какъ брата;
Лелѣялъ, чистилъ и кормилъ,
И качества его онъ всѣмъ превозносилъ.
На упренней зарѣ и солнца на закатѣ,
На немъ нашъ пахарь развѣжалъ
И повода изъ рукъ, задумавшись, бросалъ,
Увѣренъ будучи въ своемъ ослѣ и братѣ,
Что вѣрно привезетъ Гассана онъ домой.
И подлинно! — признаться должно —
Осель былъ умница прямой;
Красавецъ; выспупалъ онъ гордо, оспорожно;
Ушами длинными пріятно шевелилъ
И взоромъ ласковымъ Гассана веселилъ.
Но впрочемъ, красота наружная плѣняешь,
А счастья никому она не доставляетъ.
Умъ надобенъ; осель съ разсудкомъ почто былъ:
Подъ ношею своею не спотыкался,
По сторонамъ не озирался
И по улесамъ онъ чиннехонько ходилъ,

Какъ ходяшь богачи по гладкому наркету ;
 Извѣстный Сади говоритъ ,
 Что истинный разсудокъ соспоишь
 Единственно лишь въ шомъ , чтобъ слѣду
 совѣшу ,
 Великихъ мудрецовъ , подь вошей не крехтъшь ,
 Умѣшь ее носить — и — въ случаѣ , шерпѣшь .

Однажды нашъ Гассанъ рыскою
 Повхаль на ослѣ въ ближайшій городокъ ;
 И вошь съ нимъ встрѣтился съдой Дервишъ
 съ клюкою .

Гассанъ ему поклонъ . „Здорово , мой дружокъ ,
 Сказаль Дервишъ : „Великій нашъ Пророкъ
 „Да низпошлетъ тебѣ свое благословенье !
 „Какой же у тебя прекраснѣйшій осель !“
 — Честный отецъ ! онъ мнѣ поварищъ , ушѣ-
 шенье ,

И красому свою поняшьемъ презошелъ ;
 Послушень , добръ , дорогу всюду знаетъ ;
 Я брошу повода . . . . а онъ идешъ , идешъ
 Все далѣе впередъ .

Не я его , меня дружище сберегаешъ .
 За десяшь томановъ , осла я не продамъ .
 „Я сотню дамъ

— Святоша возразиль — „и съ радостью большою .“

Гассанъ любиль осла и сердцемъ и душою ;
 Но столько денегъ получить ,
 Разбогачѣвъ ! . . . что дѣлашь ? шакъ и бышь !
 Книжка XVI. Ж

Хошъль махнушь рукою ;
 Какъ вдругъ Дервишь вскричалъ :
 „Напрасно продавашь осла я убъждалъ ;
 „Онъ долженъ бышь тебѣ любезень ;
 „Жалѣешь ты о немъ , я вижу по глазамъ ;
 „Послушай , другъ ! обѣимъ вамъ
 „Я бышь могу полезень .
 „Умѣешь ли , скажи , осель пвой говоришь ?“
 — Нѣтъ , кажется , ни слова . —
 „Читайшь , пишашь , судишь
 „О мѣръ , что въ немъ ешь и добраго и злова ?“
 — Не думаю . — „Онъ , можетъ бышь ,
 „Кѣ иному приложилъ охошу , попеченье ;
 „И вѣрно Географъ , Историкъ , Философъ ?“
 Нашъ пахарь въ изумленьѣ ,
 — Свяшый Пророкъ ! сказалъ : не только всѣхъ
 ословъ ,
 Тогда бы и меня онъ превзошелъ въ ученѣ !
 Осель и философъ ! — „Диковинки въ томъ нѣтъ !
 „Такія-ль чудеса случались подь луною ?
 „Обманъ не сроденъ мнѣ ; я дамъ тебѣ совѣтъ :
 „Возьми мой кошелекъ , иль опущу со мною
 „Ты въ Мекку друга своего ;
 „На время можно разлучишься
 „И путешешствіе полезно для него .
 „Въ одиночю онъ свою ученымъ возвратишься ;
 „Онъ будешь говоришь на многихъ языкахъ :
 „Читайшь и Алькоранъ , и воспѣвашь въ сшикахъ
 „Движеніе міровъ и красоту природы ;

„Узнаешь, какъ живушь всѣ прочіе народы;
„Годъ пропечешь . . . осель увидишься съ шобой!

„Я смѣло увѣряю,

„Что будешь скоро ты съ несмѣтною казной.

„Рѣшишь: ; сто помановъ, иль въ Мекку?“

— Опускаю! —

Воскликнулъ нашъ Гассанъ: — „ударимъ по ру-
камъ!

„Вошь мой осель! по пуспякамъ,

„Злапаго времени я прапишь не желаю.

„Какая слава мнѣ, какая будешь честь,

„Когда на мудреца верхомъ изволю сѣсть;

„Когда меня, смиреннаго Гассана,

„Поднимешь на хребетъ, учитель Алькорана!

„Счастливымъ пущь, опецъ свяшой! . . .“ —

И дѣло сдѣлано. — Съ осла Гассанъ слезаетъ,

Цвдуешь съ нѣжносшью, съ слезами провожаешь:

— Прости, Кабудъ, мой другъ! прости, про-
рекъ съ шобой!

Для счастья твоего, красавецъ дорогой!

Идешь ты спранствовашь по свѣшу:

Послушень будь; молись почаще Магомешу,

И возвращись скорѣй философъ домой! . . . —

На добраго осла вскарабкался свяшоша,

Поѣхаль; въ слѣдъ кричишь нашъ пахарь:

— черезъ годъ,

Смотри, я жду тебя! — А самъ . . . пѣшкомъ

идеть,

И спину бѣднаго согнула крюкомъ ноша.

Доплелся кое - какъ

Въ деревнѣ нашъ бѣднякъ

И говоритъ : „Осель поѣхалъ мой учишься :

„Большимъ мудрецомъ конечно возвратится

„И, ровно черезъ годъ, мы будемъ вѣспѣ жить.

„Увидите, друзья! — Теперь ни слова болѣ!

„Пусть спранствуешь Кабудъ по волѣ!

„Хотя и тяжело подъ часъ пѣшкомъ ходить!“...
Горюешь нашъ Гассанъ, а дни текутъ за днями.

Дервишъ съ поварихею объѣхалъ много спранъ ;

Всю Анаполию , обильную плодами ;

Обширный Діарбекъ , торгующій слонами ,

И надѣляющій шелками Персіанъ.

Проходящъ и Алепъ , богатый жемчугами ,

Касарію , Моссуль , Эдессу и Гарамъ ,

Гдѣ по преданіямъ родился Авраамъ ;

„Вотъ здѣсь — нашъ богомольчиченный

Кабуду говорилъ —

„Несчастныхъ Персіанъ , Филипповъ сынъ раз-
биль ;

„А шамъ , Царемъ Поншійскимъ раздраженный ,

„Лулій , славой озаренный ,

„Прищель , увидѣлъ , побѣдилъ?“ —

Кабудъ не отвѣчалъ ни слова ;

Но ошъ вниманія большова

Ущами хлопалъ и зѣвалъ ,

А между шѣмъ его священикъ погонялъ ... —

Вотъ наши спранники приспали къ каравану ,

Комшорый съ грузомъ въ Мекку шель ;

Описывать не спану,

Какое множество нашёл

Кабудь тушь мудрецовъ, Врачей и Астрологовъ,

Историковъ и Филологовъ,

Художниковъ и Рифмачей,

И разныхъ языковъ искусныхъ полмачей.

Какой же случай для ученья!

Одинъ чиналь свои о мирѣ разсужденья;

Другой, опшѣкивалъ источникъ вѣсьмъ слоб,

вамъ

И — будучи Башкирь, — рѣчь длинную гощовиль,

Въ которой уврять, что прашедь Адамъ

Башкирскимъ языкомъ бесѣдовашь извоиль

Съ прекрасной Еввою своею.

На правой споронѣ, брюхоощий сѣитодѣй

Достойнѣйшихъ писателей злословиль,

И пашквили писалъ на сочиненья ихъ;

А помнилъ самъ въ душѣ одна известныи

ощихъ,

Которымъ онъ воспѣшь въ поэмѣ былъ шуц-

ливой.

Въ сошедшѣ опъ него подѣ зоншикомъ мѣ-

жалъ

Исполковашель сновъ, надунный, горделивой;

Въ рукахъ Сонникъ онъ съ важностью держалъ

И въ будущемъ чиналь,

А вѣспоящато и знать не добивался.

Кабудь же слушалъ, примѣчалъ,

И молча просѣщался.

Дрѣбился къ концу несчастный, скучный годъ:

Гассанъ Кабуда ждешь да ждешь,

И въ горести глубокой

Онъ сидя вечеромъ у жижины своей,

Вздыхая говоритъ: „Скажи, Дервишь жесткой,

„Что дѣла были въ умѣ и святости твоей?

„Кабуда ты меня лишаешь,

„Работаю всѣдневно я одинъ,

„А ты иль немъ, какъ знаешь господинъ,

„Покойно развѣзжаешь.

„Какъ прежде весело я жилъ!

„Въ широдахъ моихъ, оселъ помощникъ вѣрный,

„Тѣмъ добрымъ былъ;

„Я въ одиночествѣ изнемогаю нынѣ,

„И будешь ли конецъ

„Гассановой кручинѣ?“

Сказалъ . . . и что-жъ? честной онець

Ганцися на ослѣ въ долину. —

Вошь онъ! вошь онъ! Гассанъ въ испоргѣ за-

кричалъ.

Дервишь къ избушкѣ подвѣзжаешь.

„Гдѣ милый мой Кабудъ?“ нашъ пахарь вопро-

шаетъ.

— Не уже-ль своего нынѣ друга не узналъ?

Вошь онъ! — „О Магометь! пожарищъ мой

хромаешь

„И спотыкается!“ — Не спорю; но душой

Онъ не споткнется вѣчно. —

„Да гдѣ же глазъ другой?“

„Онъ кривъ ; уродъ !“ — Конечно ;
 Но развѣ мудрецомъ не можешь быть кривой ?

И въ книгѣ , сказано Пророкомъ :

Однимъ , но прозорливымъ окомъ ,

Намъ должно пронизать въ сердца. —

„Какой онъ прежде былъ дородной, величавой!

„А нынѣ , вижу въ немъ срамца.“

— Дородность ничего не значить передъ славой,

Передъ ученьемъ мудреца. —

„И шакъ , Кабудъ ученъ?“ — Онъ философъ ве-
 ликій ,

И знаешь хорошо восточные языки ;

Не запинаясь говоришь ;

И вѣрь , что здѣсь онъ всѣхъ въ селеніи уди-
 вишь.

— Проси ! мнѣ не досугъ , и квиши мы съ
 тобою ! —

„Проси ; святой отецъ !

„А ты , Кабудъ , любезнѣйшій мудрецъ ,

„На мѣсто прежнее , прощу ийти за мною !“

Уже далеко нашъ Дервишъ.

Гассанъ поварища ласкаешь ;

И съ умилениемъ вопрошаешь :

„Что ты , мой другъ , не говоришь ?

„Успалъ конечно онъ дороги ;

„Поди и отдохни ! твои прясупица ноги ,

„А у меня все есть : солома и овесъ.

„Я вижу , что труда ты много перенесъ ;

„Ты завтра все расскажешь ,

„И философію, и разумъ свой докажешь.

„Спи, мой сердечный, будь здоровъ!“

Проходишь ночь; Гассанъ сосѣдямъ объявляешь,

Что у него въ клѣвѣ ученый философъ,

Хоть родомъ изъ ословъ,

И всѣхъ на сморъ сзываетъ.

Толпою жителя бѣгутъ.

Гассанъ кричитъ: „Вотъ мой Кабудъ!

„Онъ говоритъ стихами по Башкирски,

„И прозою по Сирски.

„Ученья своего не будетъ онъ шайтъ;

„Прошу пожаловать и съ нимъ поговорить.“

Спарикъ съ плѣшивой головою,

И съ длинною до чреслъ висящей бородою,

Выходишь изъ толпы и, низко поклонясь,

Къ ученому ослу съ учивоспью взываетъ:

„Имѣешь ли земля съ небесной твердью связь

„И для чего луна рогатая бываетъ?

„Надѣюсь, — говоришь, — ты не выѣнишь въ вину,

„Мудрецъ чепвероногой!

„Что, школы сельскія училъ я убогой,

„Испытываешь хочю ученья глубину.“

Кабудъ въ отвѣтъ ни слова:

И шайка оспряковъ была уже готова

Надъ бѣднымъ пахаремъ шумить.

„Помедлите, друзья!“ сказалъ Гассанъ смиренный:

„Молчанія виной, спыдливосшь, можешь бышь;
 „Кабудь философъ несравненный,
 „Я смѣло увѣряю васъ.“

— Постойте, — возгласилъ сапожникъ полстпо-
 брюхой,

Забавникъ, балагуръ, охопникъ до проказы:
 Вы дайше волю мнѣ. — Философъ вислоухой,

Скажи скорѣй, копорый часъ? —

Кабудь зашевеливъ ушами,

Собранье осмогрѣлъ,

Разширилъ ноздри, и ногами

Запопавъ, онъ махнулъ хвостомъ и . . . заре-
 вѣлъ.

— Прекрасно говоришь философъ новой съ
 нами —

Сапожникъ съ смѣхомъ закричалъ.

Гассанъ въ опчаянни, дубину въ руки взялъ

И ею подчивалъ Кабуда.

„Напрасно бьешь осла — сапожникъ продолжалъ —

„Скажи, сосѣдъ, откуда

„Такія въ голову нелѣпости ты взялъ,

„Что можешь швой осель насъ удивить уче-
 ньемъ,

„И говоришь какъ философъ?

„Гдѣ видѣлъ ты ослось

„Съ умомъ и просвѣщеньемъ?

„Дервишь смѣялся надъ побой.

„Ему пѣшкомъ итти казалось очень прудно;

Книжка XVI.

„А ты, съ пустою головой,
 „Святошу наградишь Кабудомъ безразсудно.
 „Живушь здѣсь разнымъ ремесломъ,
 „И этому, сосѣдъ, не долженъ ты дивиться;
 „А кто поѣхалъ въ путь осломъ,
 „Осломъ и возвратишься.“

Василій Пушкинъ.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

десятой Части.

Прозаическія сочиненія.

	Стран.
О вкусѣ и его измѣненіяхъ	3
Взглядъ на истинное достоинство Писателя.	46
Продолженіе Синонимъ.	54
О Геніи; о главныхъ его свойствахъ; о средствахъ, имъ употребляемыхъ, и о вліяніи его на современниковъ и потомство.	62
О старости.	85
Рѣчь при возобновленіи засѣданій Общества.	100

С п и х о т в о р е н і я.

Пѣснь Моисея, предъ его кончиною, къ собранному Израилю.	3
Подражаніе Псалму 32.	15
Иліада, пѣснь III.	20
О красотѣ.	42

Оглавление.

Спраж.

Къ мечу, присланному Графиней Анною Алексѣвною Орловою Графу Михаи- лу Андреевичу Милорадовичу. - -	48
Отрывокъ изъ Поэмы Искусства и Науки.	54
Безвѣріе. - - - - -	58
Овсяной кисель. - - - - -	64
Утѣшеніе добродѣтели. - - - - -	71
Гимнъ Красотѣ. - - - - -	73
Подражаніе Горацию. - - - - -	75
Время любить. - - - - -	77
Гробница Анакреона. - - - - -	78
Ода Сафо. - - - - -	81
Днѣпровскій теремъ. - - - - -	83
Попугай, баснь. - - - - -	87
Гнѣвъ Зевеса, баснь. - - - - -	89
Верблюды, баснь. - - - - -	91
Роза, баснь. - - - - -	93
Дубъ, баснь. - - - - -	95
Кабудъ путешественникъ, Воспочная сказ- ка. - - - - -	96

Т Р У Д Ы
ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССІЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

МОСКВА , 1818.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

Въ Ценсурный Комитетъ надлежащее коли-
чество сей книги доставлено.

О ПЫТЪ РѢШЕНІЯ ВОПРОСА,
*предложеннаго въ Обществѣ Любителей
Россійской Словесности, основанномъ
при Императорскомъ Московскомъ Уни-
верситетѣ, о томъ: на какомъ языкѣ
писана Пѣснь о полку Игоря: на древ-
немъ ли Славянскомъ, существовавшемъ
въ Россіи до перевода книгъ Священ-
наго Писанія, или на какомъ нибудь
областномъ нарѣчій (*)?*

Вопросъ сей вмѣстѣ съ сомнѣніями о
достоверности Игоревой Пѣсни предсталъ
при первомъ появленіи сего творенія (**).
Языкъ исполненный силы — красоты; по-

(*) Сей опытъ рѣшенія Гна. Неизвѣстнаго на-
печашанъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ
присланъ онъ въ Общество.

(**) Оно издано 1800 года въ Москвѣ въ Се-
напской Типографіи, въ 4, на 46 страницахъ,
Книжка XVII. А я

черпнутыя изъ ужасовъ природы, повидимому несовмѣстныя съ полуобразованнымъ вкусомъ, къ коему оное относили; все сіе оставляло криптиковъ, въ числѣ ихъ знамениаго Шлецера, въ недоумѣніи — почишашь ли Пѣснь Игореву дѣйствительно древнимъ памяникомъ, или новѣйшимъ подлогомъ. Незвѣстность древности почерка оной и самый подлинникъ, вскорѣ по изданіи

подъ названіемъ: *Ироическая Пѣснь о походѣ на Половцевъ Удѣльнаго Князя Новгорода Северскаго Игоря Святославича*, писанная стариннымъ Рускимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Въ переводѣ и примѣчаніяхъ къ сей Пѣсни шрудились А. О. Малиновскій, Н. Н. Баншышъ - Каменскій и Графъ А. И. Мусинъ - Пушкинъ. Второе изданіе съ объясненіемъ и новымъ переводомъ помѣщено А. С. Шишковымъ въ I Части сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею. Спб. 1805. 8. стран. 23 — 234.

погибшій, еще болѣе умножили сомнѣніе. Оставалось единственное средство обратить тщательное вниманіе на языкъ оной, изслѣдовать еяпѣтки древней письменности и по соображеніи извлечь доказательства. Но сіе пребовало труда, и труда величайшаго. Никто не рѣшался посвятить нѣсколько лѣтъ на такое изысканіе: одинъ Г. Шишковъ проложилъ къ тому дорогу. Но ни онъ, ни Издатели не опредѣлили языка, на коемъ писана Пѣснь Игорева. Языкъ Библейскій, такъ именуемый по переводу на оный съ Греческаго книгъ Святаго Писанія, догматовъ и учителей церковныхъ, по первому взгляду, казалось, не имѣлъ никакого къ ней отношенія; языкъ просонародный, употребляемый въ разговорахъ, сохранившійся въ лѣтописяхъ, судебныхъ актахъ и грамотахъ, еще менѣе представлялъ сходства съ выраженіями Пѣснн. Предполагать же особое обласное нарѣчіе значило то же, что составлялъ нѣсколько особенныхъ способовъ выраженія: древніе памятники нашей Словесности убѣждали въ противномъ. Сочинитель Новгород-

скаго Лѣтописца удобно понималъ Нестора Кіевлянина, равно и послѣдній могъ бы разумѣть написанное въ Новгородѣ; припомъ же Славяно - Рускій языкъ, въ народу раздѣлившійся на разные племена, и досель, исключая Малороссійскаго, удержалъ во внутреннемъ составѣ совершенно въ цѣлости, съ немногими исключениями въ словахъ, первобытное свое образованіе. Языки и нарѣчія прочихъ племенъ Славянскихъ, какъ то: Польскій, Сербскій, Кроацскій, Далматскій и другіе, столь много отдѣлились отъ нашего употребляемаго въ книгахъ церковныхъ и лѣтописяхъ, что едва малѣйшіе слѣды одного изъ нихъ Польскаго кое-гдѣ примѣтны въ Писци Игоревой. Причины сего несходства не имѣютъ отношенія къ нарѣчіямъ Кіевскому и Новгородскому; ибо Поляки, вмѣстѣ съ Кроаками и Далматцами, подпавши Папской власти, измѣнили благозвучіе Славянское на слабую пѣнь языка Латинскаго; а Сербы неволью приняли къ себѣ чуждыя имъ реченія. Не утверждаю, чтобы въ помиутскихъ языкахъ не было совершенно

словъ, подобныхъ встрѣчающимся въ Пѣсни Игоровой; но нѣсколько словъ не составляющъ еще языка, но супъ цѣлое. И такъ слога Пѣсни Игоровой тщетно мы будемъ отыскивать въ извѣстныхъ языкахъ Славянскихъ, а того менѣе въ областномъ нарѣчїи. Но гдѣ же онъ пашся? не уже ли нѣшъ слѣдовъ, нѣшъ никакихъ средствъ къ сему открытію? Они находятся, и едва ли не всѣ, въ языкъ Святаго Писанїа, а болѣе въ языкъ Лѣтописей, грамотъ и другихъ историческихъ памятниковъ. Вниманіе, на сей предметъ обращенное, давно уже наградило бы изслѣдователя совершеннымъ увѣренїемъ, что языкъ Пѣсни нимало не разнишся отъ древняго языка Славяно-Рускаго, если бы кто принялъ на себя трудъ сей. И такъ я осмѣливаюсь предложить шеперь, имѣя неоспоримыя доказательствва, не новое мнѣніе, но вновь излагаемое, коего сущность состоитъ въ томъ, что Пѣснь Игорева писана нарѣчїемъ, сходнымъ съ Библейскимъ и Лѣтописями.

Прежде нежели сіе будетъ доказано сходствомъ словъ и реченїй, довольно обратиться

вниманіе на словосочиненіе Пѣсни, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно расположенное по образу выраженій Греческаго языка. Примѣры сего открываются изъ двойственного числа, заимствованнаго въ Славянскую Грамматику отъ нашихъ учителей Грековъ, и которое въ слѣдующихъ мѣстахъ и реченіяхъ встречается въ Пѣсни.

„Оба (Игорь и Всеволодъ) *Есѣв* Свяшвлвлича (спр. 7); *пу ся брата разлучиета* (спр. 18) — се бо два сокола слѣтѣста съ ошнѣ сподла злапа (спр. 24), уже соколома *крильца* припѣшали поганыхъ саблями, а *самая опустоше* въ пушины желѣзны (тамъ же). — *О моя сыновча* Игорю и Всеволоде! рано *еста начала* (спр. 26); — *ваю храбрая сердца* въ жеспоцемъ харалузѣ скована, а въ буспи *закалена* (тамъ же); — *пы буй Рюриче* и *Давыде*, не *ваю* ли злчеными шеломи по крови плаваши? не *ваю* ли храбрая дружина рыкають акы пури? (спр. 29). *Вступыта господима* въ *злата* спремень (на той же спр.); — *сущь* бо у *ваю* (Романа и Мешислава) желѣзны папорози (спр. 31); — *млювипѣ* Гзакъ кончакови: аже соколѣ къ

гнѣзду лепишѣ , соколича *растрѣлаетъ* своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ : аже соколъ къ гнѣзду лепишѣ , а въ соколца *опутаетъ* красною дѣвицею. И рече Гзакъ къ Кончакови ; аще его *опутаетъ* красною дѣвицею , ни *нама* будешѣ сокольца , ни *нама* красны дѣвице , по почнушѣ *нама* пшци биши въ полѣ Половецкомѣ.“

Сего еще не довольно. Нѣсколько словъ безъ выбора взятыхъ изъ Пѣсни Игорева и приисканныхъ въ книгахъ Святаго Писанія подтвердятъ близкое сходство первой съ языкомъ послѣднихъ. Вотъ примѣры того и другаго :

Священное Писаніе.

Куръ — пѣшухъ. И абіе куръ възгласи. Синоп. Еванг. 1144 года. — И бысть въ четвергѣ на ночь поча (Владиміръ Васильковичъ) *изнемогати* , и яко бысть въ куры (во время крика пѣшуховъ) , и позна въ себѣ *духъ изнемогающѣ*. Волын. Лѣтоп. въ рукописи.

Пѣснь Игорева.

А самъ (Всеславъ) въ ночь *вѣлкомъ* рыскаше ; изъ *Кыева* дорискаше до куръ (пѣшлого глашеніе) *тмуторока* мя , спр. 36 — слово куръ издатели перевели неправильно *городомъ Курскомъ*.

Паполома — покрывало. Върху же мъртвѣца простирается два паполома. Кормчая. Синод. 1282 года, № 82. въ листѣ.

Потыть — разрубить, разсѣчь. И разтешеть и полотьма. Еванг. Гр. Толстова 1072 года. Слово же растесанный значить разрубленный: слѣтеша же птицы на тѣлеса растесанная ихъ. Быт. Гл. 15, ст. 11.

Сморци или смерти — водяные нососы, бывающіе на моряхъ, сифоны, шромбы. Дамаск. лист. 16.

Кнѣсь или князь — верхняя перекладина въ строеніи, мапица. Возмите врата князи ваша. Псалом. 23, стих. 7.

Трудъ — скорбь, мученіе душевное; трудный — прискорбный. Трудъ и болѣзнь. Псалом. 24.

Сулица — копье; иногда значить кинжалъ, кортикъ. И придутъ на тя вси отъ сѣвера, колесници и колеса со многимъ на-

Одевахте мя, рече (Святославъ боярамъ) чръною, паполомою, стр. 23.

Луцежъ бы потыту быти; неже полонену быти, стр. 5.

Идутъ сморци мглами, стр. 39.

Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ злато - ерѣсьмъ, стр. 23.

Не дѣполали ны башетъ начати трудныхъ повѣстий, стр. 1. чрънахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено, стр. 23.

И Половци сулицы своя повергоша, стр. 32, кое ваши златыи шелома и сулицы Ляцкій и щиты?

родомъ, щиты и сулицы и шлемы. Езек. гл. 28, сших. 24.

И такъ, если примѣры, выше предложенные, значительны къ показанію сходства въ слогъ Пѣсни и книгъ Священнаго Писанія, то по чему же первая не сочинена вся на языкъ Библейскомъ? На сей вопросъ легко отвѣспивовать: какъ Пѣснь Игорева содержишь въ себѣ повѣспиваніе подвиговъ воинскихъ, не имѣющихъ никакихъ отношеній къ дѣламъ церкви; написана въ пишической слогъ съ воспоргомъ, — не въ духъ Библейскомъ и вѣроятно не духовною особою, то и языкъ ея долженъ опличашься отъ языка Свяшаго Писанія, проповѣдей и постановленій церковныхъ. Если бы ѣдкость времени пощадила другой какой-либо подобный памятникъ, тогда бы можно сказашь о семъ утвердительнѣе; но при всемъ недоспачкѣ подобныхъ сочиненій не имѣемъ ли мы рѣчи Свяспослава (*), написанной съ особеннымъ чувспвомъ; описанія кровопролишнаго сраженія Великаго Князя Ярослава съ брапоубійцю

(*) У Нестора подъ 971 годомъ.

Святополюкомъ (*); повѣствованія пиранскаго ослѣпленія Василя Ростиславича (**)? и не встрѣчаемъ ли мы въ оспашкахъ древней Россійской Словесности нѣкопторыхъ мѣстъ, на коихъ, при всемъ ихъ искаженіи временемъ и переписчиками, видна еще печать истинной красы и силы? Довольно приведемъ чепыре, или пять примѣровъ, дабы въ эпосѣ удостовериться. „А Бога дѣля пусци ю (жену Изяслава — пишеть Владимиръ Мономахъ къ Олегу Святославичу Черниговскому) ко мнѣ, вборзѣ съ первымъ словомъ, да не съ нею кончавъ слезы, посажу на мѣстѣ, и сядеть акы горлица, на сусѣ дровъ желѣючи (***)“. Слѣдующимъ описаніемъ голода, постигшаго Россію въ 1230 году, сочинитель Новгородскаго Лѣтописца напоминаетъ гореопныя Пепрарковы вопли о лишеніи своей Лауры, похищенной *черною смертію* (****), свирѣпствовавшею во всей Европѣ въ XIV вѣкѣ:

(*) Въ той же Лѣтописи 1019 года.

(**) 1097 года въ Несноровой Лѣтописи.

(***) Поученіе Владимира Мономаха дѣшамъ своимъ. Спб. 1793., 4. стр. 54.

(****) Такъ называется ужасная моровая язва, опустошавшая Европу съ 1348 по 1352 годъ.

„Брагѣ брату не сжалашенься, ни опечѣ сынови, ни мапи дчери, ни сусѣдѣ сусѣду не уламляше хлѣба, не бысть милости межи нами, нѣ бѣше пуга и печаль; на уличи скѣрбѣ другѣ съ другомѣ, дома тѣска, зряще дѣшій плачуше хлѣба, а другая умирающа (*).“ Въ *умильной повѣсти* о нашествіи Бѣлѣи, вмѣстѣ съ лишеніемъ Руской свободы, съпуетъ вся природа: „Горы убо и холми пѣненымъ и малооспавшимъ плачуцымъ сопрошивъ возглашаху; рѣки же волнами сопрешумяху; садовыя же дрѣвеса, и вся боры и дубравы, вмѣсто рыданія и плача вѣшвыми повѣвающе, умильно приглашающе и вмѣсто слезъ листвіе отъ себе спущаху (**).“ — Повѣсть о побѣдѣ, одержанной Димитріемъ надъ Мамаемъ, особливо въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, не менѣе Пѣсни Игоровой, исполнена возвышенныхъ мыслей, силы языка и пылннпельныхъ описаній. Въ предвѣщаніяхъ

(*) Лѣтописецъ Новгородскій. Москва 1781, 4. стр. 119.

(**) Рускій временникъ. Москва 178. Ч. 1. стр. 125, и въ Пѣсни Игоровой есть подобное мѣсто: древо не болгогомъ листвіе срони, стр. 32.

Димитрій Волынца примѣпно сходство съ въкопорыми выраженіями нашей Пѣсни: „Димитрій Волынцевъ ста въ нощи посредь обоихъ войскъ своихъ и Татарскихъ, и обратившися услыша отъ спраны Татарскія спукъ великъ, аки поргъ нѣкій собираемъ, или аки городъ зиждущися, создади же волцы выюшъ велики, по правой споронѣ орловъ кличуще, и бысть шрепешъ различныхъ пптицъ великъ зѣло, противъ же имъ враны аки горы играюще, по рець же Непрядве гуси и лебедь крылми плещуще необычну грозу подаваху.“— Знаменитое описаніе сраженія предъ Куликовскою побѣдою не менѣ живописно: „По скончаніи пѣчевія Пересвѣпова, абіе удариша каждо по своемъ коню, и всѣ Христіанскіи вои единогласно кликнуша: съ нами Богъ! и паки: Боже Христіанскій! помози намъ на враги. Татарове же кликнули до своихъ боговъ: отъ Магметъ! и сспутившеса отъ обою спрану, начаша крѣпко бишися; льешся кровь богатырская подъ сѣдлами, капяшся шлемы злапши подъ ноги конскіи, а за шлемами и главы богатырскіи; Татарове же вдвое того падаюшъ на полъ Куликовъ. Коль мѣсто велико

и пространно mezi Дономъ и Мечею, но то мѣсто еще быше пѣсно оубъ поликаго множества воинствъ; и не почію оубъ оружія падаху, но и о самихъ себѣ разбивахуся, и оубъ великія пѣсношы прочіи звдыхахуся, прочіи подѣ конскими ногами умираху, а рѣки кровавыи изпекаху, мечи блещахуся аки молніи, копіи сокрушающесе аки громъ прещаху; оубъ прешьяго часа даже до шестяго бишася сильно. О грозного времени! о горькаго часа! въ прехъ бо часахъ безчисленное множество побито создания Божія; часъ четвертый и пятый біоцесе не ослабѣваюубъ Хриспіане, ниже Татаре. Наставшу же часу шестому, начаша Божіймъ попущеніемъ, грѣхъ ради нашихъ, поганіи одолѣвати, а Хриспіане изнемогати; уже бо мнози оубъ сановитыхъ побіени сущь, мнози храбрыи богатыри Рускіи и юноши нарочити аки дрова дубравная поклонишася на землю, мнози сынове Рускіи сопрошася копылами коней Татарскихъ и самаго Великаго Князя уязвиша вельми, даже нуждою склонившесе съ коня, поиде съ побоища, яко уже не мощно бѣ ему бишася; спязи же Великаго

Князя многожды Тапарове съкоша, но Божию силою не возмогоша ихъ до конца испребити (*).“ — Заключимъ сравненіе карпиною раздраженнаго неба, нацисанною Папріюпомъ и Испорикомъ Палицынымъ : „Изліяніе гнѣво-быстрое бысть отъ Бога : омрачи Господь небо облаки, и поликъ дождя проліяся, яко вси челоуѣцы въ ужасъ впадоша, и преста всяко дѣло земли : и всяко сѣмя сѣянное возрастши, разсѣдеса отъ безмѣрныхъ водъ, ліемыхъ отъ воздуха, и не обвѣя въпрѣ правы земныя за десѣтъ седмицъ дней, и прежде проспертія серпа поби мразъ сильный всякъ шрудъ дѣль челоуѣческихъ и въ полѣхъ, и въ садѣхъ, и въ дубравѣхъ всякъ плодъ земный, и яко отъ огня поядена бысть вся земля (**).“

Извлеченія сіи показываютъ, въ нѣкоторыхъ опношеніяхъ, возможность существованія слога И г о р е в о й Пѣсни. Она (*) Синописъ о началѣ Славянскаго народа. Кіевъ. 1680. 4. стр. 1503, 161 и 162.

(**) Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Липшвы, Келаря Авраамія Палицына. Москва. 1784. 4. стр. 9. Приведенне нами описаніе относится къ 1601 году.

жопя досель есть единственное, особенное въ своемъ родѣ произведение; но не менѣе того быше оной скрывается въ разсѣчныхъ памятникахъ древней Россійской Словесности. Она не первая на свѣтъ появилась; сочинитель ея вѣроятно имѣлъ передъ собою источники, откуда заимствовалъ красоты чувствъ и выражений, намъ совсѣмъ теперь неизвѣстныхъ, подобно какъ и самъ служилъ образцомъ для другихъ Писателей. Кто не согласится, что слѣдующее мѣсто, случайно найденное въ пергаментномъ Апостолѣ 1307 года, не есть близкое подражаніе нашей Пѣсни? Приписавшій заключение къ первой книгѣ (*), описываетъ гибельную войну Михаила и Юрія за княженіе Новгородское, подобно пѣвцу Игореву, изображающему бѣдствія Россіи при Ольгѣ Гориславичѣ.

(*) Игуменъ Пантелеимоновъ Новгородскаго монастыря, Зосима. Апостолъ сей хранится въ дополнительныхъ рукописяхъ Московской Синодальной Библіотеки.

Пѣснь Игорева, спран.
16 и 17.

Тогда при Олзѣ Гори-
славичѣ.

Свяшется и распя-
шеть усобицами ;

Погибашеть жизнь
даждь Божа внука ,

Въ Княжихъ крамо-
лахъ вѣди человекомъ
скрапишась.

Апостолъ, 1507 года.

При сихъ Князехъ.

Свяшется и распя-
ше усобицами ;

Гыняше жизнь наша
въ Князѣхъ ,

Которы, и вѣди ско-
ропишась человекомъ.

Скоро появившяся новый нѣвецъ победы Димитрія Донскаго надъ Мамаемъ, который силою выраженій, красотою слога и близкимъ сходствомъ съ Пѣснью Игоревой открываетъ въ себѣ совершеннаго подражателя оной. Пѣвецъ Игоревъ, будучи самъ исполненъ пимпического восторга, обращается къ Бояну, соловью древнихъ временъ, ожидая отъ него вдохновенія ; пѣвецъ же Димитриевъ призываетъ нѣкоего Урана, для одушевленія предмета, имъ воспѣваемаго. Первый изображаетъ Курчанъ меткими стрѣлками, повисшими подъ звукомъ шрубъ, взлелѣянными подъ шлемами, вскормленными концами копій ; второй такъ же описываетъ Московское воинство. Въ Пѣсни Игоревой Всеславъ представленъ необыкновеннымъ человекомъ ; въ повѣсти о по-

бѣдъ Димитрія изображенъ такимъ же смѣлымъ, предприимчивымъ, гадашелемъ, Дмитрій Волынецъ. И наконецъ, вмѣсто супруги Игоря у пѣвца Димитріева представлена Евдокія, жена Великаго Князя, сидящая въ своемъ златоверхомъ шеремѣ, надъ Москвою рѣкою пригорюнившись, въ сѣтованіи о разлукѣ съ любезнымъ ей Димитріемъ. И самыя слова, изъ Пѣсни Игоревои взятыя: харалужный, стязи, галицы и проч., въ послѣдней же рѣдко встрѣчаются.

Слова сіи, подобно многымъ другимъ, не отысканнымъ въ Священномъ Писаніи, найдены въ лѣтописяхъ, грамотахъ и прочихъ историческихъ памятникахъ. Слѣдующіе примѣры, изъ нихъ заимствованные и сравненные съ Игоревою Пѣснью, показываютъ сходство слога послѣдней съ древнимъ Славяно-русскимъ общенароднымъ языкомъ, на коемъ предки наши предавали памяти постановленія гражданскія и описывали историческія событія.

Лѣтописи.

Велесъ, или Волосъ —
Славянскій языческій
богъ, второй по Пе-

Пѣснь Игорева.

Чили въспѣти было
вѣщей Божие, Велесовъ
енуче, стр. 7.

В а

рунѣ, покровишель
спадѣ, имѣвшій капи-
ще близъ Ростова.
Олеги 907 года въ со-
блюденіи мира клялся
его кумиромъ. *Несторъ*
по Лаврентьевскому
списку.

Хърсѣ, но по нынѣ-
шнему правописанію
Хорсѣ, кумиръ, поспа-
вленный Владиміромъ
въ Кіевѣ въ 980 году.
Несторъ.

Дажь богъ - кумиръ, въ
одно время съ *Хорсомъ*
воздвигнутый въ Кіевѣ
Владиміромъ. *Несторъ*.

Стрибогъ — идолъ,
поставленный Владимі-
ромъ и богопворимый
въ Кіевѣ. *Несторъ*. Ему
приписывали властѣ
надъ вѣтрами.

Живыя струны —
выраженіе, встрѣчаю-
щееся въ рукописной
повѣсти о Лазарѣ.

Крѣсити — воскре-
сити. — *Уже миѣ му-
жа своего не крѣсити.*
*Несторъ. Уже миѣ сихъ
не крѣсити. Тамъ же. —
Крѣсеніе* — воскре-
сеніе. — *Вѣруйте же ми
крѣсенію, и жизни вѣ-*

Великому Хрѣсовѣ
(*Всеславъ*) *о ѣвномъ*
путь прерыскаше, спр.
36. Издашеля призна-
лись, что жѣшѣ сіе
для нихъ невразуми-
тельно.

Погибашеть жизньъ
даждь - Божа внука,
спр. 16 и 17.

Се вѣтри, Стрибожи
внуци, вѣютъ съ моря
стрѣлами, спр. 12.

Своя вѣщія прѣсты на
живая струны вѣскла-
даше, спр. 4.

А Игорева храбраго
плѣку не крѣсити, спр.
20 и 32.

чнѣй. У Малороссіянъ еще и теперъ остались выраженія; *кресать огонь, выкресать огня.*

Стружіе — древяко. — БѢ создана (спѣна) яко стружія возвыше. Пупеш. въ Іерус. Игум. Данила въ XII вѣкѣ, въ рукописи.

Сапогъ, ошсюда *засапожникъ*, кажется, кинжалъ. — Рече Добрына Володимеру: *свггь глгдхъ колодникъ, оже суть вси в сапозѣхъ.* Неспоръ. — *И сапогы сметавше, поскочиша.* Новгород. Москов. стр. 87.

Пардусъ — леопардъ; *пардужій* — леопардовый. Первое слово употреблено Неспоромъ въ описаніи свойспшвъ Свяшослава: *легко ходя аки пардусъ.*

Стягъ — знамя. Весьма извѣстное слово въ Рускихъ лѣтописяхъ и грамомахъ.

Потягъ — посягъ. — Глѣбъ же выня топоръ разтя и (волхва), и паде мертвъ. Лѣтоп. Новгород. Спб.

Сребрено стружіе, стр. 11. *Дотчеся стружіемъ злата стола Кіевского*, стр. 35.

Тіи бо бес щитовъ свъ засапожники кликомъ плѣвки побѣждаютъ, стр. 27.

Прострошася Половци, аки Пардуже гнѣздо, стр. 25

Стязи глаголютъ, стр. 12. *Третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы*, стр. 18.

Луцежь бы потягу быти, неже полонену быти, стр. 5.

Бѣла, чаще бѣлая
сѣверила, то же что
вѣкошь — бѣлка; мѣл-
кая монета, бывшая нѣ-
когда въ употребленіи
въ Россіи. У Нестора
Козари имаху по бѣ-
лей сѣверичѣ отъ дыма
(двора).

Ногата — мѣлкая
ходячая монета. —
Любо полать, или в
ногатѣ, Прав. Руск. въ
достопамятн. стр. 30;
а за бранѣ ногата,
а за жеребѣ сѣ ногатѣ,
Тамъ же.

Резань — самая мѣл-
кая монета изъ ходя-
чихъ. — Въ среду рѣ-
зана Пр. Руск. 1799.
стр. 17 и 18.

Пѣлкѣ, или полкѣ —
войско, воинство, —
Новгородцы же постави-
ша пѣлкѣ протцеу цѣбъ,
Лѣтоп. Новр. Моск.
стр. 5. Иногда значить
самую войну; бѣхлѣ
оси сѣ пѣлкѣ переац
сѣхлѣ, говорятъ Нов
городцы Князю Всево-
лоду стр. 19.

Ковыло — степная
подобная шолку тра-
ва. — Видѣ (Ингоръ
Ингоревичъ) братію

А поганиу емяху
данъ по бѣлѣ отъ део-
ра, стр. 21.

Аже бы ты (Всево-
лодѣ) быдѣ, то быдѣ
бы чага по ногатѣ,
стр. 28.

Кощей (быль бы) по
Резанѣ, та же стр.

Слова о пѣлку Иго-
реѣ. стр. 1. О пѣлку,
памѣже, Игорева храбъ
раго пѣлку не крѣсити,
стр. 20.

Чему, Господине, мов
вселеіе по ковылаіе ра-
вѣл? стр. 38.

свою и воеводы и все войство Рязанское побіены, лежаще на земли пустѣ, на травѣ ковыль. Руск. врем. Ч. 1, стр. 104.

Судѣ — не рѣдко значить смерть, кончину. А братцю моему судѣ прищель, то есть скончался, пишеть Владимірь Мономахъ. Поучен. стр. 50. Судѣ отъ Бога ему прищель. Тамъ же, стр. 54.

Бориса же Вячеслави-ча слава на судѣ приведе, стр. 45 и 46.

Сихъ примѣровъ довольно уже для подтвержденія нашихъ положеній о сходствѣ слога Игоревой Пѣсни съ языкомъ Библейскимъ, лѣтописями, грамотами и другими подобными остатками древней Славянорусской письменности. Примѣчанія сіи доспашочны къ подтвержденію той мысли, что Пѣснь наша написана не какимъ-либо діалектомъ обильнаго языка Славянскаго, не особеннымъ обласпнымъ нарѣчіемъ, но чистымъ языкомъ Славяно-Рускимъ, котораго множество словъ и речивій разсыяно въ древнихъ памятникѣхъ, сохранившихся отъ алчности времени. Но прилѣжный изслѣдователь не удовлетворитъ свое любознательство сими опрѣсками; онъ можетъ

предложивъ намъ еще слѣдующіе два вопроса: 1) какой языкъ должно разумѣть подъ сими выраженіями: *не лѣполи ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о плку Игоревѣ?* и 2) откуда заимствованы слова: *зегзица, орѣтѣма, папорози, харалужный, терширы, стрикусы* и другія имъ подобныя, не опысканныя ни въ языкъ церковномъ, ни въ гражданскомъ? — На оба сіи вопроса отвѣчать не трудно. *Старыя словеса* не могутъ означать древняго, особеннаго Славянскаго языка, который вѣроятно на письмѣ не существовалъ въ Россіи до перевода Священнаго Писанія; ибо древнѣйшее передоженіе съ Греческаго на Славянскій книги Іоанна Дамаскина *Небеса*, учиненное Іоанномъ Екзархомъ Болгарскимъ и достигшее отъ IX вѣка до временъ нашихъ, въ собственноручномъ спискѣ переводчика (*), сколько ясно и понятно, что, исключая очевидной печати древности и нѣкоторыхъ об-

---

(*) Рукопись сія на пергамяхъ, писана въ большой листь и хранился въ Синод. Библ.

вещалыкъ словъ, оно удобно для разумнѣя
каждаго. Языкъ же Пѣсни Игоровой, подѣ
именемъ старыхъ словесъ извѣстный, еспь
ничто иное, какъ возвышенный способъ вы
раженія, приличный предмету, Поэтомъ вос
пѣваемому. Что же касается до непонят
ныхъ словъ выше означенныхъ, встрѣчаемыхъ
въ Пѣсни Игоровой, то должно спросить:
Всѣ ли изданы у насъ памятники древней
Руской Словесности, по коимъ можно было
бы судить о недоспащкѣ сихъ словъ въ язы
къ Славянскомъ? Давно ли явилась надежда на
объясненіе *падомника*, *капи*, *рамяно* и
прочаго? Имѣемъ ли мы полный словарь древ
няго языка Славянскаго, исключая нѣсколь
кихъ словъ, разсыянныхъ въ Лексиконахъ
Зизанія, Беринды, Россійской Академіи и въ
трудяхъ Г. Шишкова? И понятны ли для
насъ давно извѣстные слова: *просинець*,
изожь лейвубити и другія? — И пакъ
нѣсколько словъ, еще необъясненныхъ въ Пѣс
ни Игоровой, не даютъ слогу ея никакого
первенства предъ слогомъ XII вѣка, въ ко
торомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, она писана;
ибо сочинитель ея вездѣ является современ-

никакомъ повѣствуемыхъ происшествій. — Мѣ-
 сто жительства его опредѣлить невозможно;
 по крайней мѣрѣ есть надежда означить пу-
 страну, въ коей воспѣлъ онъ подвиги Игоря,
 злощасный его плѣнъ и возвращеніе въ
 опечесство. Образъ выраженія Пѣсни и са-
 мыя слова: *кресити, болонье, смага,*
година, неизвѣстныя Великороссіянамъ, и
 шеперь употребляемыя въ Украинѣ, показы-
 вающъ, что сочинитель оной принадлежалъ
 къ нынѣшней Малороссіи, составлявшей пог-
 да общее Руское княженіе. При семъ жада-
 тельно бы знать подробности о вѣщемъ Боянѣ,
 о томъ пѣвцѣ, который служилъ образцемъ
 повѣствователю Игореву; но на сей разъ
 любопытство должно удовлетвориться од-
 ними свѣдѣніями, изъ Пѣсни почерпнутыми,
 что Боянъ, прославляя кого-либо, носился
 мысленно соколомъ по деревьямъ, сѣрымъ
 волкомъ мчался по землѣ, подобно орлу па-
 рилъ умомъ подъ облаками; что звучныя
 струны, отъ единого прикосновенія перстовъ
 его, уже сами славу Князей гласили, и что
 отъ временъ его доспигли до насъ только
 два припѣва: „*ни хытру, ни горазду,*

ны птицю горазду, суда Божіа не минути“ — „Тяжко ти головы, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы.“ — Въ Пѣсни Игоревой Боянъ именуется *вѣщимъ, головьемъ старыхъ временъ и Велесовымъ внукомъ*. Кажется, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ Пѣсни Игоревой, онъ воспевалъ походы Князей Святослава, Ярослава, Олега и подвиги предприимчиваго Всеслава Подольскаго; следовательно жилъ въ XI вѣкѣ.

При окончаніи нашихъ изслѣдованій должны мы обратить вниманіе на сходство Пѣсни Игоревой съ нынѣшнимъ языкомъ Польскимъ, которое удостовѣритъ насъ еще болѣе, что сочинитель оной принадлежитъ къ жителямъ Украины. Въ Пѣсни сказано: *на ниче ся години обратита*, а Поляки и теперь говорятъ: *na nice sie godzinu obróciłi*; слово *мужаймеса* подобно Польскимъ; мужаймося, попышаймося, не боймося; *комони* — лошади, и нынѣ известны у Поляковъ; *котопну* значитъ у нихъ *мѣрина* а *котопик* опрядъ конницы; *jar* и *jaruga* яма, оврагъ, *восу* иногда означаетъ *нуждаю-*

шагося, голоднаго (*), и по сему выраженія Пѣсни: *босуви врами*, должно перевести *голодными воронами*, босый волкъ — голодной волкъ, и ш. д. — Еще замѣчу, что въ найденной Исторіографомъ Н. М. Карамзинымъ Волинской лѣтописи много встрѣчается словъ, сходныхъ съ Игоревою Пѣснію.

Что касается до почерка часпо нами упоминаемой Пѣсни и правописанія оной, по первый, по свидѣтельствъ очевидцевъ, не возводитъ далѣе XVI вѣка, хотя Графъ Мушинъ - Пушкинъ и относитъ оный къ концу XIV, или къ началу XV столѣтія, и есть Бѣлорускій, имѣющій свой особенной характеръ; а второе во многихъ словахъ, какъ по: пвлкъ, вѣлкъ, крѣвъ, брѣзый, чъпи, согласно съ Лавренпьевскимъ опискомъ Неспора, пергаминнымъ Новгородскимъ лѣтописцемъ и прочими древними рукописями. Подобное правописаніе примѣтно и въ позднѣйшемъ изданіи Славяно-

---

(*) Въ позднѣйшее время Кантемиръ употребилъ сіе слово въ одинакомъ знаменованіи въ *Сатирѣ* къ уму своему: *вѣхъ* (пушей) *непріятелиѣ шотъ*, что босы проклали. *Девяшь сестръ*. Изд. Спб. 1762, 4. стих. 7 и 8.

роскаго лексикона Памвы Беринды, напечатаннаго въ Кіевѣ 1627 года.

Пѣнь Игорѣва куплена Графомъ Муеинымъ-Пушкинымъ у Архимандриша Спасо-Ярославскаго монастыря Юиля въ одной книгѣ, подъ названіемъ *Хронографъ*, вмѣстѣ съ семью историческими и духовными ошашьями (*). Она

(*) Они помѣщены въ ней по слѣдующему порядку:

- 1) Книга глаголемая *Гранографъ*, рѣкше начало письменой Царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; прежде о бытіи, о сотвореніи міра, отъ книгъ Моисеевыхъ и отъ Іисуса Назина, и отъ судей Іудейскихъ, и отъ четырехъ царствъ; также и о Ассирійскихъ Царехъ, и отъ Александрія, и отъ Римскихъ Царей, Еллинъ же благочестивыхъ, и отъ Рускихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ.
- 2) *Временникъ*, еже нарицается лѣтописаніе Рускихъ Князей и земля Руская.
- 3) *Сказаніе о Индіи богатой*.
- 4) *Синагрипъ*, Царь Адороевъ, Иналивійскія страны.
- 5) *Дѣяніе* прежнихъ временъ храбрыхъ челоуѣкъ о брѣзвости, и о силѣ, и о храбрости.
- 6) *Сказаніе о Филипатѣ* и о Максимѣ и о храбрости ихъ.
- 7) *Аще думно есь слышати о свадьбѣ Девѣевѣ*, и о всѣхъщеніи Стратигоевѣ.

писана въ листѣ довольно чистымъ письмомъ, на лощеной бумагѣ. Къ крайнему сожалѣнію Любителей Словесности и Исторіи сей единственный списокъ погибъ вскорѣ по своемъ открытіи. Года за три до появленія Пѣсни Игоровой кто-то неизвѣстный въ Spectateur du Nord (1797, Октябрь, стр. 55 и слѣд), первый провозгласилъ о семъ драгоценномъ памятникѣ. . . . Вы, можетъ быть, удивитесь еще болѣе, если узнаете, что *два года* тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ Поэмы, подъ названіемъ: *Пѣсня Игоревыхъ воиновъ*, которую можно сравнять съ лучшими Оссіановскими Поэмами, и которая написана въ XII столѣтіи неизвѣстнымъ сочинителемъ. Слогъ, исполненный силы, чувства высочайшаго героизма, разительныя изображенія, почерпнутыя изъ ужасовъ природы, сославляющіе достоинство сего отрывка, въ которомъ Поэтъ, представляя карпіну одного кроваваго сраженія, восклицаетъ: *увы! чувствую, что кисть моя слаба; я не имѣю дара великаго Божна, сего соловья временъ прошедшихъ*. Слѣдовательно въ Россіи были и до

нѣго великіе Поэты, которыхъ творенія поглочены вѣками! Лѣтописи наши не говорятъ объ этомъ Боянѣ; мы не знаемъ, когда онъ жилъ и когда пѣлъ. Но это почтение, воздаваемое его дарованіямъ такимъ Поэтомъ, заставляетъ чувствительно сожалѣть о потерѣ его твореній (*). — Знаменитый Кривикъ Шлецеръ, сомнѣвавшійся въ Пѣсни Игоревой, при появленіи оной, признался, что это твореніе въ типической прозѣ есть древнее и даже подлинное, предоставляя другимъ судить о вѣрности перевода и нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Пѣсни, исполненныхъ духомъ Оссіановымъ (**).

И такъ изъ всего вышесказаннаго нами слѣдуетъ: 1) что пѣснь Игорева писана не на помѣ Славянскомъ языкѣ, которой существовалъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, не на какомъ-либо древнемъ обласпномъ нарѣчій, или нынѣ употребляемомъ; но сочинена Славянорусскимъ язы-

(*) Несторъ А. А. Шлецера, Ч. I. Спб. 1809, стр. 585.

(**) Тамъ же, стр. 384. Объявленіе о Пѣсни Игоревой помѣщено Шлецеромъ въ *Götting Gel. Anz.* 1810 St. 205. стр. 2028.

номъ, подобнымъ Библейскому и сходнымъ съ лѣтописями, грамотами и другими историческими памятниками. 2) Чпо пѣсническій языкъ Пѣсни Игоревой не вновь родился, но имѣлъ уже начало до ея появленія. 3) Чпо она сочинена, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ нынѣшней Малороссіи, и 4) чпо нарѣчіе ея, изъ всѣхъ Славянскихъ, судя по нѣкоторымъ словамъ и реченіямъ, болѣе подходитъ къ языку Польскому.

Вопръ малѣйшая частъ изслѣдованій, едолженная бытіемъ своимъ обстоятельствомъ и счастливому случаю, заключающая въ себѣ опытъ рѣшенія вопроса: *на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоря*. Счастливымъ почту себя, если не многія, справедливыя замѣчанія дадутъ поводъ искуснѣйшимъ филологамъ къ новому объясненію; а несравненно будешь мнѣ наградою — благоклонное вниманіе опличныхъ въ просвѣщеніи Мужей, пылающихъ рвеніемъ къ трудамъ и соединившихся для пользы Словесности и блага Отечества.

Неизвѣстный.

Москва, 1817 года

Іюня 6 дня.

О Х А Р А К Т Е Р А Х Ъ

Рускихъ народныхъ пѣсенъ.

Народная пѣсня есть простое изліяніе сердца, потрясеннаго пріятнымъ или непріятнымъ впечатлѣніемъ, тихими или сильными чувствами. Сочинители сего рода стихотвореній руководствуются по большей части одною природою. Склонность къ пѣнію, врожденная всѣмъ людямъ, училъ измѣнять голосъ; склонность къ ладу, примѣтная во всѣхъ ихъ движеніяхъ, производитъ мѣру въ словахъ. Молодая пастушка, перенесенная случайно въ блестящій дворецъ Королевы, мечтаетъ о родныхъ пажитяхъ Швейцаріи; вспоминаетъ милого сердцу пастуха, льетъ слезы и поетъ: „Бѣдной Яковъ! подлѣ тебя не знала я бѣдности.“ Среди вѣчныхъ льдовъ Сибири, покрытый инеемъ самоѣдъ, садится подлѣ издыхающаго оленя; снимаетъ колчанъ, опирается на шугой лукъ и начинаешь шомвную пѣсню:

„Палъ мой вѣрный олень! палъ шоварищъ
въ ловль моей!“

Два главные чувства побуждаютъ чело-
вѣка къ пѣнію. Когда ощущаетъ радость,
тогда быспрымъ повышеніемъ и пониженіемъ
голоса спѣшитъ сообщить другимъ свой
восторгъ; когда стражденъ, въ то время
посредствомъ медленныхъ и пропѣжныхъ зву-
ковъ силился испоргнуть изъ груди своей
черныя заботы, опягощающія его сердце.
„Для чего ты поешь?“ спросили спрадалъ-
ца, гонимаго зависпью. — Для того,
опвѣчалъ пруженикъ, чтобы прогнать оу-
ровой рокъ и скорби, толпящіяся вокругъ
меня. — (*Ut repellam misera fata sollicitosque
labores!*) (*)

Разные народы одарены разными степе-
нями чувствительности и воображенія: ошъ

(*) Изъ начальныхъ слоговъ сего Лапинекаго
спиха, произнесеннаго несчастнымъ мона-
хомъ, составлена послѣ ношная азбука, ко-
торая употребляется еще и шеперь у Ита-
ліянцевъ, Французовъ и въ нашихъ церков-
ныхъ ношахъ, ш. е. вмѣсто с, d, e, f, g, h,
a, — ноюшъ ut, te, mi, fa, sol, la.

всего и пѣсни ихъ имѣютъ разные характеры. Французскія по большой части забавны и игривы; Испанскія дышатъ нежностью; въ Шотландскихъ господствуетъ мрачность, Рускія помны.

И такъ народныя пѣсни должны быть столько же для насъ драгоценны, сколько для Археолога древніе памятники: ибо изъ нихъ узнаемъ мы духъ своихъ предковъ, ихъ нравы, понятія и чувства. Разберемъ однѣ Рускія голосовыя пѣсни:

Мы потомки Славянъ, жившихъ на берегахъ быстрого Дуная. Наши предки любили музыку и какъ въ отчизнѣ, такъ и во время своихъ набѣговъ пѣли веселыя пѣсни. — Въ пѣсней дворецъ Великаго Владиміра часто собирались могучіе богатыри; одни гремѣли на звончатыхъ гусяхъ, другіе за круговою чашею пѣли красное свое Солнышко - Владиміра. Пѣсни нынѣшнихъ Кроатовъ и Нѣмецкихъ Вендовъ отличаются также своею веселостію; наши хороводныя и святочныя имѣютъ пошль же характеръ; но онѣ, можетъ быть, остались наибъ ошъ Славянъ, подобно Лаузицкимъ, Люнебургскимъ и Далматскимъ.

В

Теперь спросяшъ насъ: по чему Рускія пѣсни, извѣстныя подѣ именемъ *голосовыхъ*, такъ помны и унылы? — По многимъ и разнымъ причинамъ. Славяне переселились подѣ сѣверное небо, гдѣ болѣе дней мрачныхъ, нежели свѣшлыхъ; смѣшались съ Финнами, народомъ суровымъ и дикимъ; основали жилища и принуждены были влачить плугъ, до того времени мало имъ извѣстной. Вліяніе климата, пияжесъ работы, образъ погдашняго правленія, внѣшнія войны и внутреннія неуспройства непримѣтнымъ образомъ склоняли духъ народной къ унынію. Восточные варвары нанесли наконецъ послѣдній ударъ. Два вѣка благородный Россіянинъ ходилъ съ понижшею главою; два вѣка Золотая Орда опустывала его тяжелыми узами. Гдѣ спояла мирная хижина, тамъ вспрѣчалъ онъ одно пепелище; гдѣ золопились поля, тамъ росла дикая права; шоска легла на его сердце, какъ тяжелое бремя. Опъ часшаго повшоренія таковыхъ впечатлѣній образовался новой характеръ въ самомъ народѣ; какаѣ-то помность ошлась навсегда

въ чертахъ лица, въ понѣ голоса, въ разговорѣ и въ пѣсняхъ.

По пону или напѣву можемъ судить и о содержаніи Рускихъ пѣсень. Въ нихъ по большой часпи рассказываются печальныя приключенія. Иногда сѣдой отецъ и спарая мать увиваются вокругъ послѣдней надежды своей, милого сына, которой, опоясавшись мечемъ, идешь сразиться за Вѣру и Опеченство. Иногда вѣжная дѣвица заливаешя жаркими слезами о привѣтливомъ и миломъ другѣ: ему объявили Царскую службу и указали дальній путь. Иногда на широкой равнинѣ, украшенной васильками и правую, лежишь несчастной, юноша; убійца почишь кровь его и поишь ею земдю. Иногда изображаешя чистое поле, заросшее горькою полынью послѣ опустошительныхъ набѣговъ бусурманскихъ. Таковыя болѣе или менѣе мрачныя каршины встрѣчаются почти во всѣхъ голосовыхъ пѣсняхъ. Наши предки, по видимому, пѣли только для того, чтобы сколько нибудь усладить свои горести. Такъ поступали древніе Германцы, копорые, по сло-

намъ Тацита, въ несчастіяхъ утѣшали себя пѣснями: *Cantilenis infortunia sua folantur*.

Въ Рускихъ пѣсняхъ достойно замѣчанія особенное ихъ расположеніе. Онѣ начинаются по большой части сравненіями, и прѣшомъ такими, которыя вырываются прямо изъ сердца. — Я воображаю молодую Россіянку, тихо идущую на большую дорогу. Окруженная малюшками, она сморщивъ сквозь слезы въ шу спорону, которая скрыла вѣрнаго друга. Вѣщее сердца не обмануло ее. Онѣ палъ на полъ бишвы, защищая Вѣру и Отечество; она не увидишь милаго, и шидхой вѣшеръ разноситъ шомные звуки:

„Ахъ, какъ палъ шуманъ на сине море,

„А злодѣй шоска въ решиво сердце!

„Не сходишь шуману съ синя моря;

„Ужъ не выдши кручинъ изъ сердца вонъ!“

Въ Рускихъ пѣсняхъ, какъ въ началѣ, такъ и въ срединѣ встрѣчаются очень часто сравненія оприцашельныя, принадлежащія безъ сомнѣнія только имъ однимъ. Онѣ происходятъ какъ бы отъ обмана или оболъщенія чувственныхъ органовъ, которыя

съ перваго разу не могушъ ясно опличить
одного предмета отъ другаго. Въ темной и пи-
хой лѣпной вечеръ, проходя ровное поле, видишь
вдали восходящую звѣздочку. Мало по малу
приближаешься къ ней, всматриваешься и
смѣешься; это не звѣздочка, а огонь.

„Не звѣзда блестящъ далече во чистомъ полѣ;
„Куришся огонечикъ малешенекъ;
„У огонечка разосплавъ шелковый коверъ.“

Рускія пѣсни начинаются также апо-
строфами или обращеніемъ поющаго къ са-
мому себѣ, къ опсуществующимъ лицамъ и
къ неодушевленнымъ предметамъ. Часно судь-
ба или обстоятельство започающъ человека
въ уединеніе, для котораго онъ не рожденъ.
Въ то время ищеть вокругъ себя существъ,
съ которыми могъ бы раздѣлить свои горе-
сти. На сей конецъ воскрешаетъ мертвое,
одушевляетъ шѣла бездушныя, даетъ чув-
ство всему, его окружающему, и съ сими-
тно нѣмыми свидѣтелями шоски своей бесѣ-
дуетъ, какъ съ друзьями. — На краю дре-
мучаго лѣса стоить дикообразой разбой-
никъ, склонившійся на орудіе смерти.

Бурный въперѣ рветъ всклокоченные его волосы; въковыя деревья скрипятъ надъ его головою; онъ задумался о праведныхъ казняхъ, его неминуемо ожидающихъ; онъ вздрогнулъ и началъ пѣснь:

„Не шуми дуброва зеленая;
 „Не мѣшай мнѣ доброму молодцу
 „Думаешь думу, думу крѣпкую!“ . . .

Сверхъ того многія изъ шаковыхъ обращеній получили начало другое, и именно отъ скромности и спыдливости, врожденной всѣмъ Рускимъ. — Молодая дѣвица, не смѣя никому повѣрить шайны, несетъ ее въ пемной лѣсѣ. Зловѣщая пшица вдругъ заспонала надъ головою: сердце забилось у красавицы, и несчастная такъ выражала тоску свою:

„Переспань спонашь кукушечка,
 „Не кукуй ты, заунывная!
 „Ужь и такъ мое сердечушко
 „Надорвалося, надѣлося,
 „Красно солнце запуманилось,
 „Да опять изъ облакъ выглянешь!
 „Красна дѣвица печалится,
 „И печаль ея не кончится.“

Послѣ таковыхъ приступовъ обыкновенно слѣдуетъ самое содержаніе или рассказы, занимательные по своему разнообразію. Каждое измѣненіе души выражено въ нихъ съ приличнымъ чувствомъ, и каждое чувство предспавлено въ особенной картинѣ или въ особенномъ дѣйствіи. Мы уже сказали, что въ нихъ повѣспвуется почти всегда что нибудь печальное, и еще повпоряемъ по же: ибо смѣшное или забавное, находящееся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, не принадлежишь цѣлому народу, но есть произведеніе новѣйшихъ временъ и припомъ небольшого числа весельчаковъ. Наши предки сполько были мрачны, что и самой смѣхъ ихъ, если гдѣ встрѣчается, кажется невольнымъ и принужденнымъ.

Рускія голосовыя пѣсни по содержанію своему могутъ раздѣлиться на историческія, семейственныя, любовныя и другія. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются преимущественно помноспію, инныя вѣжностію, всѣ вообще простотою и чувствами. Предки наши не были озарены просвѣщеніемъ; ихъ познанія простирались не далѣе нодей, на ко-

порыхъ они жили: и попому всѣ подобія и украшения, встрѣчающіяся въ пѣсняхъ, замѣшвуемы были только опъ извѣстныхъ и ближайшихъ предметовъ. Для примѣра прочтемъ одну изъ нихъ. — Послѣ кончины Петра Великаго вся Россія погружена была въ глубокое уныніе. Сырые оплакивали опца, невинные защитника, воины свою славу; опарцы стыдился, что пережили своего благодѣтеля; юноши изумлялись и восклицали:

„Ахъ, ты башюшка свѣшель мѣсяца!
 „Что ты свѣпишь не по старому,
 „Не по старому и не по прежнему?
 „Все ты прячешься за облаки,
 „Закрываешься тучей темною. . .“

Что можешь быть прелестнѣе сей милой простоты? Послѣ смерти Юлія Кесаря явилась комета; Римляне придумали, что это душа Кесарева, восхищенная на небо; это явная лепсъ. Россіяне потеряли съ Петромъ своего Опца, и имъ казалось, что золотой вѣкъ прошелъ для нихъ, что солнце и луна съшуютъ вмѣстѣ съ ними. Таковъ языкъ природы! — Далѣе слѣдуешь

изображеніе молодого воина, которому, можетъ быть, принадлежишь самое сочиненіе сей пѣсни. Въ Петропавловскомъ Соборѣ, у праваго крылоса, подлѣ гробницы Великаго стоишь онъ на часахъ, молился Богу и плачешь, какъ рѣка льется. Такова дань Опцу Опечесства! — Въ слезахъ своихъ вымолвилъ онъ слово; какое же слово?

„Разступися машь сыра земля,
 „Ты разкройся гробова доска,
 „Развернися золоша парча,
 „И шьъ вспань, проснись, православной
 Царь!“

У древнихъ былъ споръ: искусству или гению дать преимущество въ Поэзіи? Законодатель вкуса Горацій рѣшаетъ тѣмъ, что и ученіе безъ плодовищныхъ дарованій и дарованія безъ искусства ничего хорошаго произвести не могутъ; по его мнѣнію и по и другому пребуешь взаимнаго пособія. Мнѣніе Горація есть истина, утвержденная въ нами и народами; однако, сравнивая Шотландскія, Русскія и иныя народныя пѣсни съ сочиненіями многихъ ученыхъ стихотворцевъ,

невольнo соглашаюся я съ Еяніемъ, Цице-
рономъ и даже съ Демокрипомъ опдаць пре-
имущество природѣ.

Выше сказано, что къ голосовымъ пѣс-
нямъ относятся также и *историческія*.
Почти всѣ народы любяць мечтать о спа-
ричѣ, вспоминать своихъ предковъ, славить
ихъ подвиги и гордятся ихъ добродѣтелями.
Наши историческія пѣсни едва ли прости-
раются далѣе шестнадцатаго столѣтія; изъ
всѣхъ доселѣ извѣстныхъ, кажется, нѣтъ
старѣе слѣдующей :

„При зачинѣ каменной Москвы
„Зачинался шумъ и грозный Царь,
„Царь Иванъ сударь Васильевичъ,
„Онъ два Царства покорилъ себѣ,
„Аспраханское, Казанское.
„Казань городъ мимоходомъ взялъ,
„Полонилъ Царя съ Царицею;
„Онъ измѣну вывелъ люшую
„Изъ Новаграда, изъ Искова, и пр. . . .“

Содержаніе сей пѣсни довольно важно. Нѣкто
Малюта Скурлаповичъ хочеть коварно по-
губить молодаго Царевича; воспользовавшись
вспыльчивостію грознаго Царя, влечеть цар-

спивеннаго Опрока на мѣсто казни; добрый Бояринъ Никипа Романовичъ пробивается сквозь толпу народа, вырываетъ изъ рукъ злодѣя жертву, и въ Архангельскомъ Соборѣ невиннаго сына примиряетъ съ отцомъ, проливающимъ слезы раскаянія.

Опѣ временъ Петра Великаго оспалось много пѣсенъ, въ которыхъ повѣствуется о войнахъ съ Швеціею и Турціею. Во многихъ упоминается о Бояринѣ Борисѣ Пепровичѣ Шереметевѣ. Народъ былъ признателенъ къ заслугамъ сего вѣрнаго сына Отечества и любилъ воспѣвать его подвиги. Въ одной изъ плаковыхъ пѣсенъ упоминается о приуголовленіи похода подъ Полшаву. „Всѣ Князья и Бояре собрались въ Успенской Соборѣ и молились Богу. Одинъ большой Бояринъ Борисъ Пепровичъ Шереметевъ споялъ въ задумчивости и обливался слезами. Закрывая лицо свое бѣлымъ плашкомъ, часто выходилъ онъ изъ храма и припадалъ къ каменной стѣнѣ. Наконецъ въ слезахъ вымолвилъ слово: знаешь ли Боярину умереть подъ Полшавою!“ — Пѣсня сія занимательна какъ по своему содержанию, такъ и по простотѣ разказа.

Слезы знаменитого Героя, глубокая горесть его и мечпаніе о смерти пронупь всякаго: Она начинаешя слѣдующими епизодами:

„Еще что у насъ, брашцы, въ Москвѣ за
кручина!

„Наканунъ было Свѣтлаго Воскресенія,

„Заунывно въ Царь - колоколь звонили;

„Свѣзжались Князья и вѣв Бояре

„Во Успенской Соборъ Богу молишья.“

Одна изъ историческихъ пѣсенъ на-
поминаеть намъ о несчастномъ плѣнѣ и за-
ключеніи Краснощекова. Хотя она относится
къ позднему времени, однако по ошмѣн-
нымъ красочамъ достойна особеннаго внима-
нія. Руской Герой уподобляется здѣсь со-
колу, которой подпалилъ быстрыя свои
крылья и обжегъ скорыя ноги. Вотъ ея
начало:

„Не опъ шучи, не опъ грома, не опъ
солнушка;

„Опъ великаго оружія солдатскаго

„Загоралась въ чистомъ полѣ ковыльъ правая;

„Добиралась до бѣлаго до камушка.

„Чше на камушкѣ сидишь младъ ясенъ со-
колъ;

„Подпалль онъ свои быспрыя крылушки,
„Обожегъ свои скорыя ноженьки.“

Въ слѣдующихъ за симъ стихахъ представлено стадо черныхъ вороновъ, которые, окруживъ несчастнаго сокола, дѣлаютъ ему колкія и низкія насмѣшки. Благородная птица даетъ имъ отвѣтъ, показывающій ея характеръ и чувства:

„Какъ пройдешь бѣда моя съ кручиною,
„Опрощу я свои крылья, крылья быспрыя,
„Оживлю я свои ноги, ноги скорыя;
„Я взовьюсь младъ ясея соколъ выше облака,
„Опущуся въ ваше стадо я быспрыя
спрыя,
„Перебью я черныхъ врановъ до единого.“

Далѣ слѣдуетъ описаніе заключенія Краецоцкова, пѣвченнаго Турками. Кажется, что пѣсня ея сочинена прежде кончины его; ибо мечтанія и надежды сочинителя не сбылись; Руской Регулъ предпринялъ отъ варваровъ такую смерть, о которой одно воспоминаніе принуждаетъ содрогаться. На сей случай есть особенная довольно прогнательная пѣсня.

Въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ упоминается о красномъ солнушкѣ Владимірѣ и о могучихъ его богатыряхъ. По видимому, надобно бы опнестн ихъ къ глубокой древности; но содержаніе и слоги показывающъ пропивоцѣ. На пр. върояшнѣли, чѣобы въ тѣхъ отдаленныхъ временахъ Руской корабль *Соколы* гулялъ по Каспійскому морю, и чѣобы Святогоръ богатырь былъ *Атаманомъ*, а Илья Муромецъ *Есауломъ*?

Мы имѣемъ еще особенной родъ спихвореній, которыя содержатъ въ себѣ частныя исторіи о нѣкоторыхъ древнихъ лицахъ, на пр. о гостѣ Тереншицѣ и проч. Хотя сіи произведенія оспались намъ отъ давнихъ временъ и во многихъ областяхъ поюща наряду съ прочими пѣснями: однако повѣснвовашельной слоги ихъ доказывающъ, что онѣ не принадлежатъ къ симъ послѣднимъ. Г. Воспѣковъ въ своемъ *Опытѣ Рускаго стопосложенія* справедливо называетъ ихъ *Рускими расходящимъ*. Сіе обыкновеніе нашего народа пѣшь повѣснн есть общее съ Азіатцами. Саянскіе и Алпнайскіе самоѣды произносятъ свои сказки или *номаки* почти всегда

съ пѣніемъ, сопровождаая ихъ припомъ музыкальнымъ орудіемъ *кабысомъ*.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о *любвнхъ* пѣсняхъ. Любовь была первымъ чувствомъ, которое влекло человека къ общешію; любовь болѣе всего споспѣшествовала къ его людскости и образованію; любовь господствовала во все времена и у всехъ народовъ. Между тѣмъ, какъ Эроисъ разсыпалъ свои стрѣлы на цвѣтущихъ поляхъ Элады; какъ Купидонъ боготворимъ былъ въ побѣдоносномъ Римѣ и въ Италіи: вѣчноюней Лель начиналъ покорять Сѣверъ и своими искрами жегъ холодныя сердца дѣшей природы. Наши предки узнали его могущество и, подобно прочимъ, спали воспѣвать радости и горести, ему сопупспивуюція. Признаться, у Рускихъ красавицъ въ шо время розы не цвѣли на усахъ, миниатюрныя Амуры не садились на щеки и не пряпались въ глазкахъ: но соколиныя очи, соболиныя брови, русая коса и павлцная походка имѣли свои прелести. Я не почишаю за нужное приводить здѣсь сего рода пѣсней, въ которыхъ можно найти всю испорію сердца,

Книжна XVII. Г

воспламеняемого любовію; выпишу только слѣдующіе прекрасныя стихи Рускаго Крутона, знаменитаго соперника Мизантропова.

„У насъ хопъ въ спарину едваль писашъ кто
могъ,
А нашимъ умницамъ, съ сердцовъ очи хопъ
прѣсни,
Ей, ей! не написашъ прекраснѣ сей пѣсни:

„Я вчера съ поски во лѣса пошла,
„ Въ зеленыхъ лугахъ горе мыкала,
„ Я рвала цвѣшны незабудочки.
„ Во слезахъ я слово молвила:
„ Не забудь меня, мой сердечной другъ!
„ Не забудь меня ты, душа моя!
„ Заплаши, мой другъ, за любовь мою,
„ Заплаши, мой другъ, не подарками:
„ Мнѣ не надобно швое золото.
„ Чшо въ алмазахъ мнѣ? чшо мнѣ въ яхон-
пахъ?
„ Заплаши ты мнѣ словомъ ласковымъ:
„ Ты прижи меня ко груди своей,
„ Скажи: милая! я люблю шебя.“

И вошь какъ говорить должна любовна
спрасъ.

Вамъ кажется смѣшно? смѣяться ваша власъ,
А эта простота доспойнѣй уваженья,
Чѣмъ пустозвучныя всѣ ваши сочиненья.“

Можетъ быть сія сужденія слишкомъ опкровенны и строги, однако онъ справедливъ. Мы не имѣли Трубадуровъ, каковы были у Французовъ Вильгельмъ, Тибольтъ и другіе; не смотря на сіе, многія изъ старинныхъ нашихъ пѣсней, по внутреннему достоинству, едва ли не могутъ стоять на ряду съ поздними Французскими, которыхъ Вольперъ и Лагарпъ ставятъ выше всѣхъ иностранныхъ. Достоинство пѣсни состоитъ безъ сомнѣнія не въ игрѣ словъ и воображенія, но въ чувствахъ, въ движеніяхъ, въ природѣ — и вопль торжество нашей Музы прежнихъ временъ! Знаменитый криптикъ Г. Шишковъ превосходно доказалъ сіе въ своихъ *разговорахъ о Словесности*. Надобно желать, чтобы и стихотворцы обратили особенное вниманіе на сія родныя намъ шворенія; особливо въ нынѣшнее время, когда композиторы плѣniają насъ Русскими голосами, когда красавицы восхищаются пѣніемъ Рускихъ пѣсней и когда Рускіе начинаютъ любить Руское.

А. Глаголевъ.

Г а

ПИСЬМО ИЗЪ СИБИРИ.

Милостивые Государи !

Жизельствуя по дѣламъ службы на берегахъ Тобола и Иртыша , почиаю непремѣннымъ для себя долгомъ , принести Вамъ искреннюю благодарность отъ себя и друзей моихъ за полезное изданіе Ваше , подъ названіемъ *Трудовъ Любителей Россійской Словесности*. Оно вмѣстѣ насъ Сибиряковъ учишь и упѣшаетъ ; ибо въ немъ находимъ мы , и сочиненія Мужей , одаренныхъ отличными талантами , и вмѣстѣ правила , относящіяся къ Словесности вообще , и замѣчанія , болѣе и болѣе о з а р я ю щ і я темное поле нашей Грамматики и языка. Не знаю , какъ у Васъ около Москвы , а въ нашемъ краю , къ сожалѣнію , книги Ваши почти никѣмъ не выписываются ; я одинъ — и самъ не вѣдаю , какой доброй Геній шепнулъ мнѣ это сдѣлать — выписалъ Труды Вашего Общества ; за то очень скоро домъ мой сдѣлался небольшою Академіею , и я вдругъ возвышенъ былъ

въ начальника секшы, копорой уже придумано и названіе. — Не дивись этому; имена часпо вымышляють прежде самага дѣла; — наша секша слыветъ въ городъ подъ названіемъ *неугомонныхъ слорщиковъ*; ибо, признайся, гдѣ бы мы, двое или шрое, ни сошлись, шощасъ начинаемъ говорить и спорить о вчерашней нашей литературной манеріи, ни мало не заботясь о шомъ, что въ одномъ углу косо посмапривають на насъ чепыре важныя особы, соснавляющія вмѣстѣ около 250 лѣтъ, пошому что мы мѣшаемъ имъ замѣчать лабелы и масши; а въ другомъ надѣдаемъ опкушцику, жалующемуся умышленно и хитро на новой расшорядокъ Правительштва обѣ опкупахъ; въ шрешьемъ перерываемъ и заглушаемъ нѣжную гармонію вздохѣвъ влюбленныя чепы, копорая желала бы бытъ опдѣленною и забышою опѣ цѣлаго свѣта; въ чепвершомъ мѣшаемъ ссориться хозяйну съ хозяйкой. . . . Богъ съ вами! у всякаго свое занятіе, у всякаго своя радость. — Еще благодаримъ Васъ, М. Г., за наши удовольствія, и особенно за шо, что Вы положили Своимъ правиломъ — и шочно

его держишься — обращать вниманіе на ходъ и образованіе нашего языка, и его совершенствованіе, что Вы спали разбирать сочиненія и судишь ихъ по правиламъ вкуса и здоровой Критики: — о! это намъ всего пріятнѣе! Вы открываете намъ новый свѣтъ! — Признаемся откровенно, какъ мы прежде читали сочиненія славнѣйшихъ нашихъ Поэтовъ и Прозаиковъ? — Спѣшно и вспомнишь объ этомъ! — Попадется въ руки тетрадка письменная или печатная; тотчасъ не прочитавъ изъ ней ни слова, смотришь на конецъ, къмъ написана, чиновнымъ, или нечиновнымъ, важнымъ или неважнымъ, и поодъ того, привявшись за чтеніе, хвалишь уже соразмѣрно рангу и вліянію особы, коюрою угодно было омасперить піэсу; а что тогда чувствуешь внутренно, того самому себѣ обьяснить не въ силахъ: — ни то пріятно, ни то непріятно. — Въ такомъ жалкомъ состояніи остается одно средство. Тотчасъ, бывало, проспираешь скромное свое ухо къ словамъ другихъ первостепенныхъ, или выспрашиваешь, что сказалъ Его Превосходительство, или Его Высо-

кородіе , или такої - то прїзжїй новомодной краснойбай , и поному располагаешь собственнымъ своимъ мнїемъ ; — короче къ спыду сказать , цїнишь свои наслажденїя , часто вопреки своему уму и сердцу . Нѣтъ , М . Г . , это не ведетъ къ добру : умспяенное рабство хуже всякаго на свѣтѣ . — Дай Богъ , чтобъ Ваши полезныя занятїя увѣичались счастливыми успѣхами къ общей нащей пользѣ . Вы , такъ сказать , объясняете намъ насъ самихъ : мы наслаждаемся , читая Хераскова , Державина , Дмипрїева , Озерова , и сами себѣ даемъ отчетъ , по чему ихъ творенїя доставляютъ намъ сіе удовольствїе . Продолжайте , продолжайте похвальный Вашъ подвигъ . — Вы безъсомнѣнїя достигнете своей цѣли ; ибо , кромѣ необходимыхъ для себя потребностей , вы итѣете еще отличнѣйшее : голосъ , составленный изъ многихъ извѣстныхъ людей , прїобрѣтшихъ уже довѣренность Публики , и благородное безпристрастіе ко веъмъ парпїямъ нашего Парнасса .

Прекрасное дѣло — заведенїе Обществъ ученыхъ ! это слава Опечества . Читая то и другое сочиненїе безъ предварительныхъ

познаній, слушая многоразличныя толки или пристрастныя или невѣжественныя, по своей нерѣшимости я увлекаюсь или въ ту, или въ другую сторону, и по большой части дурную; — что же мнѣ прибыло? Опягощаю только память, и болѣе ничего; а припомъ, и что усиліе одного человѣка противъ усилія многихъ, соединенныхъ связями дружественными для одной благородной цѣли? Общества почтенныя даютъ единственно надлежащій вѣсъ каждому шворенію, и утверждаютъ оцѣнку Публики; въ обществахъ постановляющихся законы вкуса и Литературы. — Такъ, М. Г., Вы составляете нашъ трибуналъ и хранилище судебной Литературы. — Къ Вамъ должны мы прибѣгать во всякомъ сомнительномъ случаѣ.

Не почтите, М. Г. слова мои за одно льстивое привѣтствіе провинціала, удаленнаго отъ Столицы, и слѣд. отъ образованнѣйшихъ Обществъ, гдѣ царствующій вкусъ разливается свободно и легко между всеми членами; нѣтъ! это было *предисловіе* къ прозбѣ, и прозбѣ весьма важной, копорою осмѣлился я отъ себя и собратій моихъ упрямдаться Васъ, и просить всепокорнѣйше, дабы Вы

были судіями нашего спора, котораго мы сами никакъ кончить не умѣли. — Мы просимъ Васъ объяснить намъ два сомнительные пункта, относящіеся къ новымъ явленіямъ въ нашей Словесности. — Два вдругъ! что дѣлать? Литература наша такъ богата новостями, такъ быстра въ успѣхахъ, что приводитъ насъ въ недоумѣніе и нерѣшимость. Среди прелестнѣйшаго разнообразія мы переемъ, какъ въ саду, которой сначала показывается край свой, но по приближеніи къ оному, являешь опять непрерывно новые виды, новыя прелестныя окрестности. Впрочемъ, кажется, вопросы наши не выходятъ изъ предѣловъ, — Вами себѣ назначенныхъ; а потому сдѣлавъ намъ одолженіе, Вы, можете быть, сдѣлаете пользу и весьма многимъ. — Признаемся скорѣе откровенно, можете быть, въ доказательство собственнаго своего невѣжества: насъ смущаютъ двѣ новизны, а именно: *Гексаметры и Баллады*. Позвольте о каждомъ изъ сихъ предметовъ объяснить мнѣ свои мысли.

Гексаметры, даже и намъ, опдаленнымъ провинціаламъ, стали извѣстны очень давно. —

Хотя Петербургскій Журналъ *Conservateur impartial* и говоритъ, что Господинъ В... первой открылъ намъ сіе таинство Россійскаго слоупосложенія, и что Публика Россійская удивлена, поражена, изумлена была сею важною новостію; однако мы этому не могли повѣришь. Какъ можно, чѣмъ просвѣщенная Московская и Петербургская Публика не читала разсужденія Ломоносова о слоупосложеніи, гдѣ сей опецъ Россійской Поэзіи и Краснорѣчія приложилъ и примѣры въ стихахъ такого рода? — Не говоря о Тредьяковскомъ, всѣ наши старинныя пѣсни, всѣ собранныя по сію пору древнія повѣсти, писанныя всегда размѣрною какою-то прозою, опъзываются почти симъ же размѣромъ. — У Сумарокова много пѣсѣ, и припомъ довольно счастливыхъ, написанныхъ такими же стихами. Въ новѣйшую эпоху нашей Литературы, Карамзинъ и другіе Писатели употребляли дакъцида прежде, нежели показался Опытъ о Россійскомъ слоупосложеніи, — опытъ похвальный, по всѣмъ отношеніямъ весьма важный и полезный. — Господинъ В... самъ приводитъ въ примѣръ стихи Авшаровъ, которые

съ успѣхомъ уже пользовались сею споною. — Какъ же онъ могъ опкрыть ихъ, и какъ не знали объ эпомъ лучшіе Липерапоры наши, когда и у насъ Сибиряковъ давно уже это было известно? — Но дѣло не о помъ. Всякой любитель Словесности долженъ радоваться умножающемуся разнообразію нашего стихопворнаго размѣра. Мы молимъ бога Аполлона, чшобы онъ языку нашему въ семъ опношеніи, сполько же далъ гибкости, легкости и извороповъ, сколько имѣтъ ихъ сердце человѣческое въ безчисленныхъ своихъ переливахъ, сколько можетъ имѣть ихъ вода въ испочникѣ, змѣящемся, и по крупизнамъ горъ, и по скашамъ холмовъ, и по цвѣтущей равнинѣ, и тогда, когда она принуждена прыгать вверхъ хипростію Механика! Дѣло не о помъ, говорю я, нашъ языкъ способенъ ко многому; хотя и не ко всему, можетъ быть, какъ думаютъ спраспные его панегиристы. — Спрашивается главное: что такое наши гексаменры, имѣющъ ли они какое нибудь опредѣленное правило, такъ какъ наши ямбы и хорей, изъ сколькихъ спопъ сѣстоятъ, гдѣ цензура, гдѣ дозволенные замѣненія и переливы

или нѣпѣ ихъ. — Вотъ что приводитъ насъ въ замѣшательство. — Прочитавъ опытъ Гна. В., мы для подробнѣйшаго объясненія спрашивали одного нашего пріятеля, Грека и Латиниста, что гексаметры, что стихи Александрійскіе? — Нашъ ученый, не смотря на свою старость, вдругъ развеселился, чело его разгладилось; онъ началъ читать намъ на память своего возлюбленнаго *Виргилія*. — *randitur interea domus omnipotentis Olympi*, и пр. Когда умѣрился воспоргъ сѣдовласаго нашего Аристарха, мы, дѣйствительно очарованные гармонією стиховъ *Виргиліевыхъ*, попягостию, по быспропю, сливающимися всегда въ мѣрныхъ и поспоянныхъ темпахъ, спрашивали: по ли же и наши гексаметры? — и просили, чпобы онъ намъ объяснилъ ихъ. — При семъ вопросъ почпenny педагогъ такъ вздохнулъ, что, кажется, попрысались слѣзы, — и сей вздохъ совсѣмъ не былъ гармоническимъ аккордомъ для стиховъ *Виргиліевыхъ*! — Ахъ! повторилъ онъ еще, — слезы навернулись на глазахъ спарато *Литератора*, — тщешны всѣ ваши усилія, почпенные *Россійскіе* ушавщики спопосложе-

вія, міщепны! У васъ не можетъ бытъ ни Греческихъ, ни Латинскихъ гексаметровъ, въ наспоющемъ и подлинномъ смыслѣ сего слова. Природа, даровавъ споль многія преимущества языку нашему, общія съ преимуществами языковъ древнихъ, опказала ему, можетъ бытъ, въ одномъ полько семъ даръ. — Всѣ новѣйшіе языки образованы не по тѣмъ уже правиламъ, какъ древнія первобытныя, и весьма вѣрояпно, что сіе опличіе естъ дѣйстви-тельно одно изъ опличій языка кореннаго опъ языка происходящаго. — Что дѣлать? если бы существовалъ теперь наспоющій Славянскій языкъ, о которомъ споль сладостно мечтають наши Словесники; — по, можетъ бытъ, и мы имѣли бы сію гибкость и гармонію языка первобытнаго, похожую на ту, копорою справедливо превозносітся живописный для слуха языкъ Греческой. — Государи мои! возвысивъ голосъ, сказалъ онъ выразительнымъ и сипрогимъ пономъ намъ, какъ профанамъ, не посвященнымъ въ шаинспва Изиды: государи мои! это были языки пѣвучіе, такіе, копорые, сообразно съ намѣреніемъ и искусствомъ писателя, позволяли пере-

носить ударение съ одного слога на другой по произволу, смягчать, или облегчать, или сокращать каждой слогъ, какъ угодно; двогласныя, positio (положеніе или наращеніе), спеченіе гласныхъ, оокращеніе — все это производило по, что одно и то же слово, по свидѣтельству древнихъ, даже и въ прозѣ иногда произносилось иначе, нежели обыкновенно. У насъ къ каждому слову приковано гвоздемъ удареніе, и его уже перенести никуда не возможно. — Вотъ первое оплчїе нашего и всѣхъ новѣйшихъ языковъ отъ Греческаго и Латинскаго. Древнїе означали словомъ *гексаметра* такой стихъ, въ которомъ первая четверь стопъ должны бытъ дактили, а иногда спондеи, на пр. *Luctantes ventos tempestatesque sonoras.* —

Пятая дактиль непременно, а шестая спондеи или иногда прожей. Признайтесь сами, можете ли Руской Стихотворецъ соединить сразу четверь спондеа? можете ли сохранить правило, по предписанію Горация, чтобы въ гексаметръ по крайней мѣрѣ былъ одинъ дактиль и нѣсколько спондеевъ? можете ли, говорю, сослѣдовать не по слогамъ, а по темпамъ или времени произно-

женія всегда шесть стопъ — число определенное мѣрною музыкою? Это выше нашей возможности. Прекрасныя паланпы лучшихъ нашихъ Стихотворцевъ, живое, пламенное ихъ воображеніе, картины, а болѣе чистота и легкость слога, очаровываютъ насъ; — мы не мѣряемъ стихи, и вѣримъ, что читаемъ гексаметры, а между тѣмъ — пусть онъ опять вздохнулъ еще спрашнѣе прежняго . . . а между тѣмъ — о Виргилій! о Гомеръ! — природа не дала намъ вашихъ гексаметровъ!! —

Долгое молчаніе царствовало послѣ сего патетическаго монолога. — Мы не смѣли болѣе покоить нашего антикварія; но при всемъ уваженіи къ почтенному старцу, все еще оспивались въ большомъ сомнѣніи; намъ казалось, что господи обожатель Греческаго и Латинскаго стопосложенія слишкомъ строга судить объ нашемъ, и что языкъ нашъ способенъ принимать многія измѣненія, тѣмъ языкамъ свойственныя; чему свидѣтельствомъ могутъ быть переводы того же мѣрою Одъ Горациевыхъ, если только эти сочинители насъ незнающихъ не обманываютъ. — Потомъ непонятно намъ было, какимъ образомъ у древ-

нихъ одно и то же слово произносилось различными образомъ. Это казалось намъ большою странностию, особенно по тому, что и въ древнихъ языкахъ также было удареніе. — Подумавъ о семъ непоспѣшимомъ предметѣ въ слѣдующее засѣданіе, мы ничего рѣшить не умѣли, и по спрасной охотѣ нашей къ опечесственной Литературѣ, и по желанію ей всѣхъ возможныхъ успѣховъ, осмѣлились опнестись къ Вамъ, М. Г., со всенижайшею просьбою; объясните намъ: что такое наши гексаметры; возможны ли они въ нашемъ языкѣ, свое ли носятъ имя? Покажите оплиціе ихъ опъ древнихъ, и наконецъ научите насъ, опъ чего ни мы, ни наши дочери, ни жены, — сколь ни великія охотницы до стиховъ — читають ихъ до сію пору не умѣють? — При семъ должно признаься, что ни мы и ни онъ причиною; а можетъ быть излишняя вольность нашихъ Стихотворцевъ. — Досель, какъ нѣкопорого роду рабы, Поэпы наши, окованные опредѣленною мѣрою, огражденные р и ф м а м и, ходили и плясали, мѣрно и спройно; — нынѣ выпущенные на волю позволяють себѣ все. —

Не нужно спрашивать, чтобы въ ихъ гексаметръ были на своемъ мѣстѣ дактили и спондеи; нѣтъ, даже нарушается цезура безвозбранно и не умѣста; — въ одномъ гексаметрѣ пять спонъ, въ другомъ семь, въ претршемъ десять и одиннадцать и двѣнадцать, какъ выльется, только бы стихъ прыгалъ, и задумчивый слушатель въ шакпу качалъ головою; и часто бываетъ, что онъ до того докачается, что шумъ же и заснетъ. — Нѣкоторые думаютъ, что большая часть стихотворцевъ пустились въ сей родъ стихосложенія, потому что онъ легокъ; о рифмѣ не безпокойся; мѣры, хотя и не соблюдешь, но всякой догадается; слова располагаются свободно; — Стихотворецъ развязанъ въ чувствахъ и мысляхъ, или какъ шумя выражается нашъ Грекъ, *плыветъ по вѣтру!*... Хорошо, Господа; да что же будетъ послѣ этого искусство? . . . съ другой спорны есть и шакіе, которые съ немонашнымъ испуленіемъ утверждаютъ, что нѣтъ ничего пруднѣе, какъ писать гексаметры. Согласны и мы; прудно писать, какъ ямбы шакъ и гексаметры, — да какіе?

хорошіе, правильные, опредѣленные. — Въ нынѣшнихъ опличныхъ Поэсахъ мы удивляемся не гексаметрамъ, но паланпамъ живописи и ученой гармоніи слога. — Симъ кончилось изложеніе перваго вопроса, можетъ быть, слишкомъ обширное. Но извините, М. Г., о любимомъ предметѣ всегда словоохотно говорится. — Вотъ другой, и я буду гораздо короче, скажу все въ двухъ словахъ!

Дѣло до балладъ. Скажите, М. Г., баллада имѣетъ ли какія нибудь для себя правила, такъ какъ всякой другой родъ, получившій право гражданства въ кругу Литературы? — Мы знаемъ предѣлы для оды, для поэмы, для трагедіи и для элегии, и даже для баллады, нѣкогда бывшей, или шакой, какъ намъ показала ее Испанія, а потомъ Испанія и Португалія, послѣ Французы и наконецъ у насъ нѣкоторые изъ осторожнѣйшихъ Писателей? — Теперь, Богъ знаетъ что: ни вѣроятія въ содержаніи, ни начала, ни конца, ни цѣли, ни худой, ни доброй: все достоинство въ слогѣ. Слогъ хорошъ; но что оспается у меня въ головѣ или сердцѣ? . . . Этого затѣливой родъ пришелъ къ намъ изъ Германіи и Англіи.

Почтенное происхождение! — Для чего не перенимаешь хорошаго; но спрашивается: все ли должно перенимать? — Сами Нѣмцы, чувствуя не стройность сего рода и другія вольности своихъ спихотворцевъ въ трагедіи и комедіи противъ правилъ вообще постановленныхъ, сознаются, что единственно великіе гении Шиллера и Гёте могли высокостію таланта и прелестями неподражаемыми слога украсить сихъ нестройныхъ выродковъ. — Французской инстишутъ, или Академія наредила нѣсколько ученыхъ мужей, именно для того, чптобы разсмотрѣть и показать испочки новаго вкрадывающагося своевольства изъ Нѣмецкой Литературы въ ихъ швапральныя и другія сочиненія, дабы, если можно возвратить образованной и чистой вкусу къ его изящности, которою гордился онъ тогда, когда процвѣтали Расины и Волперы. Это прекрасное опредѣленіе похоже на опредѣленіе Римскаго Сената, которой всегда въ общей опасности произносилъ: *respublica aliquid detrimenti capiat*. Это можно бы прировнять и къ ученой республикѣ. И вы имѣете право, М. Г., положить у

себя въ совьтѣ: ne respublica litteraria patria aliquid detrimenti cariat. — Прекрасно одѣвають баллады свои нѣкоторыя наши пѣны; безспорно: — но что дѣлаютъ ихъ безчисленные подражатели? — Для нихъ ужъ нѣтъ никакихъ границъ. Хвалятъ слогъ, карпины, легкость, живость слога, подробности; но что цѣлое? гдѣ порядокъ, гдѣ расположеніе, въроятіе? Признаемся, что сей родъ весьма соблазнительнъ, особенно для насъ просвѣдъ неученыхъ читателей и для дѣтей нашихъ, молодыхъ стихопворцевъ. Тотъ же Conserv. impartial заставляетъ насъ поржеспвовать и радоваться какому-то преобразованію духа нашей поэзіи. Онъ поздравляетъ насъ съ тѣмъ, что мы исполнились духомъ Германскихъ поэтовъ, и что сей духъ намъ родственной. — Милостивые Государи! позвольте спросить, имѣла ли наша поэзія до сихъ поръ какой-либо духъ при Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Державинѣ, Дмипріевѣ? и значить ли измѣненіе, преображеніе духа всей поэзіи одно введеніе новаго рода балладъ? и наконецъ, что это за духъ, копорой разрушаетъ всѣ правила пѣшники, смѣшиваетъ

имѣетъ всѣ роды, комедію об, трагедіей, пѣсни съ сатирой, балладу съ одой? и пр. и пр. Пусть укажутъ намъ, гдѣ торжество наше? И такъ мы просимъ покорнѣйше Васъ, М. Г., опредѣлить намъ, что такое баллада, имѣетъ ли она правила и границы; ибо мы знаемъ, что и всѣ волшебныя повѣсти, даже сказки, имѣютъ нѣкоторыя свои ограниченія.

Вотъ наконецъ послѣднее наше прошеніе. — Можетъ быть, ни въ какомъ другомъ родѣ не успѣли мы столько много, какъ въ басняхъ или припѣвахъ. — Дмитриевъ, Крыловъ, Хемницеръ основаныя бессмертными; счастливые ихъ подражатели заслуживаютъ больше или меньше наше уваженіе. — Удивительно, какая-то таинственная волшебная сила заключена въ этомъ родѣ сочиненій. — Знаемъ, что онъ чрезвычайно пруденъ, и между тѣмъ мы уже по сію пору имѣемъ въ немъ образцы превосходныя, не смѣя еще ничемъ особеннымъ хвалиться ни со стороны трагедій, ни комедій. — А потому осмѣливаемся просить Васъ, показать намъ и вразумить насъ, не имѣетъ ли басня какихъ-либо предъ прочими стихотворными родами пре-

имущественныхъ качествъ, и какія онѣ!
 Короче: намъ бы желалось читать полной
 хорошей *Трактатъ о преимуществахъ*
столь прекраснаго рода сочиненій, какъ
басни. И гдѣ же это можешь быть луч-
 ше сдѣлано, какъ не между Вами! — Та-
 ковое разсужденіе мужей опытныхъ и про-
 свѣщенныхъ, соединенное съ разборомъ пре-
 восходнѣйшихъ нашихъ писателей, послужило
 бы памяшникомъ славнаго нашего вѣка и
 успѣховъ искусствъ, столько ободряемыхъ
 возлюбленнымъ и великимъ нашимъ ГОСУДА-
 РЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ! , , .

Письмо очень длинно, Милоспивые Госуда-
 ри! Чпо дѣлать! Простите желающимъ
 съша — и поученія — и проч.

Неизвѣстный,

О Т В Ъ Т Ъ

на Греческую и Рускую Просодію (*).

Почтенный Сочинитель ученаго письма съ береговъ Тобола предлагаешъ мысли свои о *Гексаметрахъ, Балладахъ и Басняхъ*, испрашивая отъ Общества рѣшенія въ своемъ сомнѣннѣ. Очень приятно видѣшь, что о насъ думаютъ и въ Сибири. Самая вѣжливость заставляешъ если не рѣшинъ предлагаемыхъ вопросовъ, по крайней мѣрѣ исполнить желаніе *неизвѣстнаго* — и отвѣчать.

Предоставляя Поешамъ разсуждать о двухъ послѣднихъ предметахъ, какъ объ ихъ собственности, беру смѣлость говорить о

(*) Сей отвѣтъ написанъ и чипанъ въ Обществѣ, когда еще не было напечатано ученое и превосходное разсужденіе о Просодіи Гна. Гнѣдича; иначе я не посмѣлъ бы изданъ опыта своего. Впрочемъ мнѣ можно гордиться тѣмъ, что я былъ на споронѣ того мнѣнія, кошорое такъ прекрасно раскрыто и объяснено извѣстнымъ Писателемъ.

первомъ, о копоромъ извѣстные Писатели уже подавали голосъ свой.

Чтобъ рѣшительно сказать, свойственны ли языку нашему гексаметры древнихъ, должно, по моему мнѣнiю, вникнуть въ составныя части стиховъ — *въ буквы, звуки ихъ, слоги и стопы*. Если въ нихъ языкъ нашъ сходенъ съ языкомъ Греческимъ: то не лзя сомнѣваться въ томъ, что мы можемъ имѣть и Греческiй размѣръ, каковъ гексаметръ.

Просодiя въ нашемъ языкѣ заключается въ скудныхъ правилахъ стопосложенiя; но свойства буквъ неопредѣлены, приличное ихъ сочеланiе не показано, дѣйствiе, какое онѣ могутъ производить въ слогъ, не объяснено, не говорю уже о непостоянномъ и часпо для знапоковъ сбивчивомъ ударенiи. Если другiе языки, особливо древнiе, столько прославляемые, имѣющъ верхъ надъ нашимъ: то сiе преимущество ихъ состоятъ въ большей точности правилъ, копорыхъ у насъ иные до сихъ поръ не любящъ и не терпящъ.

Буквы наши и звуки языка, какъ извѣстно, почти всѣ Греческiя, столько прилшныя, какъ ушверждаютъ ученые.

Произношеніе сихъ буквъ подобно произношенію Греческому: звукъ *α* пребуеиъ самаго большаго опверспія — и пошому онъ самой долгой. За нимъ постепенное уменьшеніе опверспія слѣдуеиъ въ такомъ порядкѣ: *ы, о, у, и* и *е*, самой коропкой звукъ. Въ такомъ же порядкѣ должна быиъ и постепенная ифра пропяженія сихъ буквъ: *однѣ изъ нихъ по произношенію долгиа, другія короткіа.*

Склады, также болѣе или менѣе, долгиа и коропкіа. Это зависиъ опъ того, изъ какихъ гласныхъ они соспояиъ, какія предъ ними согласныа, кромѣ упошребленія, у ш в е р ж д е н н а г о Грамматикой. Такъ если къ слову *ладъ* прибавишь одинъ звукъ, н. п. к., то новое реченіе *кладъ* будеиъ длиннѣе; прибавишь еще звукъ, н. п. с. *складъ* пропяжиъ обѣихъ первыхъ. Сіа замѣчаніе слѣдуеиъ изъ свойспва буквъ, изъ которыхъ каждая, будучи звукомъ, пребуеиъ особеннаго напряженія. духа и къ составу съ другими прибавляеиъ слогу долгому. Безъ сомнѣнія, чѣмъ болѣе стекаеиъся вмѣстѣ зву-

ковъ , тѣмъ болѣе потребно времени на про-
изношеніе ; но мы по привычкѣ къ бѣглому
чпенію рѣдко обращаемъ вниманіе на это раз-
личіе. Діонисій Галикарнасскій (гл. 15.) пола-
гаетъ на одинъ долгой слогъ два короткихъ.

Иные, различая измѣненіе голоса повыше-
ніемъ и пониженіемъ, долгою и краткою, и
громкою и тихою, не всѣмъ языкамъ
приписываютъ каждое изъ сихъ свойствъ ;
но мнѣ кажется, всѣ сія перемѣны неразлуч-
ны одна съ другой. Такъ въ Греческомъ сло-
вѣ *ῥῆμα* , равно въ Рускомъ *время* , первой
слогъ долгой по причинѣ ударенія или возвы-
шенія голоса, а другой по свойству звука *я*.
Удареніе прилично разговору и обыкновенному
чпенію ; а мѣра звуковъ , какъ опличитель-
ное свойство каждаго изъ нихъ , примѣтна
болѣе въ пѣньи , въ Поезїи и Орапорскомъ
слогѣ.

Сверхъ сего удивительно, почему Рускіе
слоги, состоящіе изъ одинакихъ съ Гречески-
ми звуковъ , не должны имѣть и одинакое
свойство? Слова, взятыя изъ древнихъ язы-
ковъ и удержавшія прежнія свои ударенія ,

убѣждаютъ меня въ прошивномъ. Такъ слова *Ангель, Императоръ*, произносимъ мы такъ же, какъ произносили ихъ Греки и Римляне: по чему же слова, одинаково выговариваемыя, въ одномъ языкѣ будутъ имѣть долгіе слоги, а въ другомъ одно шолько возвышеніе голоса, или удареніе? По моему мнѣнію, долгіе и короткіе слоги находящяся и въ другихъ новѣйшихъ коренныхъ и производныхъ языкахъ. Въ Нѣмецкомъ есть односложныя слова, которыя отъ различнаго пропяженія въ выговорѣ получаютъ разное реченіе. Башпе основательно показываеиъ, что и во Французскихъ словахъ есть примѣрная разность долгихъ и краткихъ слоговъ; попому что большая часть словъ Латинскія: можно ли сомнѣваться, чтооъ это не было свойственно нашему языку, ближайшему къ древнимъ, по многимъ общимъ съ ними преимуществамъ? Одинъ писатель быструу Французскаго произношенія приписываетъ живости народнаго характера. Но Греки были едва ли не пламеннѣе и живѣе; однако наблюдали въ слогахъ размѣръ. Безъ сомнѣнія въ разговорѣ не размѣряли они складовъ: это предоснавлялось Орашорамъ въ рѣ-

чахъ народныхъ и Поешамъ, особливо Лирикамъ. Точно также и у насъ спѣишь только прислушаться къ пѣнію, чтобъ почувствовать разность долгихъ и короткихъ слоговъ.

Изъ сего заключаю я, что въ *нашемъ языкѣ*, подобно *Греческому*, есть слоги *долгіе и короткіе*. Долгіе большею частію состоятъ изъ гласныхъ *а, ѣ, о*, и дифтонговъ *я (іа), іо*; краткіе изъ *у, и, е* и дифтонговъ *ю (іу), ѣ (іе)*; изъ нихъ *о* и *и*, чаще другихъ перемѣняютъ свойство свое и бывають то долгими, то короткими, слѣдуя употребленію и измѣненіямъ Грамматическимъ. Сверхъ того большее или меньшее пропязженіе звуковъ зависитъ отъ большаго или меньшаго числа согласныхъ, которыхъ при нихъ находятся, и отъ ихъ бодшей или меньшей швердоспи.

Если сіи положенія справедливы: по спондеи и молоссы, или споны изъ двухъ и трехъ долгихъ, не должны казаться невозможными для нашего языка, тѣмъ больше, что ими и въ *Греческомъ языкѣ* не писались цѣлыя спихопворенія, а они перемѣшивались

съ другими слогами и употреблялись въ различныхъ мѣстахъ. Въ стихахъ, знакомыхъ всякому:

Черная туча, мрачныя крыла и пр. слова *туча* и *крыла* собственно спондеи: въ нихъ первые слоги долгие по ударенію, вторые по свойству звука *а*. Переспавивъ слова, получимъ совершенно другой стихъ:

Туча черная, крыла мрачныя. — Здѣсь два молосса или 6 долгихъ, и разность между ними двумя стихами очень ощутительна; послѣдній гораздо медленнѣе.

Древніе были чрезвычайно разборчивы въ употребленіи словъ, смотря по свойству описываемаго предмета; отъ того ихъ Пoesія, какъ говорятъ, настоящая музыка. Всякому припривѣ, вмѣсто одношпнной рпемы, читають стихъ разнохарактерный, въ которомъ голосъ волнуется по возвышеніемъ, по паденіемъ. Употребленію различныхъ размѣровъ способствуетъ особое достоинство языка нашего — Орапорской порядокъ словъ, между нѣмъ какъ другіе языки скованы однимъ Логическимъ порядкомъ, каковъ Французской, или Нѣмецкой. И мы уже давно начали

было пользоваться симъ преимуществомъ ; но неудачной опытъ Телемахиды пакъ испугалъ всѣхъ древнимъ размѣромъ, что не только переспали искать въ немъ удовольствія, но даже начали отъ него опречкаться. Точно также Нѣмцы не вѣрили, чтобъ у нихъ были древнія стопы, пока Фоссъ, Графы Шполберги, Рамлеръ, Клопштокъ не показали прекрасныхъ образцовъ.

Почтенный Сочинитель письма между прочимъ справедливо замѣчаетъ, что Поэмы наши употребляютъ гексаметры слишкомъ неопредѣленно. Вотъ короткіе примѣры двухъ совсѣмъ различныхъ родовъ гексаметра. Одинъ изъ перевода опрывка Омировой Одиссеи, другой изъ опрывка Клопштоковой Мессіады. Всякой узнаетъ любимыхъ Поэтовъ нашихъ. Стихи одного рода:

*„Уже корабли, благолѣпно устроенны, въ море
готовы,
И хитрая чада Аргоса, таясь на берегу искри-
вленномъ
Предъ станомъ, при соснахъ гористыхъ, сѣдятъ
въ ожиданіи темномъ“ . . .*

Другаго :

„Суираченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ под-
земнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ Серафимъ Аббадонъ;
печальной
Мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ; грозно
вдали передъ взоромъ
Смутнымъ, потушимъ отъ тайныя скорби...“

Сія два рода гексаметровъ совершенно различныя; послѣдній принятъ за общее правило; но и въ немъ есть нѣкоторое ошпоупленіе отъ древняго.

Чтожъ такое настоящій гексаметръ въ древнемъ вкусѣ? — Въ переводѣ на языкъ нашъ это значитъ стихъ шестистопный; только не лзя назвать гексаметромъ Ямбическихъ стиховъ или Александрійскихъ, причина названія которыхъ извѣсна всякому, кто читалъ Французскую Пипику. Но гексаметръ состоитъ изъ шести стопъ дактилей со спондеями, а не изъ однихъ дактилей, какъ въ послѣднемъ примѣрѣ, и не изъ однихъ спондеевъ; пятая всегда бываетъ дактиль. Стихъ у древнихъ долженъ былъ выражать паденіемъ своимъ разные предметы, дѣйствія

и чувства; отъ того и стопы перемѣшивались. Въ описаніяхъ благородныхъ и величественныхъ болѣе встрѣчается спондеевъ и молоссовъ, — въ повѣствованіяхъ быспрыхъ и живыхъ — болѣе дактилей и пиррихевъ. Каждая стопа, имѣя опличительное свойство, должна имѣть свое употребленіе. Такъ въ музыкѣ чувства благородныя и величественныя выражаются въ анданте или рондо, веселые въ Аллегро. Для этого въ Греческой Просодіи цезура перемѣняетъ мѣсто. Нужно ли, чтобы стихи выраспалъ и возвышался: цезура спановится послѣ первыхъ двухъ стопъ. Для живости цезура относится къ послѣднимъ стопамъ — и неожиданно разрѣзываетъ стихъ. Англійскіе и Италіянскіе Поемы всегда пользуются эпой свободою, которая стихамъ даетъ новое достоинство; между Французами Делиль иногда по же дѣлалъ. Въ семъ вкусѣ помѣщены стихи, обработанные перомъ художника, въ прелестномъ періодическомъ изданіи *Для немногихъ*. Меня подтвердитъ примѣры Омара и Виргилія:

„*Inde to|ro pa|ter Aene|as sic| orsus ab| alto :
Infandum , regina , jubes renovare dolorem.*“ etc.

Въ сихъ стихахъ послѣ каждаго дакшиля слѣдуетъ спондей, или первыя двѣ стопы спондей, за ними всѣ дакшиля. ЕСТЬ стихи, состоящіе изъ дакшилей съ двумя спондѣями:

„*Tityre|, tu patu|lae recu|bans sub|tegmine| fagi.*“

Или :

„*Formosam resonare doces Amaryllida silvas.*“

Точно такіе же привожу изъ перевода Омировой Иліады и Виргиліевыхъ Георгикъ:

„Грозно | взоры | ихъ | блещутъ | ; ужасъ при |
видѣ ихъ | обнялъ.“

„Но А | тридѣ между | тѣмъ, какъ | зѣръ |
между | полчищей | рыскалъ.“

„Такъ онъ въ | щаль, и | крикомъ хва | лы гре |
мѣли Да | наи.“

Или :

„Но когда ты не будешь мѣнять, выбирать
ежегодно

Зрѣлыхъ, крупныхъ, свѣжихъ сѣмянъ, то,
увы! ненадежна

Помощь искусства; въ немногіе годы онъ измѣ-
лѣютъ.

Такъ судьба присудила; въ мирѣ все идетъ
къ упадку.“ —

Книжка XVII.

Б

Въ слѣдующихъ стихахъ :

„Сѣи ячень, макъ, ленъ, до холодныхъ дождей,
морозовъ.

„Въ зной паши, въ зной сѣи! земледвльцы
праздны зимою!“

Здѣсь встрѣчается по три долгихъ, или
молоссы.

Сии примѣры почто сходны съ гексаметрами древнихъ, и изъ сего слѣдовало бы заключишь, что и въ нашемъ языкѣ могутъ быть гексаметры въ настоящемъ смыслѣ сего слова. Но еще неизвѣстный Сочинитель письма возражаетъ на щепъ гармоній, или правильнѣ мелодіи древнихъ языковъ, копорую называетъ неподражаемою, не смотря на то, что въ каждой странѣ различно выговариваютъ Греческія и Латинскія слова. Можно согласишься, что соразмѣрность стиховъ въ строфахъ и членовъ въ періодахъ оцущительны въ мертвыхъ языкахъ; но пріятность и мелодія языка была понятна только Греку и Римлянину. Здѣсь невольно приходится на память опѣвъ одного учена-

го. Знакомой ему иностранецъ, очень долго жившій во Франціи, признавался, что онъ не находилъ въ Лафоншенъ тѣхъ достоинствъ, которыми не могутъ хвалиться соотечественники стихотворца. „Если тебѣ не понятны всѣ красоты Лафоншена, сказалъ ему ученый: то какъ же повѣришь энтузіасмамъ древнихъ, чтобы они чувствовали всю красоту слога Анакреонова?“ — Это ведетъ къ тому заключенью, что слишкомъ превозносимая мелодія древнихъ языковъ, по которой названы они въ письмѣ *нѣбучими*, не доказываетъ того, чтобы мы не могли имѣть гексаметровъ. — Красоты всякаго иностраннаго языка можно сравнить съ портретомъ, въ которомъ правильное расположеніе лица ощущительно, но выразительность лица живаго пропадаетъ.

Сверхъ сего въ древнихъ языкахъ особливый достоинствомъ, также неподражаемымъ для насъ, почитается почтенный Сочинитель письма то, что въ нихъ можно было переносить удареніе съ одного слога

Е . . а

на другой по произволу, смягчаютъ или облегчаютъ и сокращаютъ каждой слогъ, какъ угодно. И сіе достоинство очень обыкновенно; разумется, что это относится къ Поезю, соединенной съ музыкой. У Греческихъ Лириковъ, также въ хорахъ у Трагиковъ встрѣчаются раздѣленія слогъ, сокращенія, совсѣмъ другія ударенія; все это есть жертва, приносимая музыкѣ; но у пѣхъ же самыхъ Трагиковъ иначе писаны стихи, влагаемые въ уста героямъ и героинямъ. И что была бы музыка, если бы приравнивали ея къ однимъ удареніямъ? Отъ того Діонисій Галикарнасскій (гл. 2) говоритъ, что *музыкальное пѣніе дѣлаетъ длиннѣе короткіе слоги и сокращаетъ долгіе*; потому что время въ пѣньи или пемпы не соглашаются съ количесвомъ складовъ, а напропивъ количество слоговъ приравнивается къ пѣнью. По сей самой причинѣ слоги высокіе или низкіе въ обыкновенномъ разговорѣ получаютъ другое удареніе въ произношеніи музыкальномъ. У насъ также въ стихахъ пиррихій иногда принимаются за ямбы и хорей, смол-

ря по размѣру ; а въ пѣньи короткіе слоги произносятся пропѣжно и долгіе сокращающіяся : это убѣждаетъ въ томъ, что упомянутое достоинство древнихъ языковъ вразсужденіи *перемѣны удареній свойственно и нашему отечественному.*

И такъ сей взглядъ на Греческую и Рускую Просодію и небольшое сличеніе ихъ даетъ при слѣдствіи :

1) Звуки буквъ нашихъ имѣютъ свойства, подобныя буквамъ древнихъ языковъ.;

2) У насъ, какъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, слоги способны къ различному пропѣженію — долгому и краткому, не смотря на ударенія или возвышенія голоса, которыхъ находящіяся въ древнихъ языкахъ.

3) Сходныя свойства Руской и Греческой Просодіи убѣждаютъ въ томъ, что гексаметры могутъ быть и въ нашемъ языкѣ.

Вотъ что почелъ я нужнымъ предложить вразсужденіи гексаметровъ, по случаю упомянушаго письма. Въ другое время постара-

юсъ болѣе выикнуть въ сей предметъ. — Я
 съ своей стороны очень благодаренъ почтен-
 ному Сочинителю письма, что предложеніе
 его заставило меня вспомнить мысли, кото-
 рыя давно занимали меня при сличеніи Рус-
 кихъ переводовъ съ древними подлинниками.
 Приятно ласкать себя надеждою, что это
 небольшое разсужденіе, если не объяснитъ
 предмета, по крайней мѣрѣ другимъ опыт-
 нѣйшимъ Литераторамъ подаетъ можетъ
 быть поводъ къ новымъ изслѣдованіямъ на-
 шей Просодіи.

Давыдовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ
О
ПЕТРѢ АЛЕКСѢЕВИЧѢ
ПЛАВИЛЬЩИКОВѢ.

Пріятная мечша — жишь въ памяши людей.
Мрз.

Умъ и сердце дають цѣну челоуѣку. Умъ доказываешь спремленіемъ къ истинѣ, сердце — приверженностью къ добру. Спремленіе къ истинѣ пребуешь яснаго понятія, зрѣлаго сужденія, здраваго умствованія. Приверженность къ добру возлагаешь на насъ обязанность любить изящное, плѣняться шолько шѣмъ, что носимъ на себѣ печать нравственнаго совершенства. Кшо летаетъ на сихъ крыльяхъ, останеть ли топъ ошъ своихъ спутниковъ на спезѣ жизни? Нѣтъ! онъ всегда впереди, всегда ближе другихъ къ своей цѣли. Не спрашатъ его препяшствія, не ошпанавливають искушенія, не приводятъ въ уныніе опасности. Его

желанія пламенны, чувствованія благородны, намѣренія рѣшительны, труды постоянны, успѣхи удачны. Вооружаясь перпѣвїемъ на поприщѣ просвѣщенія и дѣйствуя по чертежамъ зрѣло обдуманымъ, достигаетъ онъ высокаго своего назначенія: пользовавшись, или лучше сказать, владея тѣмъ, что въ царствѣ природы есть изящнаго, что въ области искусства есть опшѣннаго. Каждая минута, сближающая съ новыми познаніями, для него дороже и пріятнѣе, нежели десятилѣтія для празднолюбца, скукою помимаго.

Человѣкъ со здоровымъ умомъ и добрымъ сердцемъ, почтенный и любезный въ жизни, пользуется почтеніемъ и любовью даже и за предѣлами оной. Таковъ былъ Пётръ Алексѣевичъ *Плавильщиковъ*, Дѣйствительный Членъ сего Сословія Любимцевъ Опечествленной Словесности. Старался ли онъ исполнить свою обязанность, коей важность, удовольствіе и пользу умѣлъ чувствовать въ полной мѣрѣ; принималъ ли участіе въ сужденіяхъ и трудахъ Вашихъ, Мм. Гг! — оправдалъ ли сколько нибудь надежду Вашу; каждому изъ Васъ болѣе, нежели мнѣ, извѣстно.

Судя по тому, какъ онъ шелъ по сценѣ, ему назначенной, не всѣ ли мы ожидали, и ожидали съ пріятною увѣренностію, что онъ хотѣлъ и могъ идти далѣе, хотѣлъ и могъ ближе подходить къ своей цѣли? И слова и сочиненія его доказывали, сколько онъ приверженъ былъ ко всему опечественному. Это составляло единственную потребность души его; скажу лучше: страсть, обладающую его сердцемъ.

Исполняя пріятную обязанность, Вами, Почтеннѣйшіе Сочлены, на меня возложенную, а чрезъ то желая принести дань признательности покойному и вмѣстѣ удовлетворить моему сердцу, которое чувствовало къ нему любовь, а къ таланту его уваженіе, постараюсь, сколько могу, изобразить нѣкоторыя черты жизни его.

Плавильщиковъ былъ сынъ Московскаго купца. Съ юныхъ еще лѣтъ открылось въ немъ желаніе выйти изъ того состоянія, въ коемъ онъ родился. Склонность къ чтенію книгъ, острота памяти, необыкновенная живость характера, пылкость души — все предвѣщало, что онъ оплечится отъ людей

обыкновенныхъ. Родитель его вознамѣрился доставить ему благопріятной случай привести въ зрѣлость природныя его дарованія — и Плавильщиковъ въ 1768мъ году записанъ былъ въ Гимназію Московскаго Университета. Не съ принужденіемъ, но съ жаждою къ познаніямъ вступилъ онъ въ сіе Училище. Оказавши быстрые успѣхи въ наукахъ и языкахъ, въ 1776 году произведенъ Студентомъ. Около трехъ лѣтъ пользовавшись лекціями Гг. Профессоровъ, выслушавъ Нравственную Философію у Г. Шадена, Математическія и Физическія науки у Г. Роспа, преимущественно занимался Исторіей у Харипона Андреевича Чебопарева, и Краснорѣчіемъ у Антона Алексѣевича Барсова, достопочтенныхъ Профессоровъ, коихъ обширныя свѣдѣнія въ наукахъ и ревностное прохожденіе должностей оспануся незабвенными въ лѣпописяхъ Московскаго Университета и въ памяти многихъ ученыхъ и знаменитыхъ Особъ, имъ одолженныхъ своимъ просвѣщеніемъ. Больше всѣхъ обязанъ былъ Плавильщиковъ попечительности и наставленіямъ Профессора Логики и Метѣфизики, Дмистрія

Сергѣевича Аничкова, котораго надзору препорученъ былъ онъ родителемъ. Всѣ Профессоры отзывались о немъ, какъ о лучшемъ Студентѣ, съ лестною похвалою, которая служила ему сильнымъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. „Одобреніе придавало мнѣ крылья“ — говаривалъ Плавильщиковъ: „безъ него упалъ бы я духомъ; похвала удивительно пыпала мое маленькое самолюбіе.“ — И подлинно, самые пылкіе умы безъ поощренія, какъ безъ масла лампада, угасаютъ.

И Университетскіе товарищи его находили въ немъ откровеннаго друга и веселаго собесѣдника. Мудрено ли? Сходство занятій, согласіе мыслей, единодушіе соединяютъ людей пѣснѣ, нежели любовь брашна. Между друзьями своими считалъ онъ и незабвеннаго по ученымъ заслугамъ, имѣвшаго единственною цѣлью своихъ желаній пользу учащихся и славу Московскаго Университета, Петра Ивановича Спрахова, бывшаго также ревностнымъ Членомъ сего Общества. Съ товарищами часто судилъ Плавильщиковъ по правиламъ критики о достоинствѣ сочиненій и переводовъ, часто входилъ съ ними въ слово-

прѣня, не позволяя себѣ однакожъ оскорблять ихъ самолюбія упорнымъ противорѣчіемъ, но имѣя въ виду изощреніе ума — и ничего болѣе. Всякая новая истина казалась ему приобрѣтеніемъ, всякое отккрытіе въ наукахъ — наслажденіемъ.

Съ охотою учисься раждалась въ Плавильщиковѣ охота къ чтенію; а навѣкъ и выборъ въ чтеніи, по мнѣнію Лагарпа, питають любовь къ истинѣ, вкусъ къ изящности. Съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминалъ Плавильщиковъ въ зрѣломъ возрастѣ тѣ мысли и чувствованія, кои почерпалъ изъ чтенія во время юности своей. Сія матерія часто составляла пріятнѣйшій предметъ дружескихъ разговоровъ нашихъ. Сколько могу упомянуть, предложу здѣсь его сужденія, удержу самый слогъ его. — „Я имѣлъ случай пользоваться бібліотекою моего благодѣтеля“ — такъ или почти такъ онъ мнѣ рассказывалъ — „и занялся чтеніемъ съ такою охотою, что не засыпалъ безъ книги. Сперва читалъ я всякую, какая только мнѣ въ руки попадалась, и обо всякой думалъ, что она хороша. Я никакъ не могъ себѣ представить,

что можно печатать книги, недостойныя чтенія. Въ первомъ жару моеи охоты я пробѣгалъ страницы безъ дальняго примѣчанія; однакожь иныя книги возбуждали все мое вниманіе, а другія причиняли скуку. Это заставило меня проникнуть пому причину. Я прибѣгнувъ къ людямъ ученымъ, и они вразумили меня. Мало по малу нѣсколько образовался и вкусъ мой. Я началъ судить о сочиненіяхъ по ихъ пользѣ, по важности мыслей и по красотѣ слога; я могъ даже распознавать, копорый Сочинитель мыслилъ, и копорый говоритъ, ничего не мысля. По прочтеніи книги я основывалъ сужденіе мое на сихъ правилахъ, и удовольствіе оправдало ихъ. Прочитавши *Всемірнаго путешествователя*, не могъ я принудить себя повѣрить всему безъ извѣстія, и мнѣ казалось, что Аббатъ де ла Порть сшранспвовалъ по свѣшу — на крыльяхъ воображенія, не выходя изъ кабинета, и собравъ записки путешественниковъ, раскрасилъ свое сочиненіе цвѣтами краснословія, а тамъ, гдѣ упоминалъ о Россіи, обнаружилъ полько свое незнаніе. Милонъ во *Всеобщей Исторіи* разгорачилъ

только мое любопытство, ни мало его не удовольствовавъ. Исторія моего отечества только занимала меня, что я прочелъ всѣхъ Россійскихъ Историковъ, и душевно благодарилъ ихъ за трудъ столь полезный; а иногда былъ недоволенъ ими за то, что они другъ съ другомъ осорились въ своихъ предисловіяхъ или замѣчаніяхъ, и одинъ другому не хотѣлъ уступить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ догадками надлежало замѣнить истину историческаго событія. *Дѣянія Великаго Просвѣтителя Россіи* — хотя сочиненіе сіе больше походило на дневную записку, нежели на Исторію — наполнили мою душу священнымъ воспоргомъ и благоговѣніемъ къ памяти Богоподобнаго Государя, перваго именемъ и дѣлами — *перваго*, но не послѣдняго. *Ломоносовъ* началъ воспѣвать дѣла Его, и не лзя не пожалѣть, что *только началъ*. Оды сего Поэта и Орапора показались мнѣ такъ прекрасны, что послѣ его почти ни одна Ода не сдѣлала въ мысляхъ моихъ глубокаго впечатлѣнія. Рѣчи его читалъ я много разъ, и всегда восхищался ими. Вездѣ видно изображеніе богачее, расположеніе искусное, управ-

шеніе блистательное; вездѣ краснорѣчіе льещя рѣкою. Трагедіи его были бы хороши, если бы Сумароковъ не издалъ своихъ; думаю только, что на театрѣ не выдержали бы онѣ и перваго представленія. Я провелъ немалое время, читая нашего Трагика, котораго называюмъ *отцемъ Россійскаго театра*. Пусть говорятъ, что подражалъ онѣ Расину: но мастерское подражаніе, удачный выборъ мыслей развѣ не спокуютъ изобрѣшенія (*)? Есть въ немъ и недосмашки — не спорю; но кто не извинитъ ихъ въ такомъ Писателѣ, который первый проложилъ у насъ путь во святилище Мельпомены? Въ *Семирѣ* возвышенныя мысли, въ *Синаевѣ* естественное изображеніе страстей, въ *Хоревѣ* вѣжныя чувствованія и шрогаютъ сердце, и плѣняютъ душу. Комедіи его хотя и производятъ смѣхъ, но такой, послѣ котораго мы недовольны, что смѣялись. О нѣкоторыхъ сочиненіяхъ его я жалѣлъ, что онѣ напечатаны. Творецъ *Дидоны* и *Хвастуна*, кажеш-

---

(*) Le choix des pensées est invention. — *Laz Bruyère.*

ся, имѣетъ полное право называться любимцемъ Музъ: онъ прогаепъ и удивляетъ, смѣшитъ и восхищаетъ. Иные говорятъ, что онъ много переводилъ изъ чужестранныхъ сочинителей: но какая до того нужда? Сочиненіе мнѣ понравилось — и довольно! Читалъ я и *Душеньку*, читалъ и — восхищался. Этого мало: перечитывалъ ее много разъ, и всегда съ новымъ услажденіемъ. Это самый нѣжный, пріятный и, можетъ быть, единственный цвѣтокъ Парнасса. Спруи Иппокрены не престанутъ орошать его — и онъ никогда не увянетъ. Съ меньшимъ удовольствіемъ читалъ я двѣ Поэмы Спихотворца - Философа: въ нихъ воспѣты знаменитые подвиги Россійскихъ Государей. Иоаннъ и Владиміръ! имена священныя! предметы любви и почтенія! можно ли опказать въ любви и почтеніи и Пѣвцу вашему, незабвенному по уму и сердцу? — Между многими спихотвореніями великаго Лирика, глубокомысленнаго Пѣвца богоподобныя Фелицы — между многими, копорыя всѣ превосходны, всѣ неподражаемы, ибо свойственны *его* только уму и воображенію, всѣ опличаются роскошнымъ

Разнообразіемъ, — Ода *Богъ*, кажется, господствуетъ надъ всеми его твореніями: въ ней видѣнъ орелъ, парящій подъ небесами. Нѣтъ ему равныхъ; едва ли кто и впредь съ нимъ сравнится! — Изъ чтенія узналъ я, что ни безмѣрное терпѣніе, ни труды неуспѣшные не могутъ произвести ничего блистательнаго, если нѣтъ врожденнаго дарованія. Творецъ *Телемахида* показалъ великую ученость: неутомимость его была чрезвычайна; но ея произведенія сухи и хладны. Онъ умѣлъ находить и избирать цвѣты, но не умѣлъ облагоухать чашателей ихъ ароматами. Онъ сообщилъ намъ много полезнаго; но въ писаніяхъ его вездѣ видна долгопропаянная сухость, раждающая скуку въ чашателлахъ. — Я слыхалъ отъ умныхъ людей, что у великихъ Писателей слова текутъ изъ мыслей; а гдѣ отъ словъ натягиваются мысли, не жди тамъ ничего хорошаго. Таковыми почитаю многіе романы, кои, къ сожалѣнію, попадались въ мои руки. Почти всѣ они переведены съ языковъ чужестранныхъ; а въ переводѣ много теряютъ красотъ и хорошихъ сочиненія. Эстампъ, хотя бы онъ искусно

Книжка XVII. Ж

рукою снятъ былъ съ Альбановой карпины, никогда не поравняеяся съ подлинникомъ. Сверхъ того самые герои романовъ и дѣйствія ихъ были для меня совершенно посторонни; а во многихъ мѣстахъ сомнѣвался я даже въ описаніи нравовъ и обычаевъ иноземныхъ, и многое, что шамъ похвалялось, казалось мнѣ шакъ далеко отъ похвалы, какъ столица Кипайскаго Императора отъ моей родины. Безошибочно можно сказать, что чтение романовъ, какъ бы они ни опличались красивыми выраженіями, кружитъ только голову, чувствамъ даетъ преждевременную живость, воспаляетъ воображеніе, подливаетъ масло на огонь страстей. Чего, кромѣ вреда, ожидать отъ такихъ книгъ, гдѣ соблазнительныя карпины, — опасныя не только пѣмъ, что изображаютъ, но и пѣмъ, о чемъ заставляють догадываться, — приводятъ въ забвеніе правила добродѣтели; гдѣ читаешь выдуманная приключенія, несбыточные мечты, удачи и неудачи, трудности и возможности, охи да вздохи, гдѣ *ахъ!* и *увы!* споятъ безсмысленно на караулъ? — Вотъ какъ чувствовалъ и судилъ юный Пла-

вильщиковъ о книгахъ , и сообразуясь съ сужденіемъ своимъ , однѣ почиталъ пипапельными для ума и сердца , а другія скучными , и даже опасными.

Воспользовавшись чтеніемъ отечественныхъ сочиненій , бесѣдовалъ онъ и съ Виргиліемъ , и цѣнялся обиліемъ его мыслей , искусствомъ выраженія , благозвучіемъ стиховъ ; читая Расина , восхищался языкомъ его , вездѣ согласнымъ съ истиною и природою , пылкимъ воображеніемъ , подобнымъ руднику неиспощимому , умѣньемъ составлять новыя счастливыя обороты въ словахъ , и рѣзкими черпами изображать пошаренные изгибы человеческого сердца. Тогда онъ увѣрился , что ученіе есть свѣтъ души , спражь добродѣтели ; что разумъ , имъ озаренный , стремится познать священныя обязанности , безъ коихъ человекъ единая шолько тягость земли , и что въ нихъ заключается все просперанство величія разумаго творенія ; увѣрился , что свѣтъ наукъ возводитъ насъ выше услажденій чувственныхъ и указываетъ улѣшенія душевныя , сопровождаемыя пользою , какою обрѣпаемъ отечество въ существованіи нашемъ.

Ж а

Почерпають новия познанія изъ своихъ размышленій, пользоваься и чужими сужденіями — почитавъ Плавильщиковъ единственною пищею своего любопытства. Часто въ дружескомъ кругу своихъ поварищей читывавъ онъ наизусть цѣлые монологи изъ трагедій. Сумарокова, и читывавъ громко, ясно, съ приличными шлодвиженіями. И тогда еще сила чувствованія, порывы восторга оплечали рѣзкое его произношеніе; и тогда еще въ немъ видѣнъ былъ зародышъ таланта, коимъ въ послѣдствіи имя его сдѣлалось извѣстнымъ. Кто не знаетъ, что и одно зернышко превращается въ обильную жатву, и одна зеленая вѣточка распложається въ дремучій лѣсъ? — Не смотря на запрещеніе родителей, почитавшихъ театральныя зрѣлища опасными для благонравія; не смотря на недоспаюкъ въ деньгахъ и во времени, которое посвящавъ учебнымъ предметамъ, не рѣдко, даже украдкою, находилъ случай и средства бытъ въ театрѣ, и чѣмъ чаще удовлетворялъ сему желанію, тѣмъ болѣе усиливалась въ немъ склонность къ искусству театрального предствленія. „Забава, исправляю-

щая нравы — говаривалъ онъ — естъ сча-
сплавѣйшее изобрѣшеніе ума человѣческаго.
Что плѣнительнѣе живой картины, гдѣ добро-
дѣпель, яркими красками изображенная, плѣ-
няетъ душу, а порокъ, выставленный во всей
своей гнусности; производящъ отвращеніе и
ужасъ?»

Удивительно ли послѣ сего, что спре-
мленіе къ предмету, для коего человекъ чув-
ствуешь себя какъ бы predeterminedнымъ,
поржествуетъ въ немъ надъ всеми препят-
ствіями? чудно ли, что и въ Плавильщико-
въ спрасть къ шеатру возрастала поспе-
ленно? А противъ сильной склонности,
въ молодыхъ лѣтахъ, что устоять можешь?
Это попокъ, въ быстромъ кипѣніи своемъ все
увлекающій. Талантъ *Дмитревскаго*, о ко-
емъ и въ Москвѣ говорили все любители изя-
щнаго, не выходилъ у него изъ мыслей; и
днемъ и ночью мечпалось ему поржество се-
го соперника Росціевъ и Гарриковъ; и въ об-
щеснѣ и въ уединеніи потрясали слухъ его
слова: *счастливъ Княжничъ, что родил-
ся во времена Дмитревскаго!* — слова,
сказанныя Авпоромъ Типова милосердія, вос-

хищеннымъ превосходною его игрою въ сей трагедіи. Въря внушенію сей спраспи, какъ Сократъ духу, располагавшему его мыслями и дѣлами, Плавильщиковъ изъ святилища наукъ перешелъ во храмъ Таліи и Мельпомены.

Въ 1779 году, будучи еще 20 лѣтъ, вступилъ онъ на Пешербургской придворный Театръ, въ то самое время, когда Дмитревскій, Вожаковъ и Лапінъ возносились талантами своими предъ прочими актерами, какъ орлы предъ обыкновенными пипицами. Директоромъ театра былъ тогда Тайный Совѣтникъ, Василій Ильичъ Бибиковъ. Имѣя привлекательную наружность, станъ видной и красивой, черты лица выразительныя, пріятныя и вмѣстѣ мужественныя, свѣтлой и благозвучной голосъ, крѣпость и силу въ груди, сверхъ того приобрѣвши правильныя познанія въ Россійскомъ Краснорѣчїи и Поэзіи, могъ ли Плавильщиковъ не понравиться и самымъ разборчивымъ цѣнителямъ талантовъ? Всѣ приняли его съ рукоплесканіемъ. Робость и сомнѣніе, обыкновенные спутники необыкновенныхъ дарованій, начинающихъ развертываться, поспешенно въ немъ уменьшались и

уступали мѣсто самонадѣянности, которая сопровождается успѣхами, если только зоркой умъ не позволяеть себѣ ослѣпляться излишнимъ самолюбіемъ, и напрошивъ болѣе обнаруживаеиъ недоспашки, если слишкомъ мечтаеиъ о своихъ достоинствахъ. *Хоревъ* въ трагедіи Сумарокова и *Секстъ* въ Типовомъ милосердіи, были первыя роли, съ успѣхомъ имъ сѣигранныя. Чѣмъ чаще дѣйствоваль Плавильщиковъ, тѣмъ ревностнѣе углублялся въ свой предметъ, тѣмъ ближе подходилъ къ своей цѣли: угождаиъ слуху, взорамъ, уму и сердцу зрителией — и никпо не отказываль ему въ похвалъ справедливой. И шаги, и пѣлдвиженія, и взгляды, и слова — все старался онъ покоряиъ правиламъ, принаровляиъ къ образцамъ, опъ него избраннымъ, подводилъ подъ число и мѣру. Ему извѣстно было все, написанное Аристоцелемъ и Квинтилианомъ, Сульцеромъ и Лагарпомъ, касательно сего искусства. Изображалъ ли онъ *Оскольда*, неколебимаго въ твердоспи и величии духа, или *Тита*, богоподобный образецъ милосердіа и кропоспи, или *Синава*, чувствительнаго и пылкаго;

представлялъ ли *Димитрія*, перзаемаго злою бою и опчаяніемъ, или *Ярба*, бѣснующагося отъ ревности, или *Магомета* коварнаго и вѣроломнаго — вездѣ блисталъ своимъ искусствомъ, вездѣ собиралъ дань рукоплесканій.

Быстрыя измѣненія въ лицѣ, сообразныя внутреннему чувству, игра глазъ, гибкость въ голосъ, всегда примѣнявшаяся къ спрашки и обспопашельствамъ, не рѣдко давали ему преимущественно предъ многими шоварищами, даже и шѣми, которые, за нѣсколько лѣтъ прежде его вступивши на сцену, почитались уже опытными въ своемъ искусствѣ. Не въ однѣхъ роляхъ Царей, вельможъ и чиновниковъ, въ коихъ встрѣчается болѣе чувствованій и глубокомыслія, нежели дѣйствія, но и въ роляхъ забавныхъ Плавильщиковъ былъ превосходенъ. Отъ важнаго тона, пылкихъ спрашекъ и понокъ въ умствованій умѣлъ онъ переходить въ чувства обыкновенныхъ людей, умѣлъ говорить языкомъ просподушія. Играя въ трагедіяхъ, не выпускалъ онъ изъ виду правила, что надобно распроташъ сердца зрителей жалосшію,

или поразить ужасомъ. Въ комедіяхъ помнилъ стихъ Сумарокова :

Смѣшишь безъ разума даръ подлыя души —
и почиталъ непрощительными выраженія,
прошивныя благонавію, и гнушался всѣми
двузначеніями, напоминающими чію-нибудь
низкое и поспыдное.

Вопль случай, доказывающій, сколько онъ способенъ былъ опличаться даже и въ
такихъ роляхъ, къ коимъ совсѣмъ не го-
вился. Въ тѣ дни, когда назначались спек-
такли въ эрмитажъ, блаженной памяти Им-
ператрицы ЕКАТЕРИНѢ II подносимъ былъ спи-
сокъ театральныхъ сочиненій, изъ коихъ Она
избирала тѣ, кои болѣе другихъ Ея Величе-
ству нравились. Однажды въ числѣ многихъ
помѣщена была и комедія: *Бобыль*, сочине-
ніе Плавильщикова. Императрица угодно
было опмѣшпизъ ее для представленія. Въ 7
часовъ вечера по обыкновенію Ея Величество
изволила прибыть въ театръ, и при первой
сценѣ подозвавъ къ себѣ Директора театра,
Гна. Соймонова, сказала: *Кстати велите
свиграть того же Автора комедію:
„Мѣльникъ и Сбитеньщикъ соперники.“*

Воля ЕКАТЕРИНЫ была закономъ. Въ ту же минуту разсланы повѣстки, чѣмъ явились актеры для послѣдней пьесы. Гардеробъ и прочія принадлежности приготовили. При самомъ дѣйствіи *Бобыля* увѣдомляющъ Директора о болѣзни актера, коему надлежало играть роль старосты Филипа. Чѣмъ дополнить недоспатоку? Начальникъ принужденнымъ нашелся доложить Императрицѣ о невозможности предсавить означенную пьесу. Прозорливая Монархиня, умѣвшая цѣнить и ободрять дарованія, изволила сказать: *Пусть же здоровой замѣнитъ больнова. Плавильщиковъ, какъ Асторъ, можетъ сыграть Филипа* — и Плавильщиковъ поддержалъ выгодное о себѣ мнѣніе: для него не было затрудненій, какъ скоро открывался случай блеснуть своимъ талантомъ, а особливо при Высочайшемъ присутствіи Августѣйшей Покровительницы Изящныхъ Искусствъ. — *Я готовъ!* отвѣчаетъ онъ Директору, поспѣшь переодѣвается, пробѣгаетъ роль, и изъ Честина, молодого Рускаго барина, перваго дѣйствующаго лица въ *Бобыль*, вдругъ превращается въ пожилаго старосту

Филипа. Піеса свержъ чаянія сыграна весьма удачно. Императрица неоднократнымъ рукоплесканіемъ изволила извѣялять Свое удовольствіе. Сверхъ того, по окончаніи спектакля, чрезъ Дирекшора приказала объявить ему Свое благоволеніе. Сія комедія еще три раза сряду была представлена на томъ же театръ. Вскорѣ послѣ сего Государыня изволила пожаловать Плавильщикова золотую шабакерку; а черезъ годъ, снова опличившись на сценѣ, имѣлъ онъ счастье получить золотыя часы, жемчугомъ осыпанныя.

Вопль и другое обшояшельство, приносящее честь присутствію духа и искусству Плавильщикова. На театръ, бывшемъ на Царицынскомъ лугу, обвѣщено было о представленіи въ первой разъ трагедіи, подъ названіемъ: *Антигона*. Театръ уже наполнился зрителями. За вѣсколько минутъ до поднятія занавѣса, актриса, коей надлежало играть первое лице, нечаянно занемогла. Плавильщиковъ, бывший тогда распорядителемъ ролей, симъ непредвидѣннымъ случаемъ, вспревозможился до крайности. За десять минутъ до представленія можно ли приготоуовить но-

вую піесу? Какъ бы то ни было, онъ рѣшил-
ся успокоить Публику — и въ полъ короче-
кое время выбралъ двѣ: мелодраму *Пигмали-
онъ* или *сила любви*, въ которой самъ
обыкновенно игрывалъ, и комедію *Недоросль*.
Но воишь препятствіе: Г. Соколовъ, играв-
шій Тараса Скопинина, также былъ боленъ.
Чѣмъ пособишь горю? Желая угодить Публи-
кѣ, и эту роль играть онъ рѣшился. Кому
не покажется спраннымъ переходъ оныхъ лица
важнаго и занимательнаго къ смѣшной обра-
зинѣ Скопинина! Не смотря на то, что
Плавильщиковъ никогда не училъ и почти не
успѣлъ прочесть этой роли, сыгралъ ее какъ
не лзя лучше. Зрители приняли его съ оп-
лчнымъ одобреніемъ. Въ обѣихъ піесахъ
дѣйствовавъ онъ столь удачно и даже прево-
сходно, что одинъ изъ пріѣзжихъ, не зная
его лично, бѣдся обѣ закладъ, что двѣ оныя
роли не одинъ, а разные актеры играли.

Подобно Лекеню, возстановлявшему хо-
рошія трагедіи, кои упали на Парижскомъ
театрѣ, какъ увѣряетъ Лагарпъ въ своемъ
Лицеѣ; подобно Тальмъ, искусствомъ своимъ
вокресившему трагедію: *Карль IX*, конче-

рая, нѣсколько лѣтъ покоившись между оставленными и пылью покрытыми театральными пьесами, явилась на сценѣ, и болѣе 40 разъ сряду была играна — Плавильщиковъ, какъ разборчивый знапокъ драматическихъ сочиненій, неоднократно выводилъ на сцену забытыхъ достоинствъ Авторовъ. Онъ поднялъ упавшую драму: *Честный преступникъ*; роль Олбана, которую актеры считали мало значущею, представилъ въ полномъ блескѣ, и поварящамъ своимъ далъ почувствовать, сколько они ошибались. *Побѣда невинности*, или *любовь хитрѣ осторожности*, оригинальная комедія, о которой въ продолженіе 16 лѣтъ никто не вспомнилъ, не смотря на преимущества, ее опличающія, имъ же была поставлена на сцену. И здравомыслящіе охотники до своего признавались, что Плавильщиковъ, весьма удачно представлявшій Честнодума въ этой пьесѣ, сдѣлалъ имъ чрезъ то большое одолженіе. „Хвала и честь ему!“ — говорили они: „умѣя чувствовать цѣну изящнаго, пробуждаетъ онъ уснувшія достоинства (*)!“

(*) См. Сѣверный Вѣстникъ, Часъ I.

Кромѣ того, что Плавильщиковъ; какъ лучший актеръ, какъ распорядитель ролей, имѣвшій подъ своимъ надзоромъ театральную библіотеку, и вмѣстѣ съ Гм. Дмитриевскимъ бывшій надзирашаемъ представлений (*), занятъ былъ весьма много, находилъ еще время преподавать въ Академіи Художествъ и въ Горномъ Корпусѣ правила Россійской Словесности. Хотя бралъ онъ себѣ въ образецъ Рипорику Ломоносова, а иногда руководствовался и чужезпранными Писателями; но расположеніе правилъ, способнѣйшее къ наученію юношества, но выборъ лучшихъ примѣровъ, но простота разсказа, ясностью и точностью опличавшагося — все было собственнаго его изобрѣшенія.

Сколь ни лестно было вниманіе, которое обращали въ Петербургъ на театральное поприще Плавильщикова; сколь ни значительными выгодами пользовался онъ отъ своего искусства: но привязанность къ родинѣ пересилила въ немъ все, пріятное для самолюбія. Проведши 14 лѣтъ на Придворномъ

(*) См. Описаніе С. — Петербурга, Часть III, стр. 641.

театръ, въ 1795 году перешелъ онъ на Московской. Здѣсь явился онъ въ первой разѣ на сценѣ въ трагедіи: *Безбожный* — и многочисленное спеченіе зрителей, ихъ восторгъ, ихъ удивленіе превзошли его ожиданіе. Искусство его, соединенное съ крѣпостию въ груди и звучностию голоса, умѣло выдерживать такую роль, оцѣнкой которой у всякаго дѣйствующаго лица испостились бы, кажется, силы и перепѣніе. Представляя *Клердона*, пылкаго молодого человека, сдѣлавшагося жертвою своихъ заблужденій, однимъ извергомъ влеченаго въ распушество, оппавшаго отъ вѣры, обогрившаго руки своей кровію друга и испытавшаго всѣ ужасы, сопровождающіе злодѣйство, заставлялъ онъ и зрителей содрогаться: чувствва его съ равною быстротою переливались въ ихъ души. — И въ *Беверлеѣ*, преступникъ отъ игры, разорившемъ свое семейство, умѣлъ онъ потрясать сердца, возбуждая состраданіе, извлекавъ слезы. — И во *Владисанѣ*, гонимомъ отъ похищателя его престола, скрывавшемся въ своей гробницѣ, забытомъ отъ всѣхъ, кромѣ друга и супруги, наконецъ восщоржествовавшемъ надъ

честюлюбиемъ и злобою, умѣлъ онъ пльнѣннѣ благородствомъ чувствованій, возвышенностью мыслей, умѣлъ показати истинное величїе Царскаго сана. — И въ *Рославѣ* совершенно понималъ характеръ сего Героя, и съ точностью изображалъ внутреннїя ощущенїя, данныя ему Авторомъ. Всѣ зрители единогласно одобряли разборчивой вкусъ и счастливой выборъ Плавильщикова, для своего бенефиса поставившаго сію пїесу на Московскомъ театрѣ. Съ какою выразительностью произносилъ онъ слова:

Рославъ я въ лаврахъ былъ, и въ узахъ я Рославъ!
 Съ какою благородною самонадѣянностью клялся успояти прошиву всѣхъ обольщеній, опразити всѣ угрозы, презрѣти всѣ опасности и даже самую смерть! Ни одно изъ лучшихъ мѣстъ, ознаменованныхъ печашю выпренности, въ его произношенїи не лишилось надлежащей значительности своей — и рѣдкія растенїя, изъ садовъ Расина и Корнеля Княжнинымъ пересаженныя на опечесшвенную землю, не утратили ни цвѣта, ни благовонїя. — И въ *Леарѣ*, гонимомъ дѣшми неблагодарными, истинно - прагм-

тескимъ положеніемъ несчастнаго спарца умѣлъ онъ возбудить ужасъ и жалость въ сердцахъ зрителей. — Часпо видали мы его и въ *Эдипѣ*, или лучше сказать, въ немъ *Эдипа*. Сія роль ему одному принадлежала: она сосставляла верхъ его искусства. Въ ней не уступалъ онъ и Шушерину, котораго игру многіе почитали неподражаемою. И дѣйствовашель и зритель, кажешся, забывали — первый, что онъ на сценѣ, а другой, что онъ передъ сценою. „Никто другой — сказано въ *Вѣспникѣ Европы* (*) — не представилъ намъ такъ хорошо жалкаго слѣнца, обременнаго ужаснѣйшими бѣдствіями, и единственную опраду находящаго въ нѣжномъ участіи своей дочери. Плавильщиковъ игралъ *Эдипа* превосходно, и доставлялъ зрителямъ все то удовольствіе, какого ожидать можно было отъ его таланта, свѣдѣній и опытности.“

Въ Драмахъ и Комедіяхъ не менѣе видно было его искусство. Какъ натурально представлялъ онъ въ *Отцѣ семейства* добродуш-

(*) 1810 года, No 24 й.

наго Чадолубова, превожимаго пылкими спра-
 сшиями дѣшей своихъ, оскорбляемаго безразсуд-
 ными ихъ поступками и неусыпно заботив-
 шагося дажь имъ почувствовать, что семей-
 ственное спокойствіе сладостнѣе всѣхъ удо-
 вольствій, и что порядокъ и благоденствіе
 суть плоды строгаго блюденія своихъ обязан-
 ностей. — Всякой разъ, / когда играли *Не-
 нависть къ людямъ и раскаяніе*, видѣли
 мы въ немъ насмѣющаго Мейнау, уединенна-
 го, отказавшагося отъ общежитія и почи-
 тавшаго людей врагами своими. — Въ *Сынѣ
 любви* роль Пасшора всегда была одушевляе-
 ма искуснымъ его чтеніемъ. Никто лучше
 его не могъ выразить убѣдительныхъ испинъ
 и сильныхъ доказательствъ, могущихъ приве-
 сти въ раскаяніе обольстителей невинности. —
 Въ комедіи: *Ботъ, или Англійской купецъ*,
 прекрасно изображалъ онъ причудливости бо-
 гатаго, пылкаго и спраннаго, но весьма
 добродушнаго чловѣка, которому все хотѣ-
 лось передѣлать по своему. — Въ *Сибирякѣ*,
Школѣ злословія и *Серебряной свадьбѣ*
 не только забавлялъ, но и очаровывалъ. Душа
 изображалась на лицѣ его, а глаза показыва-

ли все, что сказать онъ намѣревался. „Въ огромномъ репертуарѣ Плавильщикова — скажемъ словами Г. Ильина (*) — не было роли, которую бы онъ испортилъ, не было спектакля, копорой бы онъ больше или меньше не украсилъ. Трудно, чтобы ктонибудь другой могъ съ такимъ искусствомъ подбирать свойственные поны для словъ, кои надлежало оплечь другими выразить. Чтение его было масперское, какого мы не слышимъ уже болѣе на театрѣ нашемъ.“

Имѣвъ основательное понятіе о Мимикѣ, сей пихой и нѣмой игрѣ, онъ зналъ, что можно говорить выраженіемъ лица и плѣодвиженіями, и сіе знаніе употреблялъ въ надлежащемъ мѣстѣ, въ свое время. Ему также извѣстно было, что костюмъ, составляя необходимую красу театра, производитъ сильное впечатлѣніе какъ на зрителей, такъ и на дѣйствователей — и характеръ его,

---

(*) Краткая біографія Плавильщикова и взглядъ на театральное его поприще помѣщены въ Вѣспникѣ Европы 1815 года, № 10. Тамъ же можно видѣть и портретъ его.

одяніе, оружіе и самая фізіогномія въ по-
чности сообразовались съ ролюю.

Но кто можетъ похвалиться совершен-
ствами своими? И природа слабѣ дѣйствуетъ
послѣ великихъ усилій; и нива опдыхаетъ
послѣ богатой жатвы. Чудно ли, что чело-
вѣкъ впадаетъ въ погрѣшности?.. И Пла-
вильщиковъ не всегда, кажется, удерживалъ
себя въ предѣлахъ умѣренности: давая изли-
шнюю волю голосу, перялъ иногда равновѣ-
сіе въ игрѣ своей. Если эгоизмъ недоспадокъ
происходилъ въ немъ отъ излишней надежды
на свои наружныя и внутреннія преимуще-
ства: то сія слабость — не лзя не при-
знаться — уменьшала цѣну его достоинствъ.
Поработивъ себя самолюбію, мы уже не при-
нимаемъ ни чьихъ совѣтовъ, не видимъ даже
грубыхъ своихъ ошибокъ. Непроницаемая за-
вѣса заблужденія скрываетъ отъ насъ исти-
ну. Кто не испыталъ, какъ далеко завле-
каетъ гордая мысль: *такъ я думаю!* и
какъ спасительно мыслишь: *я человекъ — и
могу ошибаться!* Кто замѣчаетъ свои не-
доспадки, тотъ не утратитъ ни ясности, ни
чистоты въ душѣ своей: прозрачна вода въ томъ

ручѣ , у котораго на днѣ видна пила. Можеть бышь , неблагопріятныя обшояшельства , безпокойное расположеніе духа , ищощенныя болѣзнію силы — въ послѣдніе годы Плавильщиковъ спрадалъ одышкою — не допускали его дѣйствовашь , какъ бы надлежало при его дарованіяхъ и свѣдѣніяхъ. Надобно сказашь и шо , чпо не прежде , какъ въ преклонныхъ лѣтахъ его , Публика начала уже замѣчашь въ немъ погрѣшности — и погрѣшности шакія , которыя всегда были доказательствомъ необыкновеннаго таланта. Пооредсвенный актеръ , приближаясь къ старости , перяетъ всѣ свои силы ; опличный перяетъ только мѣру — не болѣе. Плавильщиковъ имѣлъ и соперниковъ , слѣдсвенно и завистниковъ — враги едва ли у него были ; — а завистники въ кого не пускають спрѣлъ своихъ ?... Какъ бы шо ни было , маловажныя погрѣшности не опшвемлюшъ блеска у преимущесствъ , коими украсили его природа и искусство. Какъ рѣки въ морѣ , слабости перяются въ талантѣ.

Любя успѣхи изящныхъ искусствъ , никогда не опказывался онъ помогашь совѣтами

младшимъ поварищамъ своимъ. Нѣкоторые изъ нихъ, отличившіе на нынѣшнемъ Московскомъ театръ, воспользовались его наставленіями и, къ особенной чести своей, помнятъ, чѣмъ ему обязаны. Одинъ изъ нихъ, уважая память своего наставника и благодѣтеля, прибѣгнувъ ко вдовѣ Плавильщикова съ просьбою, чѣмъ она сдѣлала ему величайшее одолженіе, уступивъ театральныя рукописи покойнаго. Какъ скоро исполнилось его желаніе, то сей подарокъ принявъ онъ съ восторгомъ, называлъ его сокровищемъ, и цѣловалъ слова, рукою Плавильщикова писанныя. Дѣлашь добро — пріятно; помнишь добро — похвально. Человѣколюбію сродно первое, благодарности — послѣднее.

Плавильщикову, какъ знапоку своего дѣла, препоручаемо было управленіе и частными театрами. Подъ его надзоромъ процвѣталъ театръ Князя Петра Михайловича *Волконскаго*. Сей почтеннѣйшій вельможа, въ пресстарѣлыхъ лѣтахъ своихъ не щадившій ничего для удовольствія родныхъ, друзей и знакомыхъ, имѣлъ справедливую причину хвалиться устройствомъ и мастерскою

игрою пружим своей: искусству и усердію. Плавильщикова она одолжена была успѣхами. Его же руководству ввѣрялъ свой шеатръ и Николай Алексѣевичъ *Дурасовъ*. Госпепримый хозяинъ прелеснаго Люблина, гдѣ въ лѣпнее время Московскіе жители наслаждались прогулками, зрѣлищами и угощеніемъ, *гдѣ легкой, свѣтлой домъ*, какъ говоритъ почтенный переводчикъ Делилевыхъ садовъ, *любуется собой надъ сребреннымъ прудомъ* — сей любитель спариннаго Рускаго хлѣбосольства умѣлъ цѣнить талантъ Плавильщикова, и всегда принималъ его какъ любезнаго своего собесѣдника.

И жители Казани имѣютъ понятіе объ искусствѣ его. Цѣлую зиму провелъ онъ тамъ, восхищая ихъ игрою своей. Это случилось вскорѣ послѣ того, какъ сгорѣлъ шеатръ Пешровской.

Сверхъ обязанностей по своему званію, Плавильщиковъ училъ декламации въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ. Ему одолжены были многіе воспитанники искусствомъ произносить рѣчи такъ, что ощущеніе души выражалось въ чертахъ лица,

голосъ и шѣлдвиженіяхъ. — Въ молодыхъ еще лѣтахъ училъ онъ въ Москвѣ и Россійской Исторіи по своей, едва ли, не самой удачной, методѣ. „Я изъявилъ желаніе — какъ пишешь онъ въ своемъ сочиненіи: *о своей старѣ Россіянь* — чтобы вся компанія, въ которой учились дѣти, обставлена была портретами нашихъ Государей. Желаніе мое исполнено — и дѣти, даже осмилѣвшія, выслушавъ мои объясненія и смотря на изображенія, безъ малѣйшей ошибки рассказывали всѣ любопытныя происшествія отъ Господымысла до нашихъ временъ.“ — Сказываютъ, что и Никиша Моисеевичъ Зотовъ, первый учитель ПЕТРА Великаго, такимъ же образомъ умѣлъ возбуждѣть въ младомъ Царевичѣ охоту къ изученію отечественной Исторіи.

Плавильщиковъ, ознаменовавшій театральное свое поприще блистательными успѣхами, заслуживаетъ воспоминаніе и честь, какъ Авторъ. Больше всего писалъ онъ для театра. Зная, что зрѣлище есть истинное зеркало дѣлъ человеческихъ, служащее къ просвѣщенію ума, исправленію нрава, изощренію вкуса, избиралъ онъ предметы любопытныя и на-

опавишельные. Какъ другъ людей, какъ врагъ всѣхъ возмущительныхъ правилъ, какъ усерднѣйшій Россіянинъ, онъ желалъ, чтобы въ театральныхъ сочиненіяхъ добродѣтель торжествовала, а порокъ терпѣлъ посрамленіе; чтобы опечесщенность оставляла первый предметъ ихъ. „Добрыя дѣла вездѣ привлекательны и любезны,“ — говорилъ онъ: „но постороннія добрыя дѣла постороннее имѣютъ и дѣйствіе надъ сердцами; а припомъ не все что добро въ Россіи, что почитается добромъ въ другихъ земляхъ. На что искашь далеко Патріотовъ и Героевъ? *Мининъ* и *Пожарскій* суть лица, достойнѣйшія прославленія на театрѣ: первый твердосію духа и любовію къ опечесшву, для коего жертвовалъ всѣмъ, что имѣлъ; а послѣдній непреодолимымъ мужествомъ и благороднымъ поступкомъ при возведеніи на царство законнаго Наслѣдника, извлекли бы у всѣхъ зрителей слезы, наполнили бы ихъ души и сердца восхищеніемъ.“

Съ симъ достохвальнымъ намѣреніемъ написалъ онъ двѣ трагедіи: *Рюрикъ*, и *Ермакъ*, покоритель Сибири, которыхъ

были играны на Петербургскомъ и Московскомъ театрахъ. Правда, въ сихъ сочиненіяхъ, равно какъ и въ трагедіи его: *Тахмасъ Кулыханъ*, не вездѣ видно строгое наблюденіе драматическихъ правилъ, не вездѣ выдержаны характеры, и строгая критика найдетъ въ нихъ разговоръ нѣсколько холодной и даже распянутой: за то главная цѣль трагедіи: чувство добра, не выпущена изъ виду; за то вездѣ возбуждается въ зрителѣ удивленіе къ геройству, состраданіе къ невиновнымъ жертвамъ злобы, негодованіе противъ утѣшенія. Многимъ ли доспалось въ удѣлъ бытъ любимцами Мельпомены? многіе ли у насъ могутъ спояты на ряду съ Княжвинымъ и Озеровымъ? И самый пворецъ Россіады едва ли увеличилъ славу свою драматическими сочиненіями. — Трагедія *Ермакъ*, въ коей изображается Герой, изгладившій свое преступленіе, имѣетъ также недоспапки: въ ней немного трагическаго, слоги нѣсколько надупы, явленіе пѣни спранно и неумѣстно. — Но и самый Вольперъ въ *Семирамидѣ* своей прибѣгалъ къ пѣнямъ: Ниавъ его не больше, какъ привидѣніе. Въ этомъ укорялъ его и Фри-

дрикхъ Великій. — Авторъ *Ермана*, посвятивъ трудъ свой превознесенному имени АЛЕКСАНДРА I, надѣялся, что не прикоснется мракъ забвенія шамъ, гдѣ сіяетъ шоль лучезарное Имя — и не обманулся въ надеждѣ своей. Сія піеса принята съ Высочайшимъ благоволеніемъ: Плавильщиковъ имѣлъ счастье получить бриллантовой перстень. Послѣ перваго представленія (1809 Января 13) сей піесы, въ Драмагическомъ Журналѣ напечатаны были *Къ тѣни Ермана* слѣдующіе стихи :

О тѣнь почтенная, заслугами вѣнчанна,
 Чѣмъ грознымъ копіемъ невѣрныхъ власть
 погнанна,
 Кто къ снпшпру славному дорогу намъ
 открылъ,

Невѣрныхъ побѣдя, ихъ царство покорилъ!

Геройскихъ душъ къ оспрадѣ

Ты блещешь въ Россіадѣ;

И Дмитріевъ и Львовъ

И прозой и стихами

Вселенной предъ очами

Сплели шебъ вѣнцы для памяти вѣковъ.

Но чшобы болѣе геройству удивлялись,

Чшобъ видя подвиги твои, мы восхищались,

Плавильщиковъ шебя собою намъ явилъ,

И доблестію швоей вѣхъ зрителей плѣнилъ.

Въ Комедіяхъ Авшоръ нацѣ былъ гораздо счастливѣе. Всѣ онѣ близки къ народнымъ правамъ, и опдичаются выраженіями, приличными предметамъ и содержанію; узлы въ нихъ довольно остроумно связаны, а развязки удачны. Хотя онѣ выводилъ на сцену людей по большей части изъ послѣдняго состоянія, такихъ, отъ коихъ, по замѣчаніямъ крипики, не чему научишься, и коихъ просонародныя слова изображаютъ только грубыя понятія; однакожъ комедіи его не перяютъ чрезъ то цѣны своей: доброе дѣло, къмъ бы и гдѣ бы оно совершено ни было, не перяетъ неопбемлемаго права на почщеніе, любовь и подражаніе; а истина, и простымъ языкомъ сказанная, въ тысячу разъ лучше бредней, блестящихъ подборомъ словъ прикрашенныхъ. Сказываютъ, что и Мармоншель порицалъ Плавта за то, что онѣ въ комедіяхъ своихъ слишкомъ сообразовался со вкусомъ черни, и прибѣгалъ въ низкимъ шупкамъ; а Плавтъ заслужилъ похвалу и отъ Горація и отъ Цицерона.

Плавильщиковъ написалъ пять комедій: *Братъ Своелодовы, Сидѣлецъ, Сговоръ Кутейкина, Бобыль, Мѣльникъ и Сбитень*.

щикъ соперники. Есть между ими и слабыя; по крайней мѣрѣ нѣтъ недосапка въ смѣшномъ, на которое и Автору, впрочемъ спрогому блюстителю благоприсшойности, позволяешся обращать свое вниманіе, коимъ и зрители могутъ забавляться; по крайней мѣрѣ нѣтъ прищорной чувствительности, кою блиспали помные Зигварды, опчаянные Верперы и новые Сперны; нѣтъ штова сору, которой, по мнѣнію Коцебу, долженъ быть выметаемъ въникомъ сапирь. „Надобно быть довольнымъ, говоритъ Вольтеръ, если въ сочиненіи встрѣщися что нибудь хорошее.“ И справедливо: розы благоухаютъ не на всякой долинь. — Комедія *Бобль* почиается лучшею. Смѣшныя явленія, ошрыя, хощя прещонародныя шупки ея всегда занимали и будущъ занимать всякаго рода зрищелей. Она и до сихъ поръ составляетъ пріятное для Рускихъ зрѣлице. Плавильщиковъ зналъ обыкновеніе восщочныхъ народовъ, которые посщипителей своихъ окуривали ароматами и опрыскивали розовою водою: почиая зрищелей и чищашелей гостями своими, онъ досщавлялъ имъ удовольствіе

угощеніемъ, чистою нравственностію и благоприспосойностію приправленнымъ. Все, оскорбляющее стыдливость, было противно его вкусу.

Его Драмы : *Графъ Вальтронъ* , или *военская подчиненность* , *Ленса* , или *дикіе* , хотя уступають лучшимъ сею рода сочиненіямъ , отличаются однакожь правильностію расположенія и занимательностію содержанія. — Между прочими сочиненіями его заслужили особенное одобреніе : *Разсужденіе о врожденномъ свойствѣ Россіянкъ* , и *Нѣчто о Театрѣ*. Прочитавши ихъ , всякой увѣрился , что Авторъ , при основательныхъ свѣдѣніяхъ , умѣлъ разнообразить и ясно предлагать свои мысли , написанныя любовью къ истинѣ , усердіемъ къ опечеству. Сии піесы служатъ украшеніемъ *Зрителя* , Петербургскаго Журнала , въ изданіи котораго онъ участвовалъ вмѣстѣ съ Гг. Крыловымъ и Клушинымъ.

Двѣ Оды его : на *Заключеніе мира со Шведами* , и на *Коронованіе АЛЕКСАНДРА I* , исполнены зрѣлыхъ мыслей и сильныхъ выраженій. Въ первой изобразивъ подвиги ужаснаго во браняхъ Чичагова , неуспра-

димаго Повалишина и Ханькова, мужеспивеннаго Спиридова и Лежнева, рѣшительнаго Пушкина и Салтыкова, прославилъ и великую Монархиню, умѣвшую творить Героевъ и содѣлать Свое царспіваніе блиспапельнымъ. Во вѣкорой свѣ восторгомъ Поэзіа описавъ ту минушу, въ копорую *вся въ радость облеклась Россія*, предсказалъ и благоденспвіе, коимъ наслаждаешься имѣюшъ счастье всѣ Россіане, покоющіеся подѣ благословеннымъ скипетромъ Безпримѣрнаго во Владыкахъ земныхъ. Вотъ одна строфа сей Оды:

Кто въ міръ вѣкъ златой воспавишъ?
 Воспавишъ АЛЕКСАНДРЪ его.
 Кто царства дни Его прославишъ?
 Царя премудрость своего
 Богошворящій Россъ счастливыи;
 Онъ бросишъ громъ, сорвешъ оливо.
 Гдѣ АЛЕКСАНДРЪ, памъ — съ нами Богъ!
 Речешъ — и жизнью миліоны
 Расшоргнушъ вражески препоны,
 Сошрушъ надмѣнный злости роги.

Третья Ода на *взятіе Очакова* (1788 года) поднесена была ЕКАТЕРИНѢ II. При семъ случаѣ Авторъ имѣлъ счастье получить ошъ

Ея Величества 200 червонныхъ. Сія Ода была напечатана, но, къ сожалѣнію, нигдѣ не отыскана. Сему же жребію подверглись и другія его сочищенія, какъ то: Комедія *Парикъ*, игранная на Московскомъ шаепрѣ, и *Чистосердечіе*, писанная въ подражаніе комедіи Гжи. Жавлись, подѣ названіемъ: *Землія* или *искренность*; та же судьба постигла и сочищеніе: *Барской поступокъ*, истинное произшествіе. Сей послѣдній предметъ весьма удачно описанъ Гм. Карабатовымъ въ спихотворной повѣсти: *Великодушіе* (*). —

И Общество наше видѣло опытѣ прудовъ Плавильщикова (**). На вопросъ: „по чему прагедіи Древнихъ не основывались на любви, подобно новѣйшимъ прагедіямъ, и которія изъ нихъ преимущественнѣе? и проч.“ — отвѣчалъ онъ весьма удовлетворительнымъ Разсужденіемъ, которое заслужило одобреніе Рускихъ и даже иностранныхъ

(*) Смори IV ю книжку Чшенія въ Бесѣдѣ Любителей Рускаго слова.

(**) Членомъ Общества избранъ онъ былъ 29 Сеншября 1811 года.

Любителей Словесности (*). Вотъ заслуги Плавильщикова, который — скажу словами одного изъ ревностнѣйшихъ нашихъ Членовъ — составлялъ славу сцены Московскаго театра, и отличными познаніями своими умѣлъ возвысить и украсить свое званіе!

Остается еще одинъ вопросъ: „какія нравственныя свойства имѣлъ Плавильщиковъ?“ — Скажемъ нѣсколько словъ согласно съ чувствомъ и истиною: Природа надѣлила его расположеніемъ ко всему доброму и благородному. Наружность его почти никогда не противорѣчила внутренности; языкъ всегда согласовался съ сердцемъ. Его благодушіе держалось двухъ правилъ: не дѣлать никому зла, и дѣлать добро, сколько можно. Не выходили изъ его памяти слова безмерщаго нашего Лирика:

Не дѣлай ничего худова,
И самаго Сашира злова
Лжецомъ, презрѣннымъ сотворишь.

Дружество его не походило на барометръ, по временамъ измѣняющійся: оно было по-

---

(*). См. Но 28 й Сына Ошечества на 1816 й годъ.
Книжка XVII. И

сстоянно. Ни въ лицѣ, ни въ поступкахъ его не было ничего принужденнаго. *Лучше быть, нежели казаться*, говаривалъ онъ. Его опкровенность и веселость, его свобода и остроуміе всякому нравились. Счастливая память и способность здраво судить и легко объясняясь давали ему завидное право быть вездѣ любезнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. На всякой предметъ смотрѣлъ онъ съ любопытной стороны, и желаніемъ нравиться украшалъ занимательность разговора. Замысловатая шутка его, приправленная мастерскимъ произношеніемъ, могли развеселить и самую угрюмость, разгладить морщины и у брюзгливой старости. Чуждаясь прихотей, любилъ простоту и умеренность. Невоздержаніе и въ другихъ казалось ему непростительнымъ. При изобиліи не пускался въ роскошь; при недостаткѣ довольствовался малымъ, и, согласно съ почтеннѣйшимъ Авшеровъ *Бытія сердца моего*, думалъ:

Коль смѣшь однимъ — на что три блюда?
 Коль ешь кафтанъ — на что ихъ пять?
 Къ чему пошребна денегъ груда?
 Умрещь — съ собой вѣдь ихъ не взятьъ.

Корыстолобіе почитая спрасъю поспыдаю, Плавильщиковъ сыпаль иногда деньги со щедростью, свойспвенною богачу расточительному. Пылкость характера, копорой раздражался отъ упорныхъ противорчій, иногда опнимала у него власць управлять собою. Но кпо можеть похвалишься, чпобъ умъ его всегда повелъвалъ сердцемъ? Хотя оскорбленное самолюбіе препящеповало ему обуздывашь горячность свою; но онъ не долго оспавался въ заблужденіи, скоро возстановлялъ равновсїе въ душъ своей, порядокъ въ мысляхъ, спокойствіе въ сердцѣ, и обиду, неумыщленно кому-либо нанесенную, готовъ былъ загладить даже съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ выгодъ. Онъ былъ столько добръ, что всякой забывалъ его слабости. Терпѣливо сносилъ пересуды зависти и колкость клеветы, выше людскихъ рччей ставилъ гласъ совѣсти. Извѣдавъ на опытъ, что большая часть огорченій нашихъ зависить отъ химеръ воображенія, онъ вѣрилъ, что въ жизни болѣе сладости, нежели горести, и не только не ропталъ на судьбу свою при несчастіяхъ, но съ благодушїемъ поко-

рялся всеобъемлющей воля Промысла. Жизнь его служила доказательствомъ, что *полезнымъ можно быть, не бывши знаменитымъ*. Званіе его не мѣщало ему быть добрымъ Христіаниномъ, не мѣщало имѣть къ умъ одну мысль: есмь Богъ, всѣмъ управляющій; въ душѣ одно желаніе: жить не даромъ на свѣтѣ, не безъ пользы для другихъ; въ сердцѣ одну надежду: по смерти возродиться для лучшей жизни.

Признапельность была не послѣднею его добродѣтелью. Любя воспоминашь о юныхъ лѣтахъ своихъ, проведенныхъ въ здѣшнемъ Университетѣ, всегда съ чувствомъ благодарности произносилъ онъ имена своихъ наставниковъ, коимъ особенно одолженъ былъ успѣхами въ наукахъ. Больше всего дѣлаетъ ему честь истинная приверженность къ опеченству, сей отблескъ сердца чувствительнаго и ума образованнаго. „Я Россіянинъ — вопль почтенныя слова его — и любилъ Россіяныя почитаю первымъ и единственнымъ закономъ моего сердца. Богъ даровалъ мнѣ все, произведши меня на свѣтѣ въ Россіи. Вопль гор-

досць души моеи! Право обожать мое опечесство равняешь меня со всѣми.“

У Вась, почтенные Члены сего Общества! у Вась еще въ свѣжей памяти, сколько онь радовался распространению опечесственного слова, и сколько огорчался, слыша въ разговорахъ и находя въ сочиненіяхъ выраженія и обороты, изъ иноспранныхъ языковъ почерпнушые. Зная богатство нашего языка, никогда не позволяль онь себѣ прибѣгать къ скудосци словъ чужеземныхъ, и досадовалъ, даже измѣнялся въ лицѣ, когда принужденъ былъ слышать пакія опступленія опъ чистоты слога. „Не стыдно ли намъ — гвариваль онь — обходить чистой испочникъ, и прищомъ свой, наследственной, а чужія блестящія песчинки почипать золопомъ? Все чужое перенимать, значить своего не понимать. Вникнемъ полько въ свое собственное, и найдемъ, чѣмъ плѣняться, найдемъ даже и то, чѣмъ удивить самыхъ чужеспранцевъ.“ — Таковъ былъ образъ мысли покойнаго нашего Сочлена.

Въ 1812 году, когда уже враги угрожали вшоргнувшись въ сердце Россіи, Плавильщиковъ за вѣрное полагалъ, что буря не разразится надъ нами, и не думая о принятіи мѣръ къ удаленію изъ Москвы, укорялъ даже другихъ въ робости и малодушіи. Наконецъ, когда грозныя военныя тучи скопились уже надъ Москвою, самъ увѣрился, что нужно было спасать себя отъ бѣды неминуемой. Изнуренный болѣзнію и мучимый поскою о несчастіи, постигшемъ отечество, 1-го Сентября въ вечеру выѣхалъ онъ съ семействомъ, и остановился Тверской Губерніи Бѣжецкаго уѣзда въ селѣ Ханеневѣ. Жестокая болѣзнь, которая поспешенно усиливалась по недостатку во врачебныхъ пособіяхъ и по причинѣ горести, снѣдавшей его сердце, сократила жизнь его на 53-мъ году отъ рожденія, 18 Октября того же года.

И родство, и дружба, и любовь оплакивали его потерю, и до сихъ поръ чувствуютъ, и долго не забудутъ ее. Вдова и малолѣтній сынъ остались послѣ него сиротами. Безопрядное горе было бы ихъ долею, если

бы всеблагій Промыслъ державною рукою благословеннаго АЛЕКСАНДРА не низпослалъ имъ ушщшенія. Всемилоспивщій Государь, въ уваженіе придцапи двухъ лщпней службы Плавильщикова, благоволилъ опредщлить вдовщ его 1250 рублей ежегодной пенсіи.

Добрый Плавильщиковъ! твои труды и дщла оставили по себщ памятникъ: ты — не весь во гробщ. Не одни близкіе къ тебщ по родству и дружбщ съшуютъ объ управщтвщ твоей. И сіе почтенное Общество, въ которомъ ты пославлялъ себщ за честь бытъ ревностнымъ Членомъ, чувствуешь, что тебщ уже не спало. Покойся до вождельннаго пробужденія!.... Тамъ, гдщ не будешъ уже разлуки, снова обнимемъ тебщ, снова назовемъ своимъ другомъ и братомъ.

П. Побщдоносцевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,
Государынь Великой Княгини
АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВНЪ.

Изобразу-ль души смятенной чувство?
Могу-ль найши согласный съ нимъ языкъ?
Что лирный гласъ и что пѣвца искусство?...
Ты слышала сей милый, первый крикъ,
Младенческой привѣтъ существованью;
Ты зрѣла блескъ проглянувшихъ очей,
И прелесть устъ, открывшихся дыханью!...
О какъ дерзну я мыслію моею
Приблизиться къ симъ тайнамъ наслажденья?
Онъ пролетѣлъ, сей грозный часъ мученья!
Его смѣнилъ небесный гость, Покой,
И пищина исполненной надежды! —
И первымъ сномъ сомкнувъ безпечны вѣжды,
Какъ Ангелъ спишь Твой Сынъ передъ Тобой...
О Матерь! кто, какой языкъ земной
Изобразитъ сіе очарованье?...
Что съ жизнію прекраснаго дано,
Что намъ сулитъ въ грядущемъ упованье,
Чѣмъ прошлое для насъ озарено:
И темное къ безвѣстному отрешенье,
Книжка XVIII. А в

И ясное для сердца Провидѣнье,
 И что душа небеснаго досель
 Въ самой себѣ невѣдомо скрывала . . . . ;
 То все шеперь безъ словъ Тебѣ сказала
 Священная младенца колыбель !

Забуду-ль мнѣ , навѣки незабвенный,
 Когда шепнулъ мнѣ тихій вѣспи гласъ,
 Что насупилъ рѣшительный Твой часъ ! —
 Безвѣспности волненіемъ спѣсенный,
 Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
 На юный день живошворящимъ взглядомъ. —
 О какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирить !
 Безоблачны надъ пробужденнымъ градомъ,
 Какъ благодать, лежали небеса ;
 Ихъ мирный блескъ , молодой зари краса ,
 Всходящая , какъ новая надежда ;
 Туманная , какъ шаинство , одежда
 Надъ красотою воскреснувшей Москвы ;
 Безчисленны церквей ея главы ,
 Какъ олшари зажженные воспокомъ ;
 И вѣчный Кремль прошекшимъ мимо Рокомъ
 Непронупый свидѣтель Божества ;
 И всюду гласъ свяшаго поржешва ,
 Какъ будшо гласъ Москвы преображенной :
 Все , все душѣ являло ободренной
 Божешвенный спасенія залогъ ! . . .
 И съ вѣрою , что близко Провидѣнье ,
 Я устремлялъ свой взоръ на шопѣ черпогъ ,

Гдѣ Матери священное мученье
 Свершалось, какъ жертва, въ оный часъ. . . .
 Кцо выразишь сей часъ невыразимый,
 Когда еще сокрыто все для насъ,
 Сей часъ, когда два Ангела незримы,
 Податели конца иль быпія,
 Свидѣтели оправданія безвластны,
 Еще сподѣ въ невѣденіи, безгласны —
 И робко ждущъ, что скажетъ Судія;
 Кому изъ двухъ невозвратимымъ словомъ
 Иль жизнь, иль смерть велишь благовѣспити?
 О что въ сей часъ подъ шѣмъ сбывалось кровомъ,
 Гдѣ мигъ одинъ былъ долженъ разрѣшити
 Намъ Промысла намѣреніе тайно; —
 Угадывать я мыслью не дерзала!
 Но сладкій гласъ мнѣ душу проникалъ:
 „Здѣсь Божій міръ! ничто здѣсь не случайно!“ —
 И вѣрила безпрепятно душа . . . .
 Межъ шѣмъ, воспокъ спокойно соверша,
 Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой;
 Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ,
 И пищницы исполненъ величавой
 Торжественно державный Кремль споялъ!
 Казалось, все съ надеждой ожидало! . . .
 И въ оный часъ предъ мыслью моею
 Минувшее безмолвно воскресало!
 Сія рѣка, свидѣтельница давнихъ дней,
 Прошекшая межъ сполькихъ поколѣній,
 Спокойная межъ сполькихъ измѣненій,

Мнѣ славною блиспала стариною,
 И образы великихъ привидѣній
 Надъ ней, какъ дымъ взлепали предо мною!
 Мнѣ чудилось: развертывая знамя,
 На бой и честь скликалъ полки Донской;
 Пожарской мчалъ сквозь ужасы и пламя
 Свободу въ Кремль по трупамъ Поляковъ;
 Среди дружинъ, хоругвей и крестовъ
 Романовъ бралъ могущество Державы;
 Вводилъ полки безсмертья и Полтавы
 Чудесный Петръ въ Столицу за собой,
 И праздновашъ звала Екатерина
 Румянцова съ вождями предъ Москвой
 Ужасный пиръ Кагула и Евксина!
 И дальнія лѣша перелешъвъ,
 Я мыслю ко близкимъ успремился:
 Давно-ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій тѣлъъ!
 Давно ли Кремль разорванный дымился!
 Что зрѣли мы? во прахъ домъ Царей!
 Безславіе разбищыхъ олщарей!
 Свяшилища, лишенныя священи!
 И вся Москва, какъ гробъ среди пустыни!
 И что - жъ щеперь?... спую на мѣспѣ щомъ,
 Гдѣ сопосщашъ ругался надъ Кремлемъ,
 Сазженною люблюся Москвою...
 И щищина свящая надо мною!
 Москва жива! въ Кремль Семья Царя;
 Народъ, щѣщящъ къ щупенямъ алщаря,
 На праздникъ великомъ Воскресенья

Смиренно ждешь надежды совершенья,
 Ждешь милого пришельца въ Божій свѣтъ!...
 О какъ у всѣхъ душа заликовала,
 Когда молва въ громахъ Москвъ сказала
 Исполненный Создателя обътъ!
 О сладкій часъ, въ надеждѣ, въ опражѣ жданный!
 Гряди въ нашъ мѣръ, Младенецъ, гость желанный!
 Тебя узрѣвъ; колѣнопрклоненъ,
 Младой Отецъ, предъ Матерью спасенной,
 Въ жару любви рыдаешь, словъ лишень;
 Передъ Твоей невинностью смиренной
 Безмолвная Праматерь слезы льешь!
 Уже Москва Своимъ Тебя зовешь...
 Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
 Сбылось съ Твоей, младая Мать, душой!
 О, для Нее открылся мѣръ иной!
 Твое Дитя, какъ вѣспникъ благодатный,
 О лучшемъ Ей сказало бытіи;
 Чистѣйшія зажглись въ Ней упованья!
 Не для Тебя шеперь Твои желанья!
 Не о Тебѣ днесъ радости Твои!
 Младенчества обвитый пеленами,
 Еще безъ словъ, незрящими очами
 Въ Твоихъ очахъ любовь вспрѣчаетъ Онъ!
 Какъ пищина, Его прекрасенъ сонъ,
 И жизни вѣспь къ Нему не достигала,
 Но ужъ судьба свой судъ о Немъ сказала!
 Уже въ ея свящилищѣ спомнѣтъ
 Ему испишь назначеннаа чаша!...

Что скрыто въ ней, того надежда наша
 Во пшѣ земной для насъ не разрѣшитъ!
 Но Онъ рождень въ великомъ градѣ славы,
 На высотѣ воскресшаго Кремля! —
 Здѣсь возмужалъ Орелъ нашъ двоеглавый!
 Кругомъ его и небо и земля,
 Пивавшія Россію въ колыбели!
 Здѣсь жизнь Опцовъ великая была!
 Здѣсь бившы ихъ за честь и Русь кипѣла!
 И здѣсь ихъ прахъ могила приняла . . . .
 Обманешь ли сіе знаменованье? . . .

Прекрасное Россія упованье
 Тебѣ въ Твоемъ Младенцѣ опдаешь!
 Тебѣ Его младенческія лѣта!
 Отъ ихъ пленъ ко входу въ бури свѣла,
 Пускай Тебѣ во слѣдъ Онъ перейдетъ
 Съ душой, на все прекрасное гоповой,
 Наопавленный: достойнымъ счастья бытъ,
 Великое съ величїемъ своситъ,
 Не пренежалъ, встрѣчая рокъ суровой,
 И бытъ въ дѣлахъ время своихъ красой!
 Наступитъ часъ . . . Подвижника молодой,
 Опкинувши младенчества забавы,
 Отъ полетитъ въ пупъ опыта и славы . . .
 Да встрѣнитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
 Да славнаго учасника славный будешь!
 Да на чредѣ высокой не забудешь
 Святѣйшаго изъ званій: — человекъ!

Жить для вѣковъ, въ величїи народномъ,
 Для блага всѣхъ Своихъ позабывашь,
 Лишь въ голосъ Ощечества свободномъ,
 Съ смиренїемъ дѣла Свои чинашь. . . .
 Вопь правила Царей Великихъ Внуку! —
 Тебѣ открышь Ему сію науку!
 Теперь, едва проснувшійся душой,
 Предъ Матерью, какъ будто предъ судьбой,
 Безпечно Онъ играетъ въ колыбели;
 И радости младая прилетѣла
 Ея покой прекрасный оживлять!
 Житнейское онъ ней еще далеко!
 Храни ее, заботливая Мать!
 Твоя любовь всевидящее око!
 Въ Твоей любви святая благодать!

В. Жуковскій.

ГЛАСЪ БОЖІЙ ВЪ ГРОМЪ.

— Псаломъ 28 й. Подражаніе.

Хвала и слава! — Омъ гремишь, —
И горы шучь, какъ раши водишь!
Сыны боговъ! Царей сикклишь,
Вашъ Богъ и Сила въ бурихъ сходишь!
Гремишь гласъ Божій! — Смершный въ прахъ!
Сыны земли! благоговѣе!
Свяшному Имени хваленье
Въ свяшыхъ и жрещенихъ устахъ!
Хвала и честь во храмахъ Бога,
Въ черпугахъ пышныхъ богачей,
Въ смиренной хижинѣ убога
И въ кущѣ горешной скорбей!

Гласъ Божій на моряхъ, — холмамъ
Взбугрилась бездна: всюду мракъ!
Гласъ Божій грянулъ надъ водами,
И въ блескъ молній славы зракъ
На влажныхъ хлябяхъ ошраился; —
Богъ, гнѣва Богъ изобразился
Въ слянной мглѣ небесъ и волнъ; —
И Океанъ свѣдый лобзаелъ
Его снопы, смяшенья полнъ;

Хребетъ, волнуясь, оклоняется,
 Подъ ризой пламенной Его,
 Моря, не бойтесь, не бѣгите!
 Но славу Бога своего
 Хвалебнымъ престономъ гремите!

*

Гласъ Божій на горахъ — и гдѣ
 Краса ихъ главъ, вѣнцы зелены,
 Высоки дубы раздробленны,
 И пепель гордыхъ на чель!
 Гласъ Божій въ вихряхъ сходитъ долу,
 Падуть Ливанскіе недри въ прахъ!
 Подножіе Его престолу,
 Синай воспрянуль, какъ въ полжгъ,
 Младый пеленецъ млекопитанный,
 Даль гласъ во громъ сильный Божь,
 Гермонъ подвиговъ обужный,
 Какъ на лугахъ единорогъ,
 Гдѣ были скалы, тамъ равнины,
 Гдѣ суша зрѣлась, тамъ моря,
 Встаютъ изъ бездны исполины,
 Свѣщами въ мрачну ночь горѣ,
 Весь міръ мящется и пренецента!
 Гласъ Божій — огонь, гласъ Божій — дукъ:
 Все рушишь, очищаешь, блещешь,
 И стрѣлы вѣчныя вокругъ!
 И се! вѣкутся ряны цѣпи
 Узлиспыхъ молній въ небесахъ,
 Какъ кровь, горящъ безбрежны ошени,

Всѣ степи Кадеса въ огняхъ! —
 И левъ и волкъ дрожащій рыцетъ,
 Въ вершинахъ темныхъ не укрытъ;
 Елень напрасно крова ищетъ;
 Боръ цѣлой поваленъ, лежидъ!...

*

Гласъ грома — милость и спасенье;
 Сердцамъ боящимся Творца!
 Гласъ Божій — благо, поученье,
 Даръ жизни вѣчной отъ Оуща! —
 Теките въ храмъ Его священной!
 Цари, народы въ Божій храмъ!
 Гремите лики вдохновенны!
 Курись усерднѣйшимъ! —
 И въ грозныхъ буряхъ удрученнѣхъ
 Онъ наши нивы и поля;
 Онъ въ громѣ воздухъ растворяетъ,
 И вся красуется земля
 Съ душою новою, въ ризѣ новой,
 Въ прелестной землѣ, въ цвѣсахъ!
 И неба сводъ надъ ней перловой
 Льетъ благодать въ златныхъ лучахъ! —
 Тебѣ, Тебѣ, благодаренья
 О Сильный, о хвала моя!...
 Паритъ Твой Ангель разрушенья,
 И сѣетъ зерна бытїя! —
 Пожаромъ браней опаленны
 Ты веси, грады богапишь;
 Пошпопомъ земли покровенны

Вновь насвѣляешь, и живишь! —
 Твой гласъ съ небесъ — веселье правымъ,
 Гроза сынамъ земли лукавымъ,
 Злодѣю кара — грома гласъ!
 Опець, Судья и Царь, и Мстишель,
 Ты наша крѣпость и Спасишель, —
 И мирна длань Твоя на насъ! —

Мерзляковъ.

ПОДРАЖАНІЕ 14 ПСАЛМУ.

Всемогуцій! кто съ Тобою
Выше солида двдворень? —
Топь ли, кто гонимъ судьбою,
Спать безъ кровли привужденъ,
Цѣлый вѣкъ съ сумой скипаться,
Передъ сильнымъ пресмыкаться? —
Или топь, кто подъ вѣнцомъ
Посреди палащъ огромныхъ
Спимъ на розахъ благовонныхъ,
Восклонясь на спрашный громъ? . . .

Нѣтъ! . . . не тѣмъ опредѣляешь
Небеса Твои въ удѣлъ:
Въ нихъ селишься возбраняешь
И Царямъ безъ добрыхъ дѣлъ . . .
Несчастливецъ самый бѣдный
Ежели на рокъ зловредный
Смѣлъ хоть мало возропшашъ,
Если не имѣлъ смиренья; —
Не получишь позволенья
Предъ лицемъ Твоимъ предспашъ.

Кто-жь надъялся похвѣсть
 Выше солнца жить съ Тобой?
 Тотъ , кто мирно здѣсь умѣешь
 Жить съ людьми и самъ съ собой; —
 Кто въ юдоли сей спраданья,
 Не изъ страха наказанья,
 Не изъ пышнаго вѣнца,
 Долгъ священный охраняешь,
 И колѣно преклоняешь
 Предъ могуществомъ Творца! —

Тотъ , кто изъ любви безспасной
 Вѣрой пламѣнной горитъ;
 Безъ награды, безъ пользы часной
 Добрыя дѣла творитъ;
 Не мнѣяетъ честь на злобо,
 Клятву соблюдаетъ свято,
 Не кривитъ душой въ судахъ;
 Мзды неправедной не емлетъ,
 Стонъ невинныхъ сердцемъ внемлетъ,
 Помнитъ смерть и Божій страхъ; —

Тотъ , кто замысламъ несмыслимъ
 Буйной гордости не льститъ,
 И злословьемъ ядовицимъ
 Чуждой славы не вредитъ;
 Преступленьемъ чшитъ коварство,
 Любитъ и Царя, и Царство,

Тщися прямо имъ служишь;
 Благу общему радѣешь,
 И при нуждѣ не робѣешь
 Сильнымъ правду говоришь; —

Топъ, кто словомъ и руками
 Злобѣ не причастенъ былъ,
 Въ рубищахъ и подъ вѣнцами
 Самъ себя не позабылъ: —
 Топъ ущедря неимущихъ,
 Защища въ гонѣньи сущихъ,
 Топъ одинъ на небесахъ
 Можетъ съ Богомъ водвориться,
 Доброй славой воцариться
 На земли во всѣхъ сердцахъ!...

Н. Шатровъ.

ПОДРАЖАНІЕ 81 ПСАЛМУ.

Богъ ста въ сонмѣ боговъ ... и проч.

Возпанешъ Богъ — и гласъ громовъ
Безстрашныхъ трепешашъ принудишь!
Онъ снидешъ въ сонмъ земныхъ боговъ,
И každаго дѣла разсудишь!...
Могущіе, сей близокъ часъ!
Ужь пламенникъ любви погасъ,
Померкли мира дни зланыя,
Готовъ Архангелъ воспрубишь! — —
Спрашитесь время пробудить
Глаголомъ правды, души злыя!

*

Богъ ввѣрилъ вамъ судить людей,
Сперечь ихъ собственность, свободу;
А вы, подъ именемъ судей,
Врагами спали смертныхъ роду;
Закономъ сдѣлавши обманъ,
Упопреляя средствомъ — санъ,
Поставя цѣлью — самовласшье,
Осмѣлились присвоить громъ,
Назвались мира божешвомъ,
И рушили земное счастье!

*

Книжка XVIII.

В

Приявши влась добро шворить,
 Возможность защищать гонимыхъ,
 Безъ страха правду говорить,
 Не зрѣть на лица подсудимыхъ,
 Вы всё творите напротивъ,
 И совѣсьль лестною усыпивъ,
 Среди утѣхъ, пировъ блестящихъ,
 Не слышите спенящихъ вдовъ,
 Поющихъ испину пѣвцовъ,
 И нищихъ подъ окномъ просящихъ.

*

Вы боги; — а несчастныхъ спонъ
 Царю Царей на васъ доноситъ;
 Корыстью скованный законъ
 Омщенья вамъ всечасно проситъ...
 Вы суди; — а правду ложь,
 Какъ жертвенный двуострый ножъ,
 Нещадно рѣжетъ днемъ и ночью...
 Вы спражи; — а богатыхъ влась,
 Презрѣвъ чужой семьи напась,
 Безсильныхъ давишь пяжкой мощью.

*

Еще ли, Бога не боясь,
 Хошите правду гнать напрасно,
 Народнымъ жалобамъ смѣясь,
 Судить подобныхъ самовласно,
 Законовъ разумъ превращать,
 Суму у бѣдныхъ похищать,

Тѣснить защиты неимущихъ,
 Невинныхъ безъ вины винить,
 Лицеприятіе хранишь,
 Щадишь разбойниковъ могущихъ? —

*

Еще ли опъ насильныхъ рукъ
 Гонимаго не защитите,
 Вдовамъ не облегчите мукъ,
 Заслугамъ — кровли не дадите? —
 Еще ли, обольстясь мечшой,
 Для выгоды своей одной,
 Въ чужихъ слезахъ не бравъ участья,
 Дерзнете рабство продолжить,
 Рѣшишесь жертвовать, служишь,
 Какъ Богу — идоламъ приспращья?

*

Судьи, услышите правды гласъ!
 Любимцы счастья, пробудишесь!
 Представьте грозный смертный часъ,
 И властью срочной не гордитесь!
 Преспаньте ближнихъ презирашь,
 Неправосудьемъ раздирашь
 Свящую хартию завѣта!
 Исправьте злобныя сердца,
 Покуда медлишь гнѣвъ Творца,
 И день не наступилъ отвѣта!

*

Б ■

Судите пакъ , какъ судить Богъ !
 Преслѣдуйте вы злодѣянья !
 Богаты ли кто или убогъ ,
 Не различайте соспожня !
 Подайте руку какъ друзьямъ ,
 Рабамъ , Священникамъ , Князьямъ ,
 Любите всѣхъ , чѣмъ васъ любили ,
 Чѣмъ Богъ за зло не воздалъ зломъ ,
 Не осудилъ васъ шѣмъ судомъ ,
 Какимъ и вы другихъ судили ! . . .

*

Не внемлютъ ! . . . и — вошце пѣвецъ
 Укорный голосъ напрягаетъ ;
 Жестокость каменныхъ сердецъ
 Не чувствуешь , не понимаешь .
 Ходя во шѣмъ пороковъ злыхъ ,
 Всѣ алчешь почестей земныхъ ,
 Богатствъ , похвалъ , дивошворенья ;
 Все также презрѣнь бѣдныхъ спонъ ,
 Оспавленъ Богъ , забытъ законъ ,
 И нѣтъ злодѣйству исправленья !

*.

Раздвиньтесь , пропасти земли !
 Чертоги сильныхъ , ошопритесь !
 И всѣ , что зло шворить могли ,
 Низриньтесь въ бездны и пожрищесь !
 Зря власть судей . . . я мыслишь могъ ,
 Чѣмъ каждый судя естъ Богъ ,

Что все они бессмертья чада; — —
 А вы . . . подъ блесками вѣнцовъ,
 Какъ и послѣдній изъ рабовъ,
 Все дѣвши смерти — жертвы ада!

*

Возстань Богъ силь! — гряди судишь
 Судей неправедно судящихъ!
 Пора за правду опомнишь,
 Развѣяшь сонмы зло творящихъ! —
 Прерви, прерви терпѣнья срока!...
 Довольно царствовалъ порокъ,
 Корысть свободой торговала,
 Богатство прихѣсняло честь,
 Превозмогала правду лѣсть,
 И совѣсть долгъ свой забывала!

*

Подвигнись въ грозныхъ облакахъ!
 Шумящимъ пламенемъ окружися!
 Ревущей бури на крылахъ
 Съ небесъ гремящихъ опустися,
 И зло достойно наказавъ,
 Возстанови любви уставъ,
 Сдѣлай всѣхъ людей друзьями,
 Все вѣры слей въ единъ законъ,
 Всѣмъ царствамъ дай единый прокъ,
 И царствуй міра надъ Царями!

Шатровъ.

ОПИСАНІЕ СТРАШНАГО ЗНОЯ.

Изъ XIII Пѣсни Тассова Іерусалима.

Танкредъ, посланный въ очарованный лѣвъ, возвращается безъ успѣха. Начальникъ вождей погрузился въ сомнѣніе и страхъ; но безпокоясь единственно о благѣ вѣранныхъ ему воинствъ, рѣшается самъ шествовать для побѣжденія очарованій. — Его удерживаетъ Пепръ пустынникъ, предвозвѣстивъ таинственно скорое возвращеніе Ренальда съ чудснаго острова Армиды. — По его словамъ Ренальду суждено совершить сей подвигъ. Описельъ начинается новое несчасіе Христіанъ осаждающихъ: настѣлъ ужасной зной, которой прекращенъ единственно молитвами Готфреда. Всевышній, измѣривъ справедлія и вѣру Христіанъ, назначаетъ другой ходъ произшествіямъ. Онъ соизволяетъ на возвращеніе Ренальда и на прибытіе къ Іерусалиму Египтянъ для того, чтобы унизили ихъ совершенно предъ очами Правовѣрныхъ. —

Къ Вождю, помимому сомнѣній грустныхъ
 пьмой,
 Взываешь Пепръ: о Князь! духъ скорбный
 успокой! —

Другой рукъ сужденъ вѣнецъ безсмертной славы,
 Очарованія разрушить сей дубравы. —

Таинственный корабль, совлекшійся вѣтриль,
 Уже въ пескахъ пуспынь кормою опочилъ; —
 Уже распоргнувъ плѣвъ безопасности позорной,
 Желанный вишязь брегъ покинулъ чудотвор-
 ной; —

Уже великій часъ судьбины не далѣкъ!
 И разцвѣшешь Сіонъ! — и примешь срамъ порока!
 Такъ спарець провѣщаль, исполнь небесна духа;
 Лице его какъ огонь; — и гласъ какъ громъ для
 слуха;

Тогда начало-вождь, вельнья внявъ небесъ,
 Ко подвигамъ другимъ пруды свои пренесъ.

Межъ тѣмъ вступилъ въ Зенишь блиспа-
 тельный Царь свѣта,
 Разливъ повсюду зной помпешельнаго лѣта;
 Необычайной жаръ сковаль и опягчилъ
 Намѣренья вождя, работы ратныхъ силъ. —
 Погасли въ небесахъ сіянія благія,
 И ходяшь среди нихъ враждебны звѣзды злыя;
 Тлѣтворна сила ихъ простерлась по земль,
 Въ дышаньѣ воздуха, и въ свѣтѣ, и во мглѣ; —
 Распешъ ужасной зной, горяшь пески сыпучи,
 И язва смертная сложилась въ блѣдны шучи. —

День вредный за собой вреднѣйшу ночь влечетъ,
 И новая заря горчайшихъ вѣспникъ бѣдъ! —
 И солнце ужь не по востока предъ врапами!
 Царь сѣша облеченъ кровавыми парами,
 Являешъ пусклой зракъ, исполненный огня,
 Печально знаменье несчастнѣйшаго дня!
 Въ багровыхъ пяпинахъ онъ сходилъ въ вечерне
 море,
 И предвѣщаль землѣ съ грядущимъ упрямъ
 горе! —

Одна увѣренность грядущія бѣды
 Преогоряетъ зла минувашаго слѣды!
 Лютятся, какъ попокъ, лучи его разженны,
 Какъ спрѣлы ядами и язвой напоенны;
 Поблекли вокругъ цвѣты, посохнули древа,
 Луга чернѣютъ вокругъ, увяла мурава. —
 Земля распрескалась, иссякли водъ истоки: —
 Все испытуешь гнѣвъ Всесильнаго жестокой!
 Бесплодны облака, подобіе сѣшей,
 Являлись вѣшвами разсѣянныхъ огней.
 Все небо пещію казалось обгорѣлой.
 Исчезнулъ всякой видъ для зрѣнія веселой;
 Въ пещерѣ пемной скрытъ, безмолвствоваль
 зефиръ;
 Недвижимъ воздухъ весь, забыли вѣспры міръ. —
 Единый шокмо вѣспръ, сынъ Кафрїи горючей,
 По временамъ стремилъ песокъ палящей шучей,
 Стужающъ, пагубенъ, въ порывахъ ярыхъ крупъ;
 Онъ бодрость опнималъ и убивалъ онъ шрудъ! —

Не менѣ гибельны шуманны нощи сѣни! —
 Не нощь, но пошъ же день въ ея облекшихъ
 пѣни,

Грозиль сынамъ земли во пламенныхъ сполпахъ,
 Въ драконахъ, въ заревахъ, въ кометахъ и
 шарахъ. —

Увы! — несчастные! помимымъ жажды жаломъ
 Скупое небо вамъ опказываетъ въ маломъ,
 Ахъ, даже и въ росъ! Вопще древа, цвѣтны
 Цѣлебной влаги ждущъ съ желѣзной высоты!—

Изъ помной обласпи мучительныя ноци,
 Бѣгущъ любезны сны. — Болѣзненныя очи
 Крушимыя сердца напрасно ихъ зовущъ;
 Оспрады сладкія къ ихъ ложама не придущъ!
 Толико бѣдъ на васъ, Хриспова овцы спада!
 Но жажда злѣе всѣхъ! Тиранъ свяпаго града
 Влилъ въ рѣки смерпный ядъ, смѣшалъ опра-
 вы онъ,
 Еще вреднѣйшія, чѣмъ Спиксъ и Ахеронъ. —
 Прозрачной Силуамъ, сей малой ключъ преле-
 спный,

Которой чистыхъ водъ сокровища небесны
 Доселѣ имъ дариль, — шеперь едва свои
 Блачишь въ сухомъ пескѣ горячія спруи! . . .
 Но что? ни Иорданъ, обильнѣйшій водами,
 Ни самый Ниль седмью украшенный рогами,
 Благотворишель - богъ Египетской земли,
 Ихъ жажды - бѣ погасишь шеперь не возмогли!...

Бойницы глѣ его? и гдѣ для оныхъ лѣсъ?
 Не явенъ ли на насъ лежащій гнѣвъ небесъ?
 Ахъ, пшмы чудовищей, пшмы знаменій ужасныхъ,
 Давно намъ прорекли: покинулъ Богъ несча-
 сныхъ!

И солнце мещешъ здѣсь смертельныхъ пламенъ
 спрѣль,
 Какихъ ни Ефіопъ, ни дальный Гангъ не зрѣлъ!
 Но какъ же цѣнитъ онъ, духъ гордый властелина,
 Что мы толпа рабовъ, презрѣнная дружина,
 Лепимъ спокрашъ на смершь, льемъ нощъ и
 кровь на прахъ,
 Чтобъ скипетръ сохранилъ въ державныхъ онъ
 рукахъ!

Иль царства новыя и слава знамениша,
 Которыхъ ищешъ здѣсь алчба его не сыща,
 Должны бытъ куплены, въ виду враждебныхъ
 спѣнь,

Упрашю, гибелью водимыхъ имъ племень?
 И се, преславный мужъ, герой совѣща, вѣры!
 Се кротоспи, любви и благоспи примѣры!...
 Для чеспи суетной губить нещадно рашъ!

Но что ему до насъ!... ему ли нужды знашь!...
 Когда изсякли вокругъ и рѣки и попоки,
 Къ нему прохлады льешъ весь Иорданъ глубокий;
 При вопляхъ нашихъ онъ, пируя межъ друзей,
 Пьешъ Кипрское вино съ кристальною
 спруей.“ —

Такъ ропщешь цѣлой спань. И Грековъ
 вождь позорной,
 Успавшій слѣдовавъ Хорутви крестоборной,
 Такъ скрышно разсуждалъ: За чѣмъ себя помлю?
 Почто мнѣ вѣренныхъ безъ нужды погублю?
 Пускай безумный сей и гордой воевода
 Самъ будешь здѣсь бичемъ и моромъ для на-
 рода, —

Мой долгъ хранишь своихъ! какъ мыслилъ,
 такъ свершилъ...

Подъ кровомъ нощи впай опшелъ онъ съ сон-
 момъ силъ.

Открыла сей побѣгъ заря огнеобразна;
 Волнующся умы, и въ слѣдъ шекушь соблазна. —
 Клоперовъ рашной спрой, и Адемаровъ съ нимъ
 Полки безъ воеводъ, мечемъ пожапыхъ злымъ,
 Возмня, что смершь — конецъ союзовъ и со-
 вѣшовъ —

Распоргла и для нихъ цѣпь кляшвенну обвѣ-
 шовъ, —

Рѣшились всѣ — ушли! И чада Хриспѣянъ,
 О спыдѣ! оставили Христу служащій сманъ!

Готфреда слухъ не спалъ и не дремали
 взоры;

Онъ мѣры могъ пріять и спрогя, и скоры;
 Но всѣхъ жестокихъ мѣръ чуждался мужъ
 благой. —

Исполненъ вѣры сей, кошорой гласъ свяшой

И горы движеть съ мѣстѣ, и рѣкъ мерпвишь
 печенье —
 Къ Всевышнему простеръ смиренное моленье,
 Да силою Своей его приосвѣнитъ!
 Воздѣвъ длани онъ, вознесъ молящій видъ:
 О Отче! Боже мой! ты сладостною манной
 Въ пустыняхъ Свой народъ насыпавый избранной,
 Ты пайну горнюю вселивъ въ смершну длань,
 Да въ скалахъ собереть воды живыя дань,
 Да ребра горъ дадутъ ей сребрены потоки! . . .
 Всесильный! обнови дѣла Свои высоки,
 Заслуга слабыхъ сихъ щедрою замѣни,
 И воиновъ Твоихъ въ день скорби помяни! —

Мольба, излишая смиреньемъ, правотою,
 Не лѣностна, земной не связана щещою,
 Полепомъ быспрыя пернапой къ небесамъ
 Несется, падаетъ Всевышняго къ спонамъ. —
 Пріялъ ее Господь, Богъ казни и награды,
 И обративъ на чадъ отеческіе взгляды,
 Измѣрилъ ихъ пуши въ рабѣи и борбѣ, —
 И милосердовалъ, и рекъ въ Самомъ Себѣ:
 Явна передо Мною людей сихъ доблехъ вѣра!
 Довольно опышовъ! исполвилася мѣра!
 Всѣ козни, бѣдствія и все упорство силъ
 Враждебной мѣрѣ и адъ надъ ними испощилъ!
 Отселъ новый чинъ и новыя явленья! . . .
 Да свидеть дождь! — спремись посоль благо-
 сложенныя!

Возспани, возвратись желанный къ нимъ Герой!
Египетъ, приходи одѣяшь ихъ хвалою! —

Вѣщаль, подвижь главу—прясутся своды звѣздны,
И небеса небесь, и пламенные бѣзды,
И суша, полная свирѣпыхъ зноя рань,
И преисподняя, и дольный Океанъ . . . .

Вспылашь ошуюю перунь блѣднозубчатый,
И грянуль дальній громъ. Веселиемъ объяшый,
Со гласомъ шрепетнымъ воспорженныхъ высотъ
Слилъ клики громкіе воспорженный народъ. —

И се сложилися внезапно тучи мрачны,
Не солнцемъ ошь земли подьяшы въ мѣръ про-
зрачный;

Се плодъ самихъ небесь! онѣ, онѣ шеперь
Сокровищницъ своихъ разверзли вѣчну дверь! —
Уже густая ночь, возлегли надъ горами,
Закрываетъ свѣсплой день свинцовыми крылами;
Шумишь проливной дождь изъ сжашыхъ обла-
ковъ,

И рѣки бурныя исходяшь изъ береговъ. —

Какъ послѣ долгаго помпшельнаго зною,
Когда отрадной дождь прольется вдругъ съ
грозою,
Пернатые къ брегамъ обильныхъ рѣкъ лешають,
Въ спогласныхъ кликахъ даръ небесь благо-
вѣспяшь:

Крылѣ распушены, купаются спадами,
Играющъ, плещутся сребриспыми струями,

Взыскують глубины, дабы въ единой мигъ
 Огнь жажды погасишь, свирѣпшвовавшій въ нихъ;
 Такъ нынѣ Христіянъ поржесшвенные лики,
 Въ воскликновеніяхъ опъ щедраго Владыки
 Срѣшаютъ каплюшу на землю благодать :
 Тотъ ризы и власы спремимся омыватъ,
 Тотъ алчно влагу пьешъ накопленную въ шлемѣ,
 Сей руки погрузивъ плескаешъ въ водоемѣ,
 Тотъ освѣжаешъ взоръ въ спасительной струѣ,
 Иной спѣшишь фіаль неспи къ овоей семьѣ! —

Не шокмо воинство, не шокмо роды смерш-
 ныхъ

Забыли въ часъ одинъ все бремя золъ несчеш-
 ныхъ, —

Земля живущихъ мапъ, недужной шрупъ, сухой,
 Вся въ язвахъ, прещинахъ, покрывшая золой, —
 Земля вся ожила, сложились ребра хилы;
 Наполнились ея питающія жилы,
 И души жизненны изъ персей въ полношѣ,
 Возникли древъ, цѣвповъ въ пріямной песпро-
 шѣ. —

Такъ дѣва - красота, когда цѣлебны соки
 Погасяшъ во груди болѣзни огнь жестокой,
 И изженушъ недугъ, кошорому во снѣдѣ
 Всѣ прелесши ея уже судила смершъ;
 Вдругъ обновляется, какъ послѣ мразовъ лозы,
 Вспаешъ: въ очахъ огонь, въ лавишахъ блещушъ
 розы;

Тогда забышы всё спрадана и спрахъ;
 Приемлешь свой уборъ, и блещешь во цвѣсахъ. —
 Но дождь уже преспалъ, и благоспи зеркало,
 Лучами крошкыми свѣсило дня сіяло,
 Какими иногда гордится дольній рай,
 Когда Апрѣля въ слѣдъ наспанешь свѣшлой
 Май. —

О Вѣра! силою даровъ Твоихъ чудесныхъ
 Врачуешь язвы пы и воздуховъ небесныхъ,
 И премѣняешь ходъ и времени и мѣспъ,
 И побѣждаешь рокъ, и гнѣвъ плещворныхъ
 звѣздъ!

Мерзляковъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ ФАБРА Д' ЕГЛАНТИНА.

Театръ долженъ быть училищемъ нравовъ. Въ семъ отношеніи изъ всѣхъ родовъ Поэзіи драматическая есть безъ сомнѣнія превосходнѣйшая. — Если высокія добродѣтели вѣнценосныхъ Героевъ въ трагедіи возвышаютъ душу зрителя - гражданина; если ужасныя злодѣянія ихъ производятъ въ насъ опущеніе къ порокамъ; то сколь сильнѣе производятъ на насъ дѣйствіе комедія, сія живая картина пороковъ, заблужденій и достойныхъ осмѣянія поступковъ ихъ, съ которыми мы живемъ, пороковъ, въ которыхъ, не рѣдко увлеченные примѣромъ, сами впадаемъ шѣмъ болѣе, что сего рода погрѣшности не подлежатъ исправленію законовъ. Извѣстно, что безсмертный Молиеръ, коему исключительно Талія поручила обличающее зеркало свое, если не вовсе умертвилъ пороки имъ осмѣянные, то по крайней мѣрѣ много ослабилъ ихъ неистовство, а нѣкоторыя заблужденія ума и спранные поступки совершенно испребилъ, такъ что многіе характеры, столь удачно имъ выпавленные для осмѣянія на сцену, со-

всѣмъ исчезли. Исправлять своихъ соотечественниковъ, и вообще человека, было цѣлю сего величайшаго Философа - Комика, — и вотъ первая обязанность драматическаго писателя! —

Изъ всѣхъ комедій, послѣ его во Франціи написанныхъ, комедія *Le Philinte de Moliere*, по предмету нравоученія можетъ почитаться превосходнѣйшею; ибо содержаніе оной преслѣдуетъ ужаснѣйшее чудовище нравственнаго міра, владычествовавшее погда во Франціи, и увы! всюду съ ложнымъ просвѣщеніемъ переселенное. — Я разумю — эгоизмъ. — Сочинитель ея Fabre d'Eglantine, по возвышенности главной идеи достоинъ былъ вновь заставить дѣйствовать два лица Моліерова Мизантропа, хотя, къ сожалѣнію, и далеко отсталъ отъ предшественника своего въ силѣ слога, красокъ и въ мастерскихъ описанкахъ. — Крупонравный Алцестъ и льстивый, до излишества угодливой рабъ свѣта, другъ его снова являющся на сценѣ, но съ нѣкоторымъ уже измѣненіемъ. Справедливо укоряли Фабра, что его Алцестъ хотя и сохранилъ пылкой и крупной обычай свой,

но представленъ имъ болѣе челоѵколюбцемъ ; нежели мизантропомъ. Не смотря на такое вѣкопорыхъ и самаго Руссо заключеніе , безъ сомѣнія Молиеръ не хотѣлъ осмѣивать свяшую любовь къ ближнему. Чѵпожъ касается до мнѣнія журналистовъ , будѵто Сочинитель не простипельно измѣнилъ характеръ Филиппа ; то я думаю, что въ семъ случаѣ нѣтъ нужды его и оправдывать. Авиноръ точно хотѣлъ показать, что изъ уклончиваго безъ разбора и льспиваго до подлости свѣтлоугодника въ среднемъ состояніи, и послѣ внезапно возведеннаго на степенъ знапности , часто и очень часто выходилъ эгоистъ. — Это естественно: не имѣя другихъ средствъ, онъ безъ разбора угождалъ и льспилъ всѣмъ для выгодъ своихъ, коихъ безъ шого не могъ бы имѣть. Сдѣлавшись вельможею , не имѣя болѣе нужды во всѣхъ другихъ, онъ для ихъ же самыхъ выгодъ думаетъ имѣть право всѣмъ и всѣми жертвовать своему самолюбию. Фабръ, назвавъ свою комедію *le Philinte de Moliere*, ясно доказываетъ намѣреніе свое. Комедія его и нынѣ часто и съ успѣхомъ представляется на первокласномъ Па-

ряжскомъ театрѣ. Я перевелъ изъ нее нѣ-
 сколько сценъ, изъ коихъ одну занима-
 тельнѣйшую особенно въ отношеніи къ
 нравоучительной цѣли, имѣю честь ны-
 нѣ вамъ представить, Мм. Гг., какъ образцо-
 вую въ семъ родѣ изъ богатѣйшаго реперту-
 ара Французскаго театра. Я изложу въ ко-
 роткихъ словахъ содержаніе сей нравоучи-
 тельной комедіи столько, сколько нужно для
 объясненія положенія разговаривающихъ Кру-
 пона и Людмила; — такъ названы мною Alce-
 ste и Philinte въ переводѣ моемъ Мольерова
 Мизантропа, которой, какъ всѣмъ извѣстно,
 оканчивается пѣмъ, что Крупонъ удаляется
 изъ столицы въ намѣреніи никогда въ оную
 не возвращаться :

Пойду (онъ говоритъ) искапъ угла въ краю
 опсель далекомъ,
 Гдѣ можно какъ нибудь быть честнымъ чело-
 вѣкомъ!

Но скоро узнавъ, что люди вездѣ люди; ви-
 дя и памъ слабыхъ уптсняемыхъ сильными,
 вступаешя за обиженныхъ, хочепъ ихъ за-
 щитить, а припснителей обличивъ, предашь

суду законовъ ; и , какъ часто случается , не получа въ эшомъ успѣха , скачешъ въ столицу съ шѣмъ , чтобъ ничего не щадить для совершенія благороднаго подвига своего ; оспанавливаешся въ домъ друга своего Людмила , которой былъ уже женатъ на племянницѣ Министра и облеченъ въ Графское достоинство , короче : сдѣлаяся полу-вельможею - эгоистомъ . — Первая забота сыскачь спряпчато , въ выборъ коего Крушонъ лучше полагается на судьбу , нежели на одобреніе людей ; — и — на сей разъ судьба оправдываетъ его къ ней довѣренности . — Вовсе безвизвѣстный въ городѣ , но самый честнѣйшій изъ спряпчихъ проситъ его повременить дѣломъ своимъ ; ибо , говоритъ , я узналъ спороною бездѣльство , которое нужно , не упуская времени , обличить : одинъ бездѣльникъ взялъ съ кого - то подложной вексель , хочетъ имъ воспользоваться ; и можетъ симъ цѣлое семейство повергнуть въ нищету и гибель ; — что обыкновенною формою суда сего оспановить не успѣетъ ; — что нужно для сего пособіе Министра : — восхищенный безкорыстною справедливостію спряпчато , Кру-

онъ брашски поаетъ ему руку: — Это сдѣлано! говоритъ онъ; хозяинъ дома, мой другъ и племянникъ Министра: онъ сей часъ къ нему поѣдетъ. И дѣйствительно, въ ту же минушу спѣшилъ къ Людмилу, и вопъ продолженіе ихъ разговора. Надобно знать, что по спеченію обстоятельствъ, Людмилъ и не подозрѣваетъ, что онъ самый поетъ, съ кого взятъ подложный вексель и кошораго разоряютъ совершенно.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ ФАБРА Д'
ЕГЛАНТИНА,

*Le Philinte de Moliere, Comedie en 5 actes, et en
vers — Acte 2 — scene 9.*

Крутонъ, Людмилъ.

Крутонъ.

Исполнишь долженъ ты, я далъ честное слово.

Людмилъ.

Тѣмъ хуже для тебя. — Опшѣшь на то го-
шовой :

Я въ это не могу, и не хочу входишь.

Что этого спранный, смѣшишь можешь бышь,

Какъ рвенье ложное такъ проспирашь далѣко,

И добродѣшелю то почиташъ высокой,

Чтобъ всякаго, кто намъ опнюдь ни другъ,

ни браться,

Безъ осторожности, и — часпо не въ попадь,

Со всеусердьемъ браться подъ кровь свой и за-

щипу? —

Крушонъ! за всѣхъ просишь — живой под-

рывъ кредиту. —

Дай волю: опдохнушь, повѣрь мнѣ, не дадушь,

И въ хлопоты тебя всечасныя введушь.

К р у т о н ъ.

Гоповъ, всегда гоповъ, однако же съ разборомъ.
За вора хлопотаешь ешь по же, чмо бышь
воромъ;

Но честной человекъ когда защиты ждешь, —
Безчестенъ шопъ, ему кто рку не проспрешъ. —
Върь мнѣ, Людмилъ, ты здѣсь вспупись мо-
жешь смѣло:

Ты доверишь самой небесной Правды дѣло.
Мой спряпчій въ душу влилъ мнѣ пламенной
воспоргъ!

Онъ доказаль, чпо, какъ я въ правилахъ ни
спрогъ,

Но выше онъ меня: онъ — человекъ чудесной,
Тѣмъ болѣе, чпо здѣсь почши и неизвѣспной.
И — чпо-жь шакое ты, коль ужасомъ, Люд-
милъ,

Злодѣйской сей обманъ тебя не поразиль?

Когда — хошь впрочемъ намъ и незнакомъ не-
счастной —

Не пронупъ ты его погибелью ужасной,

До коей воровствомъ онъ наглымъ доведень?

Когда, все вѣдая, ты споль ожеспочень,

Чмо опрекаешься — изгнавъ изъ сердца жа-
лоспъ —

Такою предприняшь ему въ защиту малоспъ!

Да, малоспъ, согласишь. — Въ чемъ дѣло со-
споишь?

Чтобъ дядя твой Министръ, споль правдой
знаменишь,

Который, знаю я, душой къ тебѣ привязанъ,
Который будетъ, вѣрь, за то еще обязанъ,

Что случай дашь ему исполнишь долгъ свяшой;

Чтобъ, словомъ, человекъ сей доброй и честной,

И просьбою своею и правдой убѣжденной,

Исполнилъ легкой долгъ, ему обыкновенной. —

Когда я мысленно возможность всю твою

Съ добромъ и пользою споль важною сравню,

Будь проклятыя я, Людмилъ! мнѣ въ голову не

входишь,

Въ чемъ извиненіе твое холодной духъ на-

ходишь! —

Попробуй, откажись, и — я тебя сочту

Въ числѣ тѣхъ изверговъ, которыхъ мягому

Земля, всѣхъ смертныхъ мать, какъ нака-

занье носишь,

Которыхъ ни одинъ несчастной ужь не просишь!

Л ю д м и л ь.

Безмѣрной эпошъ гнѣвъ, ей! ей! смѣшонъ. —

Сто разъ

Головъ швердишь, что я ни для кого...

К р у т о н ь.

Откажь? . . .

Л ю д м и л ь.

Въ послѣдній, навсегда, я въ шомъ тебѣ

божуся.

К р у т о н ъ.

Проспи на вѣкъ: швоимъ бышь другомъ я
спыжуся.

Л ю д и л ъ.

Да полно, выслушай...

К р у т о н ъ.

Чѣмъ можешь оправдать

И спыдъ, и ужась....

Л ю д и л ъ.

Но — сердисься и кричайся,

Не доказательство. — Лишь дай себѣ я волю,
Ты замолчишь, и спыдъ — шебѣ придетъ
на долю.

Ни мало изъ границъ не выступая вонъ,
Я дѣло разсмотрѣлъ давно со всѣхъ споронъ.
Все вижу, знаю все; — да что же за охота,
По швоему, во всемъ играшь роль донъ - Ки-
шопа? —

Проспякъ попалъ въ бѣду, и — вопъ, въ сле-
захъ, въ трудѣ,

Не помнишь ты себя, какъ будпо самъ въ бѣдѣ,
Чшобы спаспи его, себя всечасно мучишь,

И — глупоспи его награду съ нимъ получишь.

Такъ почно, глупоспи: да, глупости! — она,

Признайся, въ дѣлѣ семъ, какъ въ зеркалѣ видна.

Ну, что-жь? — безумецъ сей, чрезчуръ не-
осторожной,

За простоту свою получишь по, что должно.

Глупца освѣтилъ плуть, и хипросшью своей

Подложной вексельъ взялъ въ спахъ пысячахъ
рублей.

Тѣмъ хуже для глупца, не жалокъ онъ ни мало:
Оплошности его примѣровъ не бывало.

К р у т о н ъ.

Или, обмануемымъ не можно быть, Людмилъ?

Л ю д м и л ъ.

По крайности, не такъ какъ онъ оплошенъ былъ.

К р у т о н ъ.

Но если бы ты самъ такъ нагло былъ об-
манушь?

Л ю д м и л ъ.

Такъ почто и меня жалѣть тогда не станушь;
И если бы могло случиться пожъ со мной,
Я слова-бъ не сказала, повѣрь мнѣ, милой мой!

К р у т о н ъ.

Но бѣдной разорень; — вотъ плодъ сего об-
мана! —

Погибъ на вѣкъ!

Л ю д м и л ъ.

Какъ бышь: — а впрочемъ,
изъ кармана

Въ другой — вотъ вся бѣда! — сто пысячь
перейдушь.

К р у т о н ъ.

О ужась!

Л ю д м и л ъ.

Ничего ужаснаго ивъшь тупъ.

К р у т о н ъ.

Людмилъ! я шепещу опть словъ твоихъ!

Л ю д м и л ъ.

Напрасно.

Кто такъ уменъ, какъ ты, пошь долженъ без-
приспраспно

На все смотрѣшь. Замѣшь, сударь, что зло,
не вредь —

Добро: все къ лучшему!

К р у т о н ъ.

Какой несешь ты бредъ?

Л ю д м и л ъ.

Да, да, все къ лучшему; не по частямъ, а въ
цѣломъ.

Я это докажу, и — самымъ этимъ дѣломъ. —

Оплошнаго хищрець искусно обокралъ;

Согласень, это зло: оплошной проигралъ. —

Положимъ: — судъ ему все возвратишь при-
судить;

Но зло ужь сдѣлано, и — вѣчно зломъ и бу-
дешъ. —

Плущъ дѣло выигралъ? — Онъ долженъ дасть
судьямъ,

Подъячимъ, стряпчему, короче: по поламъ

На вѣрное, Крушонъ, онъ съ ними подѣлился:

Опть вора всякой воръ захочешъ покормишься;

А способомъ такимъ пойдушь шѣ деньги въ
ходъ; —

И — сдѣлавъ наконецъ полезной оборотъ,

Въ карманы перейдя искусниковъ убогихъ,
 Имѣнье одного обогащаетъ многихъ.
 Глупецъ спалъ нищъ: Богъ съ нимъ! бѣды въ
 помя царству нѣтъ! . . .
 И шакъ: все къ лучшему; я правъ, и зло —
 не вредъ.

К р у т о н ъ.

О нравы! вопъ плоды безумства. . . .

Л ю д м и л ъ.

Просвѣщенья,

Я проповѣдую. . . .

К р у т о н ъ.

Злодѣйства! преступленья!

Отвѣтствовашъ на полкъ развратный не хочу:
 Ты былъ мнѣ другъ!

Л ю д м и л ъ.

Попомъ? . . .

К р у т о н ъ.

Спыжуся, и—молчу.

Л ю д м и л ъ.

Да нечего сказать! — Не лучше-ль согласишься,
 Чпо спыдно самому?

К р у т о н ъ.

О Боже! мнѣ спыдишься?

Когда бы вздорныхъ сихъ увершокъ я, Людмилъ,
 Къ всегдашней лѣннсти твоей не относилъ;
 Когдабъ въ душѣ своей держался твѣ сихъ пра-
 виль,

Я-бъ съ ужасомъ, сей часъ, навѣкъ тебѣ оспа-
виль.

И вопь какъ мудрыя счаєпливцы нашихъ дней
Хипряпъ, чпобъ опказашъ всѣмъ въ помощи
своей!

Все къ лучшему! а самъ, себѣ въ опровер-
женъе,

Ты проповѣдуешъ развратное ученъе!

Чпобъ дашь ей лучшей видъ, заимствуешъ
чершы

Порока; и плоды злодѣйствъ, неправомы,
Какъ вещь полезную, ты хочешъ мнѣ предспа-
витьъ,

За тѣмъ, чпобъ какъ нибудь труда себя изба-
витьъ

Помочь несчастному, невинной жерпвѣ сей
Разбоя наглаго. — Желалъ бы я, ей! ей!

Чпобы души двоей холодной въ наказанъе
Ты видѣлъ самъ его и всей семьи перзанъе;
Чпобъ былъ свидѣтелемъ минушы роковой,
Когда спрадальцевъ сихъ ударъ постигнетъ
злой; —

Опчаянъя опца, сиромъ несчастныхъ спона,
Просящихъ помощи и Неба и закона,
Копорымъ нечего не только будешъ ѣсть,
Но вмѣстѣ, можешъ бышь, на вѣкъ перяюшь
честъ! . . .

Иль сердце и погдабъ швое не умягчилось?

Л ю д и л ь.

Мой другъ, сказалъ бы я, съ шобою что слу-
 чилось,
 Со многими, повѣрь, бываетъ почно пожь.
 Твоимъ имѣнемъ спалъ другой богатъ? — За
 что - жь,
 Какъ самъ ты былъ, не бытъ съ доспашкомъ
 и другому?
 Не прашь, мой другъ, въ слезахъ ты время
 попусшому;
 Трудись опять, шрудись, и счастье вновь лови:
 Поймаешь? — поумнѣй впередъ, дружокъ, живи.
 Ты почка на землѣ, пылинка, а не болѣ;
 Не лзя, чшобы весь мѣръ швоей былъ занятъ
 долей:
 Онъ въ цѣломъ вѣчной свой порядокъ лишь ве-
 дешь;
 А въ цѣломъ, самъ замѣшь, все къ лучшему
 идешь.

К р у т о н ъ.

Нѣшь! — долженъ я сказать, — мнѣ мысль
 не приходила,
 Чшобъ жадношь зло шворишь, людей съ ума
 сводила! . . . .
 Не знаю, гдѣ найши довольно рѣзкихъ словъ,
 Чшобъ выразить се круженіе головъ,
 Сей ложный блескъ, плоды дней нашихъ про-
 свѣщенья,
 Сію безчувственностъ, сей верхъ ожесшоченья,

Которыми гордятся развратные умы,
 Вразу спрашную моральныя чумы,
 Дѣлами, бреднями, повсюду сообщаютъ,
 И самый эгоизмъ въ науку превращаютъ —
 Все къ лучшему! а вы не можете ешупить,
 Чшобъ вашъ безумной шолкъ шопчасъ не об-
 личить.

Все къ лучшему? — шакъ, все. Объявъ умомъ
 вселенну,

Повсюду вижу я премудрость совершенну,
 Успроившую все для вѣчной лѣпопы,
 И благосши Творца во всемъ блестящъ черпмы;
 Но развѣ человекъ не сотворенъ евободнымъ?
 Не въ волѣ-ль каждаго не бытъ лжецомъ негод-
 нымъ,

И нагло шакъ, какъ сей бездѣльникъ, плушовашъ?
 Не въ волѣ ли швоей шпрадальцу помощь дашь,
 Которому грозить плушь смерщю голодной?
 Не въ волѣ ли моей, за швой опказъ холодной,
 Съ шобой, безчувшвенной! разшашься сей же
 часъ?

Такъ, наши дѣйшвїя зависящъ всѣ опъ насъ. —
 А если можемъ мы, къ бѣдѣ ли, или къ
 счастью,

Добро и зло шворить сей произвольной влащю,
 Такъ къ лучшему не все, иль — кроешъ шны
 порокъ!

И вопшь какъ опшимизмъ швой ложенъ и же-
 спокъ,

Чшо будшо средѣ людей честныхъ и благо-
 родныхъ

Книжка XVIII.

Г

Есть яадобность въ врахъ, въ бездѣльникахъ
негодныхъ!

Такъ, все усовершатъ природы цѣль, законъ;
Но по ли чловѣкъ, какимъ онъ сотворёнъ?

Добрѣе пошь изъ насъ, кпо меньше измѣнился:

Ты лучшимъ былъ и самъ, пока не развратился.

Оспавъ сей ложной полкъ шѣмъ жалкимъ бо-
гачамъ,

Въ злодѣйствіи самомъ безпечнымъ подлецамъ,

Которыхъ души спяшь безъ жалости сномъ
смертнымъ,

Причиной бывъ бѣдамъ и жалобамъ несмѣшнымъ.

Кричатъ: все къ лучшему! — такъ чпожь,
внимая вамъ,

Останенся въ удѣль спрадальцамъ, бѣднякамъ,

Когда надежду вы опиятъ у нихъ хопите?

Оспрада слезы имъ: — вы сердце въ нихъ сушите!

Ожесточаете къ спраданіямъ своимъ!

Есипъ люди добрые — куете руки имъ!

Ахъ, далѣ продолжатъ каршины сей не смѣю..

Нѣшь, къ благу общему, въ позоръ и казнъ
злодѣю,

Чувствительность души, благихъ Небесъ печать,

Всегда лжемудріе принудитъ замолчать.

И всякой, чувствуя, что онъ шакой же смертной,

Что скоро можешь быть и самъ, напасей
жертвой,

Развратнаго ума опкинешъ бредни прѣчь,

Чтобъ брата своему несчастному помочь.

Ф. Кокошкинъ.

КЪ СОЛНЦУ.

Съ какую пышносью свой бѣгъ ты из-
чинаешь ,

Съ какимъ обиліемъ Природу украшаешь
Цвѣтами яркими , о Солнце ! и въ какомъ
Грядешь блистаніи , сръшенно поржествомъ
И неба и земли , супруга ожидавшихъ ,
И прелестъ опъ него и радость воспріившихъ !
Но съ велелѣніемъ супруга , съ красотою ,
Течешь ты быспрыми шагами исполина ,
Не сполъко нравиться холящаго собой ,
Колико превознесъ повсюду Бласпеліна ,
Которымъ посланъ онъ , служенъемъ для него ,
Усерднымъ , ревностнымъ , единственно за-
нятымъ ! . . .

Какъ въ самый первый день рожденъя
твоего ,

Ты изъ горящаго источника богатый
Зажидимельныхъ лучей ліешь и нынѣ свѣтъ ,
Въ которомъ и поднесъ еще уцѣрба нѣтъ ! —
Какія-жь супъ Творца величіе и сила ;
Какимъ же долженъ бытъ Творецъ Всевласт-
ный Самъ ,

Когда Его рука нашъ разумъ изумила ,
Предспавивъ дѣлъ Своихъ чудесну цѣпь очамъ !

Г 2

О непостижное, благъ полное свѣцило!
 Спось радостнымъ для всѣхъ сіяніемъ своимъ,
 Ты для врага небесъ лишь нестерпимымъ было,
 За пѣмъ, что славою вѣки служишь имъ!
 Блажу себя, блажу! побою озаренный,
 Я чувствую въ душѣ присутствіе пвое, —
 И скорби мрачныя тогда бѣгушь ее, —
 И счастливъ я, съ судьбой сердечно прими-
 ренный!

Князь Шаликовъ.

ИСТИНА и МУДРЕЦЪ.

Свѣшило Мудрости Небесной,
О Истина, краса и сила добрыхъ дѣлъ!
Въ чертогахъ ли Царей, подь кровлею-ль без-
вѣспной,
Въ шуму градовъ, средь мирныхъ сель: —

Ты смерпныхъ вождь и другъ - хра-
нишель,
Начало доблестей великихъ и свяпыхъ,
Ограда Царствъ земли, крамолы сокрушитель,
И божество сердцеъ благихъ!

Какое зрѣлище священно! . . .
Мой духъ, освободясь отъ брениспи земной,
Дерзаетъ созерцать, побою вдохновенной,
Земной незримое шлопой!

Какъ крѣпкій, міру современный,
Надъ безднами вокругъ возвышенный упесь,
Такъ Истины пресполь, Предвѣчнымъ утверж-
денный,
Сіаетъ на горахъ небесь!

Царица взоромъ обнимаешъ
 Начало и конецъ вселенной въ мигъ единъ;
 Пространства мѣстъ и ходъ вѣковъ соединяешъ,
 И тайны дѣйствій и причинъ.

Въ десной — перунъ-злоиспребитель;
 Алмазный въ шуйцѣ щипъ — гроза и судъ
 спрасшей;
 Окрестъ Духъ Мудрости, Духъ силы, соверши-
 тель,
 И Милость, вѣрный другъ людей!
 Вокругъ и бури и волненья;
 Но свѣтлаго чела ничто не измѣнишь!
 Въ премѣнахъ шаетъ миръ — все жертва раз-
 рущенья:

Она на все спокойно зришь.

Ея уста въ громахъ вѣщающъ:
 Въ печенѣи лѣпъ ея не мимоидеть гласъ!
 Народы и Цари со шепетомъ сръпающъ
 Судебъ неизмѣнимыхъ часъ.

И что предъ ней очарованье
 Богатства, красоты, всѣ прелести земли?
 Какъ вѣпра легкое, незримое дыханье,
 Онъ исчезнутъ — жертва шли!

Но кто сей крошкѣй, сановиный
 Предъ нею предстоитъ, любезный для сердець?..
 Повазкою жреца власы его обвиты? . . .
 То Пѣнопѣвецъ и Мудрецъ!

Окрестъ безмолвно ожиданье. —
 Къ Царицѣ доблестей душою онъ паритъ,
 Онъ внемлетъ Истинны высокое призванье;

И такъ она ему гласитъ :

„Приди, Всевышнимъ предъизбранный!
 Благовѣстуй меня народамъ и властямъ!
 Вѣдай, любимецъ мой, свѣпиломъ смертнымъ
 данный,
 Органъ святымъ его судьбамъ!

„Прими сей щипъ — оплошь надежный!
 Навѣшова злобы ты не убоишься съ нимъ;
 Сквозь бурю золь мірскихъ, сквозь вихрь стра-
 сней манежный
 Прейдешь свой подвигъ невредимъ; —

„Порока презришь обольщенье,
 И твердою сполой лестъ хипрую попрешъ;
 Корыспи, роскоши и нѣги развращенье
 Душой высокой опженешь!

„Прими перунъ — нечестья кару!
 Ты повелишь — и онъ коварство поразитъ.
 Предъидетъ Страхъ его могущему удару,
 И Сокрушенье въ слѣдъ лепитъ.

„Порокъ предъ нимъ да вострепещетъ,
 Въ ничтожествѣ ли ковъ онъ спроститъ для людей,
 Иль съ пышной высоты взоръ алчной злобы
 мечетъ!
 Ты грянешь, и герой — злодѣй!

„И ослѣпленный міръ познаетъ,
Кого боготворилъ — и идолъ ниспадетъ,
И предъ лицомъ своимъ какъ плѣнный воскъ
распаетъ,

И цѣпи съ міра мекъ сорветъ.

„Склони взоръ нѣжный сожалѣнья
На кровлю бѣдную печалей и заботъ,
На доблесць спраждущу во устахъ започенья,
И на покинутыхъ сиротъ;

„Ихъ вопли донеси къ престолу,
И вѣчностъ укажи забывшимъ долгъ Царямъ,
Да сердцемъ умилясь, приникнушь взоромъ долу,
И внемлюшь стонамъ и слезамъ!

„Ты грянь во слухъ себялюбивыхъ
И въ нѣгѣ понущихъ вельможъ и богачей,
Да гордосць буйная, внявъ гласу успѣ недѣ
спивыхъ,
Познаешь брашій и друзей!

„Ты человекъ! — твои вѣщанья
Пусть къ добродѣтели любовью пламенятъ;
Пусть вымыслы твои, сужденія, мечтанья
Ея права и долгъ гласятъ!

„Ты сынъ опечеснва! — спремися
Ему все въ жертву несть: ума и сердца даръ!
Оно зоветъ тебя! судьбой своей гордися!
Храни къ нему пы рвенья жаръ!

„Не къ брани только оподченнѣй,
 За родину опмщати на бипавы полетишь;
 Но мною избраннѣй, но мной благословеннѣй,
 Враговъ сокрытыхъ поразить,

„Лицепрѣятіе, киченье,
 Корысть, безвѣріе и мрачну клевету,
 И роскошь алчную, къ разврапности спре-
 мленье,
 И вредныхъ замысловъ мечшу! . . .

„Вопшь здѣсь вѣнецъ похвалъ правдивой!
 Прими, распоряжай, но въ благо лишь людей!
 Да не украситъ онъ души несправедливой,
 Ползущей низкою спезей!

„Не ослѣпляйся блескомъ чеспи,
 И правымъ не всегда считаешъ Могущихъ гласъ!
 Пушь слабыхъ — пушь суешъ, соблазновъ,
 спраха, леспи; —
 Ты буди швердъ въ сомнѣнный часъ!

„Предъ сильнымъ правота вѣвешъ;
 И зависть и вражда ему вѣнцы несуть;
 А беззащитнаго и правый чинишь косишетъ,
 И добрыхъ дѣлъ пошеряишь трудъ.

„Ему вѣнецъ сей — онъ награда
 Спрадальцамъ праведнымъ, забытымъ опъ
 людей!
 Въ гоненъи, въ счастіи онъ добраго опрада.
 Для добрыхъ нѣшъ другихъ честей!

„Великихъ жизнь — святая слава,
 И добрые Цари не пребуюшъ похвалъ!
 Блаженъ, чья красилась любовію держава:
 Онъ безъ пѣвцовъ безсмертенъ спалъ.

„Гряди, гряди, любимецъ Бога,
 Въ назначенный тебѣ шернистый мною путь!
 Безсмертье — швой удѣлъ; добро — швоя дорога!
 Моихъ велѣній не забудь!“

Рекла — Мудрецъ дары приѣмлетъ,
 И огонь шаиншвенный его воспламенилъ!
 Вѣщаешъ—и весь міръ съ благоговѣньемъ внѣмлетъ,
 И Зло лежишъ въ пыли безъ силъ.

Гласишъ — и Зависть поблѣднѣла,
 Корысть содроглася, шрепещешъ Клевеша,
 Злощасію заря опрады засвѣшлѣла,
 И взоръ подъемлетъ Привоша.

Пороку сила — не защита,
 И гъ слабымъ сильныя склоняюшъ дружно дланъ;
 И Добродѣшель, шьмой безвѣшности сокрыша,
 Досѣойную приѣмлетъ данъ.

Блаженство въ мірѣ водворилось;
Въ величїи процвѣлъ возникшій человекъ;
Казалось, божество въ народахъ воцарилось,
И Царство истины — воевѣкъ!

Пѣвцы! воиѣ долгъ вашъ! выбирайте
Любовь иль ненависть, почтенье или сшдыѣ!
Ошъ Испины свяшой награды ожидайте!
Она вѣнчаетъ и казнитъ!

П. Новиковъ.

~~~~~

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ
къ Аполлону.

Quid dedisatum poscit Apollinem vates? etc.

Какого счастья желаетъ,
О Аполлонъ! пипомецъ пвой,
Когда онъ, въ честь пвою, изъ чаши изливаетъ
Вино усердною рукой?
Не проситъ камней онъ Индійскихъ драгоценныхъ,
Ни жавъ Сициліи роскошныхъ береговъ,
Не проситъ сочныхъ онъ плодовъ
Спранъ, пихою волной Лириса орошенныхъ.
Пусть обладающій прелестными садами,
Въ чаны дубовые собираетъ виноградъ;
Богатство получивъ, за дальними морями
Пусть счастливый купецъ, средь нѣги и про-
хладъ
Съ друзьями время провождаетъ,
И кубокъ золопой,
Съ виномъ Фалернскимъ осушаетъ! . . .
Да будешь онъ хранимъ судьбой!
Да корабли его, несомые волнами,
Безъ опасенія бурь, чрезъ Океанъ шекутъ,
И перлы въ дань ему, и яхемши несутъ!

▲ я, подъ тѣнь деревь, Минервѣ посвященныхъ,
 Скрываясь, не прошу ни злата, ни садовъ;
 Прошу я мирныхъ дней, часовъ уединенныхъ,
 Да буду въ старости, по благосши боговъ,
     Покрытый сѣдинами,
 Тебя, Лапоны сынъ, на лирѣ воспѣвать,
     И нѣжно — звучными стихами
     Мой ясный вечеръ усладать.

В. Пушкинъ.

П Ъ С Н Ъ С Т А Р Ц А .

Мнѣ скоро восемьдесятъ лѣтъ :
Пора покинуть шумный свѣтъ ,
Спрану очарованья .
Друзья ! поможешь ли печаль ?
Намъ общій путь — безвѣсна даль . . . .
Проспите до свиданья !

Опъ всѣхъ я радостей вкусилъ ;
Я наслажденьемъ упомилъ
И чувства , и желанья . . . .
Всему конецъ ; чего искашь ?
Взявъ въ руки посохъ и сказавъ :
Проспите до свиданья !

Пора опъ странствій отдохнуть !
Но гдѣ покой ? кто скажешь путь
Въ спрану обѣщанья ,
Гдѣ мирной брегъ узришь пловецъ ? . . . .
Друзья ! мой Вождь — благой Творецъ ! . . . .
Проспите до свиданья !

В. Чюриковъ.

П И Р Ъ.

Гдѣ былъ ты, скромный другъ блистатель-
ныхъ пировъ,
Веселья шумнаго и лакомыхъ спомовъ,
Когда своимъ Лукуллъ дней нашихъ, удивляя
И зрѣніе, и вкусъ опличныхъ знаптовогъ,
Представилъ образъ намъ языческаго рая!
Тамъ нектаръ въ дорогомъ граненомъ хрусталѣ,
Въ сребрѣ амброзію Гебеи разносили,
И взоры и усна къ дарамъ своимъ манили;
И все, что рѣдкаго въ моряхъ и на землѣ
Природа смертному въ удѣлъ ни сотворила,
Все роскошь хитрая въ минушу шамъ явила, —
И чародѣйныя форсуны щедрый сынъ
Всѣхъ климашовъ, всѣхъ спранъ, — надъ мі-
ромъ властелинъ!

*

Гдѣ былъ ты, вѣрный другъ ума и даро-
ваній,
Когда, оставивши храмъ Комовъ, перешли
Любимцы Феба, Музы, въ святилище познаній (*),
И божествамъ своимъ шамъ жерпзу принесли—
Въ экспромпахъ, въ бу-риме, въ шарадахъ,
въ каламбурахъ, —

(*) Въ Библіошеку.

Чертили надписи на Граціяхъ, Амурахъ,
 Дышащихъ въ мраморъ любовью, — и любовь,
 Воспламенявшая въ Поэсахъ гений, кровь,
 Текущіе рѣкой стихи воспламеняла
 И Мнемозинѣ ихъ сама передавала!

*

Другъ нѣги, гдѣ ты былъ, когда младъ
 дыхъ Сиренъ
 Небесны голоса воспоргъ въ сердца вливали,
 И душу каждого влекли въ сладчайшій плѣнь,
 И грудь прелестными мечпами волновали! . . . .
 Воображеніе спремилось за сводъ
 Пылающей въ зряхъ огромной галлерей,
 Къ жилищу Ангеловъ, къ обители красотъ,
 Въ безвѣспныя спраны сокрывшейся Аспреи!

*

Гдѣ, гдѣ ты былъ, искусивъ волшебныхъ
 нѣжной другъ,
 Когда, подѣ понкии покровами вокругъ
 Безмолвныхъ зришелей, носились Терпсихоры,
 Иль въ группахъ пламенныхъ, сплещась рука
 съ рукой,
 Или Зефирами во слѣдъ одна другой, —
 То плавны, медленны, по живы, быстры,
 скоры
 Въ шаиншвенныхъ своихъ движеньяхъ, но серд-
 цамъ

Понятныхъ , какъ языкъ простой , обыкновен-
 ный ;
 То очарованнымъ являющся глазамъ
 Нѣмыхъ Армидъ черпы , внезапно обнаженны...
 О, гдѣ ты былъ , мой другъ ! . . . Ты знаешь,
 что съ побой
 Еще бы я своей довольнѣй былъ судьбой !

*

Ты въ жизни пошерялъ день рѣдкихъ на-
 слажденій ,
 Которыя мудрецъ умѣешь соединять
 Со благомъ истиннымъ полезныхъ упражненій,
 И счастія дары улыбкой замѣняшь !

Н. П. Шаликовъ.

Г Р О Б Н И Ц А .

Розыль дышущъ надъ могилою,
Иль полынь на ней растетъ ;
Все равно , о другъ мой милой !
Въ прахъ чувства я ужъ нѣтъ !

И. И. Дмитріевъ.

Въ уединеніи, надъ мрачною рѣкою.
Свѣды пополи верхи соединяютьъ ,
И тайнымъ ужасомъ , и вѣчной тишиной
Гробницу осѣняютъ !
Возмолвіе кругомъ! — одинъ протяжный свистъ
Опъ въпра хладнаго въ ущельяхъ опдается ,
И изрѣдка съ деревъ сухой , поблекшій лиссъ,
Ошорванный , шумя по воздуху , несется !
Все тихо ! все молчитъ ! —

*

Когда окрестности луна посеребришь
И холмы скроются за дымною рѣкою,
Сюда, въ часъ вечера, съ расперзанной душою,
Идетъ печальная супруга шосковать.
Здѣсь все въ мечпаніяхъ ея возобновится ;
Здѣсь прахъ любезнаго воскреснетъ, оживится,
И будешь съ ней любовь и счастье раздѣлять.
Огнь быспрый пробъжишь въ крови воспламе-
ненной !

Воспоминаніе навѣкъ пропекшихъ лѣтъ,
 И спраситъ взаимная, и спраситъ ихъ обѣтъ
 Опчаянне смягчаеъ опрадою мгновенной!...
 Но можно ли мечтой спраданье удалить! —
 Напрасно ты свой взоръ на небо устремляеъ,
 Напрасно горестью ты грудь свою перзаеъ —
 Исплѣвній прахъ ничто не въ силахъ оживишь!..
 Въ могилу ни печаль, ни спонъ не проникаеъ;
 Въ безчувственной землѣ огонь чувствія погасеъ;
 Ахъ! самая любовь, пылающая въ насъ,
 Се смертную умираеъ! . . . .

*

— Едва ты счастье успѣла испытаніе,
 Едва любовью ты супруга насладила — —
 Все кончилось, прошло; надежда сокрушилась!
 Однимъ опчаяннемъ должна ты жизнь पिшаеъ;
 Угасъ во взорахъ огонь, которыми ты плѣнялась;
 Исчезла милая улыбка на устахъ,
 Которыми любовь и нѣжность изливалась,
 И сердце самое — теперь ничтожный прахъ!...
 За что же мы должны въ минушное мгновенье
 Разцѣвѣеъ, узнаеъ любовь, сердечно полюбиеъ,
 Въ любви счастливы быеъ, —
 И послѣ не имѣеъ навѣкъ соединенья? — —
 Могила разная и мертвыхъ разлучаеъ! . . . .
 Сползнія, какъ тѣнь, исчезнуеъ во вселенной,
 И нашъ исплѣвній прахъ, по свѣту разнесенной,
 Грядущи времена опяеъ не соединяеъ!

*

Д 2

Пуекай швоя печаль до гроба продолжися,
Пусть шы не измѣнишь супругу своему: —
Но, ахъ! прошедшее къ нему не возвратишя!
Твой другъ не чувствуешь, вѣрна ли шы ему:
Онъ спитъ — и нѣжное весеннее дыханье,
И зимній люшый хладъ,
Оспрада и спраданье,
И дружба, и любовь его не пробуждашь!...

.....
.....
.....
.....

*

Но чпо за дѣва шамъ ко гробу низлешаетъ?...
Сіанье шихое главу ея вѣнчаетъ,
Надежда и Любовь, предъ ней соединясь,
Въ унылыя сердца вливають ушѣшенье? —
О Вѣра! познаю я швой священный гласъ:
„Ропшатель! усмирись! Ешь Богъ и Прови-
дѣнье!“ —

*

А шы, лишенная всѣхъ счастья благъ
земныхъ —
Ушѣшься! — жизни пушь не вѣчно продол-
жися:
Наспанеть скоро часъ для радостей швоихъ, —
И швой желанный другъ съ шбой соединится!
Саларевъ.

С К О Р О Т Е Ч Н О С Т Ь .

Все, все своей чредой оставишь миръ сей брѣн-
ный.

Рожденье самое къ могилѣ насъ ведетъ, —
И за предѣль, для всѣхъ Природой положенный,
Ни гордый власпелинь, ни рабъ не перейдешь.

*

Дней юныхъ красаща, богатство, честь, бли-
спанье —

Не можешь намъ ничто щипа опъ смерши дашъ;
И рано-ль, поздно ли, съ неволей, иль желаньемъ,
Должны Природѣ всѣ послѣдній долгъ отдашь.

*

Едва мы съ лѣшами успѣемъ укрѣпиться,
Уже счастливыя мечшанія пройдушь,
Въ крови прольется хладъ, умъ острый при-
шупишься,
Силь крѣпость, чувства жаръ навѣкъ въ насъ
пропадушь.

*

Придешь и спаросшь къ намъ съ главою убѣ-
ленной.

Весна прелесшная видъ прежній обновишь
Природѣ, хладною зимою умерщвленной — —
Но спаросшь юныхъ дней ужъ намъ не возвра-
тишь!

*

За чтожь считаемъ - мы евой бѣдной вѣкъ
 часами,
 Когда сполѣтнѣя живешь проспой утешь?
 Почто намъ поспавляшь себя, гордясь, богами —
 И робко смершь встрѣчаешь пощокомъ горькихъ
 слезъ? —

И можно-ль не назвашь жизнь смершнаго меч-
 шую? —
 Ахъ! сколько лѣтъ до насъ исчезло подъ лу-
 ной!
 И сколько лѣтъ еще пройдешь своей спезёю,
 Когда нашъ самый прахъ исчезнешь подъ зем-
 лёй!

Такъ время бѣспро все сразитъ косою спран-
 ной,
 И памяшь самая зашмишя во гробахъ!
 Великіе земли! внемлите гласъ ужасной:
 Изъ праха взяшше пойдушь опяшь во прахъ!..

Все, все своей чредой оставишь мѣрь сей брѣн-
 ный.

Рожденье самое къ могилѣ насъ ведеть!
 И за предѣль, для всѣхъ Природой положенный,
 Ни гордый власщелиць, ни рабъ не перейдешь! —

Саларевъ.

Б А С Н И :

1.

Н Ы Н Ъ Ш Н І Е Д Р У З Ъ Я .

Былъ — жилъ бѣднякъ, которой всёмъ нуждался,
Богатства же всего, убогій домъ имѣлъ;
И пощъ, къ несчастію, сгорѣлъ;
Бѣднякъ безо всего оспался,
Копѣйки за душою нѣпъ,
И не съ кѣмъ раздѣлишь печали.
Всѣ бросили его . . . шаковъ ужъ нынѣ свѣтъ!
Одинъ лишь пощій копъ, мяукая уныло,
Хозяину щѣмъ знашь давалъ,
Что онъ ему не измѣнялъ.
„Ты шолько, другъ мой милой!
„Оспался вѣренъ мнѣ;“
— Такъ, глядя Ваську по спивѣ,
Хозяинъ говорилъ — „но чѣмъ, въ моей напасши,
„Могу тебя за вѣрность наградишь?
„Угодно было Вышней Власци
„Меня всего лишишь!
„Но сыру у меня кусокъ еще оспался,
„И я гощевъ его съ тобою раздѣлишь.“ — —
Того — шо я и добивался!
Твой сыръ давно пронюхалъ я.
— Ворчишь, кошъ хищрій про себя,

Съ умильной рожей приближаясь,
 И болѣ прежняго къ хозяину ласкаясь ; —
 Но шолько, что бѣднякъ карманъ опорознилъ,
 Копѣ Васька къ сыру подскочилъ,
 Схватилъ его, и лыжи навосприлъ.

Д. Вельяшевъ - В.

2.

ФІАЛКА и ЗЕФИРЪ.

Сребристый ручеекъ волной своей блестяль,
 Изгибами спираясь долиною проспанной ;
 Порхая шамъ въ цвѣсахъ Зефиръ непоспоянной
 Отъ гордой Лилии къ Фіалкѣ прилешляль,
 Кошорая себя въ правѣ густой скрывала.
 Фіалка скромная Зефиру отвѣчала:

„Оставь свободу мнѣ ! Примѣръ подругъ моихъ
 „Твой переменный нравъ довольно мнѣ пред-
 ставиль :

„Ты для меня другихъ оставиль —

„Меня оставишь для другихъ !“

Саларевъ.

Е Ж Ъ и К Р О Л И К И.

(Изъ Флоріана.)

Какихъ на свѣшѣ нѣтъ охотниковъ до ссоры!...
 Имъ любимое занятіе — браниться!
 Имъ скучно, еслили въ рѣчь не замѣшался споръ;
 Досадно, ежели кто съ ними согласится! —
 Природный ихъ талантъ: колоть и задирасть.
 Избави Боже насъ такихъ людей встрѣчать! —
 Въ знакомыхъ я люблю учтивость, снисхожденіе:
 Вотъ связей общества прямое украшеніе!

Какой-то Ежъ, за нравъ сварливый и
 крушой
 Отъ мирныхъ согражданъ къ изгнанью! осуж-
 денный,
 Бродилъ — гдѣ день, гдѣ ночь, печальный,
 упомленный,

И съ вѣчной къ землякамъ враждой. —
 Приходитъ онъ къ норѣ, въ которой обитало
 Семейство Кроликовъ. — Тутъ объявилъ онъ имъ,
 Что злобой былъ въ своемъ опечесивѣ гонимъ;
 Бранилъ враговъ своихъ не мало,
 И кончилъ просьбою: позвольте на часокъ
 Зайти погрѣться въ ихъ смиренный уголокъ.

Спрашнопрѣимцевъ Богъ, сказалъ онъ, награжда
даешь ;

А вамъ, примолвилъ онъ, одинъ не помѣшаетъ! —

„Добро пожаловать! — ошозвались Ежу:

Мы смиры, и живемъ здѣво пихо и согласнѣ,

Что ешь — все общее ; не любимъ дѣлежу;

Кшобъ вздумалъ ссорить насъ, зашвѣля бы на
прасно! —

Забоша наша вся — съ зарею ранней воспашъ ,

Да выдши на лужокъ, чшобъ шмину пощипашъ;

Пошомъ — кшо рѣзвншся, кшо хочешъ — ошды-
жаешь ;

А между шѣмъ одинъ споншъ и замѣчаешъ ,

Не крадешся-ль гроза. — Лишь чупъ издадека

Увидишъ сѣнци, иль стрѣлка,

Топчасъ даешъ намъ знашь, и мы спѣшимъ
укрышся. . . .

Случишся ли изъ насъ кому во цвѣшѣ дней

Проспишся съ жизнию своей —

Все эщо намъ въ урокъ: спѣшитъ ей насла-
дисься! . . .

За то, повѣрь мѣ, что у насъ

Иль въ дружбѣ, иль въ любви проходишъ каж-
дый часъ!

Вопъ наши правила. — Согласны ли съ швоими?...

Коль шакъ: — живи у насъ съ Пенашами своими,

И нашимъ брантомъ будъ;

Не хочешъ: можешъ здѣсь спокойно ошдохнушъ,

Поѣшь, что Богъ послалъ, и въ путь опять
пустишься. —

На рѣчь учивую Ежъ скромно отвѣчалъ,

Что онъ за счастье бы считалъ,

Когда бы, хоть у нихъ, отъ злобы могъ укрыться,

И былъ бы очень радъ, когда бы они нашли,

Что дружество его вниманья ихъ достойно. —

Помомъ привѣспвiя взаимныя пошли,

И все до вечера шло тихо и спокойно. —

Усплись ужинашь. — За ужиномъ пришлецъ

Сосѣда уколеть изъ подпшкка иглами . . . .

„Не лзя-ль, любезный госпъ, не такъ возишься
съ нами?“

Ежу сказали наконецъ.

А госпъ, поворотясь, кольнулъ иглой друга;

Помомъ и прешьяге, помомъ ужъ и щестова...

Въ норѣ поднялся шумъ; всѣ ропщущъ, всѣ
кричащъ :

„Ужишься - ль намъ съ побою! . . .

Поцель, поцель отъ насъ!“ — Прстойте!
виноваль! —

Ежъ Кроликамъ сказалъ: ужъ я и самъ нерадъ,

Что насъ такъ много безцокою;

Но право безъ шого не лзя мнѣ обойтись! . . .

Таковъ природой я, — вы согласитесь сами! —

„Какаяжъ нужда намъ, что пы рожденъ съ
иглами! . . .

Хозяинъ отвѣчалъ: когда жить хочешь съ нами,

Поди и оспригись!“

Михайло Дмитриевъ.

У Ч Е Н Ы Е.
(Изъ Флоріана.)

Два мальчика Сову поймали,
 И въ школѣ у себя вскормили, воспитали.
 Свели знакомство съ шой Совой
 Гусенокъ — спорожа пипомецъ молодой,
 Кошъ Васька — философъ, любитель про-
 свѣщенья,
 И при пріятели имѣли позволенье
 Въ часы свободы и ученья
 Ходить по комнатамъ, сидѣть по всѣмъ уг-
 ламъ,
 И даже прыгать по столамъ. —
 Они, бывая часто тамъ,
 Узнали наконецъ и Ливіа пворенья,
 Узнали, что писалъ Тацитъ и Геродотъ . . .
 Однажды вечеромъ имѣли разсужденье
 Друзья о томъ: какой народъ
 Достоинъ болѣе попомства уваженья. —
 — Я, началъ важно Кошъ,
 Египтянъ всѣмъ предпочитаю! . . .
 У нихъ возникъ наукъ великолѣпный храмъ;
 У нихъ я мудрые законы примѣчаю;
 А въ благочестіи, въ почтеніи къ богамъ
 Народу ешому, признаюсь, други, вамъ,
 И въ наши дни, — нигдѣ подобнаго не знаю! . . .
 Одно послѣднее, по мнѣнью моему,
 Дастъ преимущество — е.и.у!

— Нѣтъ, Васька, ты не правъ! Сова ему ска-
зала:

Не спорю; я всегда народъ сей уважала,
Однако же на Египтянъ
Не промѣняю *Аѳинянъ!* . . .

Какой игривый умъ! какое благородство!
Какое и въ войнѣ и въ мирѣ превосходство!
Какъ много истинно великихъ межъ гражданъ!..

Признайся самъ ты, не робѣя,
Какой другой народъ споль много совершилъ,
Споль мало способоу имѣя? . . .

— Постойше, господа, — шутъ Гусь заговорилъ:
А Римляне? . . . вы ихъ забыли? . . .

Они побѣдами, искусствами, и всѣмъ
Далеко ихъ опередили! . . .

Кто не уступилъ шагу пѣмъ,
Которые себѣ пол-міра покорили? . . .
Уже Ученые до драки доходили,
Когда Мышь умная, не шраша много словъ,
Вскричала изъ норы: „прошу на часъ шерпѣнья!..
Сказашъ ли, опъ чего различны ваши мѣнья?..

Египтяне — въ числѣ Боговъ
Считали кошекъ и кошовъ;
Въ Аѳинахъ — обожали Совъ;
А въ *Капитоліи* — кормили
Гусей на счепъ казны! . . .

И такъ повѣрше мнѣ; вы мнѣнй разныхъ были,
А самолюбіемъ — равны!“

Михайло Дмитріевъ.

ВѢДНОСТЬ И ТРУДЪ.

(Народная сказка.)

„Что-то, ушла-ль мяшель? — Посмотри-ка
ны, Лиза, въ окошко!“

Бабушка, съ печки слезая, шакъ внучкѣ сказа-
ла; — и Лиза

Порхъ, какъ синичка, къ окну — и окно от-
швора, и зацокнувъ:

„Бабушка! страшно мяшешь, и сугробы, какъ
горы! — а съ крышекъ

„Вихоръ шакъ клочья и рветъ, и вершилъ! —
Ни звѣздочки... мѣсяць

„Въ мушную шучу уплылъ! Ахъ, какъ страшно,
какъ холодно въ полѣ!“ —

Какъ же въ свѣшлицѣ намъ бытъ? — опяшь вы
въ бирюльки? — Аль вѣчно

Руки поджавши сидѣшь, а работу подь лавку? —
Нѣшь, дѣши!

Боже спаси васъ! — Вѣдь чуть залѣнишься, отъ-
куда возмется

Госпъ нежеланной на дворъ, госпъ недоброй;
зовешя онъ Вѣдность!

Вѣднешь! — охъ, бойшесь ее: то лихая кол-
дунья, съ клюкою

Ходить въ опрелыхъ ; — на ней закоптившая
старая шуба

Въперъ пустую суму и лохмотья длабыщешъ...
Злодѣйка

Бродить по селамъ , какъ волкъ , и грызешъ
поселянъ ; а мальчишекъ

Гонить на снѣгъ босикомъ , чшобъ кричали про-
взжимъ : „подайте!“...

„Чѣмъ же Бѣдность гоняшь?“ — спросила сон-
ливая Соня.

„Только Трудомъ , да Трудомъ!“ — прибрядрся
опивчала спарушка :

„Трудъ хощъ буда молодець! ... и какое село
онъ залюбишь ,

„Тамъ и живье ! — Отъ его богатырскаго по-
свисна — Бѣдность ,

„Злобясь , бѣжись и , назадъ озираясь , зубами
щелкаешъ !“

— „Чшожъ - шо за Трудъ-молodeць ? да онку-
да приходишь ша Бѣдность ?

Бабушка! семь — разкажи намъ объ эпомъ по-
больше!“ — Такъ , съ печи

Спрыгнувъ и рѣчь перебивъ , подхватила вер-
шлявая Катя.

Вошь , ужъ я вижу , опяшь инѣ придется васъ
сказкой попѣвшить :

Въ сказкѣ , какъ въ зеркалѣ все ! — „Ахъ , чего
же намъ лучше , всѣ въ гелось :

- Вечерь вѣдь полько наспалъ, и ночникъ про-
горить еще долго...
- Сядь же, родная! за споль, хоть въ почеп-
номъ углѣ подь кіюшой.
- Свѣла; — а внучки кругомъ, такъ и ласпяцца,
вьются къ спарушкѣ!
- Ждушь, не дождущся; — но вошь и безъ дѣла
остаться не смѣюшь:
- Лиза взялась за чулокъ; а работу полегче —
по Сонѣ;
- Катинька жь, съ донцемъ подсѣвъ, вершеномъ,
какъ игрушкой, верпѣла. —
„Чшожъ начинашь ли?“ — спросила спарушка.
„Скорѣ! скорѣ!“ ...
- „Ну шабъ сидише-жь. — „Сидимъ!“ — Ну
да слушаите-жь! — „Слушаемъ!“ — Тихо!
- „Богъ вѣспъ, давно ли и гдѣ, полько жили, да
были кресьяне,
Все лѣншій на лѣнпяѣ! Придешь ли пора,
чшобъ посѣять, —
Пахарей нѣшь!... стрекоза ужь юлишь (1) и
козелецъ во цвѣтѣ (2),
Сыплешь и рожъ (3)... эй, пора — имъ швер-
дяшь — яровое подь соху! —

(1, 2, 3,) Появленіе *стрекозы*, копорая обыкновенно любимѣе вишься около цвѣтовъ съ жужжаніемъ, зацвѣтаніе травы *козелеца* и рожъ, высыпающая вѣ колосѣ, суть вѣрные признаки (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи) наступающей поры яроваго посѣва.

Лѣтно лепишь и не ждешь, а лѣнивцы всё тары,
 да бары,
 Тѣхо, вяло, плугомъ нѣвы слегка чухъ про-
 плянушь...
 Нѣвы звонцемъ заросли, и волчкомъ покрылось
 все поле;
 Что имъ до поля?... Еще-жь, на бѣду, иску-
 шенье въ сѣвдствѣ:
 Пиво и кѣнникъ и медь!... вошь и пьюшь, и
 шумяшь, и гуляюшь,
 Времяжь бѣжишь, да бѣжишь!..., Ну, а что же
 ихъ жены и дѣши? —
 Малый за старымъ идешь!... ихъ и жены и
 дѣши лѣнились:
 Все чшобъ попѣшь, поплясашь, да на ярмарку...
 коней избили,
 Дома свели!... а къ зимѣ, какъ сурки по но-
 рамъ, западали...
 Спрашно къ нимъ въ йзбу войши: поутру, лишь
 запопился печка,
 Хлынешь вдругъ дымъ; — и давай шухъ, и две-
 ри и окны всё насшижь!
 Кѣпошно, сине вверху! — а съ полашь, уго-
 рѣвъ, ребяпишки
 На полъ, да на полъ скорѣй!... полегли на сѣ-
 ломѣ... и шухъ же
 Госшь къ нимъ козелъ бородашой вдругъ шасшь!..
 и овца, по привычкѣ,

Въ избу, и ну перебишь изъ подъ нихъ, какъ
изъ люльки, солому...

Горе имъ въ горькомъ дыму!... Гдѣ ни взгля-
нешь, все скудно... лѣнницы

Терпящъ опъ лѣноспи все, и чернѣющъ, коп-
пясь, шихомолкомъ!

Глухо въ ихъ гумнахъ, кругомъ ни гу, гу!...

Да чему-жъ у лѣнивцовъ

Рано и поздно спучалъ? — Аль цѣпамъ по по-
камъ въ подъ — авинахъ? —

Спящъ ихъ цѣпы; — а въ снопахъ воробьи
лишь воруя, щебечущъ.

Въ жищницахъ вѣшеръ живешъ; про запасъ
селянинъ не молошищъ;

Чпожъ смолошилъ, по и съѣлъ!... А въ рек-
рутскую складку, а подать!

Чѣмъ же плашишь, какъ придепъ къ нимъ, съ
высокою палкой, десятской? —

„Вынь, да положи!... а не по...“ Ну, казна-
по, не свой братъ, нешупишь!

То-цо лѣнивыхъ жищье: вѣдь ни ложки, ни
плошки въ деревнѣ.

Вѣкъ по чужимъ все угламъ ихъ волочишь съ
пустою коптомкой

Бѣдность! Злодѣйка, съ клюкой впереди,
а за нею лѣнницы:

Тихо, уныло и робко, скрипучей шпрокою, по
снѣгу,

Скорчась, подъ скны бредушь и насилу прошеп-
 чущь осипло :
 „Дайте намъ ради Христа!“ — и въ селѣ ихъ
 ко храму Господню
 Снѣгомъ и слѣдъ замѣло!... Хошь зvonы и
 звоняшь и презвоняшь
 Рѣзко имъ въ уши ; но звонъ улешаесть на вѣ-
 шеръ... Когда же
 Къ церкви пойдушь , шакъ сморѣшь на обо-
 драныхъ спыдно! — Ну, дѣши ,
 Вошь вамъ и Бѣдность! — „А Трудъ?“ — Пого-
 дище немного ; — у спарыхъ
 Памяшь шупѣесть! — а вамъ не сидишься? —
 Ну, шихожь! да слушаешь :
 Посланъ къ лѣнивцамъ былъ Трудъ; и по знашь,
 за молебь ужь опцовски ;
 Ловкой дѣшина пришель къ нимъ, и Богъ вѣспѣ
 и какъ, и опкуда,
 Гоголемъ парень идешь и рѣчисшь и умень и
 привѣпливь,
 Роспомъ высокъ онъ, плечисшь, и въ подби-
 томъ овчиной кафтанъ,
 Спапенъ, пригожь, молодець!... По бедрамъ
 коломенковой поясъ ;
 Шапка съ заломомъ, лице — словно кровь съ
 мелокомъ; взглядъ — соколій!...
 Онъ-шо былъ Трудъ; и въ село чущь вошелъ, —
 закричалъ на лѣнивцовъ ;

Е •

„Что, аль не видите вы, что грозить вамъ
 бѣда неминуча:
 Бѣдность васъ всѣхъ загрызеть! — шакъ вспа-
 вай, не зевай, за работу!“

Вошь, какъ бы кто разполкалъ всѣхъ лѣнив-
 цовъ; — лѣнивцы проснулись :

Топь за шопоръ; а другой съ доломомъ, съ
 молоткомъ, да съ обухомъ;

Спукъ по деревнѣ и гукъ!... Закружась жерно-
 ва, заревѣли;

По клину клинъ зазвенѣлъ... и пила, разходясь,
 засипѣла...

Скрыпнули сшворы; коней всякъ выводилъ; а
 кѣни чунь бродяшъ! —

Всѣ собрались и гужомъ попянулись въ пущь,
 во дорогу...

Жены-жъ, оспавшісь межъ шѣмъ, ужъ досужи
 и падки къ работѣ;

Только пѣшухъ кукарекнула — лучина горитъ
 ужъ по избахъ:

Ярко горитъ и прещитъ; шолько искры, какъ
 блески, сверкають!...

Вьется кудѣль, — и верпясь вершено, про-
 мѣжъ пальцевъ играетъ;

Пряжа придется; а шамъ — шамъ скрипучія,
 шаткія красны

Ходяшъ; преворный челнокъ, по шуда, по сю-
 да, все шныряетъ,

О Г Л А В Л Е Н І Е

одиннадцатой Части.

Прозаическія сочиненія.

Стран.

Опытъ рѣшенія вопроса, предложеннаго въ Обществе Любителей Россійской Словесности, основанномъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, о томъ: на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоря: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчій.	3
О характерахъ Русскихъ народныхъ пѣсней.	35
Письмо изъ Сибири.	52
Ошвѣщъ на Греческую и Рускую Просодію.	71
Воспоминаніе о Петрѣ Алексѣевичѣ Плавильщиковѣ.	87

С п и х о ш в о р е н і я.

Ея Императорскому Высочеству, Государынѣ Великой Княгинѣ АЛЕКСАНДРѢ ФЕОДОРОВНѢ.	9

О г л а в л е н і е.

	Стран.
Гласъ Божій въ громѣ.	10
Подражаніе 14 Псалму.	14
Подражаніе 81 Псалму.	17
Описаніе спрашнаго зноя.	22
Отрывокъ изъ Комедіи Фабра д'Егланшина.	34
Къ Солнцу.	51
Истина и Мудрецъ.	53
Подражаніе Горацию къ Аполлону.	60
Пѣснь шарца.	62
Пирь.	63
Гробница.	65
Скоропечность.	69
Басни : 1. Нынѣшніе друзья.	71
2. Фіалка и Зефиръ.	72
3. Ежъ и Кролики.	73
4. Ученые.	76
Вѣдность и Трудъ. (Народная сказка.)	78

Т Р У Д Ы
ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССИЙСКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ

П Р И
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

~~~~~  
**ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ.**  
~~~~~

ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА.
Г О Д ъ ІІІ.

МОСКВА , 1818.
Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

**Въ Ценсурный Комитетъ надлежащее коли-
чество сей книги доставлено.**

ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА.

I. Протоколъ 30 го засѣданія, обыкновеннаго.

1817 Года Октября 27 го дня, въ обыкновенномъ Собраніи Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, происходило слѣдующее:

1. Прочтенъ журналъ торжественнаго засѣданія, бывшаго сего 1817 года Юня 15 го дня.

2. Господинъ Предсѣдатель привѣтствовалъ Членовъ краішкою рѣчью при началіи трудовъ послѣ отдохновенія.

3. Прочтено изъ учрежденнаго при Харьковскомъ Университетѣ Общества Наукъ отношеніе (А), при коемъ препровожденъ одинъ экземпляръ перваго Тома Трудовъ онаго Общества.

Лѣтопись III. А В

Опредѣлено: книгу принять съ благодарностію, а о полученіи ея извѣсннть Харьковское Общество.

4. Господинъ Предсѣдатель представилъ Обществу записку, полученную изъ Рязани, о нарѣчіяхъ употребляемыхъ крестьянами Рязанской и Калужской Губерній въ селеніяхъ Спаскаго, Серпейскаго и Жиздринскаго уѣздовъ (Б). Опреѣлено: принявъ съ признательностію, писнуть слова въ Дѣлописяхъ Общества.

5. Представлены въ библіотеку Общества слѣдующія книги: а) отъ Господина Предсѣдателя Антона Антоновича Прокоповича - Антопскаго: 1 е. *VIIIя Часть Трудовъ Общества*; 2 е. *Рѣчь Преосвященнаго Августина при заложеніи Храма Христа Спасителя*; б) отъ опшущающаго Дѣйствительнаго Члена П. П. Свиньина: 1 е. вторая книга *Достопамятностей Санктпетербурга*, его сочиненія; 2 е. *Ежедневныя записки въ Лондонѣ*, его же сочиненія; в) отъ Дѣйствительнаго Члена Г. Ѳ. Покровскаго: *Разсужденіе о происхожденіи, восте-*

пенномъ ходѣ и нѣкоторыхъ чертахъ Гражданскихъ законовъ, его сочиненія; г) опъ Издашелей Украинскаго Вѣстника: 6, 7 и 8 книжки сего Журнала; д) опъ Дѣйствительнаго Члена Кн. П. И. Шаликова: Путешествіе въ Кронштатъ, его сочиненія; е) опъ Господина Орля - Ошменца двѣ книжки Друга Россіянъ, имъ изданнаго; ж) опъ Сотрудника С. Г. Саларева: 1. *Oeuvres de Chaulieu*, 2 Tomes; 2 e. *Les oiseaux de la ferme, par Lalanne, et Le potager, Essai didactique par Lalanne*, 2 Tomes; 3 e. *Le printemps d'un proscrit, poëme par Michaud*; 4 e. *Essai sur le gout, par Gerard*; з) опъ Студента М. Философова: *Alaric, poëme*; и) опъ Студента Ивана Рѣшешникова: 1 e. *Опытъ разсужденія о томъ, что Римляне заимствовали отъ Грековъ*; 2 e. *Полное Собраніе Псалмовъ Царя Давида, переложенныхъ въ Рускіе стихи*; і) опъ Дѣйствительнаго Члена К. Н. Башюшкова, его же *Опыты въ прозѣ и стихахъ*; к) опъ Дѣйствительнаго Члена М. Т. Каченовскаго: *V Часъ Библиотеки повѣстей и анекдотовъ, имъ*

изданою; л) отъ М. Е. Лобацова переведенная имъ Расинова Трагедія *Ифигенія въ Авлидѣ*. Определено: оныя книги, принявъ съ признашельноспію, ошдашь (и ошданы) для храненія Г. Библиолекарю, Дѣйсшвишельному Члену П. М. Дружинину.

6. Господинъ Предсѣдатель предсшавидь (дѣбсти рублей при письменномъ донесеіи внесенныхъ Дѣйсшвишельнымъ Членомъ П. В. Побѣдоносцевымъ, полученныхъ имъ за проданныя экземпляры Трудовъ Общесшва отъ книгопродавцевъ Александра Ширяева и Петра Глазунова (отъ каждаго по равной часпш). Определено: оныя деньги при выпискѣ ошдашь (и ошданы) Г. Казначею Общесшва П. М. Дружинину.

7. Господинъ Предсѣдатель объявилъ, что осьмая Часпш Трудовъ Общесшва вышла изъ печати, и роздалъ оной по экземпляру Дѣйсшвишельнымъ Членамъ.

8. Въ слѣдствіе прощокола пригштовительнаго Собранія 25 го числа Октября бывшаго, были чшпаны:

- а) Д. Членомъ А. Ѳ. Мерзляковымъ
своего сочиненія: *Пѣснь на за-
ложеніе Храма Христа - Спаси-
теля.*
- б) Д. Членомъ И. И. Давыдовымъ:
Три парадокса, изъ Цицерона,
имъ же переведенные.
- в) Дѣйствительнымъ Членомъ Ѳ.
Ѳ. Кокоткинымъ: *Подражаніе*
XXXVI Псалму, сочиненіе Н.
М. Шапрова,
- г) Сотрудникомъ П. Ѳ. Калайдови-
чемъ: *Синонимы, имъ же сочинен-
ныя.*
- е) Д. Членомъ Ѳ. Ѳ. Кокоткинымъ
спихошвореніе: *Къ мечу, при-
сланному Графиней Анною Алек-
сѣвною Орловою Графу Михаи-
лу Андреевичу Милорадовичу, —*
сочиненное Д. Членомъ Ѳ. Н.
Глинкою.

- f) Д. Членомъ В. Л. Пушкинымъ:
Гимнъ красотѣ, стихотвореніе
Д. Члена Князя, П. И. Шаликова.
- g) Д. Членомъ В. Л. Пушкинымъ:
Подражаніе Гораціевой Одѣ:
Dones gratus eram tibi, его же
сочиненія,
- h) Сопрудникомъ Пл. С. Яковле-
вымъ: Сказка Карбункулъ, стихо-
твореніе Д. Члена В. А. Жуков-
скаго,
- i) Д. Членомъ В. Л. Пушкинымъ:
Гнѣвъ Зевеса, басня его же со-
чиненія.

П Р И Л О Ж Е Н І Я,

(А)

Въ Московское Общество Любителей Россійской Словесности

Изъ учрежденнаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ Общества Наукъ,

Общество сіе изъ особеннаго уваженія къ достоинствамъ Мужей, составляющихъ Сословіе Любителей Россійской Словесности, имѣетъ честь препроводить въ оное одинъ экземпляръ перваго Тома Трудовъ своихъ, при чемъ покорнѣйше проситъ о полученіи его не оставитъ безъ уведомленія,

Предсѣдатель Тимошей Осиповскій.

Секретарь Общества Адъютантъ Коллишинскій.

№ 523.

Юля 3 го дня

1817.

(Б)

Записка о нарѣчіяхъ между крестьянъ Рязанской и Калужской Губерній въ селеніяхъ Спасскаго, Серпейскаго и Жиздринскаго уѣздовъ,

а и м е н о :

Рязанской Губерніи Спасской округи.

<i>Вмѣсто</i>	<i>Говорятъ :</i>
полкачь или песнь	пишкиль
открой окно	отгай окно
закрой —	загай
сестра	шяшя
лряпица	гуня
подлѣ озера	кри озера
земляника	пазабника
брусника	буравика
ухватъ	рогачи
горшокъ	егольникъ
горшечикъ	пекишъ
бурачокъ	пырсикъ
ковшъ	ѳорецъ
корову подоишь	корову пошѣишь
слыщу	нуинъ
земскоя	дьякъ
волкъ	бирюкъ
пропа	спешка
маленькой хлѣбъ	каравай
работникъ	бапракъ, ярышка

<i>Вмѣсто</i>	<i>Говорятъ :</i>
игрище - - - -	ярило
нагишомъ - - - -	щѣлешомъ
медовая брага - - - -	воронокъ
дубинка - - - -	байдикъ
большой кувшинъ - - - -	поспава
поросенокъ - - - -	ососокъ
квашня - - - -	дешка
кузовъ - - - -	набирка
исповѣдашься - - - -	поновисься.

*Калужской Губерніи Серпейскаго и
Жиздринскаго уѣздовъ.*

<i>Вмѣсто</i>	<i>Говорятъ :</i>
говоришь - - - -	гукаль
ноги - - - -	ходули
ужъ и змѣя - - - -	казюлька
шугай - - - -	каспалонъ.

*Коллежскій Регистраторъ
Іларіонъ Дяликовъ.*

8го Мая 1817 года.

Рязань.

II. Протоколъ 31 го засѣданія, обыкновеннаго.

1817 Года Ноября 30 го дня въ обыкновенномъ Собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, происходило слѣдующее :

1) Прочтенъ протоколъ послѣдняго засѣданія, бывшаго въ 27 й день Октября мѣсяца сего года и подписанъ Членами.

2) Прочтено отношеніе изъ Училищнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Комитета (А), при которомъ приложена Торжественная пѣснь на случай Высочайшаго прибытія въ Калугу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, сочиненная Учительемъ тамошней Гимназіи Гмъ. Блажевичемъ. Определено: оное стихотвореніе разсмотрѣшь въ приговорившемъ Собраніи.

3) Его Превосходительство Господинъ Предсѣдатель представилъ для

библіотеки Общества книги: 1) Опъ Г. Стапскаго Совѣтника Захарія Аникеевича Горюшкина: а) *Руководство къ познанію Россійскаго Законоискусства*, его сочиненіе въ 4 хъ кожаныхъ переплесахъ. 2) Опъ Д. Члена Князя П. И. Шаликова: б) *Воспоминаніе объ Италіи, Англіи и Америкѣ Шатобриана*, его перевода, двѣ Часті. 3) Опъ Издашелей *Украинскаго Вѣстника*: с) книжки девятая и десятая. 4) Опъ Университетскаго книгопродавца А. С. Ширяева: d) *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова*, 16 Часпей, въ кожаныхъ переплесахъ; е) *Жизнь Петра Великаго*, 5 Часті, соч. Галема, въ кожаныхъ переплесахъ; f) *Жизнь Князя А. Д. Меншикова*; g) *Жизнь Графа Суворова*, 7 Часпей, въ 3 хъ кожаныхъ переплесахъ. Опредѣлено: книги принять съ признашельностію, которую въ особенноти изъявиль Университетскому книгопродавцу А. С. Ширяеву, показавшему уже неоднократные опыты своего къ Обществу.

Слѣдствіе прошокола при-
готовленнаго Собранія, 29го Ноября
бывшаго, чинаны были:

82. ... 177X, ... 8181

а. Д. Членомъ **О. О. Кокошкинымъ**:
Гласъ Божій въ громъ, спихо-
 творное подражаніе Псалму
 XXVIII Святаго Царя Давида,
 сочиненное **Дѣйствительнымъ**
 Членомъ **А. О. Мерзляковымъ**.

б. **Дѣйствительнымъ** Членомъ **И.
 И. Давыдовымъ**: *Взглядъ на ис-
 тинное достоинство Писателя*,
 разсужденіе въ прозѣ Д. Члена
В. В. Измайлова.

в. **Дѣйствительнымъ** Членомъ **В.
 Л. Пушкинымъ**: *Безебріе, стихи*
 воспитанника Царскосельскаго Ли-
 цeya Александра Пушкина.

г. **Дѣйствительнымъ** Членомъ **О.
 О. Кокошкинымъ**: *Утѣшеніе доб-
 родѣтели*, стихи Князя **П. И.
 Шаликова**.

е. **Дѣйствительнымъ** Членомъ **И.
 И. Давыдовымъ**: *Писаніе*
Синонимъ, сочиненное **Груд-
 никомъ С. Г. Саларевымъ**.

(х) *напечат. въ 10^м томе,
 1818, книга XII, стр. 58.*

- г. Дѣйствительнымъ Членомъ **Ө.**
Ө. Кокошкинымъ опривокъ изъ
 Поэмы: *Искусства и Науки*, со-
 чиненіе Дѣйствительнаго Члена
А. Ө. Всейкова.
- г. Дѣйствительнымъ Членомъ **Д.**
И. Вельяшевымъ - Волынцовымъ
 своя басня въ стихахъ: *Верблюды*.
- и. Сопрудникомъ **П. С.** Яковлевымъ:
Овсяной кисель, стихопвореніе
 Дѣйствительнаго Члена **В. А.**
 Жуковского.
- і. Дѣйствительнымъ Членомъ **Ө.**
Ө. Кокошкинымъ: *Фиалка и дубы*,
 басня въ стихахъ, сочиненія Дѣй-
 ствительнаго Члена **Ө. Н.** Глинки.
- к. Дѣйствительнымъ Членомъ **В.**
Л. Пушкинымъ своя басня въ
 стихахъ: *Попугай*.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

(А)

Изъ Училищнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Комитета

Въ Общество Любителей Россійской Словесности.

Калужскій Губернскій Училищъ Директоръ при рапортѣ своемъ представилъ шоржеспвенную Пѣснь, сочиненную Учительемъ Россійской Словесности при памощней Гимназіи Г. Блажевичемъ, на случай прибытія въ городъ Калугу ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; при чемъ Директоръ объясняетъ, что сочинитель сей Пѣсни просилъ, дабы Комитетъ благоволилъ препроводить оную въ Общество Любителей Россійской Словесности. Въ слѣдствіе чего въ Училищномъ Комитетѣ определено: означенное сочиненіе препроводить при отношеніи въ Общество Любителей Россійской Словесности, согласно съ желаніемъ Учителя Блажевича, что симъ и исполняется. Ноября 10 го дня 1817 года.

№ 714. *Никифоръ Черепановъ.*

Секретарь Петръ Дружининъ.

Канцеляристъ Алексѣй Легошинъ.

III. Протоколь 32 го засѣданія, обыкновеннаго.

1818 Года Января 26 го дня, въ обыкновенномъ Собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, происходило слѣдующее :

1. Прочтенъ протоколь послѣдняго засѣданія, бывшаго въ 30 й день Ноября 1817 года и подписанъ Членами.

2. Прочтено отношеніе изъ Училищнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Комитета подъ Но 26 мь, при которомъ приложена Ода на прибытіе въ Калугу Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА, сочиненная Учительемъ шамошней Губернской Гимназіи Блажевичемъ (А).
Опредѣлено: Оду разсмотрѣть въ пригласительномъ Собраніи.

3. Его Превосходительство, Господинъ Предсѣдатель Антонъ Антоновичъ
Автописи III. Б

Прокоповичъ - Аншонскій представилъ для Библіотеки Общества книги, въ даръ принесенныя: 1) Отъ Почетнаго Члена Его Сиятельства Графа Д. И. Хвостова, при письмѣ (Б): билетъ на полное изданіе его сочиненій; 2) отъ себя: а) Трудовъ Общества 9ю Часть, б) Калліоны 3ю книжку, с) Рѣчь, Разговоръ и Стихи, читанныя на публичномъ актѣ Университетскаго Благороднаго Пансіона 1817 года; 3) отъ Его Превосходительства Алексѣя Федоровича Малиновскаго: Біографическія свѣденія о Князѣ Пожарскомъ; 4) отъ Издашелей Украинскаго Вѣстника: мѣсяцъ Ноябрь и Декабрь сего Журнала; 5) отъ Сотрудника В. С. Чюрикова О Высокѣмъ, твореніе Лонгина, переводъ Мартынова; 6) отъ С. Д. Нечаева: Пифагорейскія жены, его перевода.

4. Присутствующимъ Дѣйстви- тельнымъ Членамъ розданы экземпляры, каждому по одному, вышедшей изъ печати 9й Части Трудовъ Общества.

5. Въ слѣдствіе протокола пригошовишельнаго Собранія, въ 24 й день Ноября бывшаго, чяшаны были :

- а. Д. Членомъ **Ө. Ө. Кокоскинѣмъ** подражаніе XXXII Псалму Св. Царя Давида, сочиненное **Н. М. Шатровѣмъ**.
- б. Дѣйствишельнымъ Членомъ **И. И. Давыдовѣмъ** одна половина Цицеронова сочиненія: *О старости*, своего перевода.
- в. Д. Членомъ **А. Ө. Мерзляковѣмъ**: *Истина и мудрецъ*, сочиненіе Сотрудника **П. А. Новикова**.
- г. Сотрудникомъ **П. С. Яковлевѣмъ** отрывки изъ III Пѣсни Гомеровоу *Иліады*, переводъ въ стихахъ отсутствующаго Д. Члена **Н. И. Гибдича**.
- д. Д. Членомъ **Ө. Ө. Кокоскинѣмъ**: *О красотѣ къ Доридѣ*, стихотвореніе отсутствующаго Д. Члена **А. П. Степанова**.

В в

- f. Д. Членомъ А. В. Болдыревымъ:
*О силѣ предлоговъ въ значеніи
 словъ (В)*, сочиненіе Сотрудника
 С. Г. Саларева.
- g. Д. Членомъ П. В. Побѣдоносце-
 вымъ: *Воспоминаніе о Плавиль-
 щиковѣ*, свое сочиненіе въ прозѣ.
- h. ~~Д.~~ О. О. Кокошкинымъ: *Скоротеч-
 ность*, стихотвореніе Гна. Са-
 ларева.
- i. Д. Членомъ Д. И. Вельяшевымъ-
 Волынцевымъ: *Роза*, басня въ спи-
 хахъ, своего сочиненія.
- к. О. О. Кокошкинымъ: *Дубъ*, бас-
 ня въ стихахъ Сотрудника В.
 С. Чюрикова.
- l. П. С. Яковлевымъ: *Бѣдность и
 трудъ*, народная сказка въ спи-
 хахъ, сочиненіе отсутствующа-
 го Д. Члена О. Н. Глинки.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

(А)

Изъ Училищнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Комитета

Въ Общество Любителей
Россійской Словесности.

Калужскій Губернскій Училищъ Директоръ, при рапортѣ своемъ, представилъ на усмотрѣніе Комитета Оду, сочиненную Училищемъ тамошней Губернской Гимназіи Блажевичемъ, на прибытіе въ городъ Калугу Его Высочества, Государя и Великаго Князя МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА; при чемъ Г. Директоръ проситъ отослать оную въ Общество Любителей Россійской Словесности, согласно съ желаніемъ Сочинителя. Въ слѣдствіе чего въ Училищномъ Комитетѣ опредѣлено: означенную Оду препроводить, при отношеніи въ Общество Любителей Россійской Словесности, согласно съ желаніемъ Сочинителя, что симъ и исполняется. Декабря 31 го дня 1817 года.

Михаилъ Каченовскій.

Секретарь Петръ Дружининъ.

Канцеляристъ Николай Зетресь.

(Б)

Милоспивый Гоеударь мой .

Антонъ Антоновичъ !

При наступленіи новаго года за честьъ себя поспавляю поздравить Ваше Превосходительство съ онымъ и съ милостію Государевою. Примите и на будущее время искреннее пожеланіе Вамъ всѣхъ благъ и добраго здоровья. При поздравленіяхъ присовокупляю и благодарность за доставленіе шестой и седьмой Части Общества Вами предсѣдательствуемаго. Знаменитые труды сего Общества не только нынѣ, но и всегда будутъ полезны и достохвально. Въ послѣдней Части особенно мнѣ понравились: Разсужденіе Г. Каченовскаго, и разборъ Оды Ломоносова Г. Мерзляковымъ. Смѣла можно сказать, что сіи двѣ статьи перешли за предѣлы временныхъ изданій; также пріятно мнѣ было узнать, что рѣчи Петра Дмитриевича Вельяминова, Петра Ивановича Потгорецкаго, Антона Алексѣевича Барсова, Семена Ефимовича Десницкаго и другихъ благодѣтелей моихъ, во время юности моей, скоро покажутся на свѣтъ попеченіемъ Вашего Общества. Судя по преклонности лѣтъ моихъ, можетъ быть удастся мнѣ принести первому

въ Елисейскія поля вѣспѣ о рѣшеніи послѣдней Задачи вашей о способностяхъ и преимуществѣ другъ надъ другомъ двухъ нашихъ Лириковъ. Мы водили хлѣбъ и соль съ Гавриломъ Романовичемъ: Сколь восхищательно намъ будещь, если шоржесство оспанешя на его споронѣ, прошивъ Героя въ словесности облеченнаго въ броню вдохновенія, науки и вкуса.

При заключеніи позволѣніе мнѣ просить Васъ о благосклонномъ принятіи билета на *полное собраніе сочиненій моихъ*, а прочіе употребите по распоряженію Вашему и Обществу на пользу онаго, удѣля одинъ экземпляръ для библіотеки Московскаго Императорскаго Университета.

Впрочемъ пребывая къ Вамъ навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію.

Вашего Превосходительства,
Милоспиваго Государя моего
покорный слуга

Графъ Хвостовъ.

Декабря 18 го дня
1817 года.

(В.)

О силѣ предлоговъ въ значеніи словъ.

Во всякомъ языкѣ, по различію предлоговъ и окончаній, прилагаемыхъ къ одному корню, происходитъ различіе въ значеніи онаго: отъ сего каждое слово можешь выражать время прошедшее, наспоящее, будущее, число, родъ и свойство вещей, въ различномъ ихъ отношеніи между собою; увеличеніе и уменьшеніе; конецъ, продолженіе и начало дѣйствія и всякую идею отдѣльно, или въ соединеніи съ другими идеями. Въ многихъ суцществительныхъ словахъ встрѣчающся окончанія на *іе* и на *ость*, какъ на примѣрѣ: *благодарность, благодареніе, благотворительность, благотвореніе*. Не должно однако же полагать, чпобы въ нихъ не заключалось никакого различія: оба окончанія дають особенное значеніе словамъ: *іе* изображаетъ дѣйствіе какой нибудь причины, а *ость* самую причину, способность или свойство, отъ котораго дѣйствіе происходитъ. *Благодарность* естъ добродѣтель; *благодареніе* — дѣйствіе сей добродѣтели, исполняемая, доказываемая благодарность: *Одна* бываетъ причиною, *другая* — дѣйствіемъ. Но значеніе предлоговъ еще разнообразнѣе: возьмемъ для примѣра глаголь *содить*. Какое разнообразіе получаетъ онъ

отъ прилагаемыхъ къ нему предлоговъ: *приводить*, *поводить*, *выводить*, *уводить*, *заводить*, *проводить*, *подводить*, *изводить*, *доводить*, *отводить*, *разводить*, *сводить*, *переводить*, *предводить*, *возводить*, *низводить*, *наводить*, *сводить*, *обводить*! Главная идея, означаемая корнемъ, оспается та же; но она сколько получаетъ измѣненій, сколько съ кореннымъ словомъ соединяется различныхъ предлоговъ. — Вотъ истинное богатство языка! оно заключается не во множествѣ словъ, которыми могутъ служить къ одному опягощенію, но въ способности выражать малымъ количествомъ словъ всякую идею, со всѣми возможными ея ошпѣнками.

Чтобы удобнѣе обозрѣть воъ перемѣны въ значеніи словъ, отъ присоединенія къ нимъ предлоговъ, рассмотримъ каждый особенно.

1) *При*, *по*.

Первый означаетъ приближеніе или прикосновеніе одного предмета къ другому; *второй* дѣйствіе начавшееся, но совершенно не окончанное. Если говоримъ: другъ мой *послалъ* мнѣ *письмо* и *прислалъ* мнѣ *письмо*; по *въ первомъ* случаѣ показываемъ начало дѣйствія: *письмо послано*, но еще не получено мною; *во второмъ* — приближеніе: *письмо прислано*; слѣдовательно я получилъ его. Вода *притекла* съ горы и *потекла* отъ горы; *первое* выраженіе показы-

васъ , что вода явилась уже внизу горы , у того предмета , на которой проспирается дѣйствіе глагола ; *второе* показываешь , что вода появилась только на верху : здѣсь мы видимъ только начало дѣйствія . Иногда оба предлога принимаются одинъ вмѣсто другаго , на примѣръ : *пришли* и *пошли* мнѣ человека ; но въ одномъ случаѣ я пребую , чтобы извѣстный человекъ явился ко мнѣ , такъ скажешь *придвинулъся* ; въ другомъ , чтобы ему сказано было только о моемъ пребываніи . Предлогъ *при* относится къ тому предмету , къ которому приближается предметъ дѣйствующій ; *по* относится всегда къ дѣйствующему предмету . Сей послѣдній предлогъ такъ же означаетъ *уменьшенное дѣйствіе* : *пописать* , *поиграть* именно потому , что во показываешь совершеннаго окончанія . —

2) *Вы , изъ* .

Оба показываютъ *извѣтіе* : *изтребовать* , *изрыть* , *выиграть* , *выбить* ; но *вы* показываешь извѣтіе *цѣлаго* ; а *изъ* — *частей* : когда я говорю , что листъ бумаги *изорванъ* , то здѣсь всякой разумѣешь извѣтіе листа въ частяхъ ; когда листъ *вырванъ* , то здѣсь дѣлается извѣтіе *цѣлаго* листа ; бумага остается *цѣла* , но переходя въ другія руки . *Излить* и *вылить* изъ чаши вино : въ *одномъ* случаѣ только въкошорая чаша выливается ; въ *другомъ* опоражнивается *цѣлая* чаша .

3) *Объ*, *о*.

Дѣйствіе произведенное вокругъ какого нибудь предмета: со всѣхъ сторонъ рѣка *обтекаетъ* садъ, замокъ *окруженъ* рвомъ; *обмахивать*, *освѣщеніе*; такимъ же образомъ говорится: *обдумать* предметъ, то есть разсмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ; *обучиться* чему нибудь.

4) *Подъ*, *надъ*, *предъ*.

Подъ означаетъ дѣйствіе *внизу*, *подъ* какую нибудь вещь, *надъ* — *сверху*, *предъ* — *спереди*. *Надпись*, *надрѣзать*, *подписать*, *предводить*, *предтеча*.

5) *Возъ*, *низъ*.

Первый показываетъ *возвышеніе*, а *второй* пониженіе: Орелъ *вознесся* къ облакамъ; *возрастать*, *вздумать*, то есть какую нибудь мысль вывести изъ глубины; Шуйскій *низведенъ* съ престола; Курцій, для спасенія Рима, *низвергся* въ пропасть.

6) *Въ*, *во*.

Вмѣщеніе одной вещи въ другую; сей предлогъ противопологается предлогу *вы*: рѣка *вытекаетъ* изъ моря и *втекаетъ* въ море; незнакомецъ *вышелъ* изъ дому и *вошелъ* въ домъ.

7) *Пере* или *пре*.

1) *Повторенное дѣйствіе*: *передвинуть* столъ, *перерядиться* въ другое платье, *перемѣнить*, *передумать*, и производятся со всѣмъ для другаго намѣренія и противна-

го тому, для какого первое дѣйствіе было произведено. 2) *Дѣйствіе поперебъ или чрезъ что нибудь: перейти дорогу, перевязь, переулочъ.*

8) *Отъ.*

Дѣйствіе пропивное пому, какое проспымъ глаголомъ выражается: *отыграть*, шо еспъ больше не играшь. *Открыть* равняется глаголу *показать*, хотя глаголъ *крыть* показываетъ пропивное; *чаяніе* еспъ надежда, а *отчаяніе* — безнадежность. *Отъ* значить еще небольшое отдаденіе одного предмета отъ другаго: *отодвинуть, отбѣжать.*

9) *До.*

Довершеніе прерваннаго дѣйствія: *достроить башню*, ш. е. окончить прежде уже спроенную башню, но не довершенную; *доиграть*, окончить начашую игру.

10) *Про.*

Совершенное проицаніе, и относясь вопервыхъ къ *мѣсту*, по которому какой нибудь предметъ совершаетъ дѣйствіе; вовпрыхъ ко *времени*, въ которое сіе дѣйствіе совершается, и въ третыхъ къ *другому предмету*, на которой проспирается оно, показываетъ совершенное *прохождение мѣста*, совершенное *провожденіе времени* и *проицаніе* другой вещи. Вотъ примѣры:

1) *Къ мѣсту*: рѣка *протекаетъ* лугъ; дѣвушка *пробѣжала* по саду: здѣсь рѣка течетъ чрезъ весь лугъ, дѣвушка бѣжитъ чрезъ весь садъ. 2) *Ко времени*: сосѣдъ мой всю *ночь*

проигралъ въ карты : здѣсь все означенное время занято было игрою. 3) *Къ другому предмету* : дождь промочилъ мое платье, отъ чего я *прозябъ* : здѣсь насквозь проникнуты, платье дождемъ, а я холодомъ.

11) *Разв.*

Удаленіе отъ средопочія или раздѣленіе частей въ цѣломъ : *разослать* людей, *разрыть* землю, *разстройство*. Сей предлогъ смѣшивается въ иныхъ случаяхъ съ предлогомъ *отъ* : *разломать* и *отломать* замокъ, *раздумать* и *отдумать* ; но *отломать* значить просто *отдалить* или *оторвать* замокъ ; *разломать* же значить посредствомъ ломанья въ разные спороны отпереть его ; въ *первомъ* случаѣ замокъ бываетъ цѣлъ, отдѣляясь отъ той вещи, къ которой былъ прикрѣпленъ ; во *второмъ* отъ ломанья раздѣляется онъ на части. *Отдумать* значить просто удалить отъ себя намѣреніе, иногда на нѣкоторое только время ; *раздумать* совсѣмъ оставитъ его , разсматривая съ разныхъ споронъ и находя невыгоды.

12) *На.*

Дѣйствіе вещи, находящейся выше какойнибудь другой, на сію послѣднюю : *насыпать* песку на полъ, *налить* воды въ стаканъ, *надвинуть* шляпу на глаза ; *надуматься*, то есть, много думать о чемънибудь, гдѣ мысли смѣняясь однѣ другими, такъ сказать возвышаются одна надъ другою.

13) *Съ.*

Вопервыхъ , дѣйствіе отъ поверхности , отъ вѣхъ споронъ къ средопочію , или соединеніе раздѣленныхъ частей въ цѣломъ : *возвать друзей , собраніе доходовъ , соединенные полки.* Сему предлогу прошиво-полагается предлогъ *разъ: собрать и разобрать* книги, *согнуть и разогнуть* бумагу. Вовторыхъ *съ* показываетъ окончаніе дѣйствія отъ исполненія намѣренія , для котораго оно производилось , или отъ уничтоженія вещи , производящей сіе дѣйствіе : *дерево сгнило , сдутъ пыль , ожечь городъ , востроенный домъ.*

14) *За.*

1) *Заключеніе* одной вещи въ другой : *закопать сундукъ въ землю , засыпанная яма , вода затекла въ нижнее жильё.* 2) *Начало дѣйствія : задумать , заснуть.* 3) *Дѣйствіе окончанное , но скоропреходящее : зажечь , заколотъ , закричать.* Предлоги *за* и *въ* часто принимаются одинъ вмѣсто другаго ; но *за* означаетъ дѣйствіе *постороннее* и *скоропреходящее*, *въ* — *прямое* и *продолжительное* : *забѣжать* и *вбѣжать* въ комнапу ; въ *первомъ* случаѣ , пробѣгая въ другое мѣсто , *забѣгаютъ* въ комнапу и *притомъ* на короткое время ; слѣдовательно дѣйствіе *бываетъ*

*постороннее и скоропреходящее; вбѣ-
жать въ комнату, значить нарочно въ нее
бѣжать, а не въ другое мѣсто, и пришомъ
можно въ ней надолго оспаться: здѣсь дѣй-
ствіе бываетъ продолжительное и прямое*

15) У.

Показываетъ *вопервыхъ* удаление отъ
какогонибудь предмета и противоположеніе
ся предлогу *при: убѣжалъ и прибѣжалъ,
убылъ и прибылъ; вовторыхъ*, напол-
неніе одной вещи другою: у древнихъ такъ
иѣлко написана была Гомерова Илліада, что
вся она *укладывалась въ орѣховой скорлупѣ;
усыпать* пескомъ дорожку. *Втретьихъ*,
прекращеніе пропивнаго дѣйствія: *усадить*
кого, значить посадишь того, кто прежде
не садился; *увидѣть* — открытъ шаковую
вещь, которая прежде была не видна: вооб-
ще же сей предлогъ показываетъ совершенно
окончаніе дѣйствія; онъ смѣшивается иногда
съ предлогомъ *отъ: уплыть и отплыть;
уйти и отойти; удалить и отдалить;*
но у показываетъ удаление большое, *отъ* —
малое: мальчикъ *убѣжалъ* и *отбѣжалъ* отъ
старика; въ *одномъ* случаѣ мальчикъ совер-
шенно отъ старика скрывается, въ *дру-
гомъ* малое только пространство раздѣ-
ляетъ его съ нимъ: онъ можетъ быть у не-
го въ виду; *первое* дѣйствіе совершенно

оканчивается, *второе* можетъ еще продолжаться: мальчикъ *отбѣжавъ* отъ старика, остановился и попомъ совсѣмъ *убѣжалъ*. Напослѣдокъ *первый* предлогъ относится всегда къ той вещи, къ которой дѣйствующій предметъ стремится: *убѣжалъ* (куда?) въ лѣсъ; *второй* къ той вещи, отъ которой онъ стремится: *отбѣжалъ* (откуда?) отъ старика.

16) Не, безъ.

Первый означаетъ отрицаніе, *второй* отсутствіе; если предметъ по натурѣ своей не можетъ имѣть какого нибудь свойства или принадлежности, то употребляется предлогъ *не*; если же онъ можетъ имѣть сію принадлежность или свойство, но въ определенное время не имѣетъ ихъ, то употребляется предлогъ *безъ*: я *не* имѣю друзей и я *безъ* друзей; въ *одномъ* случаѣ у меня совсѣмъ нѣтъ друзей; въ *другомъ* ихъ только нѣтъ со мною, но я могу имѣть ихъ. *Безвинный* и *невинный* человекъ: *первое* выраженіе показываетъ, что человекъ не виноватъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ, но онъ можетъ быть виновенъ въ другихъ случаяхъ; *второе* означаетъ человека невиннаго во всѣхъ поступкахъ.

Въ заключеніе должно сказать, что многіе корни бывають въ соединеніи не съ однимъ,

а со многими предлогами: *соизволеніе, присоединенный, предначертать, производство*, и въ такомъ случаѣ они принимаютъ измѣненіе въ своемъ значеніи отъ всѣхъ предлоговъ; въкопръе же, напротивъ того, не могутъ соединяться съ иными предлогами, ибо значеніе отъ предлоговъ получаемое часто бываетъ несовмѣстно со свойствомъ оныхъ словъ; какъ на примѣрѣ въ глаголахъ *сблизить* и *разширить*, не лзя переставить предлоговъ, такъ чтобы вышли изъ того глаголы: *разлизить* и *вширить*; ибо шло дѣлаясь уже, уменьшается, а предлогъ *равъ* показываетъ *разширеніе*; такъ равно и разширяемая вещь увеличивается, а предлогъ *съ* означаетъ уменьшеніе въ окружности или дѣйствіе отъ поверхности къ средоточію.

Окончивъ краткія сіи замѣчанія о предлогахъ, я не могу ласкать себя надеждою, что хорошо объяснилъ сей предметъ; по крайней мѣрѣ мнѣ хотѣлось обратиться на него ваше вниманіе.

Саларевъ.

IV. Протоколъ 33 го засѣданія, обыкновеннаго.

1818 Года Февраля 22 го дня, въ обыкновенномъ Собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, происходило слѣдующее :

1. Прочтенъ протоколъ послѣдняго засѣданія, бывшаго въ 26й день Января текущаго года и подписанъ Членами.

2. Читано письмо Гна. Ляликова, приславшаго въ Общество Рѣчь и Спихи съ надгробной надписью Преосвященному Симону, Архіепископу Рязанскому и Зарайскому, и другое письмо отъ Гна. Шелихова, при которомъ доставленъ Обществу стихотворный опрывокъ. Опреѣлено : всѣ сіи піэсы разсмопрѣшь въ пригошовительномъ Собраніи.

3. Его Превосходительство Господинъ Предсѣдатель представилъ для Библіотеки Общества книги, въ даръ

принесенныя : 1) отъ себя : а) 8 Ча-
 стей *Истории Россійскаго Государ-*
ства, соч. Карамзина ; б) *Извѣстіе*
о пятомъ генеральномъ Собраніи
Россійскаго Библейскаго Общества ;
 в) стихотвореніе : *Пожарской и Ми-*
ини ; 2) отъ Д. Члена М. Г. Гаври-
 лова : билетъ на *Исторической Жур-*
наль 1818 года ; 3) отъ Д. Члена А.
 О. Воейкова : *Поэма Сады*, его пере-
 вода ; 4) отъ Издателей *Украинскаго*
Вѣстника : первая книжка сего *Журна-*
ла 1818 года.

4. Въ слѣдствіе протокола при-
 гошовительнаго Собранія, бывшаго въ
 21й день Февраля читаны были :

а. Д. Членомъ О. О. Кокошкинымъ
Преложеніе LXXXI Псалма,
 стихотвореніе Н. М. Шатрова.

б. Д. Членомъ А. О. Мерзляковымъ
Вельможа, подражаніе Горацию
 Гна. Тютчева.

в. Д. Членомъ О. О. Кокошкинымъ
Гробница, стихотвореніе Со-
 трудника С. Г. Саларева.

В 2

- d. Д. Членомъ В. Л. Пушкинымъ
Подражаніе XXXI Одѣ Горация,
его стихошвореніе.
- e. Д. Членомъ А. О. Мерзляковымъ
Письмо о Гекзаметрахъ, Бал-
ладахъ и Басняхъ, присланное
опъ неизвѣснаго.
- f. Д. Членомъ В. Л. Пушкинымъ
Пѣснь старца, стихошвореніе
Сотрудника В. С. Чюрикова.
- g. Д. Членомъ; О. О. Кokoшкинымъ:
Нынѣшніе друзья, басня въ спи-
хахъ Д. Члена Д. И. Вельяшева-
Вольнцева.
- h. Д. Членомъ В. Л. Пушкинымъ:
Кабудъ путешественникъ, вос-
точная сказка, его сстихошво-
реніе.

**У. Протоколъ 34го засѣданія,
чрезвычайнаго.**

1818 Года Марша 30го дня въ чрезвычайномъ Собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, происходило слѣдующее :

1. Прочтень журналъ послѣдняго засѣданія, бывшаго въ 22 й день минувшаго Февраля и подписанъ Членами.

2. Его Превосходительство Господинъ Предсѣдатель представилъ для Библіотеки Общества книги, въ даръ принесенныя: 1) ошь себя: а) *Правила Русской Грамматики*; б) *Дѣтской Театръ въ 2хъ Частяхъ*; 2) ошь ошсуществующаго Д. Члена А. Е. Измайлова: а) *Журнала Благонамѣренный*, двѣ книжки; б) *Басни и сказки*, второе изданіе, его сочиненія; 3) ошь ошсуществующаго Д. Члена О. Н. Глинки: а) *Разсужденіе о необходимости дѣятельной жизни*; б) *Сказка про Луку и Марью*, его сочиненія; 4) ошь Д. Члена В. А. Жуковскаго двѣ Части его *Стихо-*

твореній; 5) отъ Надворнаго Совѣтника и Кавалера И. Д. Горчакова: *Мининъ и Пожарскій*, ораторія его сочиненія; 6) отъ Издательей Украинскаго Вѣстника Февраль мѣсяць сего Журнала.

3. Въ слѣдствіе полученнаго изъ Совѣта Императорскаго Московскаго Университета отношенія (А), Определено: требуемыя свѣденія касательно сего Общества за исшедшій годъ, имѣющія войти въ составъ общаго годоваго отчета, отправить въ учрежденную при Университетѣ Комисію отчета за 1817 й годъ.

4. Д. Членъ А. В. Болдыревъ читалъ свой опытъ составляемаго Производнаго Словаря, именно же слова, начинающіяся съ буквы И, объявивъ предварительно, что когда онъ при словахъ не показываетъ окончанія числа множественнаго, то сіе значитъ, что такія слова во множественномъ числѣ не употребляются. Присутствующіе Члены разсуждали о значеніи и производствѣ многихъ словъ, и опредѣлили: напечатать на проклеенной бумагѣ 25 экземпляровъ читаннаго опыта для Гос-

подъ Членовъ, копорые должны раз-
смоирѣть его и сообщить Господину
Болдыреву свои замѣчанія.

5. Д. Членъ П. В. Побѣдоносцевъ
предспавиль Обществу пятьдесять
рублей, полученныя имъ изъ лавки куп-
ца Глазунова за проданныя экземпляры
Трудовъ Общества. Опреѣлено: оп-
дашь оныя (и опданы) Г. Разначео
Общества П. М. Дружинину для хра-
ненія.

6. Д. Членъ и Секретарь М. Т.
Каченовскій чпшалъ сочиненіе Д. Члена
Князя П. И. Шаликова: *Объ уравнитель-
ныхъ степеняхъ въ Рускомъ языкѣ*
(Б), копорое и положено напечаташъ
въ Лѣтописяхъ Общества.

7. На основаніи Устава избраны
въ Почешные Члены: Преосвященный
Филаретъ Епископъ Ревельскій и Кавалеръ,
Господинъ Дѣйствительный Тай-
ный Совѣтникъ и Кавалеръ Осипъ
Петровичъ Козодавлевъ, Господинъ
Дѣйствительный Спашскій Совѣтникъ
и Кавалеръ Князь Андрей Петровичъ
Оболенскій, Господинъ Дѣйствитель-
ный Спашскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Сергей Семеновичъ Уваровъ; въ Дѣй-

спвишельные Члены: Г. Спашскій Совѣшникъ и Кавалеръ Василій Назаріевичъ Каразинъ, Господинъ Коллежскій Совѣшникъ Николай Михайловичъ Шапровъ, Господинъ Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Николай Ивановичъ Гречъ, Господинъ Тишулярный Совѣшникъ Александръ Христофоровичъ Воспоковъ; въ Сопрудники: Павелъ Васильевичъ Улановъ, Ѳедоръ Ивановичъ Тюпчевъ, Семень Егоровичъ Амфишапровъ и Александръ Михайловичъ Мансуровъ. Изгоповивъ избраннымъ Почешнымъ и Дѣйшвишельнымъ Членамъ дипломы, доспавивъ каждому по принадлежности.

8. Положено имѣющіяся въ библіотекѣ Общеспва книги переплести въ одинакій корешокъ, и на каждомъ экземплярѣ спсавивъ по золоту пишущья буквы О. Л. Р. С., о чемъ и дать выписку Господину Казначею Общеспва.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

(А)

Изъ Совѣща Императорскаго Московскаго
Университета

Въ Общество Любителей
Россійской Словесности.

Для годоваго отчета за прошлый 1817 годъ по всему Московскому Университету и его учебному Округу опредѣлено назначить особой Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Г. Ректора Университета изъ Гг. Обыкновенныхъ Профессоровъ: Прокоповича-Аншонскаго, Брянцова, Двигубскаго и Снѣгирева; Секретаремъ же онаго назначить Г. Экстраординарнаго Профессора Болдырева, и сообщить въ Общество Любителей Россійской Словесности, чтобы оно въ непродолжительномъ времени благоволило доставить въ Комитетъ отчетовъ обыкновенныя отчетныя вѣдомости за 1817 й годъ; что симъ и исполняется. Января 29 го дня 1818 года.

Иванъ Двигубскій.

№ 95.

Коллежскій Секретарь Подхватовъ.

(Б)

Объ уравнительныхъ степеняхъ въ Рускомъ языкѣ,

Не напрасно Великій Мужъ Руской Грамматики (*) въ эпимологическомъ кибинешѣ своемъ предспавилъ Грамматику. въ образѣ пайднственной Египетской богини, закупанной пеленами, съ надписью: *Никто изъ смертныхъ не умѣлъ снять ихъ.* И подлинно такъ. — По крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нашей *Изидѣ*, т. е. къ Руской Грамматикѣ. Кто, на примѣрѣ, извяснитъ, или извяснялъ, почему говорится *два человека, два корабля*, въ то время, когда надлежало бы, кажется, существительному имени бытъ во множественномъ числѣ; ибо не одинъ человекъ, не одинъ корабль, и въ одномъ падежѣ съ именемъ числительнымъ — т. е. въ именительномъ, — какъ на примѣрѣ: *дѣвѣ женщины, дѣвѣ лодки*? И какимъ правиломъ извясните иностранцу различіе въ выраженіяхъ: *послать, прислать*? и проч. и проч.

(*) См. въ сочиненіяхъ Г - на Карамзина піесу: *Великій Мужъ Руской Грамматики*; піесу, въ копорой подѣ забавнымъ вымысломъ содержитсяъ весьма важныя Грамматическія замѣчанія. Соч.

Но я намѣренъ только сказать нечто объ уравнишельныхъ степеняхъ въ нашемъ языкѣ, которыя вообще употребляются совсѣмъ, кажется, неправильно.

Мы говоримъ и пишемъ (*): „Я видѣлъ мѣста еще красивѣе; — слышалъ пѣніе пріятнѣе; — я не видалъ мѣстъ красивѣе; — не слышалъ пѣнія пріятнѣе.“ Здѣсь уравнишельная степень принадлежитъ, по разбору Грамматическому, къ дѣйствию или глаголу, а не къ вещи или имени, и составляетъ уравнишельную степень не сего послѣдняго, а нарѣчія — т. е. я видѣлъ *красиво*, (въ уравнишельной степени) *красивѣе*; слышалъ *пріятно*, (въ уравни. ст.) *пріятнѣе*. — То же самое выдесть и въ отрицательномъ: не видалъ *красиво*, — не слышалъ *пріятно*. — Что же это такое? Именно то, что надлежало бы, если не ошибаюсь, сказать или написать: „Я видѣлъ мѣста красивѣйшія; — слышалъ пѣніе пріятнѣйшее; — я не видалъ мѣстъ красивѣйшихъ; — не слышалъ пѣнія пріятнѣйшаго.“ Ибо *мѣста* — какія? (въ превосходной степени, а не въ уравнишельной, которая шутъ не можетъ или не дол-

---

(*) Въ доказательство, что и *пишемъ* такимъ образомъ, привожу изъ одной бібліографической статьи въ Сынѣ Отечества (кн. 38, стр. 231), впрочемъ хорошо написанной, слѣдующее: „Найми способы яснѣе, полнѣе.“

жна бытъ употреблена, если опяшь не ошибаюсь), *мѣста* — какія? *красивѣйшія*; *пѣніе* — какое? *пріятнѣйшее*; *мѣстѣ* — какихъ? *красивѣйшихъ*; *пѣнія* — какого? *пріятнѣйшаго*; между шѣмъ какъ не лзя сказаць, говоря въ уравнишельной степени, *мѣста*, — какія? *красивѣе*; *пѣніе* — какое? *пріятнѣе*; *мѣстѣ* — какихъ? *красивѣе*; *пѣнія* — какого? *пріятнѣе*: доказательство, что надлежитъ непременно во всѣхъ падежахъ по существишельнымъ склоняеть имена прилагательныя и въ уравнишельныхъ степеняхъ, — чего вообще ни словесно, ни письменно у насъ не дѣлается. И вотъ еще два примѣра:

Мы говоримъ обыкновенно: „Въ этой комнаѣ не надобно больше оконъ,“ тогда какъ хотимъ сказаць: не надобно *большіихъ* оконъ. — „Въ полиптикѣ мнѣнія и языкъ перемѣняющъ люди важнѣе васъ,“ тогда какъ хотимъ сказаць: *важнѣйшіе* васъ. — Въ первомъ примѣрѣ слово *больше* означаетъ, по метафизикѣ языка, количество, а не качество; во второмъ уравнишельная степень опяшь опносится, вопреки намѣренію говорящаго, къ дѣйствию или глаголу, а не къ вещи или имени: великая разница! и однакъ она не уважается; ибо когда вы услышите, чтобъ сказали, словесно или письменно: *большіихъ оконъ*? — люди *важнѣй-*

ше васъ? Надобно бытъ, или прослышь у насъ *педантомъ*, чшобы во всякомъ случаѣ говорить, или даже писашь съ спрогою правильностію; и развѣ одинъ полько спрахъ укоризны въ педанпствѣ удерживаетъ опѣ правильного употребленія сихъ уравнипельныхъ степеней; другой причины я не вижу. Нагропшвъ того нахожу, что рѣчь гораздо пріятнѣе даже для слуха, когда сказано: „я не видалъ мѣстъ красивѣйшихъ,“ и проч. — Я сей часъ сказалъ *рѣчь пріятнѣе*; но здѣсь подразумѣвается глаголъ *есть*. „Рѣчь (*есть*) пріятна, (въ уравнипельной степени) пріятнѣе.“ Ежели употребите и въ этой фразѣ: „я *видѣлъ*,“ и проч. мѣстоименіе *которыя*, послѣ чего слѣдуетъ или подразумѣвается глаголъ *суть*, то можно будетъ сказать: *красивѣе* — такимъ образомъ: „Я *видѣлъ* мѣста, которыя (*суть*) *красивѣе*,“ и проч.

Въ то время, когда всѣ Европейскіе языки очищены, обработаны, устанавлены, — мы не имѣемъ вовсе философической Грамматики, не сладимъ до сихъ поръ съ своими глаголами, начинаемъ Грамматическіе пермины свои находить, по всей справедливости, варварскими, безсмысленными, и даже говоримъ — и можемъ бытъ споль же справедливо — что у насъ вѣтъ еще и азбуки совершенной. — — — И однакожъ

имѣемъ Поэтовъ и Прозаиковъ, въ которыхъ совѣмъ, или почти совѣмъ, не примѣтны выше исчисленные недостатки! . . . Чудесно! Что ежели бы сіи люди писали на языкѣ *готовомъ*, не пребуящемъ особенной работы надъ собою и не удерживающемъ, *безпрестанными сомнѣніями*, воображенія, таланта въ полетѣ, не терпящемъ иныхъ преградъ, кромѣ полагаемыхъ здравымъ разсудкомъ! . . .

Князь Шаликовъ.

**VI. Протоколъ 35 го засѣданія,
обыкновеннаго.**

1818 Года Мая 4 го дня въ обыкновенномъ Собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, происходило слѣдующее :

1. Прочтенъ протоколъ послѣдняго чрезвычайнаго засѣданія, бывшаго въ 30й день Марта и подписанъ Членами.

2. Роздана Членамъ вышедшая изъ печати *десятая Часть Трудовъ Общества.*

3. Розданы печатные листки опыта Производнаго Словаря, которые, по силѣ сдѣланнаго въ прошлое Собраніе опредѣленія, каждый изъ Господъ Дѣйствительныхъ Членовъ долженъ разсмотрѣть и сообщить Сочинителю опыта, А. В. Болдыреву, свои замѣчанія.

4. Съ согласія Д. Члена А. В. Болдырева прочтено было письмо, писанное на его имя отъ Почетнаго

Члена В. В. Капниста, изъясляющаго мнѣніе свое касательно его системы спряженія глаголовъ (А). Положено: письмо напечатать въ Лѣтописяхъ Общества.

5. Д. Членъ П. В. Побѣдоносцевъ представилъ Государственнымъ ассигнаціями *пятьдесятъ* рублей, полученные имъ отъ купца Пепра Глазунова за проданные экземпляры Трудовъ Общества. Определено: деньги отдасть (и отданы) Члену и Рязначею Общества П. М. Дружинину при выпискѣ.

6. Его Превосходительство Господинъ Предсѣдатель представилъ для Библіотеки Общества книги въ даръ принесенныя: а) *отъ себя*: 10 ю Часъ Трудовъ Общества; б) отъ Д. Члена П. П. Бекетова: Сочиненія Сумарокова; в) отъ Д. Члена И. А. Двигубскаго: Сочиненія Николева; д) отъ Д. Члена П. П. Свиньина: Достопамятностей С. Петербурга книжка претшья, его сочиненія; е) отъ Издателей Украинскаго Вѣстника мѣсяць Маршъ; ф) отъ Г. Гонорскаго: его Опыты въ прозѣ. Положено: книги приняшь

признавательностью и отдашь Г. Библио-
шекарю для храненія.

7. Въ слѣдствіе пропокола при-
готовительнаго Собранія, во 2 й день
сегожь Мая бывшаго, чишаны были:

- а. Сопрудникомъ П. С. Яковле-
вымъ: Спихотвореніе Д. Члена
В. А. Жуковскаго: Ея Импера-
торскому Высочеству, Госуда-
рынѣ Великой Княгинѣ АЛЕК-
САНДРѢ ФЕОДОРОВНѢ;
- б. Д. Членомъ А. Ф. Мерзляко-
вымъ: Описаніе страшнаго зноя,
свой переводъ изъ XIII Пѣсни
Тассова Освобожденнаго Іеруса-
лима;
- с. Д. Членомъ Ф. Ф. Кокоскинымъ:
Подражаніе XIV Псалму Св.
Пророка и Царя Давида, спихо-
твореніе Д. Члена Н. М. Шаш-
рова;
- д. Д. Членомъ И. И. Давыдовымъ:
Взглядъ на Греческую и Рускую
просодію, свое разсужденіе;

Автописи III.

Г

- е. Д. Членомъ В. Л. Пушкинымъ:
Къ солнцу, стихотвореніе Д.
 Члена Князя П. И. Шаликова ;
- ф. Д. Членомъ О. О. Кокошкинымъ,
 своего перевода въ стихахъ: *От-
 рывокъ изъ Мольерова Фильин-
 та*, комедіи Фабра д'Егланшина;
- г. Сопрудникомъ П. С. Яковлевымъ:
О Русскихъ народныхъ пѣсняхъ,
 разсужденіе Сопрудника А. Г.
 Глаголева ;
- н. В. Л. Пушкинымъ: *Ежъ и Кро-
 лики*, басня въ стихахъ Сопруд-
 ника М. А. Дмишріева ;
- і. О. О. Кокошкинымъ: *Фіалка и
 Зефиръ*, басня въ стихахъ Сопруд-
 ника С. Г. Саларева ;
- к. В. Л. Пушкинымъ: *Ученые*, бас-
 ня въ стихахъ М. А. Дмишріева.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

(А)

Милосердивый Государь мой,

Алексѣй Васильевичъ!

Можетъ быть покажется вамъ странно получить отъ незнакомаго письмо сіе, и при томъ съ извѣщеніемъ вамъ искреннѣйшей благодарности; но удивленіе ваше исчезнетъ, когда объясню побудительную къ подвигу моему причину: — я люблю соотечественную словесность. — Весьма неприятно было мнѣ видѣть, что всѣ Грамматики Рускія расположены по образцу иноспранныхъ языковъ, несоотвѣтственно свойству нашего; также не нравилась мнѣ запущанность въ спряженіи глагола, а наипаче непомѣрное умноженіе временъ. Вникая въ существенный составъ Рускаго языка, находилъ я оныхъ въ неокончательномъ только три, въ окончательномъ два, а въ учащательномъ едва ли не одно — прошедшее. — Сія поль существенная проснота, обнаруживающая, такъ сказать, первобытность языка нашего, удивила меня несказанно! Но не имѣя въ единеніи моемъ никого, съ кѣмъ бы могъ состя-

Г е

запясь о правильности изысканій моихъ, не получая никакихъ Журналовъ, и не ведя ни съ однимъ словесникомъ переписки, а при томъ не бывъ въ состоянїи одинъ заняться приведенїемъ въ систему столь запруднительной и многосложной статьи Грамматики, не осмѣливался я обнаружить мыслей моихъ: — съ какимъ же удовольствїемъ въ 6 й книгѣ Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности, сообщенной мнѣ почтеннымъ Господиномъ Предсѣдателемъ онаго, нашель я въ оныхъпѣ вашихъ на замѣчанїя *усерднаго читателя*, совершенное сходство сужденїй вашихъ съ моими предположенїями! — Я немедленно просилъ о препровожденїи мнѣ прежнихъ книгъ Трудовъ Общества; и теперь получа оныя, и видя въ нихъ подробное изложенїе мыслей вашихъ, долженъ принести вамъ благодарность, какъ соотечественникъ, за усердіе ваше къ обработанїю правилъ природнаго языка; какъ человекъ, за утвержденїе меня въ истинѣ мнѣнія моего, и такъ сказать, за руководительное товарищество въ полезномъ подвигѣ. — Вы знаете болѣе другихъ всю трудность онаго: какія преграды поставлены ему закоренѣлыми предразсудками, и сколько для исполненїя потребно изслѣдованїй и соображенїй! Я увѣренъ, что цѣль ваша есть польза соотечественнаго языка; а потому ласкаю себя на-

дежду, что сообщеніе мыслей благонамѣреннаго и безприсраспнаго челоѣка будетъ вамъ пріятно. — Честъ важнѣйшаго въ Руской Грамматики опкрытія принадлежитъ вамъ; чувство признательности обязываетъ каждаго любителя словесности вспомошествовать вамъ по мѣрѣ силъ въ толь общепольномъ предпріятіи, и для того поставляю долгомъ предложить вамъ, хотя маловажное, но усердное содѣйствіе мое.

Честъ имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ,

Милосливый Государь мой!

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Василій Каннистѣ.

1818 Года Марша 30 го дня.
Обуховка.

**VII. Протоколъ 36го засѣданія,
чрезвычайнаго.**

1818 Года Мая 18го дня въ чрезвычайномъ Собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, происходила слѣдующее :

1. Прочтенъ журналъ послѣдняго обыкновеннаго засѣданія, бывшаго въ 4й день сегожь Мая.

2. Его Превосходительство Господинъ Предсѣдатель представилъ Обществу письма, полученныя имъ отъ Господь Почетныхъ Членовъ: Преосвященнаго Филарета Епископа Ревельскаго (А); Его Высокопревосходительства Осипа Пешровича Козодавлева (Б); Его Превосходительства Сергія Семеновича Уварова (В), изъявляющихъ благорасположеніе свое къ Обществу, и отъ Дѣйствительнаго Члена П. П. Свинына (Г), препроводившаго спашью своего сочиненія, подъ названіемъ: *Природный Рускій Стихотворецъ*. Определено: а) письма Гос-

подъ Почетныхъ Членовъ по обыкновенію напечатать въ Лѣтописяхъ Общества, а присланный при письмѣ С. С. Уварова экземпляръ книги: *Рѣчь Президента Императорской Академіи Наукъ*, читанная въ главномъ Педагогическомъ Институтѣ 22 го Марта 1818 года, отдасть въ Библіотеку; в) спашью же П. П. Свиньина по предварительномъ разсмотрѣніи напечатать въ Лѣтописяхъ.

3. Присланную отъ Д. Члена А. Е. Измайлова четвертую книжку издаваемого имъ Журнала: *Благонамѣренный*, опредѣлено отдасть въ библіотеку Общества при выпискѣ.

4. Д. Членъ Н. М. Шапровъ представилъ ассигнаціями 25 рублей за дипломъ. Опредѣлено: оныя деньги отдасть (и отданы) Д. Члену, Казначею Общества П. М. Дружинину при выпискѣ.

5. Представленную при письмѣ (Д) піесу въ стихахъ *Раскаяніе* положено разсмотрѣть въ пригошовительномъ Собраніи, и Сочинителя оной *Дмитрія Потаповича Шелехова* вче-

спи въ списокъ Сопрудниковъ Общества.

6. Поелику нужно къ имѣющему бытъ торжественному Собранію приготовить кантапу и музыку, то и опредѣлено поручить (и поручено) Д. Члену **Ө. Ө. Кокоскян** позаботиться о семь предметѣ, равно какъ о приглашеніи цѣвцовъ и музыканшовъ.

7. Находя нужнымъ обревизовать книги, поступившія въ библіотеку со времени бывшаго въ прошломъ 1817 году торжественнаго Собранія и составивъ онымъ списокъ, Общество опредѣлило: поручить сіе исполнить (и поручено) Д. Члену **И. И. Давыдову** и Сопруднику **В. С. Чюрикову**.

8. Какъ изъ 1 года лѣтописей Общества видно, что опъ бывшаго Попечителя Императорскаго Московскаго Университета, Господина Тайнаго Совѣтника, Сенатора и Кавалера **Павла Ивановича Голенищева-Кутузова** здѣшнему Училищному Комитету предложенъ опъ 25 го Марта прошлаго 1812 года за No 260 предписано

было сдѣлать распоряженіе, чтобы Директоры Училищъ выписывали *Трудовъ Общества* для Гимназій по два экземпляра и по одному для уѣздныхъ Училищъ; по по надлежащемъ разсужденіи о семъ предметѣ присутствующими Членами опредѣлено: просить Господина Предсѣдателя, чтобы письменнымъ отношеніемъ соблаговолилъ просить Господина Ректора здѣшняго Университета, Статскаго Совѣтника и Кавалера Ивана Андреевича Гейма, объ исполненіи Попечительскаго предписанія; что Его Превосходительство и принялъ на себя охотно.

9. Находя, что Дд. Члены А. В. Болдыревъ и И. И. Давыдовъ при составленіи Россійскаго производнаго Словаря могутъ имѣть надобность въ помощникахъ для совѣщанія и для повѣрки словъ, Члены опредѣлили: назначить къ нимъ въ помощь Дд. Членовъ Вельяшева - Волынцева и Побѣдоносцева, а Сопрудниковъ Калайдовича, Саларева, Глаголева и Чюрикова.

10. Какъ Членамъ извѣстно, что состоящія при здѣшнемъ Университете

тѣ и разныя другія ученыя Общества пользуются правомъ пересылать пакеты свои и посылки въ разные города Россійской Имперіи безъ плашежа вѣсовыхъ денегъ: по опредѣлено просить Его Сіяшельство, Господина Попечителя Московскаго Унверситета, Почетнаго Члена сего Общества и Кавалера Князя Андрея Петровича Оболенскаго объ исходатайствованіи и для сего Общества того же права, въ которомъ имѣеть оно существенную нужду по незначительности своихъ доходовъ.

11. Предварительно избираемы были (и избраны) единогласно Господа Дд. Члены, а именно: на будущее трехлѣшіе *въ Предсѣдатели* А. А. Прокоповичъ - Антонскій; *въ Секретари* М. Т. Каченовскій; на одинъ годъ въ Члены пригласительнаго Собранія: О. О. Кокошкинъ, А. О. Мерзляковъ, Л. А. Цвѣшановъ и П. В. Побѣдоносцевъ, изъ которыхъ Г. Мерзляковъ по прежнему остается *временнымъ Предсѣдателемъ*, а Г. Побѣдоносцевъ *временнымъ Секретаремъ*. Опредѣлено: о семъ предварительномъ избраніи объявить въ будущемъ Собраніи торжественномъ,

и потомъ уже представивъ, куда слѣдуешь, объ утвержденіи избраннаго въ Предсѣдателя на основаніи § 16 Устава.

12. Разсудивъ, что по нынѣшнему состоянію библіотеки Общества при ней можешь и долженъ быть особый хранишель, Члены опредѣлили избрать въ Библіотекари (и избрали) Соповарища своего Д. И. Вельяшева - Волынцева, съ тѣмъ, чтобы онъ благоволилъ принять подъ свое вѣдомство книги и выписки изъ пропологовъ, находящіяся донынѣ у Казначая П. М. Дружинина.

13. Члены читали замѣчанія свои на пробныя листки Словаря, содержащія въ себѣ букву И, составленную Д. Членомъ А. В. Болдыревымъ, который послѣ того оныя замѣчанія взялъ къ себѣ, чтобы сдѣлать изъ нихъ приличное употребленіе. Наконецъ онъ же Г. Болдыревъ совѣщавался съ Членами объ употребленіи, знаменованіи и производствѣ нѣкоторыхъ словъ, начинающихся съ буквы Х.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

(А)

Ваше Превосходительство ,

Милостивый Государь !

Сколь ни мало сознаю я въ себѣ права на избраніе , котораго удостоило меня Московское Университетское Общество Любителей Отечественной Словесности ; но уваженіе къ сему доспопочтенному Сословію не позволяеть мнѣ возпрекословить ему. Пропивъ снисхожденія ли входить въ состязаніе? — И такъ обязанностию моею остаещя признательность за столь благосклонное поощреніе меня въ посильномъ , хотя маломъ , служеніи отечественному просвѣщенію.

Да благословится ревность соединенныхъ Любителей Отечественной Словесности пѣтѣмъ вождѣннымъ успѣхомъ , чшобы Словесность Россійская болѣе и болѣе одушевлялась и возвышалась словомъ истины и жизни , и чшобы въ цвѣтахъ ея болѣе и болѣе зараждалось сѣмянъ отечественныхъ добродѣтелей.

Сія чувствованія мои покорнѣйше прося Ваше Превосходительство изъяснить доо-

почтенному Обществу, съ истиннымъ и
совершеннымъ почтениемъ имѣю долгъ быти,

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя

Покорнѣйшимъ слугою

Филаретъ, Епископъ Ревельскій.

Мая 10 го дня,
1818 года.

(Б)

Милостивый Государь мой,

Антонъ Антоновичъ!

Письмо Вашего Превосходительства, ко-
имъ вы изволише увѣдомлять о избраніи ме-
ня учрежденнымъ при Императорскомъ Мо-
сковскомъ Университетѣ Обществомъ Люби-
телей Россійской Словесности въ Почетные
Члены онаго, и приложенный при ономъ Дип-
ломъ на сіе званіе, и Уставъ Общества, я
имѣлъ честь получить. Приемля шоль ле-
стное званіе съ досподолжнымъ къ сему по-

чпеному Обществу уваженіемъ, я вмѣняю
себѣ въ пріятнѣйшую обязанность принести
Вашему Превосходительству чувствительнѣй-
шую за сіе благодарность, и покорнѣйше
прошу васъ, Милостивый Государь мой, при-
нять на себя трудъ изъяснить оную опѣ-
лица моего и всему Обществу, съ удословле-
ніемъ, что мнѣ особенно пріятно быть
Членомъ столь почтеннаго и полезнаго въ
Общество нашею Сословія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и предан-
ностію честь имѣю быть,

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Осипъ Козодавлевъ.

5 го Мая 1818 года.

Въ С. Петербургѣ.

Его Превос. А. А.

Прокоповичу - Аншонацкому.

(В)

Милоспивый Государь мой,

Антонъ Антоновичъ!

Представляемое мнѣ Обществу Любителей Россійской Словесности званіе Почетнаго его Члена, на которое вы препроводили и Дипломъ, при отношеніи отъ 25 го минувшаго Апрѣля, я приѣмаю съ признательностію. Извѣщая Ваше Превосходительство о полученіи онаго Диплома, посылаю при семъ два экземпляра моей Рѣчи, прося васъ, Милоспивый Государь мой, одинъ изъ нихъ принять для себя, а другой внести въ Общество.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь
быть,

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою

Сергій Уваровъ.

С. Петербургъ.

6 го Мая 1818.

Его Превосход. А. А.
Прокоповичу - Антонскому.

(Г)

Милосливый Государь ,

Антонъ Антоновичъ !

Чесъ имѣю препроводить къ Вашему Превосходительству небольшую сп а т ь ю моего сочиненія , для представленія ея въ Общество Любителей Словесности: Естли Литературнымъ достоинствомъ своимъ не можеть оправдать она леснаго избранія меня Членомъ сего почтеннаго Сословія ; по предметомъ своимъ , ласкаюсь , нѣсколько замѣнитъ недостатки и заслужитъ одобрение истинно Рускихъ ; равномерно послужитъ величайшимъ поощреніемъ юному стихотворцу въ ней описанному.

Прошу также покорнѣйше Ваше Превосходительство , потрудитесь представить отъ меня почтенному Обществу 3 ю Часть моего *Описанія С. Петербурга*. . . .

Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Павелъ Свиининъ.

7 го Апрелья 1818.

С. П. Бургеъ.

(Д)

Милоспивые Государи!

Имѣю честь посвятить достопочпенному Обществу вашему сей трудъ мой. Если онъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ стихотворныхъ, по крайней мѣрѣ почишаю предметъ его достойнымъ вниманія. Я имѣлъ въ виду показать все величье и спасительныя дѣйствія Христіанской вѣры, основывающейся на духовномъ раскаяніи. Сколько вѣковъ до воплощенія Спасителя смертные блуждали во тьмѣ суевѣрія и упопали въ безднахъ предразсудковъ, часто самыхъ гибельныхъ! Иногда были озаряемы свѣтомъ Божіей славы и благодати, но свѣтомъ слабымъ, мерцающимъ — или если могу сказать, токмо зарею Христіанства. Сшедшій съ небесъ въ міръ грѣшныхъ спаси, нашъ Искупитель, Иисусъ Христосъ, воспоржествовадь надъ безднами ада. Крестъ спасенія — завѣтъ Божія величія и славы, сей Крестъ — наша опрада, наше поржество, наша сладость. Праведный возвращается въ лоно Сотворшаго въ жизни будущей; вѣчной — и грѣшный, очистившій себя слезами вѣры и раскаянія, не лишенъ царства небснаго. Какія дивныя правила, какая спасительная надежда! — Тщешно будемъ опыскивать сей чистой люб-

Автописи III.

Д

ви къ чловѣчеству, сихъ высочайшихъ, небесныхъ правилъ. во всѣхъ вѣкахъ пропекшихъ. Одинъ Хриосъ, Сынъ Бога живаго, ошверзъ двери рая небеснаго и праведному, и кающемуся грѣшнику. — Восхищительная мысль, что нынѣ цѣлыя Царства оживошворены благимъ желаніемъ распросранить свѣтъ ученія Христова между невѣдущими, многочисленными народами земли. Честъ и хвала нашему Опечеству, насаждающему въ ндрахъ своихъ спасительныя сѣмена вѣчной правды. — Почту себя щасливимъ, если удоспоюсь вниманія вашего.

Милоспивые Государи!

Вашъ

покорнѣйшій слуга

Дм. Шелеховъ.

15 го Февраля 1818 года.

Обществу Любителей

Россійской Словесности.

VIII. Протоколъ 37 го засѣданія чрезвычайнаго.

1818 Года Іюня 22 го дня въ чрезвычайномъ Собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, происходило слѣдующее :

1. Прочтенъ протоколъ послѣдняго чрезвычайнаго засѣданія, бывшаго въ 16й день испекшаго Мая.

2. Г. Предсѣдатель объявилъ о воспослѣдовавшей кончинѣ Дѣйствительнаго Члена сего Общества, опсшавнаго Полковника опъ аршиллеріи Д. И. Вельяшева - Воынцева. Члены, всегда признавательные къ свѣденіямъ, прудолубію и усердію доспойнаго своего Сосоварища, приняли печальное о немъ извѣстіе съ душевнымъ прискорбіемъ. А какъ въ послѣднемъ засѣданіи покойный назначенъ былъ въ помощь Д. Членамъ А. В. Болдыреву и И. И. Давыдову при соспавленіи Россійскаго производнаго Словаря, именно для совѣщанія и для повѣрки словъ, и сверхъ шого избранъ

Д 2

былъ въ хранилищѣ Библиотеки; но и опредѣлено: къ упомянутымъ собирающимъ Словарь присоединить временнаго Предсѣдателя А. Ѳ. Мерзлякова, съ тѣмъ, чтобы онъ по званію своему приглашалъ прочихъ къ Собраніямъ; а въ Библиотекари назначить Д. Члена П. В. Побѣдоносцева, который имѣетъ поступить на основаніи протокола Собранія Мая 18 го числа сего года спашь 12 й.

3. Въ помощь къ Издаателямъ Трудовъ Общества опредѣлено присоединить Сотрудника В. С. Чюрикова.

4. Г. Предсѣдатель представилъ Обществу книги: 1. выписанный имъ Словарь Гна. Линде (Słownik języka Polskiego) въ 6 Томахъ; 2. принесенныя въ даръ Обществу: а) опись содержателя Университетской книжной лавки А. С. Ширяева: *Творенія Хераскова* въ 12 Частяхъ; б) опись Сотрудника П. Ѳ. Калайдовича *Малоросійскую Грамматику*; с) опись Издавателей Украинскаго Вѣспника *Апрѣль и Май мѣсяцы сего Журнала*; d) опись Д. Члена А. Е. Измайлова *пяту книгу Благонамѣреннаго*; с) опись

Гна. Орля - Ошменьца три книжки *Отечественнаго Памятника*; определено: книги опдашь (и опданы) въ Библиотеку Общества, а за Словарь Линде Гнъ. Казначей Общества имѣеть заплащшь деньги, сколько слѣдуешъ.

5. Г. Предсѣдатель представиль Обществу полученное имъ письмо опъ А. Х. Воспокова, увѣдомляющаго объ ученыхъ своихъ упражненіяхъ, касательно составленія словопроизводнаго Словаря Славенскихъ нарѣчій и общей сравнительной шѣхъ же нарѣчій Грамматики (А). Определено: копию съ упомянутаго письма препроводить (и препровождена) къ Дд. Членамъ надъ составленіемъ производнаго Словаря трудящимся, съ шѣмъ, чтобы они благоволили войти въ виды Гна. Воспокова и съ нимъ снесися по сему предмету; приложенныя же при письмѣ за Дипломъ 25 р. опдашь (и опданы) Д. Члену Казначею Общества П. М. Дружинину.

6. Прочтено присланное при письмѣ къ Гну. Предсѣдателю опъ Почетнаго Члена, Его Сіятельства Графа Дмитрія Ивановича Хвостова стихо-

твореніе: *Мысли, почерпнутыя изъ Пророка Исаіа* (Б).

7. Прочтено присланное отъ неизвѣстнаго при письмѣ къ Г. Предсѣдателю сочиненіе: *Опытъ рѣшенія вопроса*, предложеннаго въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности, основанномъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, о томъ: *Какимъ языкомъ писана Пѣснь о полку Игоря?*

8. Прочтена статья, подъ заглавіемъ: *О имени Славянъ*, сочиненная Д. Членомъ В. Н. Каразинымъ (В).

9. А. В. Болдыревъ читалъ собранныя имъ слова, начинающіяся съ буквы Х, на которыя присутствующіе Члены дѣлали свои замѣчанія; определено: оныя всѣ слова, съ буквы Х начинающіяся, писнуть особо и въ свое время роздать Членамъ, дабы они сообщили замѣчанія свои на бумагѣ.

10. Торжественному Собранію положено быть текущаго года послѣ вакаціоннаго времени.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

(А)

Милоспивый Государь,

Антонъ Антоновичъ!

Спѣшу воспользоваться нѣсколькими свободными минушами, чпобѣ принести чувствительнѣйшую мою благодарность Вашему Превосходительству и прочимъ Господамъ Членамъ Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ за честь, которую мнѣ оказало сіе Общество, избравъ меня въ свои Дѣйствительные Члены. Дорого цѣню лестное сіа опличіе имѣть мѣсто въ сонмѣ людей, знаменитыхъ талантами своими и заслугами Опечесвленной Словесности, пользоваться ихъ совѣтами и участвовать въ ихъ трудахъ! — Опличіе сіе обязываетъ меня къ новымъ усиліямъ, да окажу себя достойнымъ имени Сочлена вашего трудами, которые бы заслужили ваше одобреніе. Но на сей разъ не могу представить Обществу ничего, кромѣ обѣщанія, что буду по силамъ моимъ исполнять извѣщенные въ Уставѣ вашемъ обязанности новаго моего званія.

Долгомъ почишаю при семъ дать опоченъ Обществу въ моихъ упражненіяхъ. Кро-

мѣ занятій по должности, нынѣ болѣе нежели когда-либо опымающихъ мое время, главный трудъ, въсколько лѣтъ уже меня занимавший, есть *Славенская Лексикографія и Грамматика*. Сперва принялся-было я за составленіе Словопроизводнаго Словаря Славенскихъ нарѣчій, по предначертанію Шлецера (въ его: *Nordische Geschichte*), а также въ *Славинѣ* Добровскаго (спр. 387). Для Церковно-Славенскаго и Рускаго языка почерпалъ я матеріалы изъ Словаря Россійской Академіи, для прочихъ языковъ изъ Линдева *Словника*. Поелику сей послѣдній расположенъ азбучнымъ порядкомъ, по я употребилъ нарочитое время, чтобы привести слова, въ ономъ подѣ разными буквами помѣщенныя, въ словопроизводный порядокъ, прибирая къ первообразнымъ словамъ Церковно-Славенскаго и Рускаго языка изъ всѣхъ прочихъ діалектовъ первообразныя того же корня, а подѣ ними производныя, такимъ же образомъ сравниваемыя по ихъ составу и значенію. Лексикальный запасъ мой пополнялъ я всѣми чистыми или слышанными мною словами, копорыхъ не находилъ въ Словаряхъ. Пока источники мои ограничивались печатными книгами и наслышкою живаго языка, ревностно занимался я своею Лексикографією, увлеченный заманчивостью сего неголоволомнаго, но изобильнаго открытіями труда, — и не обращалъ должнаго вниманія на совѣтъ Шле-

цера (въ *Славинѣ* Добровскаго стр. 386), чпобѣ прежде соспавилъ *общую сравнительную Грамматику* Славенскихъ нарѣчій, а потомъ уже Словарь. Но когда случай привелъ меня увидѣти старинныя рукописи Славенскія, а также и нѣкоторыя старопечатныя книги, и въ нихъ правописаніе, словоокончанія и обороты во многомъ отличныя отъ упопрбишельныхъ въ позднѣйшемъ языкѣ; тогда я убѣдился въ необходимости заняться сперва *Грамматикою*, т. е. изслѣдованіемъ и показаніемъ свойствъ языка и различныхъ его формъ, съ измѣненіями; какимъ подвергались формы сіи въ продолженіи сподшій, въ Россіи и въ другихъ земляхъ Славенскихъ. Для сего важнаго предварительнаго труда, долженствующаго служить основаніемъ и введеніемъ къ Словарю, оспавилъ я до времени соспавленіе самаго Словаря, для коего между тѣмъ не перестаю собирать матеріалы, въ надеждѣ когда нибудь возвратиться къ обработанію оныхъ. Теперь, по случаю предпринимаго Общеспиромъ соспавленія таковаго Словаря, я очень радъ буду, если что нибудь изъ собраннаго мною пригодится Обществу. Соспавленіе Грамматики Славенской (на первый случай только Церковно - Славенскаго и Русскаго языка, по древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ), прилжно мною продолжаемое, надѣюсь кончить не въ продолжительномъ вре-

мени, лишь бы только имѣть потребный къ тому досугъ. Мнѣ надобно конечно перечитавъ и сличивъ еще множество печатныхъ и рукописныхъ книгъ, прежде нежели могу представить Публикѣ мои изслѣдованія въ надлежащей полнотѣ и опредѣлительности.

Простите мнѣ, Милостивый Государь, подробности сіи: можетъ быть онѣ будутъ любопытны для кого нибудь изъ Сочленовъ моихъ, занимающагося тѣмъ же предметомъ. Можетъ быть подадутъ поводъ къ какимъ нибудь полезнымъ между нами объясненіямъ.

Прилагаю при семъ слѣдующіе по Уставу 25 рублей за присланный мнѣ Дипломъ, копорый я имѣлъ удовольствіе получить чрезъ Сочлена нашего Александра Ефимовича Измайлова,

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію чesть имѣю пребыть навсегда,

Милостивый Государь!

Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Александръ Востоковъ.

С. П. Бургъ

Мая 20 дня

1818 года.

Его Превосходительству

А. А. Прокопѣвичу - Антонскому.

(Б)

МЫСЛИ, ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ ПРОРОКА
ИСАИИ.

Амосовъ сынъ видѣнне зрѣлъ,
Исаия ревностью горѣлъ,
Вѣщая Вышняго успами;
И воля не дремля въ каждый часъ,
Спѣшишь любуюя спадями
На паспыря зовущій гласъ.
Но свѣтомъ духа озаренны
Любимцы на земли небесъ,
Не внемлють гласа, ни словесъ,
Мои сыны ожеспоченны.

Погрязъ Израиль во грѣхахъ,
Развращъ приемля въ пеленахъ,
Пусть незаконный свершаетъ;
Въ немъ преподобныхъ болѣ нѣтъ.
Куда неистовый дерзаетъ?
Какихъ себѣ алкаетъ бѣдъ?
Уже главы сыновъ упали,
Воззрѣнне свѣплое очей
Покрылось темнопой ночей,
Сердца уныли ошъ печали.

Сыны Израиля, кто вамъ
Еще придастъ вину слезамъ?

Прострише взоръ , ужасно дѣло !
 Совокупленье многихъ ранъ
 Въ одну являетъ ваше шѣло ,
 Все трупъ , что алчешъ въ пищу вранъ ,
 И мѣста нѣтъ для врачеванья ,
 Отъ плоти язва до костей ,
 Живительная масъ елей ,
 Бесплодны усладишь ,сспраданья.

Не изцѣлитъ прещенья рѣчь !
 Коль не смирилъ огонь и мечъ ;
 Гремятъ на васъ повсюду кляшвы ,
 Напашямъ въ слѣдъ спѣшитъ бѣда.
 Се вашихъ нивъ богаты жапвы
 И пучны въ пажитяхъ спада ,
 Сбранъ чуждыхъ ратниковъ питающъ ;
 Они имущи много спрѣлъ ,
 Средь вашихъ городовъ и сель ,
 Какъ мирны госпи обипающъ.

Услышьте словеси пошокъ !
 Всевышній Самъ (сказалъ Пророкъ)
 Вамъ , нечестивые , вѣщаешъ :
 Мое могущесиво вѣнецъ —
 Духъ непорочный прославляешъ ;
 Я чистыхъ пребую сердцецъ.
 Я создалъ все , я Царь природы ,
 Являюся свѣшилъ въ огнѣ ,

Покоище не нужно мнѣ,
Моя земля и неба своды.

Я жертву юнцевъ и козловъ
Вмѣнюль за множество грѣховъ;
Живописныхъ кровью не пипаюсъ;
Мнѣ поспѣ коварнаго поспыль,
Равно куреніемъ гнушаюсъ
Дымъ извергающихъ кадилъ;
Я врагъ злосердыхъ и суровыхъ;
О ты, неблагодарный родъ!
Я вашихъ не терплю суббошь
И ликованія лунъ новыхъ.

Отринувъ гордоспи мечпы,
Ищите кропкой правоспы,
Разкройте совѣспи зеркало;
Она ослабитъ шяжкій шрудъ,
Сорвавъ съ злочеспья покрывало,
Вѣщатъ научитъ правды судъ.
Подъ сѣнью свѣшлой багряницы
Покажетъ благоспи чертогъ,
Возвыситъ безпомощныхъ рогъ,
Токъ слезный осушитъ вдовицы.

Народъ, пріявый неба даръ!
Твой охладѣль къ свяшынѣ жаръ;
Вашъ судъ естъ мерзоспи обипель,
Неправды, беззаконья храмъ,

Чужихъ сокровищъ похишитель
 Даетъ склоненіе вѣсамъ ;
 И ласкъ и клеветъ спремился ,
 Коварный уловляя взглядъ ,
 Низринушь праведныхъ во адъ ,
 Да злобы мужъ возвеселится .

Я съ гнѣвомъ отвращу мой взоръ ,
 Когда съ моленьемъ вашъ соборъ
 Во храмъ предъ меня предстанетъ ;
 И если вы просирете длань ,
 Мой громъ съ высотъ небесныхъ грянетъ .
 Омойте , проклиная брань ,
 Вы руки , кровью обогранны ,
 И сердца освятите свѣпъ :
 Се нупъ , который поведетъ
 Въ мои обители неплѣнны .

Пощады нѣтъ ! я ночью , днемъ
 Грѣхи очищу въ васъ огнемъ ,
 Какъ уголь скоро испребишся ,
 Непокоривыхъ сила чады
 Мечами гнѣва сокрушится ;
 Развращу посвященный градъ ,
 Какъ лишвій древній дубъ лишенный
 Не можетъ стѣни дать густой ,
 Такъ будеше , какъ лугъ весной
 Попокомъ воду не орошены .

Познавъ грѣховъ своихъ число
 И сотворенно ближнимъ зло,
 Ко мнѣ вы сердцемъ обратитесь,
 Представя новой жизни плодъ:
 Тогда вы съ Богомъ соспяжитесь
 О множествѣ Его щедротъ.
 Ко мнѣ взовите — цвѣтъ багряный,
 Какъ снѣгъ въ шо время убѣлю,
 Какъ овчье руно явлю
 Осенней ночи мракъ шуманный.

Графъ Хвостовъ.

(В)

● *Имени Славянъ.*

Почтенный нашъ Исторіографъ въ первомъ Томѣ его *Исторіи Государства Россійскаго* на страницѣ 19 й говоритъ, что имя Славянъ *можно* производить отъ *славы*. Въ примѣчаніи на сіе мѣсто (стр. 276) проходя различныя имени нашихъ праошцевъ толкованія, не одобряетъ онъ ни одного изъ нихъ и наконецъ заключаетъ нерѣшимостію, сказавъ, что „малѣйшій случай, малѣйшее „обстоятельство, совсѣмъ неизвѣстное по „Лѣтописямъ, раждаетъ иногда народное имя, „копорого никакая историческая ученость

„изяснить не можеть.“ Такимъ образомъ я считаю себя дозволеннымъ изложить мои мысли въ подтвержденіе *одного* изъ оныхъ, приводимыхъ Гм. Карамзинымъ мнѣній, предпочтительно предъ всѣми прочими; именно того, что нарицаніе *Славянъ* должно производиться отъ слова (*).

Мы не имѣемъ предъ собою никакихъ почныхъ, такъ сказать, *исправныхъ* свидѣтельствъ, кромѣ Нестора; ибо Византійскіе и другіе чужеземные Писатели, не взирая на то, что они гораздо ранѣе Нестора упоминающъ о Славянахъ, не могутъ насъ руководствовать въ семъ случаѣ. Они и произносили и писали неправильно: *не такъ*, какъ сами Славяне. Кпо на примѣрѣ узнаеть Святослава въ *Сфендослабѣ*, или Новгородѣ въ *Немогарда*; и какъ изъ сихъ полуиностранныхъ реченій доискиваться, откуда оныя произошли?... Слѣдовательно ограничимъ себя старѣйшимъ изъ нашихъ собственныхъ Лѣтописцевъ, хотя онъ еще и молодъ для изслѣдываемаго предмета. Спашемъ для большей вѣрности читать его въ самыхъ древнихъ, такъ называемыхъ *характерныхъ* спискахъ. Въ правдивомъ, просто-

---

(*) Сіе мнѣніе принадлежитъ, кажется, прежде всѣхъ Дубравію, Исторіку Богѣмскому, писавшему около 1500 года. См. Раича Исп. Славенск. нар. Т. I. стр. 32 (изд. 1764).

душномъ Неспорѣ нигдѣ мы не находимъ произведенія отъ *славы*, подобно какъ въ позднѣйшихъ его писателяхъ разныхъ Славянскихъ племенъ. Чванство такое не входило ему и въ мысль. Онъ пишетъ вездѣ *Словене*. „Отъ сихъ же семидесяти и двѣ „языку бысть языкъ Словенскъ, отъ племени „нижъ Аетова нарицаеми Норици, иже „суть Словене.“ И такъ далѣе. Между шѣмъ имена Князей написаны у него совсѣмъ инымъ образомъ, какъ бы во увѣреніе насъ, что словопроизведеніе не можетъ путъ бытъ общимъ. *Святославъ*, *Изьяславъ*, *Гремыслава* и проч. очевидно происходятъ отъ *славы*, и составлены конечно въ то время уже, когда понятіе о *славѣ* въ народѣ Словенскомъ соотвѣтствовало нынѣшнему. Но какъ далеко отъ имени *Словене*, вошедшаго въ употребленіе яко назвище народа, до оныхъ гремѣщихъ именъ! Вѣроятно многія спольстія лежатъ между шѣмъ и другимъ. Народъ начинающій себя чувствоватъ *народомъ*, т. е. образующійся въ составѣ гражданскій болѣе или менѣе видимый, не вдругъ попадаетъ на мысль о *славѣ*! Едва онъ усматриваетъ различіе между своими единоплеменниками и чужеродцами, къ копорымъ случай его приводитъ. Долго, очень долго будетъ онъ обращаться съ ними, въ мирѣ съ недовѣрчивостію, въ распряхъ со звѣрствомъ, прежде

нежели самое желаніе *отличиться* въ немъ
можетъ возникнуть.

Возьмемъ въ примѣръ одну только особу (individuum) (*) изъ таковаго народа. Представимъ себѣ, что человекъ епошъ въ первый разъ встрѣчается съ чужеродцомъ. Чувство различія немедленно разовьется въ немъ понятіе, долженствующее его заславить употребить особое нарицаніе, или лучше скажемъ два нарицанія: одно, подѣ коимъ онъ будетъ разумѣть сего для него необыкновеннаго человека (*человѣка*; ибо онъ *такое-быль*, а не животною его усмаприваетъ), а другое, подѣ копорымъ спанетъ разумѣть другихъ, ему уже извѣстныхъ людей, то есть людей своего рода или племени. Подобно, какъ Пигмаліонова статуя у Руссо начинается познаніе о себѣ ощущеніемъ предметовъ внѣшнихъ: „*это не я!*“ онъ основываетъ свое понятіе на различіи, копорое ему первоначально представится. Подобно какъ ша удостовѣряется въ себѣ различіи осязаніемъ, онъ прибѣгнетъ къ тому посредству, копорое сообщаетъ между собою людей, то

(*) Это самый вѣрный переводъ, не слова, а мысли: какъ и должно переводить. Но къ сожалѣнію мы гоняемся за словами, забывая богатство своего языка.

ость къ рѣчи. Не получивъ отвѣта на свои вопросы, онъ не скажетъ: это чловѣкъ; но это *Нѣмецъ* — нѣмой чловѣкъ! такъ какъ о слѣпомъ чловѣкѣ говорилъ онъ: это *слѣпецъ*, и пр. Противуположеніемъ *Нѣмцу* будетъ *Словенинъ*, чловѣкъ слово или рѣчь имѣющій. Подъ симъ естественнo спанетъ нашъ нарицатель разумѣть всякаго *своего брата*, т. е. чловѣка, съ которыми онъ можетъ обьясняться. Если себѣ представитъ, что нашъ *Словенинъ* встрѣчалъ прежде сего другихъ Словенъ, не принадлежащихъ къ его *околотку*, *различныхъ съ нимъ* поколѣній (и Несторъ исчисляетъ ихъ множество раздѣленныхъ лѣсами, рѣками, пустынями), и что онъ всегда болѣе или менѣе понималъ ихъ, а они его, то нарицаніе *Нѣмецъ* и Словенинъ будутъ еще естественнѣе. Наричанія таковыя дѣлаются весьма скоро общими, общеупотребительными, и остаются въ народѣ по крайней мѣрѣ весьма долго, если не навсегда. Ибо народъ не философствуетъ, а пользуется предпочтительно *готовымъ*, ближайшимъ къ нему.

Можетъ быть мы бы нашли и въ другихъ древнихъ языкахъ подобныя нарицанія, опличавшія у нихъ туземцовъ отъ чужестранныхъ, еслибъ могли знать и разумѣть первоначальныя ихъ слова такъ совершенно, какъ разумѣемъ свои собственныя: какъ зна-

Б е

омъ слова языка Славянскаго, сколько близко-го къ тому, на которомъ теперь бесѣдуемъ и пишемъ. Извѣстно ли намъ на примѣръ, какъ именовали Кельты, или хотя младше ихъ въ Испоріи, Галлы, себя и своихъ соседей? Греки и Римляне, въ тѣ вѣки, когда мы видимъ ихъ блистающими на позорищѣ Испоріи, или называли всѣхъ чужеродцевъ *варварами*, или давали имъ имена, заимствованныя изъ собственнаго языка, большею частію *составленныя*. Свидѣтель пому просвѣщенный Геродотъ, у котораго мы встрѣчаемъ Сауроматовъ, Каллипидовъ, Ага-Фирсовъ, Андрофаговъ и Меланхленовъ, когда желаемъ отъ него узнать обитателей нашего опечесства въ его время. Но кто намъ скажетъ *теперь*, какъ *первыя* Греки, Австроны ихъ земли, или Пеласги ихъ называли себя, и въ противоположеніе къ себѣ, чуждые народы?

Словомъ: если Германцы и многіе другіе народы опличали себя отъ прочихъ именованіемъ *человѣковъ* (*Mannen* etc.), то ничто не препятствуетъ думать, что праотцы наши называвъ себя первоначально по поколѣніямъ: Полянами, Древянами, и такъ далѣе, потомъ въ противоположеніе *Нѣмцовъ* или *Нѣмчицей* спали называшъ собирательно: *Словенами*; что имя сіе древнѣе не только Нестора, именуемыхъ имъ Князей, отъ

славы получившихъ свои имена, но и самой славы, на языкѣ *Словенскомъ*. Мы видимъ, что при Несторѣ уже сіе имя дѣлалось неупотребительнымъ, уступивъ мѣсто *Руси* и другимъ, которыми начали означать различныя Славянскія земли: шѣмъ не менѣе онъ еще называесть всѣхъ иноплеменныхъ *Нѣмцами*. „Югра же сушь языкъ нѣмъ, и сосѣднѣ со Самоядью на полуноцныхъ странахъ, иже *рекоша* (*) опроку моему,“ и пр. (печатан. въ 1767 году Несторѣ. стр. 146.). „Единъ же отъ Нѣмчичѣ хопъ просунуши рогашиною“ (стр. 211.). Выше рѣчь идетъ о *Половцахъ*. И такъ далѣе. Нашъ Исторіографъ приводитъ въ доказательство сего другіе примѣры въ 64 примѣчаніи впораго Тома. Понимъ даже, спуся восемь сотъ лѣтъ послѣ Нестора, жили многіхъ нашихъ Губерній подъ именемъ Нѣмца, разумѣютъ иностранца вообще. (Мысль, якобы сіе именованіе произошло отъ Германскихъ Немцовъ, найдена неосновательною). И оно *одно*, безъ противуположеннаго ему имени *Словенинъ*, не могло явиться въ первоначальномъ языкѣ; ибо допустивъ ето, должно будетъ напоследокъ согласиться, что въ языкахъ (первоначальныхъ особливо) понятія о вели-

---

(*) Стало бытъ Авторъ не нѣмцами ихъ разумѣеть, въ томъ смыслѣ, какъ теперь!

комъ, високомъ, свѣтломъ и такъ далѣе, могли соспавитися безъ понятій о маломъ, низкомъ, темномъ: что есць явное логическое прошивуръчїе.

Василій Каразинъ.

ПРИРОДНЫЙ РУСКИЙ СТИХОТВОРЕЦЪ (*).

Нравственнѣйшій міръ имѣетъ не менѣе феноменовъ, какъ и физическій; чудеса его не менѣе представляются поразительными, когда будучь замѣчаемы и описываемы съ одинаковымъ наблюденіемъ. Если гений можетъ усовершенствоваться обществеными постановленіями, то Природѣ, единой Природѣ обязанъ онъ бываетъ своею силою. Онъ не принадлежитъ ни вѣку, ни странѣ, ни состоянію. Онъ независимъ подобно власпи — его сотворившей, и какъ алмазъ, кроющійся въ вѣдрахъ безмолвныхъ пещеръ — пребуетъ единственне искусной руки, для того, чтобы получить блескъ свой и цѣну.

(*) Смотри 54 страницу сей Часпи.

Благодаря любезнаго В. А. О . . . , имѣю удовольствіе познакомить опечеспвленную публику съ новымъ Рускимъ феноменомъ, заслуживающимъ дарованіями своими общее содѣйствіе къ усовершенствованію и обращенію ихъ на пользу общую.

Г. О . . . сообщилъ мнѣ многіе опыты Музы молодаго Рязанскаго стихотворца И. С. Сибирякова и нѣкоторыя подробности его жизни. Если сіи послѣднія не заключающъ въ себѣ ничего оплично замѣчательнаго, то по крайней мѣрѣ я думаю, что также пріятно имѣть понятіе о неизвѣстномъ авпорѣ, какъ, чипая пушешествіе по опдаленнымъ краямъ, видѣть приложенную карпину живописнаго мѣста. Щаспливыя дарованія Сибирякова обращающъ на себя еще особенное вниманіе каждаго потому, что онъ возродился и созрѣвающъ въ такомъ состояніи, въ какомъ, какъ иностранцы полагающъ, если Природа и произвела что - либо опличное, по одно положеніе достапочно убить, искоренишь. — Сибиряковъ господскій человекъ, и принадлежитъ Г. Мву. Честь и хвала Г. Мву, умѣвшему пишать и поощрять способности молодаго пишомца Музъ! Спанемъ надѣяться, что благородный помѣщикъ сей, ида по слѣдамъ владѣльцевъ *Роттова*, *Налашникова* и другихъ, которые отклонивъ себялюбіе, открыли имъ большіе способы для усовершенствованія своихъ дарованій и большій

вругъ для содѣлыванія себя полезными обществу, — что онъ, по примѣру ихъ, впицелся въ число друзей челоѳчества!

Оспавимъ въ спорону объясненіе перехода Сибирякова отъ Г. Пва. къ Г. Мву., оспавимъ всѣ другія обстоятельство и обратимъ вниманіе единственно на врожденный талантъ его. Сибиряковъ обучался въ Москвѣ въ Народномъ Училищѣ Ариемепикъ, Грамматикъ и Капехизису. Съ самаго малолѣтства имѣлъ уже онъ непреодолимую охоту къ чтенію, и не смотря на законъ знаменитаго Философа Гелвеція, ушверждаващаго, что всѣ люди родяпся съ одинаковыми способностями и что въ дѣтствѣ имѣютъ одну спрасъ къ игрушкамъ — книги предпочиталъ всѣмъ забавамъ, выманивалъ и покупалъ изорванные печатные лоскушки и листы Газетъ и Журналовъ у поварищей своихъ и сохранялъ ихъ съ величайшимъ щациемъ. И когда библіотека его украсилась номомъ Лонидъ, то онъ гордился ею и не могъ на нее насмотрѣться. Но внезапная упрата сей жемчужины его книгохранилища — крайне его опечалила; онъ подозрѣвалъ всякаго въ похищеніи и грустилъ дѣтѣхъ поръ, пока не замѣнилось первое мѣсто въ шкапу его спискомъ съ Бѣдной Лизы Карамзина. Въ Училищѣ пробылъ онъ четыре года, и за прилѣжаніе на экзаменахъ получилъ при книжки. Послѣ сего на 14 году

опидаиъ былъ въ ученіе кандитперству. Здѣсь, не взирая на безчисленныя хлопоты и трудную работу, не смотря на насмѣшки поварихей, упреки и взысканія спарщицъ, онъ занимался наединѣ чтеніемъ собранныхъ листовъ своихъ. Но лишь только юное сердце его начало чувствоваться, лишь только душевныя способности начинали развертываться, какъ Поэзія заняла все его чувства, произвела въ немъ необоримую спрасть къ сочиненію стиховъ. Къ несчастію не только не имѣлъ онъ руководителя къ показанію ему настоящей спези на семъ новомъ поприщѣ; но рѣдко имѣлъ даже случай читать хорошую Поэзію, а въ одахъ и посланіяхъ, попадавшихся ему въ листахъ, обреченныхъ для бисквишовъ — не могъ обрѣсти онъ истинной гармоніи, не могъ образовать вкуса своего и дарованій. Со всемъ шѣмъ Природа надѣлила его способностію чувствовать изящное; истинно прекрасное электрическою искрою пролешало по всему составу его, потрясадо душу его и существованіе. Какимъ блаженствомъ почиталъ пылкой юноша, когда опросившись къ барину — могъ бѣжать къ Симонову монашюрю и съ Бѣдной Лизою въ рукахъ предаваться сладостнымъ мечтаніямъ романическаго воображенія! Вошь свидѣтельство, что любимецъ Аполлона, употребляя небесный даръ свой на прославленіе добродѣтели, на представленіе въ блескъ

достоинствъ и нравственности — можетъ почестся первымъ благодѣтелемъ рода человѣческаго : юное сердце, принимающее первыя впечатлѣнія, подобно распускающемуся цвѣтку, который глотаетъ съ жадностію весеннюю росу, не рѣдко бываетъ обязано ему основаніемъ своихъ правилъ и души. Горевамъ Вольшеры, Дидероты! —

Твореній вашихъ ядъ не только не слабѣетъ,
Но разливаясь, вѣкъ опъ вѣку люптѣетъ...

Крыловъ.

Весьма замѣчательно, что театральныя представленія сильно дѣйствуютъ на юную, вѣжную душу, и подобно электрическому проводнику оживляютъ ея способности. Сибиряковъ былъ введенъ однажды брапомъ своимъ, декорационнымъ живописцемъ, въ Нѣмецкій театръ. — Хотя онъ не понималъ языка; но игра Шпейнберга, сіе живое представленіе спрасней человѣческихъ — обворожила его: онъ сдѣлался спраснымъ къ театру. По случаю досталъ онъ потомъ Комедію: *Братомъ проданная сестра*, и зашвердилъ роль *Честона*; послѣ сего вскорѣ удалось быть ему нѣсколько разъ на Пепровскомъ театрѣ, гдѣ болѣе и болѣе получилъ вкуса къ драматическимъ представленіямъ. На 17 мѣ году разстался Сибиряковъ съ Москвою и прибылъ въ Рязань, гдѣ господиавъ его былъ

Директоромъ театра: благоприятный случай сей много содѣйствовалъ къ удовольствованію спрасли его. На Рязанской сценѣ Сибиряковъ раскрылъ свои дарованія и принесъ много удовольствія Публикѣ. Тупѣ началъ онъ и рифмошворствоватъ; но не зная размѣру и правилъ Поэзіи, подражалъ лишь единой гармоніи слуха.

Въ 1812 году доставшись Г. М., отправился онъ съ нимъ въ походъ и былъ въ Польшѣ, Силезіи, Саксовіи, Пруссіи, Богеміи и Голштиніи. Безпресшанныя занятія хлопотной должности (ибо онъ во весь походъ одинъ находился при баринѣ своемъ, который былъ Полковымъ Командиромъ) могли бы искоренить Поэзію и стихи изъ головы всякаго другаго; но Сибиряковъ и въ шумѣ заботъ и при громѣ пушекъ думалъ только объ одной Поэзіи; она одна занимала, пипала и веселила его душу. Написанные имъ стихи на нѣкоторыя блистательные подвиги Россійскаго воинства пріобрѣли ему всеобщее благоволеніе и опличіе, а прекрасный *Польской* на вступленіе въ Дрезденъ и замысловатая Драма на ивпригу одного молодого Офицера съ хозяйскою дочерью — открыли щасливья его дарованія, и многіе почтенные Генералы готовы были содѣйствовать его благополучію. Сверхъ того молодой человекъ, пылая страстію къ просвѣщенію, немногія минуть отдыха и самую ночь посвящалъ на изученіе Нѣмецкаго

языка. — Въ *Неймюнстерѣ* навималъ онъ для сего сына городского учителя, платя ему по червонцу на недѣлю. Чрезъ нѣскольکو мѣсяцевъ уже могъ онъ изрядно обвѣсятъся на языкъ семъ, что заставило всѣхъ еще болѣе оплечать его, и самыми жипелями были онъ чрезвычайно ласкаемъ. Въ Германіи многіе ему предлагали неоднократно способы остаться въ ихъ семействахъ; но любовь къ отчизнѣ, сія сильная, необыкновенная добродѣтель Рускихъ, была причиною, что всѣ облазны къ свободѣ — не имѣли на него никакого дѣйствія. Наконецъ возвратился онъ съ господиномъ своимъ въ Опечесство и вновь преданъ спрасшій своей къ сшихотворству и театру. Неусыпнымъ стараніемъ, безъ посторонняго руководства — познакомился онъ съ Просодією, узналъ сочетаніе формъ, первыя правила Поэзіи, и вопіи опыты его Музы, заставляющіе много, весьма много надѣяшься оцѣ его таланта и охолны.

И такъ, Милостивые Государи господа иностранцы! не климатъ, не холодъ, не различіе классовъ прищупляющіе способности ума и дарованія въ Россіи; *Ломоносовы*, *Кулибины*, *Гандошкины* доказали, что природа также щедра къ намъ, какъ и ко всѣмъ другимъ; что Геній Поэзіи, Механики и Гармоніи — сполько же не чуждъ Рускому просполоудиму, какъ и обипашелю благорас-

полюженнаго климата ; но есть другая причина , причина истинная , пагубная , копорая единственно бросаетъ тѣнь на благо , ученное Россіи знаменитымъ Преобразовательемъ ея, Петромъ Великимъ. „Имя хорошаго Автора“ пишетъ почтенный Исторіографъ нашъ Н. М. Карамзинъ (прибавимъ Доктора , живописца , ваятеля , механика , Химика и проч. и проч.) „еще не имѣетъ „для насъ такой цѣны , какъ въ другихъ земляхъ ; надобно при случаѣ объявить другое *право* на улыбку вѣжливости и ласки.“ И достиженіе къ *праву* сему есть , увы ! у насъ главная пагуба , злѣйшій адъ для талантовъ ! Образование дарованій пребудетъ занятой постоянныхъ , уединенія часто скучнаго ; а чины и опличія приобрѣтаются не рѣдко на балахъ и въ приятной праздности.

Пусть возьметъ любезный Сибиряковъ въ примѣръ себѣ славнаго *Кулибина* нашего , копорый не промѣнявъ *бороды* своей на *чины* , *титлы* , усугубилъ тѣмъ уваженіе Великой Екатерины , и заслужилъ *имя* въ Словарѣ избранныхъ знаменитыхъ Россіянъ.

Павелъ Сеикинъ.

Апрѣля 1818.

С. Петербургъ.

СТИХОТВОРНЫЕ ОПЫТЫ СИБИРЯКОВА.

1.

Отрывокъ изъ Баллады: *Всемила и Милонъ*,
слабое подражаніе размѣру стиховъ Гна.
Жуковского.

Стр. 1.

Склонялся къ ночи Майской день
И солнце закапилось ;
Просперлась въ доли черна пѣнь
И небо помрачилось.
Скрывались птицы всѣ въ кустахъ,
Не слышно оныхъ пѣнье,
Лишь только съ шумомъ на древахъ
Ошъ вѣтра листъ въ движенъ ;
И ясный день совсѣмъ исчезъ.
Вдругъ тучи набѣжали —
Дошолъ ясну, твердь небесь
Собою покрывали.

2.

Ужасно сильный вѣпръ ревѣлъ
Въ поляхъ, лѣсахъ, вершинахъ.
Громъ спрашной вдалекѣ гремѣлъ
И впорился въ долинахъ ;
Спекались черны облака
И буря поднималась
И молнія — издалеца
Змѣями извивалась.
Свирѣпый вихрь крушилъ, свдешаль

И всѣхъ спрашилъ лобою :
 Въ сполбахъ до облакъ достигалъ ,
 Мѣшая листь съ землею.

5.

(Милонъ въ саду)

Тамъ къ древу прислонясь , споишь
 Въ разсѣяньи глубокомъ :
 Въ душѣ его — огонь горить ,
 А въ сердцѣ ядъ жестокой.
 О громъ ! не дай убійцей быть ,
 Срази , молю , спрѣлою —
 Могу ли жизнь еще сносить
 Съ разшерзанной душою ?
 Ужасна бѣднота , но спокрапъ
 Презрѣнье тяжелѣ ;
 Съ нимъ жизнь не благо — люшый адъ —
 И онаго страшнѣе.

2.

*Отрывокъ изъ посланія къ Н. Ал. Сл...**(Первый опытъ вольными стихами.)*

. . . . .
 Примите Музы въ даръ часть жизни вы моей ;
 Но только въ часть лишь сей
 Словамъ моимъ пріятность всю придайте,
 Любовь , почтение и — чувства выражайте.
 Пустьъ звуки лиры пѣвннй
 Проникнуть въ грудь моей безцѣвннй ;

Ко мнѣ пусть жалость оцупишь,
 И чувства всѣ мои нелестны
 Пусть будутъ ей всегда извѣсны,
 Пусть жаръ любви моей цѣнишь.

Гордись народовъ просвѣпишель,
 Великой мудростью своей:
 Тобой славна швоя обитель

А я — я въ хижинѣ моей —

Ученьемъ свѣтъ не просвѣщаю,
 Вѣнка изъ лавровъ не желаю,
 И славой громкой не горжусь.
 Объ милой спраспи лишь мечтаю
 И бытъ любимымъ Ниной льщусь.

Пускай трудовъ швоихъ въ награду
 Воздвигнушь гордый обелискъ;
 Въ надгробьи скажущъ: былъ великъ;
 А я — и по почпу въ отраду,
 Коля скажущъ шѣ, кому былъ милъ:
 „Онъ въ юности мечшами жилъ,
 „Полезнымъ ближнимъ бытъ старался,
 „Красой Природы восхищался —
 „И милыхъ съ Музами любилъ.“

3.

Отвѣтъ Канарейки.

Басня.

„И мы поёмъ“
 Кричала муха съ кожаромъ;

А Канарейка имъ въ отвѣтъ

Сказала: спору нѣтъ!

И вы какъ можете — жужжите;

Да разница лишь въ томъ,

Что пѣнемъ такимъ вы только что смѣшите,

И вмѣсто похвалы самихъ себя спыдите!

Пѣвцы! поварицы! опмѣшайте!

4.

На д е р о в ѣ .

М. N. M.

Ты обожаема была своимъ супругомъ;

Роднымъ — была ты нѣжнымъ другомъ;

Въ родительской любви тебѣ подобныхъ нѣтъ —

Почтожь оставила сей свѣтъ?

5.

Совѣтъ на выборъ жениха А. И.

Вотъ совѣтъ тебѣ нелестной

Ангель сердца моего!

Жить одною въ поднебесной

Нѣтъ скучиве ничего! —

Но и друга выбрать трудно —

Друга — вѣкъ съ которымъ жить;

Имъ лишь Небо правосудно

Насъ здѣсь можетъ награждать!

Лѣтописи III.

Ж

Жизнь съ любезнымъ наслажденье!
 Вся природа съ нимъ милѣй;
 Жизнь съ поспылымъ — ахъ! мученье,
 И оправа нашихъ дней. —

Я видалъ, какъ ядовишы
 Слезы сушатъ *милаѣ* грудь;
 О мой другъ! — сердца обкрышы;
 Осторожна съ ними будь!

Всей душой тебѣ желаю
 Въ миломъ щастіе найшпть;
 Но прошу — и убѣждаю —
 Все узнашъ, и — не спѣшишь.

Бышь чему — шо не мивуешь,
 Жребій насъ не обойдетъ;
 Пылкой юноша рискуешь,
 Но попомъ и слезмъ льешь

Такъ на что же и спарашься
 Горе намъ предупреждашь?
 Не узнавъ всего — рѣшашься,
 И чужимъ словамъ внимаешь?

Вотъ совѣшь тебѣ отъ друга,
 Не прими за лестъ его:
 Выбратъ *добраго супруга*, —
 Ахъ! почти шруднѣй всего!

Надпись къ портрету.

Герой! Вельможа! Музы любитель!
 Отецъ достойныхъ чадъ и щастливый супругъ!
 Друзьямъ нелестный другъ,
 Нещастныхъ, сирыхъ утѣшитель!

Сибиряковъ.

РАСКАЯНІЕ.

Стихотворной отрывокъ (*).

О Небожительница благодатная, чистая Вѣра!
 Къ сладоспѣямъ райскихъ утѣхъ сопричастная
 въ горькихъ селеняхъ,
 Гласомъ, молю, прикоснися ко слуху пѣвца и
 повѣдай,
 Какъ возвращаетъ прѣступное сердце къ бла-
 женству надежда,
 И упованье на Отчѣску крошность Создателя
 міра;
 Какъ улаждаетъ оспрадалца раскаянье со-
 вѣсти чистой.
 Пусть нечестивый, презрѣвъ поруганье святыхъ
 ни слѣпое,
 Слезы сердечны прольетъ въ умиленьи, слушаѣ
 повѣсть.

(*) См. 55 ю страницѣ сей Части.

Въ дальней странѣ, подѣ пламеннымъ
 небомъ юная дѣва,
 Утро златое красой, возраспала подѣ опче-
 скимъ кровомъ.
 Съ пылкой душою, но неприспупной долгое
 время,
 Алая кровь пробѣгала по членамъ лилейнымъ
 прекрасной.
 Гордые взоры, спанъ величавой и посшупъ
 спѣсива,
 Ахъ! не спасли же тебѣ опъ стрѣль раздра-
 женной любви.
 Вдругъ ея огонь возгорѣлся съ свирѣпствомъ въ
 сердцѣ упорномъ.
 Юноша — воинъ, въ битвахъ гроза съ разру-
 шающимъ громомъ,
 Въ мирѣжѣ, какъ солнце на небѣ, всѣхъ по-
 мравчившій красою,
 Съ поля побѣды возвращался увѣчаннй лав-
 ромъ обильнымъ.
 Конь его бурной, гордяся, крушился подѣ
 юнимъ Героемъ,
 Шлемъ лучезарный, броня разсыпали удвоен-
 ны блески,
 Но не коснулись прелестной, лишь взоръ его
 быстрой, огнистой
 Молнией пробѣгшій опъ черныхъ бровей, по-
 встрѣчался со взоромъ

Гордой, надменной дѣвицы — сердце пронзиль
невозвратно.

Кровь запылала въ обоихъ, ихъ души слилися
навѣки,

Трепещь со сладостнымъ чувствомъ мгновенно
проникнулъ ихъ члены :

Силы невидимой власть оковала ихъ спрасча
нья души.

Съ сихъ-то мгновеній хранилась любовь непо-
рочная вшайнѣ,

Вшайнѣ олшарь пріялъ ихъ обѣщанья предъ Все-
могущимъ.

Но, повѣсвующъ, лишь брачны вѣнцы воз-
ложилъ на нихъ пасшырь,

Слышанъ подземной былъ громъ и вопль и спе-
нанье,

Вѣспники гибельной бури, постигшей ихъ
вскорѣ ужасно.

Съ давнихъ временъ два семейства пылали
яростной мещью,

Съ давнихъ временъ уполяли злобу крови въ
пошокахъ ;

Каждое въ нѣдрахъ иль брата считало, опца
или маперъ,

Смерть воспріявшихъ въ мученяхъ жестокихъ
опъ вражеска дома.

Два раза зимняя спужа на крыліяхъ инея шяж-
кихъ

Съ вѣтромъ ревущимъ вепянь ошлетала міра
 къ предѣламъ,
 Два раза легкій Зефиръ съ пологомъ нѣжно
 шумящимъ
 Юной вѣсцы приносишь на луга дыханье и сла-
 доснь,
 Какъ совершалоя негибельной жребій брата пре-
 лесной,
 Въ полѣ сражалоя съ вратами ошчизны, и въ сѣ-
 чѣ кровавой
 Шлемъ раздвоилъ онъ съ главою врага, и снѣ-
 мая доспѣхи,
 Самъ нещадливой пронзень былъ смертельно
 въ геройское сердце
 Ддомъ упишанной, звонкой стрѣлою, вущен-
 ной съ нылу.
 Такъ земледѣльца рунѣй подкошенный цвѣтцокъ
 унадаеть,
 Такъ величавой орель подѣ черною плучетъ
 пльвннй,
 Громомъ вдезапно сраженной спремглавъ низ-
 вергается долу;
 Такъ опушилъ въ мигъ и длани, и выю, и взо-
 ры пошухина,
 Грянувшисъ навзничѣ Герой незабвенный на тру-
 цы убишыхъ.
 Ахъ! не подымешъ слезами редишель нѣжнаго
 сына,

Нѣшь, ужь не будешь тебѣ опорой при спа-
роспи дряхлой,

Нѣшь, не согрѣешь хладѣющей крови разска-
зомъ дѣлъ славныхъ,

И не закроешь, лобзая, померкшіе очи въ часъ
смерти!

Тщетно рыдаешь, невѣста! нѣжныя руки ломая,
Блѣдная, робкой спезею идешь подь откры-
тое небо.

Нѣшь, не лепишь ужь на встрѣчу юноша съ
пламеннымъ взоромъ,

Нѣшь, не прижмешь уже къ нѣжному сердцу
любезной

И не опрешь оны жемчужной слезы на длин-
ной рѣсницѣ!

„Тамъ мой любимецъ души, мой юноша съ пла-
меннымъ взоромъ,

„Тамъ за синюю далью, тамъ соединюся съ
любезнымъ.“

Взоромъ унылымъ, пошухшимъ казалось всѣмъ
опвѣчала,

И продолжала пущь неизвѣстный съ поникшей
главою.

Ктожь былъ свирѣпой убійца Героя — надеж-
ды всѣхъ храбрыхъ?

Чья смертоносная длань напрягала коварно
лукъ вѣрной?

Взоромъ ужаснымъ кто пожиралъ злополуч-
ную жерщву.

Дрогнутой мести семействъ въ послѣднѣи мгно-
 венія жизни ?
 Топъ, кто погубъ на челѣ же грозной сей би-
 швы печально ,
 Топъ, кто при первыхъ ударахъ двухъ рашей,
 свершивъ злодѣянье ,
 Самъ опъ врага обратился въ поспыдное бѣг-
 сство , со спрахомъ
 Мечъ свой и щипъ побросалъ и чайлъ въ но-
 гахъ лишь спасенья ;
 Чайлъ, — но вѣще гонимый , какъ серна лов-
 цомъ уязвлена ,
 Зришь — колесница и всадникъ , бранному
 богу подобный ,
 Вихремъ пустилась во слѣдъ и пылъ за ней клу-
 бомъ взвилась.
 Вошь уже близко гремишь на тяжелыхъ коле-
 сахъ вращаясь ,
 Вошь и стрѣла засвиспала близъ слуха, и го-
 лось онъ слышишь ;
 „Смерть шебъ, гнусной бѣглець, и поспыдно по-
 кинувшій бипву!“
 Кони, какъ молнии, пустились быспрѣй и нѣшь
 ужъ спасенья.
 Ярые въ мигъ бѣглеца насшигають, съ размаху
 спибають ,
 Топчуть копытомъ, несупся и колесницу про-
 мчали
 Побездыханному шѣлу. Хруснули кости ужасно,

Кровью багровой покрылось и мѣсто и грудь
размозженна,
Спрашно и черепъ распался пронзенной на ча-
спи мгновенно.

Юноша, воинъ безстрашный! въ пылкихъ объ-
сняхъ супруги
Нѣжной любви вкушаешь пеперь ненорочную
сладость,

Спишь на лилейной груди безмятежно, пьешь
ны дыханье,

Внемлешь съ воспоргомъ и шрепелу сердца
прелеспной;

Видѣлъ я слезы твои, я слышалъ рыданье сер-
дечно,

Какъ лобызалъ раздробленной трупъ дощца,
принесенной

Въ тихій ващъ домъ избранной дружиной съ
пѣньемъ надгробнымъ.

Такъ, твой родишель въ ярость порывъ пламен-
ной месши

Долгъ свой на бившѣ съ врагами презрѣвъ, свер-
шилъ злодѣянье,

И опъ небесъ правосудныхъ казнъ потерпѣлъ
роковую.

Но изгони видъ печальной быспрѣе изъ горька-
го сердца,

Юноша, нѣжной супругъ! — Невозвратно крѣ-
лапое время

Въ бездны кипящія все увлекаешъ, — и горе, и
радость.

Ахъ! наслаждайся мгновеньемъ блаженства въ
супружней любви,

Пей всю до дна чашу полную радостей съ жа-
ромъ репивымъ,

Каждо мгновенье лови; пожирай, какъ огонь,
время жизни;

Лишь пролетишь день веселья, въ другой
зришь смерть предъ собою.

Такъ, собралась уже черная туча близъ крова
супруговъ.

Боръ опдаленной вторично прохочешъ съ ре-
вомъ пропяжнымъ.

Ахъ! еще разъ процесися ужасная, дальше за
горы,

Смолкни, разсѣйся съ багровымъ огнемъ, пусть
солнце проглянешъ,

Пусть не коснется и призракъ несчастья къ
юнымъ супругамъ.

Снижь еще мигъ въ упоеньи сладчайшемъ, чета
незабвенна!

Зной опъ полудня въ грошъ опдаленной поды
пѣнію вязовъ

Къ пылкимъ ланишамъ, горящимъ любовью не
прикоснется.

Долгое время хранилася жайна опъ взорозъ
коварныхъ;

Въ мирныхъ поляхъ повнорялись восторги
 юныхъ супруговъ ;
 Рошицамъ, чибнымъ пошкамъ и эху спрашья
 повѣрялась,
 Долго завѣсой для взоровъ , долго скрывалася
 шайна.
 Но, положень былъ предѣлъ опъ Вышнихъ Су-
 дебъ ихъ блаженству,
 Вошь , ужъ повѣялъ вѣнрь полуночной , лист-
 ки задрожали ,
 Мѣлкою зыбью покрылись и воды ручья сереб-
 ристы ,
 И зашпнала дуброва: — гулы роговъ неизчещ-
 ныхъ ,
 Дай спрашной псовъ и крики смятенны лод-
 цовъ пронеслися.
 Эхо по рощамъ , долинамъ , высокимъ скаламъ
 пробудилось
 Въ спрашномъ волненьи. Робкія серны, быспры
 елени
 Всюду скакали блуждай , спасались , къ пошо-
 камъ лепѣли ,
 Съ жаромъ въ кипящія волны ввергались , и вм-
 пльвъ на берегъ ,
 Легкимъ побѣгомъ къ родимымъ ущельямъ подъ
 кровь доспигали.
 Вошь и свирѣые вепри со сшеномъ , подыащи
 щешину ,

Съ пѣной клубящейся, съ длинныхъ клыковъ
 упавшей клоками,
 Съ ярыми, полными кровью глазами, бѣжали
 спадами,
 Многие звонкой спрѣдою пронзенные въ ребра,
 съ свирѣпствомъ
 Вспрѣчу дозцовъ успремлялись, рвали на часпи
 безстрашныхъ
 Псовъ подбѣгавшихъ. Воємъ и гарцадемъ дѣсь
 наполнялся.
 Кпо же въ сѣдинахъ, въ одеждѣ багряной, съ
 серебрянымъ колчаномъ,
 Маниемъ, длани и взоровъ всѣхъ окрылявшій
 спремленье,
 Грозно взиралъ на ловишву, на бурномъ конѣ
 неподвижный?
 Дума, шоска на челѣ, въ огнистыхъ очахъ по-
 велѣнье,
 Гивъ возгарался въ немъ съ каждымъ падені-
 емъ жертвы лоцишвы,
 Мнилось Фуріи сердце шерзали въ спарцѣ уг-
 рюмомъ;
 То былъ родишель предесщной, дѣвы недавно
 невинной.
 О злополучная, вѣжна супруга! близкоъ часть
 скорби.
 Ахъ! сколько разъ шы кропила ланипы робкой
 слезою,

Тайно сокрывшись въ гробъ опдаленной съ
 милымъ супругомъ ;
 Съ каждымъ восходомъ свѣшила новую грусть
 и унынье
 Съ черной кручиною шм замѣчала въ роди-
 тельскомъ взорѣ.
 Ахъ! ни чертоги, украшенны мраморомъ, зла-
 томъ горящимъ,
 Сладкаго пѣнія звуки и пышныя яствы въ пра-
 пезѣ,
 Хоры огромны вечерней порой мусикійскихъ
 орудій
 Грусти, гнѣздившейся въ сердцѣ, въ старцѣ
 печальномъ, угрюмомъ
 Послѣ кончины безстрашнаго сына, не развле-
 кали.
 Духъ его мщеньемъ пылавшій и чуждый невин-
 ныхъ веселій
 Въ дивихъ лѣсахъ и въ ловившѣ кровавой жаж-
 дахъ опрады.
 Вотъ крушорогій елень изъ чащи несется близъ
 старца :
 Въ мигъ напрягаетъ лукъ вѣрный, пернаша
 стрѣла зазвенѣла,
 Но, межъ рогами еленя скользявши, падаетъ
 долу.
 Вотъ посылаешь другую, но тщетно вон-
 зается съ шумомъ

Въ дубъ величавый, сполъшнй, раскинувшй
вѣтви далеко.

Въ чистое поле спасенной елень несенся изъ
чащи.

Здѣсь, какъ ошъ сна пробужденный досадою
спарецъ въ погоню

Съ пылкимъ спремленьемъ, какъ вихоръ, да
бурномъ конѣ приклонившись,

Мчнтся, бразды послабляя. Вѣрные псы за ннмъ
слѣдомъ

По полю рыщущъ, иль упреждая достигнутъ
спремнтся

Быспро - летящую жертву. Холмы и густыя
дубравы,

Рвы, крупныя вершины препоны не ставящъ
ловнщѣ.

Всюду гонимой, вездѣ наспигаемой дружного
спасей

Тщешно убѣжища жаждалъ въ напаси елень
быспроногой.

Вопъ предъ глазами грошъ ошдаленной, гдѣ
тайно сокрывшись

Часпо супруги видались и повпоряли обѣмъ
Вѣчной, взаимной любви, молили Творца се
слезами

Съ чистой, невинной душою зывали: да укрѣ-
пнтся

Временемъ гнѣвъ въ реднтельскомъ сердцѣ, изъ
сохшемъ въ унынн,

Да водворится покой, испребится вражда лѣтъ
минувшихъ,

Да изречетъ онъ прощенье припадшимъ къ
сплонамъ двумъ супругамъ,

Нѣжно обнявшимъ колѣна отца съ рыданьемъ
сердечнымъ.

Тщешны надежды и лѣспивыя мысли; близокъ
часъ скорби,

Часъ злополучный супругамъ. — Вотъ и по-
слѣдни усилія

Ногъ истомленныхъ: скокомъ быспрѣйшимъ въ
грозъ успремился,

Вринулся съ препетомъ, скрылся на мигъ елень
крушорогий.

Взвыли наспигшіе псы у гропа; прослышавши
жертву;

Съ крикомъ взлетѣли и черные враны кружась
близъ мѣста.

О злополучіе, гибель, рокъ неизбѣжной, суровой!
Мчишься, какъ черная буря, спарець къ добы-
чѣ сокрытой,

Съ радостью мечъ обнажаетъ, врывается —
ужась, погибель!

Первыхъ, дочь и юношу вспрѣшили гнѣвные
взоры.

Ахъ! ни покорность, ни слезы, мольбы къ раз-
драженному спарцу

Юныхъ припадшихъ супруговъ съ спенаньемъ,
ничто ни коснулось

Гнѣвной, свирѣпой души, издавна пылавшей
 опущеньемъ.
 Съ адской усмѣшкой, съ полнымъ довольствомъ
 возносишь ужасной
 Мечъ смертоносной — съ свирѣпствомъ вон-
 заешь юноши въ сердце.
 Какъ вѣковая сосна упадаешь съ послѣднимъ
 ударомъ
 Острой сѣкеры — палъ злополучной юноша —
 воинъ.
 Токи кровавыя струями бѣлую грудь омочили.
 Долго взидала недвижно супруга на шрупъ рас-
 простертый,
 Съ алчною смертью, багровой, борющейся съ
 спрашнымъ усилениемъ.
 Но ужъ покрыла чело величаво блѣдность кон-
 чины,
 Взоры потухли Героя — уста повторили шеп-
 танье —
 Ропотъ прелестной души, разставшейся рано
 съ любезной.
 Здѣсь, пробужденная спомомъ послѣднимъ из-
 шоргшейся жизни,
 Съ воплемъ супруга поверглась на шрупъ, ло-
 бызала безцѣнный,
 Рану багровую власами сжимала, слезами кропила,
 И въ охладѣвши уста влагала жизни дыханье.
 Тщешна супружня любовь и щетна поздняя
 помощь.

Вопь воспрянула ошь трупя съ опчаяннымъ
взоромъ, свирѣпымъ,

Вопь въ испуленіи мечь подымаетъ кровавой
поспѣшно.

Дикимъ коснѣющимъ гласомъ взываетъ: „смерть!
ты испоргла

„Сердцу любезнаго друга. Гибни, свирѣпой убійца!“

И погрузила мечь во грудь родилеля съ бѣ-
шенствомъ ярымъ.

Такъ одинъ мигъ разорвалъ навсегда зло-
дѣяньемъ сугубымъ

Узы священны и узы сладчайшія въ дольнемъ
семъ мірѣ.

О любовь всемогущая, пылкая, грозная въ
гнѣвѣ,

Смершнымъ источникъ блаженства, источ-
никъ и горя, спенаній,

Съ давнихъ временъ ты ужасна, свирѣпа, какъ
львица въ опмищеніи.

Любая, часто и слезъ жарчайшихъ обильные
поки —

Дань недовольная въ жертву тебѣ прино-
сится сердцемъ;

Часто, увь! окропляешь алтарь свой дымя-
щейся кровью.

Кто же представитъ спраданыя тяжелы юнаго
сердца? —

Лѣтописи III.

3

Спыдь, отчаянье, горесть, всѣ фуріи съ ад-
 скою злобой
 Душу терзали злощасной. — Спрашную
 пайну сокрыла,
 Въ дальную весъ уклонившись съ единой опо-
 рою вѣрной,
 Младость взлелѣявшей нѣжнымъ спараньемъ
 усердной женою.
 Съ ужасомъ зрѣла мученья пипомицы милой,
 но пайны
 Грусти, унынья, спенаній не вѣдала, грозно
 терзавшихъ.
 Ахъ! во вселенной изъ смертныхъ никшо не
 являлъ еще столько
 Горестей мрачныхъ, позорища смѣшанныхъ
 чувствъ ежедневно.
 Вдругъ погружалась порою въ безмолвье, какъ
 въ море мечпаній,
 Мнилось: яряя волны совѣспи въ сердцѣ смиряла,
 Но на челѣ и въ чертахъ съ несперпимой борь-
 бою являлись
 Спрашны, отвратны изчадія ада — душевныя
 мѣки.
 Вдругъ измѣнялась порою — и такъ, какъ въ
 ужасную бурю
 Лучъ проникаешь сквозь черную пучу, опрад-
 ной и свѣсплой,
 Такъ на усахъ и ланисахъ, давно изсушен-
 ныхъ печалью:

Грустная, съ шомной оспрадой, улыбка на
 мигъ рѣзчивала.
 Слезы ль въ безмолвьи лила въ облегченье снѣ-
 дающей грусти? —
 Горесть суровые щеки изъ глазъ извлекала
 унылыхъ.
 Но иногда, къ оскорбленію, къ вящей нап-спи
 нещасной,
 Вдругъ представлялась предъ скорбные очи
 картина минувшихъ
 Дней золотыхъ, непорочнаго возраста въ ош-
 ческомъ домѣ,
 Тѣ представлялись мгновенья прелестны, какъ
 мапери ласки,
 Нѣжность, заботы ея колыбель окружала съ
 весельемъ
 И поцѣлуй объятіямъ опца успунали жар-
 чайшимъ.
 О! сколь могущимъ ударомъ весь духъ попря-
 сали мечшанья.
 Въ трепещѣ, съ дикимъ спенаньемъ спремилась
 изъ тихаго крова,
 Грудь поражая, шерзая власы въ испуленьи
 бѣжала,
 Въ дебри, густыя лѣса и съ воплемъ во прахѣ
 вращалась.
 Только пусшынное эхо вшорило вопли про-
 шьяно.

И наконецъ съ изнуренной душою и съ блѣд-
носпью смершной,
Какъ бездыханная, падала ницъ на колючіе
шпены.

Такъ злополучная часто блуждала съ разшер-
заннымъ сердцемъ

И облегченіе мукамъ жестокимъ порой обрѣшала.
Но возвращалась ли въ домъ свой печальный съ
наспитшею ночью? —

Въ немъ - то, какъ въ мрачной могилѣ, одна
безъ свидѣтелей скорби

Всю тягошу пресупленья носила въ душѣ
угнетенной.

Каплями кровь упала, какъ пламя, на скорб-
ное сердце,

Кровь пролишая супруга и кровь раздраженнаго
шарца.

Въ мысляхъ смященныхъ съ опца сію кровь
опереть поспѣшала,

Бьющую страшнымъ ключемъ изъ дымящейся
раны, широкой,

Но непрерывно кипѣла подъ дланью съ уси-
ліемъ новымъ.

Иль привидѣніе шарца вдругъ съ гнѣвнымъ че-
ломъ появлялось

Мысли разшерзанной горемъ, гналося съ мечемъ
обнаженнымъ:

„Милой супругъ!“ шумъ вопила съ опчаяньемъ
дикимъ: „спасайся!“

„Се раздраженной опецъ и мечъ смертоносный
во длани.

„О небеса! вновь орудіе вижу, которымъ
пронзила

„Опческу грудь. О шѣнь! умоляю, окончи
спенанья...

„Грозная шѣнь! ты свершаешь...“ И въ мигъ
опшаланувшись спремится

Алчныя смерти ударъ опклонишь невозвра-
тно разящій.

О злополучная! какъ ты опклонишь мученія
въ сердцѣ? —

Чѣмъ усмиришь ты въ душѣ неусыпно грызу-
щую совѣсть? —

Ахъ! вся природа, ей мнилось, возспала въ
ужасномъ смятеніи

Противъ ея преступленія, опцеубійцей гну-
шаясь.

Слышала ль шумъ вѣтерка, игриво лепавшаго
чѣ полѣ —

Мнилось, что зришь ужъ полпы соглядапаевъ,
хитро спрегущихъ

Вѣрную жертву, и смертную казнь, уготован-
ну въ градѣ.

Пшицы ли славили пѣньемъ восходъ благопвор-
наго солнца —

„Смолкнише, пшицы, вопила, почто укоряшь
ежечасно? —

„Кто вамъ повѣдалъ и кто указалъ вамъ преступную дочь?“

Или багровая туча вдали появлялась, и громъ съ гуломъ прошажнымъ капилась по тверди, пылавшей отъ молній, —

Ей уже мнилось: несется карающій въ громахъ и вихрь,

Грозной Рушитель Гоморы и Судя правосудный, Вошь уже зрѣла и ада пучину съ жупеломъ чернымъ

Огнь изрыгающе; споны злодѣевъ отринутыхъ небомъ

Слухъ поразили. „О Богъ всемогущій!“ взывала со страхомъ:

„Призри злосчастную, грѣшной яви милосердія ризъ.“

Ахъ! не прощешь Егова, коль сердце враждуетъ съ смиреньемъ.

Но иногда окрыленная сладкой надеждой, спремится

Душу молениемъ очистишь; колѣна, главу преклоняешь;

Но лишь вперипць взоръ преступной на небо, мгновенно возпрянувъ,

Съ воплемъ бросается всцѣшь и руками лице закрываетъ.

Спощь видъ ужасенъ грознаго Бога опцеубійць!

Долго стѣнала подь бременемъ золь и скипа-
лась повсюду.

Но возвращаясь съ уныньемъ подь кровь, всег-
да ея очи

Съ шайной опрадой взирали на храмъ, въ оп-
даленьи споящій,

Сельскимъ усердіемъ Богу воздвигнушой въ ро-
щѣ прохладной.

Тополы, дубы вѣшвисшы, акаціи входь осѣняли.

И злополучная часпо невольною силой влеклася
Къ мѣсту священному, спрашному мѣсту зло-
дѣямъ спрощивымъ :

Видъ ужаснаго Бога грозилъ ей, еще не по-
спигшей

Вышнихъ судьбъ милосердія къ смертнымъ, съ
вѣрой грядущимъ.

Такъ близъ святилища въ рощѣ бродила поск-
ливая жертва.

Вдругъ она зринъ селянина, изъ храма изшед-
шаго шихо.

Миръ и довольствіе сердца свѣшло сіяли во взо-
рахъ :

Тайны души съ покаяніемъ чистымъ открылъ
онъ предъ Богомъ,

И возвращаясь снова къ орудіямъ сельскимъ,
привычнымъ,

Радосшно нивы привѣщпвоваь, жашву зла-
щую и рощи,

Гдѣ ошь прудовъ, средѣ полуденна зноя, подѣ
 шѣнья прохладной,
 Ошдыхъ пріятной вкушалъ и прапезу ошь
 спады сбереженныхъ,
 Тамъ же подѣ кровомъ смиреннымъ, гдѣ лас-
 почка, ранняя гостыя,
 Каждое утро на жердкѣ качаясь, пѣньемъ вспрѣ-
 чала
 Солнца злапаго восходѣ, озарявшаго дальнія
 горы,
 Тамъ окружило семейство щастливца съ живѣй-
 шимъ весельемъ,
 И небеса, возвратившіе щастые, спокрашъ про-
 славляло.
 Радость семейства и миръ, тишина, водворен-
 ныя въ нѣдра,
 Душу проникли нещастной восторгомъ, досель
 неизвѣстнымъ;
 Вошь возвращается снова ко храму съ рѣши-
 мостью пвердой,
 Смѣло дерзаетъ . . . идешь во святилище пол-
 ная вѣры,
 Крошкой надежды, любви . . . припадаелъ къ
 ступенямъ амвона
 Съ слезнымъ допокомъ, взываетъ: „Богъ право-
 судный, всещедрый!
 „Ты, милосердый Владыко, прощаешь злодѣямъ
 прибѣгшимъ

„Съ теплою вѣрой, раскаянемъ чистымъ въ
 храмъ Твой священной;
 „Зри на пресступную дочь... уже ли не внем-
 лешь спенаньямъ? . . .“
 Но въ то мгновение предсталъ предъ женою
 спарець масличный,
 Пасхыръ селеня, издѣшснва себя алтарю по-
 сряпившій.
 Всѣмъ, и шуропой и жизнью святою учитель
 смиреня,
 Нравами, спрогимъ примѣромъ законъ проповѣ-
 довалъ въ храмѣ,
 Всѣхъ утѣщитель, за всѣхъ богомольць усерд-
 ный предъ небомъ;
 Часто пшеницы оставляли забавы лѣтъ юныхъ
 съ приходомъ,
 Въ срѣщенье, съ радостью, къ пасхырю мчались
 и длаи лобзали.
 Кто же надежнѣй раскаянье взыщеть пресступ-
 ния дочери? —
 Внемлешь спенаньямъ и чисть, непорочень,
 какъ кедръ величавый,
 Выше распуцій земныхъ на горѣ освященной,
 гдѣ бури,
 Вихремъ главы не касаясь, ревуть лишь на
 дольномъ пространствѣ. —
 Вошь уже вспрѣшались взоры обоихъ, въ глу-
 бокомъ молчаньи,

Молвишь спрямятся уста — и коснѣюшь въ смущенъи :

Скрышь ли навѣки позоръ, иль признанье явишь со слезами ? —

Ясно преступную шайну взоръ открывалъ передь спарцемъ.

Не вопрошалъ онъ (великія души признанье нещасныхъ

Съ крошосью шихой щадяшь), не лишая надежды прощенья.

Вмѣстѣ съ нещасной грядешь предь икону Спасителя міра.

Здѣсь она падаешь ницъ и трепещешь , какъ листъ среди бури.

Трижды признанья обѣшь предь иконою повѣдашь дерзаешь ,

Трижды колеблешся спрахомъ смященное , слабое сердце ,

И наконецъ опъ души изнуренной изпорглася шайна.

Въ спрашномъ волненъи ждала приговоръ измленнаго спарца ,

Взоры вперивъ на икону съ надеждой и вѣрою теплой.

Вопъ къ сокрушенной преступницѣ пастырь вѣщаешь смиренно ,

И словесами вливаешь оспраду небесную въ сердце.

Какъ воскрешенная къ жизни, съ весельемъ воз-
 спала опъ долу,
 Слезы обильной рѣкою струились изъ глазъ
 умиленныхъ ;
 Нѣшъ, не опчаянъе, яросшь потоки сіи извле-
 кали,
 Слезы жарчайшія радости сладкой кропили
 ланипы,
 Нѣжной душѣ умиленной, низпосланны небомъ
 въ отраду.
 Такъ серебристая упромъ роса низпадаеть на
 землю
 И распаленныя нѣдра прохладой живишь благо-
 творной.
 Длани воздѣвъ къ небесамъ, умоляетъ Превѣч-
 наго благосль
 Пастырь маспищой, и опустивъ на главу, раз-
 рѣшаетъ
 Именемъ Бога живаго пресступницу здѣсь и на
 небѣ.
 Ахъ! кто опишетъ блаженство жены, обно-
 вленной прощаньемъ.
 Въ радости съ вѣрой отрадной мольбы возсы-
 лаешь на небо,
 Образъ Спасителя міра лобзаешь съ восторгомъ
 священнымъ,
 И въ глубинѣ восхищенной души испыуешь
 веселье.

Райскія чувства изгнали навѣки мученья из
 сердца,
 Съ сихъ-то часовъ улыбнулась природа къ ней
 съ прелестью дивной.
 Небо казалось свѣшлѣй, и сладостнѣй пѣнье
 пернашыхъ,
 И ароматы нѣжныѣ, съ луговъ приносимы зе-
 фиромъ.
 Прежде, подобно поблекшему дереву, лишенно-
 му корня,
 Сердце изсохшее мѣло и сирашной снѣдалось
 плоскою.
 Нынѣ и радость и счастье вновь посѣпила
 желанье,
 Небу и міру воскресла душа, примиренная съ
 Богомъ.
 Сколько оправдѣнь, могущественъ гласъ Упѣ-
 шителя смертныхъ!
 Онъ лишь верховная сладость, чистѣйшій ис-
 точникъ блаженства.
 Часто вечерней порою жена приходила ко храму
 И на колѣнахъ смиренно молилась подъ небомъ
 открытымъ,
 Жаръ душевной любви Ему посвящала въ мо-
 липвахъ.
 Но иногда въ упоеніи священномъ держала предъ
 небомъ,

Взоръ обративши на мшистые камни усопшихъ
 съ покоемъ,
 Къ тѣни родителя, къ тѣни супруга взывашь
 милосердые,
 Съ вѣчною правдой мирить, умоляшь имъ
 обити психой
 Въ горьныхъ селеньяхъ; и въ часъ полуночный
 ей мнилось на небѣ
 Зрѣшь ужъ плывущія тѣни любезныхъ спсезей
 лучезарной,
 Къ пристани вѣрной во слѣдъ Херувимамъ. И
 щастіе снова
 Слезные токи оспрады живѣйшей изъ глазъ
 извлекало.
 Въ сихъ-то смиренныхъ мольбахъ и бесѣдахъ съ
 Превѣчнымъ всечасно
 Духъ обновленный жены возносился, очищенный
 плевель,
 Выше земнаго блаженства, жаждалъ низвер-
 гнуть оспашокъ
 Бренныя перспи; и часъ наступилъ благода-
 ной, часъ смерти.
 Въ психой черпогъ съ просіявшей зарею низ-
 шель къ разпростертой
 Кропкой женѣ на одрѣ, покаяніемъ чистой
 смиренной.
 Съ радостью, съ вѣрой свяшою срѣщаетъ же-
 ланнаго госпя.

- И при послѣднихъ мгновеньяхъ кончины пре-
спалъ предъ женою
Старець маслиный, пастырь селеня съ бол-
зненнымъ видомъ.
Крошкой, опрадной бесѣдой вливалъ у слажде-
ніе въ сердце.
Гласомъ коснѣющимъ, шихимъ жена къ уми-
ленному старцу
Взоръ обративъ и коснувшись ко длани, со вздо-
хомъ вѣщала :
- „Другъ, ушѣшилель несчастныхъ, холоднай
предъ небомъ усердный !
- „Днесь преселяюсь въ обитель блаженства къ
превѣчному Богу.
- „Тамъ за эфиромъ — брегъ свѣшлый и шихій
опъ бури житейской,
- „Тамъ умолкаетъ грызущая совѣсть и гаснеть
несчастье.
- „Боже ! въ превѣчномъ чертогѣ, молю, не ош-
ринь Своей дщери.
- „Слѣпо блуждала въ юдоли сей скорбной, пре-
сшупница злая,
- „Кровью и сердца слезами омылась злощастная
жертва.
- „Пастырь — отрада несчастныхъ ! прими по-
каянье къ часъ смертный,
- „Гнѣвъ Вседержителя грозный смири днесь
усердной мольбою.

„О мой родитель! уже ли и въ горнихъ се-
 леньяхъ опвергнешь
 „Душу пресупныхъ дщери? склонись, умоляю,
 къ прощенью.
 „Ты же супругъ мой, дражайшій изъ смерт-
 ныхъ, услышишь ли голосъ
 „Въ сѣни эфирной? Ахъ! пусть три сердца“...
 и съ сими словами
 Тихо, какъ упреннй паръ отъ долинъ, опле-
 шѣлъ духъ отъ шѣла
 Хоромъ несомый бесплошныхъ къ престолу
 Зиждителя міра.

Вѣра! верховное благо, о чадо чистѣйшее неба!
 Мать состраданіемъ къ смертнымъ, живущимъ
 въ юдоли плачевной
 Нѣжная къ скорби и плачу. О, будь упѣшенъ-
 емъ вѣкъ смертныхъ,
 Крошкой опрадой пресупнымъ, омывшимъ
 слезами злощасье!
 Пустьъ добродѣтель съ шобою — надеждой на
 промыслъ Всевышній
 Вѣчно пребудущъ успавомъ и ризою защитною
 въ міръ.

1848 Года. С. Д. III — св.

IX. Протоколъ 38 го засѣданія, чрезвычайнаго.

1818 Года Октября 26 го дня въ чрезвычайномъ Собраніи Общества Любителей Россійской Словесности, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, происходило слѣдующее :

1. Прочтенъ протоколъ послѣдняго чрезвычайнаго засѣданія, бывшаго въ 22 й день прошлаго Мая.

2. Господинъ Предсѣдатель, объявивъ о вышедшей изъ печати XI Части Трудовъ Общества, роздалъ присутствующимъ Членамъ по одному экземпляру оной.

3. Господинъ Предсѣдатель представилъ отношеніе и опись книгамъ отъ душеприкащиковъ покойнаго Члена сего Общества Полковника Д. И. Вельяшева - Волынцева, а именно отъ Генераль - Маіора и Кавалера Алексѣя Ивановича фонъ - Мертенса и Аптекаря Петра Петровича Эйнбродта (А), извѣщающихъ, что покойный завѣщалъ

сему Обществу Библиотеку свою со шкафами; равно и портретъ свой, также представилъ и письмо Д. Члена П. В. Побѣдоносцева (Б.), который доноситъ, что, по препорученію отъ Его Превосходительства, онъ вмѣстѣ съ Сотрудникомъ Чюриковымъ книги всѣ сполна въ чепырехъ краснаго дерева шкафахъ и портретъ, вставленный въ вызолоченную раму, принялъ. Определено: Господамъ душеприкащикамъ выдать надлежащую росписку отъ Общества, а книги со шкафами и при нихъ портретъ хранишь въ Библиотекѣ.

4. Господинъ Предсѣдатель, представивъ бумагу отъ Директора Тверскихъ Училищъ Гна. Покровскаго, который шребуешъ высылки десяти экземпляровъ Трудовъ Общества для Гимназіи и подвѣдомыхъ ему Училищъ, объявилъ, что исполнить сіе поручено отъ него Университетскому Коммисіонеру Ширяеву, и что сей общался книги отправишь.

5. Его Превосходительство представилъ Обществу книги: 1. отъ себя
Автописи III. И

ХІ Часть Трудовъ Общества; 2. при письмѣ отъ Г. Почетнаго Члена, Его Сіятельства Кн. Ивана Михайловича Долгорукаго, его сочиненія чешыре книги стихотвореній, подъ названіемъ: *Бытіе сердца моего*; 3. отъ Д. Члена А. Е. Измайлова пять книжекъ издаваемаго имъ Журнала: *Благодѣтельный*; 4. отъ Д. Члена Кн. П. И. Шаликова, его перевода: а. *Новыя повѣсти Графа Жанлисѣ*, двѣ книжки; б. *Подарокъ моей дочери въ Новый годъ*, двѣ книжки, сочиненіе Госпожи Дифрене; 5. отъ Д. Члена Н. И. Греча 7 книжекъ издаваемаго имъ Журнала *Сынъ Отечества*; 6. отъ Сопрудника И. Снѣгирева, его перевода *Всеобщей Миѳологіи Трессана* 3 книжки; 7. отъ Сопрудника П. Уланова, его сочиненія: *Разсужденіе объ отличительныхъ свойствахъ памятниковъ Египетскихъ*; 8. отъ Г. Коллежскаго Совѣтника и Профессора М. М. Снѣгирева, его перевода *VI Часть Иудейскихъ писемъ*; 9. отъ Издашелей Украинскаго Вѣсника *VI. VII. VIII и IX книжки сего Журнала*. Определено: оныя книги отдасть (я отданы) Гну. Библіотекарю Общества.

6. Господинъ Предсѣдатель представилъ полученныя имъ при письмѣ отъ Д. Члена В. Н. Каразина 25 р. денегъ и въ рукописи Рѣчь его: *О истинной и ложной любви къ Отечеству* (В). Определено: хотя Рѣчь сія напечатана въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, но по желанію Авшора, шиснуть ее въ Лѣтописяхъ Общества; деньги же опдать (и опданы) Гну. Казначею Общества при выпискѣ.

7. Господинъ Предсѣдатель представилъ полученное отъ неизвѣстнаго сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Общія замѣчанія о правописаніи*; определено: подвергнуть оное предварительному разсмотрѣнію.

8. Изъ предложенныхъ на разрѣшеніе задачъ назначена слѣдующая: *Показать измѣненія Россійскаго языка отъ древнѣйшихъ временъ до осьмагодесять столѣтій, принимая въ основаніе памятники древней Словесности: пѣсни, сказки, преданія, пословицы, надписи и другіе письменные остатки.*

И е

9. Господинъ Предсѣдатель, предложивъ Членамъ на разсужденіе о ревностныхъ шрудахъ въ пользу Общества и свиденіяхъ въ Словесноёпи Сопрудниковъ *И. О. Калайдовича* и *С. Г. Саларева*, объявилъ, что они въ упражненіяхъ Общества заслуживаютъ участвоватъ въ званіи Дѣйствительныхъ Членовъ; въ слѣдствіе чего определено: оныхъ *Господъ Калайдовича* и *Саларева* признавать Дѣйствительными Членами сего Общества и пригото-вить для нихъ дипломы.

10. Сопрудниковъ *Побѣдина*, *Желтоухова*, *Шеншина* и *Уланова* определено опмѣнитьъ выбывшими за отсутствіемъ.

11. Члены окончательнo разсматривали опыты Производнаго Словаря, именно же слова начинающіяся съ буквъ *И* и *Х* и дѣлали надъ ними свои замѣчанія (Г). Определено: собранныя слова, съ упомянутыхъ буквъ начинающіяся, напечатать въ Лѣтописяхъ Общества для образца съ шѣмъ, что всякое и ошъ поспороннихъ даже за-

мѣчаніе принято будетъ Обществу съ должною признательностію.

12. Разсуждаемо было, кому изъ Господъ Членовъ и Сотрудниковъ поручить обработаніе Словаря, и сдѣлано слѣдующее росписаніе: Господинъ Предсѣдатель принялъ буквы *А. Б.* *Дѣйствительные Члены:* Мерзляковъ В. Г. Каченовскій Д. Давыдовъ Е. Цвѣтаевъ Ж. Болдыревъ С. Т. Побѣдоносцевъ З. К. Калайдовичъ Л. М. Саларевъ Н. О. *Сотрудники:* Сивгиревъ П. Р. Гавриловъ У. Ф. Чюриковъ Ц. Ч. Амфилоповъ Ш. Ш. Мансуровъ Я. Ю.

13. Въ будущее Собраніе Секретарь и Казначей Общества имѣютъ предсавить годовые отчеты.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

(А)

Въ Общество Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Отъ душеприкащиковъ покойнаго Полковника Дмитрія Ивановича Вельяшева-Волынцова, Генераль-Маіора и Кавалера Алексѣя Ивановича фонъ Мертенса и Аптекаря Петра Петровича Эйбродта.

Покойный Полковникъ Дмитрій Ивановичъ Вельяшевъ - Волынцовъ завѣщалъ Обществу Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ библиотеку свою со шкафами, равно и порипреть свой; почему мы сдѣдали опись найденнымъ нами книгамъ, которую при семъ прилагаемъ и просимъ почтенное Общество принявъ оныя книги со шкафами, равно и порипреть наивозможно въ скоромъ времени, потому что домъ, гдѣ оныя книги и порипреть хранятся, назначенъ въ продажу.

Генераль-Маіоръ и Кавалеръ Алексѣй фонъ Мертенсъ.

Аптекарь Петръ Эйбродтъ.

1818 Года Іюля 17.

(Б)

Милостивый Государь,

Антонъ Антоновичъ!

Въ слѣдствіе порученія, Вашимъ Превосходительствомъ даннаго мнѣ о принятіи съ Гм. Сотрудникомъ Чориковымъ библіотеки покойнаго Дмитрія Ивановича Вельяшева-Волынцова, по завѣщанію его опданной въ Общество Любителей Россійской Словесности, имѣю честь донести, что книги Россійскія, Французскія и Нѣмецкія, означенныя въ реэспрѣ, подписанномъ душеприкащиками покойнаго завѣщателя, Генералъ-Маіоромъ фонъ Мертенсомъ и Аптекаремъ Эйбродіпомъ, приняты мною, при помощи Гна. Чорикова всѣ сполна, и въ чепырехъ краснаго дерева шкафахъ препровождены въ Университетской Благородной Пансіонъ, куда равномѣрно доставленъ и порепрѣтъ покойнаго Вельяшева-Волынцова, вспавленный въ визолоченную раму. При семъ возвращаю и опношеніе въ Общество опѣ Гг. душеприкащиковъ и реэспрѣ книгамъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностию
честь имѣю быть,
Вашего Превосходительства
Милостиваго. Государя
покорнѣйшій слуга,
Петръ Побѣдоносцевъ.

1818 Года Сентября 16 го дня.

(В)

Р Ъ Ч Ъ

О истинной и ложной любви къ Отечеству (1).

Въ нашѣ вѣкѣ, просвѣщенные Слушатели! въ благословенное и славное нынѣшнее царствование, когда съ одной стороны Христіанскій союзъ могущественнѣйшихъ Государей Европы общается челоѣчеству продолжительной мирѣ, съ другой согласное дѣйствіе всѣхъ наукъ для взаимнаго себя усовершенствованія, чудное соревнованіе ихъ между собою даюшѣ ему надежды, каковыхъ оно прежде имѣть не смѣло, когда общественная польза провозглашается цѣлю жизни каждаго гражданина, въ сей вѣкѣ однимъ словомъ, для лѣтописей земнаго шара еще *новый*, время опредѣлишь понятіе *о любви къ Отечеству!* Высокое сіе чувствованіе, соприсносущное всѣмъ ваведеніямъ для общаго добра, участвовало и въ швоемъ соотавленіи досподочипенное Общество. Оно, по справедливости, можетъ содѣлаться предметомъ, приспойнымъ къ заключенію наспоющаго его собранія.

Ислѣдовать причины любви къ Отечеству, показавъ ея поспешность въ серд-

---

(1) Примѣчанія, указываемыя цифрами, вынесены къ концу Рѣчи.

дахъ народовъ, обнаружить признаки, отличающие ее отъ ложнаго патриотизма, утвердиль въ разумъ почтенныхъ моихъ слушателей сію священную любовь на любви къ порядку, на религии — матери всѣхъ высокихъ чувствованій, восхищающихъ душу, не на мечтахъ вольности и равенства, будешь кругомъ слова сего.

Изыдите отсель упоенные оправами осьмагонадесять вѣка: лжеполишикою, основывающею миръ и шати народовъ, на зыбкой безднѣ *противудѣйствующихъ другъ другу силъ*, лжефилософією, научающею, что *власть есть установленіе чловѣческое!* Вы не услышите ничего льстящаго вашимъ предразсудкамъ.

А ты, чувство, которымъ я не могу ищеславиться, поелику не я создалъ тебя въ себѣ, ниже приобрѣлъ усиліями или жертвами какими-либо; чувство, вдохнутое въ меня на лонѣ сиротаго отца, война, который посѣдѣлъ въ битвахъ и порученіяхъ державной власти по дѣламъ Отечества, опаснѣйшихъ нежели битвы самыя (2), чувство, *безо всякой моей заслуги* образованное во мнѣ необыкновенными наставниками (3), содѣлавшееся безъ воли моей привычкою непреодолимою для хладнаго благоразумія; чувство, которому я одолженъ блаженнѣйшими и нещаснѣйшими минутами моей жизни, которому я не рѣдко жертвовалъ ея благоустрой-

співомъ, которому пожертвую, можетъ быть, благосостояніемъ моего семейства; прійди, наполни еще разъ мое сердце твоими внушеніями, да возмогу достойно вѣщать о тебѣ!

1. Привязанность къ своей отчизнѣ не есть добродѣтель. Епо — чувствованіе, и самое естественное: одно изъ ближайшихъ къ нашей природѣ. Мы любимъ страну, въ которой родились и живемъ, подобно какъ младенецъ любитъ пипающія его сосцы и объятія, въ которыхъ онъ покоится. Самые дикіе народы имѣютъ сію привязанность, чувствуютъ сіе предпочтеніе родимаго края предъ всѣми прочими, какъ бы послѣднія ни превосходили его дарами Природы, или другими жизни пріятностями. Въ семнадцатомъ вѣкѣ были привезены въ Данію ко Двору Гренландцы. Старались ласкать ихъ всѣми образами, осыпали благодареніями; но дворскій блескъ и милости не произвели надъ ними никакого продолжительнаго впечатлѣнія. Они безпрестанно посковали по льдянымъ тѣмъ берегамъ, на которыхъ десять мѣсяцевъ сряду господствуетъ жесточайшая зима. Большая часть ихъ умерла съ печали въ короткое время. Нѣкоторые изъ сихъ несчастныхъ ушонули въ морѣ, желая убѣжать въ свое отечество (4). Отагипянинъ Путавери равнодушно взиралъ на Парижъ и всѣ его великолѣпія; но, увидѣвъ тамъ въ Ботаническомъ саду брусонечію (5), онъ съ восторгомъ об-

яяль сіе отечественное дерево, и обливаясь слезами, возопилъ къ нему какъ къ ближайшему родственнику. Безсловесныя даже привязаны къ мѣстамъ своего рожденія. Возвращеніе пплицъ въ лѣса и подѣ кровы, гдѣ онѣ въ предшедшее лѣто на свѣтѣ произошли, сіе доказываетъ. Никогда Еспешивовѣдамъ не удалось вывести породу свойственныхъ Африкѣ живописныхъ въ Европѣ, доколь не испытали содержащъ ихъ среди распѣній, свойственныхъ ихъ климату. Тогда говоритъ Сенш - Пьеръ, къ удивленію, Мадагаскарскіе макасы и попугаи Гвіанскіе произвели себѣ подобныхъ. Безъ сомнѣнія они вообразили себя переселенными въ отечественныя лѣса, и погасшее чувство любви живошворящей Природы тогда полько въ нихъ опять возникло (6).

Изъ сего открывается, сколь несправедливо республиканцы приписываютъ чувство любви къ отечеству, исключительно такъ называемымъ ими *свободнымъ* землямъ и привязанности къ ихъ законамъ. Чувство сіе, взятое въ его простотѣ, не есть слѣдствіе умствования политическаго, а привычки... и можетъ быть еще *предустановленнаго Творцемъ соотношенія живыхъ существъ съ окружающею ихъ Природою.*

Но, подобно какъ естественное и самымъ низкимъ живописнымъ свойственное чувство самоохраненія, бывъ образованно въ

человѣкъ его разумомъ, обращается въ мужество, какъ физическая лѣтосность и упрямство дикаго, въ просвѣщенныхъ человѣческихъ обществахъ постепенно образуется въ постоянство характера, въ твердость народную; подобно и привязанность къ мѣсту рожденія Гренландца и Опагишянина, въ Афинскомъ Кодрѣ, въ Римлянахъ Курціи и Регулѣ являются міру разительнѣйшіе примѣры изящнѣйшей гражданской добродѣтели. Кто не возвысится духомъ, кто не ошупишь въ себѣ достоинства человѣческой Природы при одномъ воспоминаніи сихъ великихъ именъ? Чье воображеніе можетъ оспасть холоднымъ, представляя Кодра, снімающаго съ себя диадиму, дабы тайно умереть за народъ свой, или Курція и Апшилія жертвующихъ собою очевидной, неизбѣжной смерти для пользы своихъ согражданъ? Сколь ни сомнительны повѣствованія о первыхъ двухъ, мы закрываемъ очи; душа наша *желаетъ* вѣрить, ибо желаетъ наслаждаться своимъ восхищеніемъ.

По мѣрѣ усовершенія челоѣчества, сія добродѣтель должна принять еще благороднѣйшій видъ. Мы, по справедливости, удивляемся древнимъ. Они суть образцы наши въ изящномъ. Они, какъ спарѣшія чада общежитіемъ образованной Природы, суть, такъ сказать, изобрѣтатели той возвышенности въ чувствованіяхъ, тѣхъ красотъ вѣщности, первыя изображающихъ, которыя

насъ пльняють въ ихъ швореніяхъ. Греки и Римляне останутся безсмертными предметами уваженія, доколь разумъ человеческій будетъ имѣть нужду въ поспешномъ наставленіи, доколь онъ будетъ заниматься карпиною своего поспешнаго возхожденія. И изъ благодарности должны мы почитать своихъ учителей. Но... не всѣ ихъ доблести должны быть для насъ доблестями. Подражаніе имъ слѣпо, было бы возвращающееся вспять. Родъ человеческій во многомъ возмужалъ съ ихъ времени. Успѣхамъ его спольже несвойственно было останавливаться, какъ печенію великой рѣки, скажу болѣе, какъ движенію плѣлъ небесныхъ! Высокія начала Христіанства распространили чрезвычайный свѣтъ на всѣ части Философіи, особливо на нравоученіе. Провидѣніе упопробило и другія средства, разливавшіяся одно изъ другаго въ продолженіе вѣковъ. Любовь древнихъ къ своему отечеству была вражда къ остальнымъ обитателямъ земнаго шара. Греки временъ Перикловыхъ, самые просвѣщенные изъ Грековъ, Римляне Августовы и Траяновы называли *варварами* всѣхъ прочихъ людей. Ненависть или презрѣніе были единыя чувства, которыя они къ нимъ питали. Цицеронъ, мудрейшій, правдивѣйшій, человеколюбивѣйшій изъ Римлянъ своего времени, въ книгѣ о Должностяхъ, отдавая справедливость Арапу, же обидясь восклицаетъ: • *virum mag-*

aum, dignumque qui in nostra Republica natus esset (7). „О мужъ великій, достойный родиться въ нашей Республикѣ! . . . .“ Увы! и Цицеронъ даже не предполагалъ, чтобы можно быль *человѣкомъ*, не родясь Римляниномъ!

Наша любовь къ Отечеству, просвѣщенные Слушатели, въ томъ смыслѣ, какъ мы, въ девятомъ - десятъ вѣкѣ, понимаемъ ее должны, не естъ *исключительная* привязанность къ спранъ рожденія, къ единоплеменникамъ. Она совершенно согласуется съ любовью къ роду человѣческому, подобно, какъ привязанность члена семейства можетъ и должна быль совмѣстна съ преданностью къ обществу, котораго семейство сіе естъ часть. Божественный Нравоучитель, повелѣвшій намъ любить самыхъ враговъ нашихъ, безъ сомнѣнія предполагалъ въ политическомъ мѣрѣ тѣснѣйшее братство . . . особенно *въ наши времена*, когда большая часть народовъ соединены между собою сходствомъ въ исповѣданій, дворскими и торговыми сношеніями, кровными союзами Государей, науками, нуждами общежитія, потребностью во взаимномъ одобреніи и уваженіи, самымъ любопытствомъ. Теперь не существуетъ на земли ни одного значительнаго народа, которой бы не былъ одолженъ другому сообщеніемъ или важныхъ познаній, или религіи, или обычаевъ, умягчающихъ нравы и составляющихъ

жизни пріятность. Самые произведенія природы другъ отъ друга мы заимствовали. Подобно какъ предложенныя вамъ колосныя растѣнія (8) могутъ быть у насъ водворены, такъ всеконечно въ древности заимствованы извѣстные намъ роды пшеницы изъ Италіи или изъ Азіи. Одна и нынѣ именемъ своимъ доказываетъ Азіатское свое происхожденіе (9). Азія же надѣлила насъ гречкою. Наше просо происходитъ изъ Индіи. Ленъ, который одѣваетъ насъ во спѣ и болѣе различныхъ видахъ, изъ Египта. Но родъ и конопли вѣроятно мы изъ сѣверо-востока сообщили Европѣ. Роскошныя плоды, плѣняющіе наши очи, и обоняніе еще прежде, нежели вкусъ, не въ нашемъ климатѣ родились, хотя они теперь составляютъ избытокъ Украйны. Римляне, сосредоточивъ ихъ у себя изъ разныхъ мѣстъ своего обширнаго владычества, передали ихъ Франціи, Франція Германіи, Германія Польшѣ, и наконецъ они содѣлались и нашимъ *природнымъ* произведеніемъ. Вѣроятно нѣкоторыя изъ оныхъ доставили намъ и Греки вмѣстѣ съ начатками просвѣщенія; другіе перенесены непосредственно изъ Азіи. Не упоминаю о предметахъ роскоши или науки, дорого воспишываемыхъ (10). Огородныя наши растѣнія, безъ коихъ не можеть обойтись послѣдній нашъ поселянинъ, всеконечно также изъ за-предѣловъ Россіи въ нее перенесены, въ числѣ ихъ земляное яблоко, въ

самыя недавнія времена. Въсѣмъ намъ памятно еще, что Сѣверо-Американская сія оwoцѣ принадлежитъ къ числу тѣмочисленныхъ намъ благодѣяній Екѣперіаны Великой. Говорить ли о породахъ полезнѣйшихъ животныхъ, составляющихъ теперь богатство наше? . . . о произведеніяхъ переработанныхъ, кои доставляютъ намъ торговля, и говоря о торговлѣ, сближающей родъ человѣческой, прославлять ли ея благотворенія? . . . Поприце нашихъ сношеній содѣлалось почти безпредѣльно. Сколь тѣсенъ былъ міръ Авинниа за проповѣду *Римской* вселенной! и что значить самая сія вселенная, простиравшаяся на тридцать чепыре степени долгошы и столько же широты, проповѣду нынѣшней? . . . Еще въ XVII вѣкѣ подѣ именовъ *всего просвѣщеннаго свѣта* разумѣли не болѣе, какъ половину Европы. Теперь сіе выраженіе предсказываетъ разуму не только всю сію часть Сѣвѣна отъ Волги до устья Тага, но и часть Индіи, и сѣверную и почти уже южную Америку. Въ Бенгалахъ есть Академіи и ученія Общества, подобно какъ въ Филадельфіи и въ Ріо-Янейро. Уже Камчатка можетъ похвалиться Мужами просвѣщенными, не путешествующими только, но обшачающими въ ней, сообщающими намъ свѣденія о ея естественныхъ богатствахъ (11). Камчатка можетъ похвалиться начальникомъ, кошерому вѣроятно Провидѣнію предославило учредити

сообщеніе исполинской Имперіи нашей съ Востокомъ Азіи, неприступною Японією, ароматическими островами Сонда и чудесною по ея произведеніямъ пашою часпію Свѣша (12). Россіане возвратились изъ *четвертаго* уже своего путешествія вокругъ земнаго шара. Я мысленно вижу великаго, благодѣтельнаго старца, копорой недавно еще взявши вѣль силы Европейскихъ Державъ, вижу его, заключающаго въ объятія свои смѣлаго юношу, присоединившаго навѣки свое имя къ именамъ Магеллана, Кука, Крузенштерна. Полезное изобрѣтеніе опдаленной области Сѣверо-Американской, менѣе нежели чрезъ годъ приводится въ исполненіе на противоположной половинѣ земнаго шара, приусть Невы (13). Для насъ въ Харьковѣ, среди спрашной оной Грекамъ Скиеи обитающихъ, распелъ сахарной проспникъ на Анпильскихъ островахъ и корица на островѣ Цейлонѣ. Мы, такъ сказать, *необходимо* занимаемся участію сихъ опдаленныхъ мѣспб; въ по же время узнаемъ, что экспедиція, опправленная къ сѣверному полюсу, благополучно дошла уже за десятиль степеней до онаго, и вмѣспъ сообщаемъ другъ другу подробное извѣстіе о Голькамскомъ собраніи, подобномъ нашему сей день, извѣстіе дошедшее къ намъ изъ Лондона, *чрезъ Берлинъ и Петербургъ* (14). Между тѣмъ въ Бразиліи читающихъ съ любопытствомъ о произшествіяхъ,

Лѣтописи III.

1

совершающихся въ нашемъ Отечествѣ. Отъ
 меня, частнаго чловѣка, зависить, чпобъ
 сіе слово достигло до береговъ Амазонской
 рѣки, Миссисипи, Гамбіи, Нила и Танга,
 бывъ разумѣемо шамъ, какъ на берегахъ Ку-
 бани, Иртыша и Ангары, гдѣ оно чпшплься
 будетъ. Общеупотребительность нѣко-
 торыхъ Европейскихъ языковъ на всѣхъ сихъ
 мѣстахъ, обычай сочиненій періодическихъ,
 правильный ходъ почтъ и непрерывность
 морскихъ сообщений дають къ тому несомни-
 тельныя средства. Предсавляютъ ли что
 подобное прежніе вѣки? . . . Не только люд-
 косшь, свойственная нашей части Свѣта,
 кропкіе ея нравы, ея благопворная Религія,
 самыя Внценосцы ея переселились въ спи-
 раны, которыя совсѣмъ не существовали для
 древнихъ, которыя въ началъ XVI столѣ-
 тія еще едва были извѣстны (15). Владѣ-
 тели противуположеннаго намъ полушарія
 начинаютъ сопрягаться со дщерями Монар-
 ховъ Европейскихъ. Сіи Монархи открыто,
 при торжественныхъ плескахъ своихъ под-
 данныхъ, дають себѣ взаимно имена *друзей*.
Въ семь качествъ посѣщаютъ они другъ
 друга и *отъ лица къ лицу* рѣшаютъ судьбу
 важной части Европы. Евангеліе проповѣдуеш-
 ся велегласно въ бамбуевыхъ храмахъ оспро-
 вовъ Тихаго моря, ш. е. на сто восемьдесятъ
 степеней долготы отъ происхожденія своего,
 и почши аншиподамъ Іерусалискимъ!... Въкв

наспливый, обвѣщающій всеобщій братскій союзъ рода человѣческаго! Скоро свободный Негръ, приплывъ изъ Гиней на собственномъ суднѣ въ Одессу и образованный житель Сандвичевыхъ острововъ, возвращающійся изъ Нью-Йорскаго Университета въ свое Отечество чрезъ Россію, могутъ простерти дружескія объятія полуденному Россіянину и съ нимъ бесѣдовать о успѣхахъ наукъ *на семъ самомъ мѣстѣ*, которое, менѣе нежели за двѣсти лѣтъ до насъ, служило обиталищемъ дикимъ сернамъ и временнымъ прослѣдомъ для Крымскихъ варваровъ, опустошавшихъ Россію (16). Слушатели! это не мечты! . . . Прославимъ Провидѣніе, являющее намъ въ сихъ событіяхъ, въ семъ сближеніи народовъ свой чудеса, какъ и во всемъ прочемъ; и будемъ достойны своего времени!

II. Не трудно опредѣлить *истинную* къ Отечеству любовь, показать различіе ея какъ отъ лживаго, такъ и отъ заблужденнаго націонализма. „Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ (17).“ Во всѣхъ странахъ, какъ и въ Отечествѣ нашемъ, находятся еще люди, наполненные непріязни къ иностранцамъ, презирающіе и опорачивающіе ихъ обычаи, обряды, законы, чуждающіеся всякаго сходства съ ними, и по сему ненавидящіе полезнѣйшія установленія, поколику сіи отъ нихъ зависяваны. Оди воздыхаютъ о временахъ про-

шедшихъ, въ нихъ полько ищутъ и обрѣтають добродѣтели; превозносятъ похвалами предковъ, не имѣвшихъ съ чужеземцами отношеній. Они желали бы возврашсь первобышнюю грубость нравовъ, суровость правленія, дикость самой Природы, если возможно, чтобы удовлешворить свое опъращеніе. Но сіе опъращеніе опъ всего чужеземнаго не есть любовь къ Отечеству! . . . Во всѣхъ странахъ, какъ и у насъ, находятся преслѣдователи иносранцовъ, призванныхъ Правительствомъ для наставленія нашего и пользы Государственной, или нашедшихъ у насъ убъжище. Они желали бы изгнать ихъ далеко за свои предѣлы. Они почитаютъ ихъ бесполезными бременами общешва, или обвиняють въ распространеніи опасныхъ прииъровъ и вредныхъ началъ потому полько, что сіи несчастные суть чада иной земли. Въмѣсто преклоненія своего народа къ собользнованію, къ гостеприимству, они заражаютъ его своими чувопшваніями, вооружаютъ его на пришельцовъ безъ всякаго разбора, безъ всякаго соображенія послѣдствій. Въмѣсто того, чтобы искать сопрягши сихъ новыхъ гражданъ съ собою уваженіемъ, снисхожденіемъ, обьясненіемъ взаимныхъ недоразумѣній, они опърачаютъ ихъ опъ себя, пороча собственное свое Отечество и благодѣтельные намѣренія своего Правительства дѣлая безуспышнымъ. Сіе гоненіе иносраннихъ не

есть любовь къ Отечеству! . . . Къ ешды просвѣщенной Европы не въ одномъ Царствѣ находимъ мы хулишелей Царствъ другихъ, полагающихъ въ помѣ свою славу, увеличивающихъ худое, средное какъ и вездѣ чело-вѣческому несовершенству, унижающихъ цѣну хорошаго и похвального, приписывающихъ *народнымъ* порокамъ или *народному* злодѣйству то, что должно справедливѣе приписывать обыкновенному легкомыслию народа или обсяояшельствамъ, въ которыя онъ спеченіемъ случаевъ приведенъ; пресупленія одного или нѣсколькихъ лицъ, или же и дѣла Правительства приписываютъ сему народу, которой, какъ и повсюду есть, безразсудная толпа дѣшей, есть жалкое орудіе сильнѣйшаго или хипрѣйшаго. Такимъ-то образомъ имена *Французъ* у однихъ, *Турокъ* у другихъ, *Руской* у третьихъ, сколько безвинно, сполько и безумно становятся порицаніемъ. Укоризны воздаются за укоризны. Народы, какъ бы умыцленно содержатся въ непримиримой непріязни; а всѣ они сущь чада *Единого* Бога! . . . Нѣшб, слушатели! сіе Государственное злословіе не есть любовь къ Отечеству! . . . Въ странахъ, заимствовавшихъ поспепенно и позднѣ опѣ другихъ просвѣщеніе, пребывающихъ необходимо поддержанія его извнѣ, скудныхъ еще въ природныхъ наставникахъ, нѣкоторыя желали бы совсѣмъ обойтись безъ

чужеземцевъ. Они предпочитаютъ лучше оставить у себя науки во младенчество на цѣлое поколѣніе еще, нежели вызвать Учителей достойныхъ изъ мѣстъ, которыя такими изобилуютъ. Они не представляютъ себѣ, что учебныя заведенія, едва возникшія, не могутъ приносить плодовъ зрѣлыхъ; что наставники образуются великимъ временемъ и отъ великаго лишь избытка наставляемыхъ; что видѣть и слышать преподаваемое въ училищахъ родимаго края не достаточно для того совершенства, которое должно предлагаться въ образователь другіхъ. И земледѣлецъ не только избираетъ самое зрѣлѣйшее и лучшее зерно для произведенія плода, но часто предпочитаетъ оное заимствовать въ краю *иномъ*. Таковъ общій законъ Природы! Увы! мнимые сіи патриоты осуждаютъ на посредственность тысячи юношей, пылающихъ къ приобрѣтенію познаній, *надежду* своего Отечества! . . . Такое и *въ семь* предпочтеніе природнымъ чужестранцамъ не есть просвѣщенная любовь къ Отечеству!.. И восклицанія писателей въ похвалу своего Отечества, непрерывное превозношеніе его въ книгахъ и періодическихъ сочиненіяхъ, противоположеніе достоинствъ своего народа свойствамъ чуждыхъ, приписаніе его добродѣтелямъ того, что справедливѣе принадлежитъ персту Провидѣнія, или мудрости и швердости Правительства, умо-

чаніе его несовершенство, *которыя ему во исправленіе его напоминать должно*, умолчаніе неудачъ, увеличиваніе успѣховъ, все сіе не естъ просвѣщенная любовь къ Отечеству! . . . И порицаніе мѣръ Правительства, преднародное сужденіе о его погрѣшностяхъ, дерзкое испытаніе его лаянъ, сей такъ называемый въ нѣкоторыхъ образахъ Правленія духъ оппозиціи, поелику онъ пропивенъ *самоу существу* порядка и согласія въ народныхъ семействахъ, не естъ любовь къ Отечеству! . . . Съ другой стороны, Слушатели, назовемъ ли мы любовью къ Отечеству сіе легкомысленное спремленіе къ новостямъ, сіе безвременное желаніе ввести у насъ обычаи, нравы, законы чужихъ земель, по одному предположенію, что они послужатъ къ щастію нашего народа? Благоуміе во всемъ наблюдаетъ средину. Оно не отвергаетъ чуждаго, но предпочитаетъ испытанное свое. Не охотно измѣняетъ установленія, освященныя временемъ; напрошивъ того прилѣжнымъ взоромъ ищетъ и открываетъ въ нихъ самыхъ средства къ ихъ усовершенію. Оно знаетъ, что *нерѣдко камень, о немъ же небрегоша зиждущіе, можетъ бысть во главу угла.*

О, сколь лестно было бы для отечественнаго нашего самолюбія, еслибъ Россіяне, показавъ безчисленные примѣры любви къ

Опечесству на полѣ брани за него и на гражданскомѣ, не меньше славномѣ поприщѣ, представили міру высочайшій идеаль сего благороднаго чувствованія! Оно, подобно прочимѣ добродѣтелямѣ, возвышается скромностію. Чудное дѣло поиспннѣ: пщеславіе, гордоеть и другія чувствва, неперпимыя въ частныхѣ людяхѣ отѣ лица къ лицу, но уже лѣ могутѣ бытъ пріяны между народами? Согреждане! перестанемѣ оскорблять брапій своихѣ и наславниковѣ! Ошдадимѣ справедливостѣ ихѣ *доброму*, дабы они нашему *лучшему* оную отдали. Возлюбимѣ и почтимѣ Европу, которая въ великомѣ ЦАРѢ нашемѣ оболаеть своего благошворителя! Униженіемѣ для себя' погнавляють первенство въ познаніяхѣ естѣ завидовашъ шому, кто живеть отѣ насѣ на Востокѣ, что у него ранѣе было ушро. Нашѣ ПЕТРЪ призналь, что науки обтекають земной шарѣ, подобно свѣту солнечному!.. По поводу великаго, теперь произнесеннаго имени, озримся, Слушатели, въ рядѣ минувшихѣ временѣ. Мудрыя наши Самодержцы отѣ Владиміровѣ и Іоанновѣ Великихѣ до безпримѣрнаго сего ПЕТРА, и до АЛЕКСАНДРА единственнаго, воѣ привлекали иностранцовѣ въ Россію. Наши Лѣтописи не всегда намѣ обьясняютѣ образѣ участія сихѣ почтенныхѣ пришельцовѣ въ дѣлахѣ Правительствва; даже и имена многихѣ изѣ нихѣ ошались безвѣстными. Тѣмѣ

не менте, судя по Короуяннинѣ Анастасіи, Болонцѣ Арисипопелѣ, Женевцѣ Лефоринѣ и другихъ, мы можемъ быть удостовѣрены, что *имѣ* обязаны мы нашими лучшими успѣхами въ дѣлахъ войны и мира. Но что я говорю!... весьма многіе изъ нашихъ вельможескихъ родовъ, изъ Особѣ именистыхъ услугами Опеческву и Пресполу, наши Романовы, Морозовы, Ордины-Нащокины, Шереметевы, Вупурлины, Воронцовы, Суворовы, Кутузовы не происходятъ ли отъ чужеземцевъ, поселившихся въ Россіи (.8)? Большая часть сего обширнаго Царства, вмѣщающаго въ себѣ многія другія, не населена ли пришельцами, или не состоитъ ли изъ народовъ, принявшихъ въ послѣдствіи славное имя Россіянъ?

Слушатели просвѣщенные! въ девятомъ ли-надесять вѣкѣ надлежитъ цѣпать народныя вражды? Оставимъ ихъ для вѣковъ и племенъ варварскихъ. Заплашимъ порицателямъ нашимъ, путешественникамъ, исполненнымъ легкомыслія, или зависти и злобы, живымъ Географамъ и Историкамъ, обезображивающимъ наше Опечесство, заплашимъ уваженіемъ родимыхъ ихъ земель. Вражды невѣжества и воздаяніе мщенія безконечны, если не прекратитъ ихъ слово мира сіе: *добра творите ненавидящимъ васъ!*

Любовь наша къ Опечесству да начнетъся любовію къ истинѣ и добродѣтели, безъ ко-

порой она есть тщетной звукъ во утѣхахъ нашихъ. Дурной гражданинъ своего края, дурной отецъ своего семейства, не можетъ быть добрымъ сыномъ Отечества. Съ другой стороны, не любя всѣмъ сердцемъ Отечества нашего, не можемъ мы любить чело-вѣковъ другихъ странъ, чело-вѣковъ вообще. Мнимыя къ нимъ нѣжности Космополитовъ, сіе пышно выражаемое желаніе всеобщей свободы и равенства, суть мечты воображенія, или безбожный обманъ эгоизма, укрывающій злодѣйство.

Любовь къ Отечеству, Слушатели! есть искра оной несравненной любви, сопрягающей Творца съ тысячами и тысячами племъ Его твореній. Исходя изъ чистаго сердца Христіанина, она объемлетъ прежде семейство его, окружающихъ его домочадцевъ, мѣсто его рожденія и жительства, всѣхъ людей болѣе или менѣе отъ него зависящихъ, край, котораго онъ есть гражданиномъ, наконецъ постепенно разширяя свой кругъ, и все Отечество! Но сей небесный огонь не вмѣщается и въ полюкомъ пространствѣ: онъ разлива-ется далѣе и объемлетъ весь родъ чело-вѣчскій. Онъ воспарилъ бы и внѣ предѣловъ земнаго шара въ міры другіе, къ прочимъ чадамъ погожде Бога; но естество смертнаго ограничено!

Любовь къ Отечеству дѣйствуетъ, не про-повѣдуя о себѣ. Она не поставляетъ себѣ цѣ-

лію наградъ или славы, умирающей *завтре*; однако имѣетъ ихъ въ виду какъ по слабости человѣческой природы, такъ и изъ уваженія общественнаго блага, которое сіи награды производящъ, умножая поревнованіе. Она не оспававливается отъ препяствій, не слабѣетъ отъ невниманія Правительсва, или согражданъ. Съ равнодушіемъ взираетъ на плоды прудовъ своихъ, преданные рукамъ чуждымъ; и опвергаема бывъ, не прѣшаетъ принимать въ нихъ прежнее живѣйшее участіе. Она глубоко чтитъ власть, но ей не раболѣспвуетъ; исполняетъ въ строгой точности ея велѣнія, но не ищетъ *угодить*. Съ другой стороны не осуждаетъ дѣлъ ея на спогнахъ градскихъ, а подъ печатію тайны *говоритъ*, гдѣ мнитъ ей, что долгъ и благо Опечесва того пребуютъ! Вѣщаетъ сильнымъ истину съ тѣмъ же духомъ, съ какимъ въ другихъ случаяхъ лжетъ кровь за Опечесво. Симъ образомъ, безвѣстно для современниковъ, безвѣстно для потомства, лишивъ сама себя всѣхъ человѣческихъ средствъ къ удовлетворенію, она не рѣдко приноситъ величайшія жерпвы. Наконецъ, увидѣвъ себя безъ пристанища здѣсь на землѣ, она спремится къ Престолу вѣчности, *единственному* своему испочнику, и шамъ обрѣшаетъ свое воздаяніе.

Post scriptum. Нѣкоторые изъ слушателей сей Рѣчи, Особы, копорыхъ криптику Орапорѣ спавилѣ себѣ въ истинную честь и приѣмлетѣ съ чистосердечною благодарностию, сдѣлали примѣчаніе, что онѣ удаліяся отѣ своего предмета. На сіе онѣ долгомъ почитаетѣ изъяснилься; і е. Всякое публичное слово должно соотвѣтствовать не только предмету его, но и мѣсту и случаю, въ копорыхъ оно произносится. *Сіе* было произнесено не въ Сенатѣ или въ Дворянскомъ Собраніи, ниже въ Академіи, но въ *Филотехническомъ Обществѣ* и въ заключеніе такого его собранія, копорато предметы были большею частію иноспранныя произведенія. 2 е. Любовь къ Отечеству не преподаетѣ съ кафедръ; ибо вообще никакая *любовь* не преподаетѣ. И намѣреніе состояло не въ томъ, чтобѣ читать о ней общія мѣста, а чтобѣ ополчилься *въ первый еще разѣ* на предразсудокѣ, начинающій теперь господствовать, по крайней мѣрѣ въ нашей Украинѣ. 3 е. Здѣсь можеть бытъ кспани же будетѣ опвѣчать и на обвиненіе меня въ томъ, яко бы я, упопреляя шексты изъ Священнаго Писанія, дѣлаю сіе изъ угодническаго подражанія и соображаясь духу времени. Духъ времени на сколько на меня не дѣйствовалъ прежде, и теперь, кажется, не дѣйствуетѣ. Легко доказать, что въ 1801, 1802 и 1811 годахъ

употреблялъ я шексты, гораздо прежде многихъ; ибо я люблю Св. Писаніе, люблю прекрасный Славянскій языкъ, на которомъ оно говоритъ столь выразительно; люблю какъ Императоръ и какъ добрый Христіанинъ, которымъ я усердно бытъ стараюсь.

~~~~~

П р и м ѣ ч а н і я.

- (1) Была произнесена 21 го Августа сего года въ Харьковъ, въ публичномъ собраніи Фило-техническаго Общества, Правителемъ его дѣлъ и другихъ Ученыхъ Обществъ Членомъ, В. Н. Каразинымъ. Достойно примѣчанія, что въ семь Собранія находились простые земледѣльцы изъ подгородныхъ слободъ. И какъ явленіе это есть вѣроятно еще первое въ Россіи, то имена поселянъ внесены въ протоколъ Общества.
- (2) Маіоръ, въ послѣдствіи Полковникъ, Назаръ Александровичъ Каразинъ былъ употребленъ въ 1768 и слѣдующемъ годахъ до открытія Турецкой войны въ секретныя посылки и не-гоціаціи (въ Молдавіи, Валахіи и въ Моревъ), кошорыя отчаспи приутоновили щасли-вые успѣхи оной. Всякъ можетъ себѣ пред-ставишь, что жизнь его была во все это время въ непрерывной опасности, отъ ко-торой никакая храбрость спасашъ не могла. Онъ опличился потомъ и на войнѣ сей, какъ маъ напечатанныхъ реляцій 1769 го и 70

годовъ видно. Великій Военачальникъ, Графъ Румянцовъ - Задунайскій, жаловалъ его лично, удоспоивая своими письмами послѣ самой его опсипавки, а ЕКАТЕРИНА наградила недвижими́мъ имѣніемъ.

(3) Да будетъ мнѣ позволено въ семь мѣстѣ, въ благодарномъ сердца изліяніи, помѣспитъ имена *Ивана Петровича Шульца* и *Христіана Ивановича Фирлинга*, людей истинно просвѣщенныхъ и благороднѣйшихъ, одного добродѣшельнаго Германца, другаго родомъ изъ Страсбурга, но прямаго Римлянина по чувствамъ, которые оба, не родившись въ Россіи, любили ее чистосердечно и меня научали прежде всего любить ее. Ихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ! они были содержащими пансіоновъ: первой въ Харьковѣ, другой въ Кременчугѣ между 1780 - 90 годами.

(4) *Etudes de la nature, par St. Pierre ed. 1797 à Basle. T. II. p. 78.*

(5) *Broussonetia papyrifera Willdenowii.* Сей анекдотъ рассказываетъ Делиль въ *Поэмѣ о садахъ*.

Un jour, dans ses jardins, où l'état à
grande frais
De vingt-climats divers en un seul lieu
ressemble
Ces peuples végétaux surpris de croître en-
semble, и пр.

Надобно ещо превосходное мѣсто прочесть въ подлинникѣ, или въ переводѣ А. А. Палицына.

- (6) Et. de la nature. T. V. p. 180.
- (7) De officiis. II. 81, 82.
- (8) Въ семь Собраніи между прочимъ были предспавлены болѣе двадцати родовъ разныхъ чужеспранныхъ колосныхъ или хлѣбныхъ растѣній, выращенныхъ Правителемъ дѣлъ въ его помѣспѣ, изъ присланныхъ извѣспнымъ Горенковскимъ Ботаникомъ Г. Фишеромъ сѣмянъ. Славныя Горенки Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, въ 16 верстахъ отъ Москвы, безъ сомнѣнія одно изъ первыхъ въ Европѣ Ботаническихъ заведеній, должны бытъ извѣспны всякому ученому.
- (9) Такъ называемая въ Украинѣ Татарка или Арнаутка.
- (10) Благовонный ананасъ еспѣ, равно какъ и подсолнечникъ, Перувіанской уроженецъ. Земляная груша (по здѣшнему Волоская рѣпа) получена изъ Бразиліи. Персикъ первобыпно происходитъ изъ Персіи, что и имя доказываетъ: у Римскихъ Авпоровъ также *malum Persicum*. Но мы оной завели равно какъ и ананасъ чрезъ посредство Англичанъ. Столиспная роза вывезена къ намъ изъ Голшпиніи въ началѣ XVII вѣка.
- (11) См. Московскихъ Вѣдомоспей № 58-60.
- (12) Г. флота Канишанъ Петръ Ивановичъ Рикордъ, освободившій изъ Японскаго плѣну бывшаго своего начальника Головина. Сіе примѣчаніе помѣщено для шѣхъ, кои по крайней мѣрѣ изъ журналовъ не знаютъ сего опѣ

личнаго мореходца, посвященнаго челоуѣку
и рѣднаго Папріота.

(13) Сочинитель разумѣеть здѣсь о пароходѣ.

(14) См. Сѣверной Почты № 61 и Berliner
Nachricht.

(15) Въ 1500 мѣ году Португалець Кабралъ
открылъ берега Бразиліи, но значительныя
заселенія въ ней сдѣлались не прежде поло-
вины XVII вѣка.

(16) Чтобы согласиться въ возможности пла-
коваго случая, стоить только вспомнить о
прибытіи въ прошедшемъ году одного сво-
боднаго Африканскаго мореходца въ Европу и
о попеченіи нынѣшняго владѣтеля Сандвиче-
выхъ острововъ образованіи жителей оныхъ.
Нѣкоторыя и теперь воспитываются въ сѣ-
верной Америкѣ. Множество обыкновенныхъ
теперь событій, на пр. пребываніе Русскаго
Резидента въ упомянутой странѣ и въ
Бразиліи, за полѣткі только были еще не-
вѣроятіе!

(17) Матѣ. Гл. VII.

(18) См. Родословную книгу Князей и Дво-
рянъ, напеч. въ Москвѣ 1787.

ПРОИЗВОДНАГО
СЛОВАРЯ
Б у к в а И.

И. буква.

И. союзъ.

ИВА, ивы, м. Ум. *Ивка*,
и, и. *Ивушка*, и, и.
с. ж.

Ивовый, вая, вое. прил.

Ивнякъ, а. с. м.

Иверень. см. *вершѣть*.

ИВОЛГА, ги, и. с. ж.

Иволгинъ, на, но. прил.

ИГЛА, ы, иглы. Ум.

Иголка, и, и. *Иголоч-*
ка, и, и. с. ж.

Иглиный, ная, ное. прил.

Иглистый, ая, ое. прил.

Иглистѣ.

Иглица, ы, ы. с. ж.

Игловатый, ая, ое.

прил. *Игловатѣ*.

Игольникъ, ка, ки. Ум.

Игольничекъ, чка, чки.
с. м.

Игольный, ая, ое. прил.

Игольчатый, ая, ое.

прил.

Игольщикъ, ка, ки. с. м.

Лѣтописи III.

ИГО, ига. с. ср.

ИГОТЬ, и, и. Ум. *Игот-*
ка, и, и. с. ж.

Иготный, ая, ое. прил.

ИГРАТЬ, аю, ешь, алъ.

Игранный. гл. д. 1)

во что или чѣмъ? 2)

на чѣмъ? 3) что?

Играніе, я. с. ср.

Игра, ы, игры. Ум. *Игор-*

ка, *Игорочка*, *Игриш-*

ка, и, и. с. ж.

Игральный, ая, ое. прил.

Игралище, а, а. с. ср.

Игралищный, ая, ое.

прил.

Игривый, ая, ое. прил.

Игривѣ.

Игривость, и. с. ж.

Игрище, а, а. с. ср.

Игрищный, ая, ое. прил.

Игрокъ, а, и. Ум. *Игро-*

чекъ, чка, чки. *Игро-*

чишка, и, и. с. м.

Игроковъ, а, о. прил.

Игрецкій, ая, ое. прил.

К

- Игрецки, поигрецки.** нар. **Проигрышный**, ая, ое.
Игрушка, и, и. Ум. прил.
Игрушечка, и, и. с. ж. **Проигратъся**, аюсь,
Игрушечный, ая, ое. ешься, ался. гл. возв.
 прил. **Разыграшь**. гл. д.
Игратъся, играетъся, иг- **Разыграніе**, я. с. ср.
рался. гл. возв. безл. **Розыгрышъ**, а, и. с. м.
Выиграшь. гл. д. **Разыграшь**, аюсь,
Выигрышъ, а, и. с. м. ешься, ался. гл. возв.
Выигрышный, ая, ое. **Сыграшь**. гл. д.
 прил. **Сыграшь**, аюсь, ешь-
 ся, ался. гл. возв.
Выигрышно, нар. **(Игрывашъ, ваю,**
Выиграшь, аюсь, ешь- ешь), аль. гл. д.
 ся, ался. гл. возв. **Выигрывашъ**. гл. д.
Доиграшь. гл. д. **Выигрываніе**, я. с. ср.
Доиграшь, аюсь, ешь- **Выигрывать**, ваюсь,
 ся, ался. гл. возв. ешься, ался. гл. возв.
Заиграшь. гл. д. **Доигрывашъ**. гл. д.
Заиграшь, аюсь, ешь- **Доигрываніе**, я. с. ср.
 ся, ался. гл. возв. **Доигрывать**, ваюсь,
Наиграшь. гл. д. ешься, ался, гл. возв.
Наиграшь, аюсь, ешь- **Заигрывашъ**. гл. д.
 ся, ался. гл. возв. **Заигрываніе**, я, с. ср.
Обыграшь. гл. д. **Заигрывать**, ваюсь,
Обыграшь, аюсь, ешь- ешься, ался. гл. возв.
 ся, ался. гл. возв. **Наигрывашъ**. гл. д.
Опыграшь, гл. д. **Наигрываніе**, я. с. ср.
Опыграшь, аюсь, ешь- **Наигрывать**, ваюсь,
 оя, ался. гл. возв. ешься, ался. гл. возв.
Переиграшь. гл. д. **Обыгрывашъ**. гл. д.
Подыграшь. гл. д. **Обыгрываніе**, я. с. ср.
Подыграшь, аюсь, **Обыгрывать**, ваюсь,
 ешься, ался. гл. возв. ешься, ался. гл. возв.
Поиграшь. гл. д. **Отыгрывашъ**. гл. д.
Поигрышъ, а, и. с. м. **Отыгрываніе**, я. с. ср.
Проиграшь. гл. д.
Проигрышъ, а, и. с. м.

- Отыгрываться, ваюсь, ешья, аля. гл. возв.
- Переигрывать. гл. д.
- Переигрываніе, я. с. ср.
- Переигрываются, ваюсь, ешья, аля. гл. возв.
- Подыгрывать. гл. д.
- Подыгрываніе, я. с. ср.
- Подыгрываются, ваюсь, ешья, аля. гл. возв.
- Поигрывать. гл. д.
- Проигрывать. гл. д.
- Проигрываніе, я. с. ср.
- Проигрываются, ваюсь, ешья, аля. гл. возв.
- Разыгрывать. гл. д.
- Разыгрываніе, я. с. ср.
- Разыгрываются, ваюсь, ешья, аля. гл. возв.
- Сыгрывать. гл. д.
- Сыгрываніе, я. с. ср.
- Сыгрываются, ваюсь, ешья, аля. гл. возв.
- ИГУМЕНЪ, мн, мена, мн. жны, мены. с. м. Греч.
- Игуменовъ, ва, во. прил.
- Игуменя, ны, и. с. ж.
- Игуменьинъ, а, о. прил.
- Игуменскій, ая, ое. прил.
- Игуменство, а, а. с. ср.
- Игуменствовать, вую, ешь, гл. ср.
- ИДЕЯ, и, и. с. ж. Греч.
- Идеаль, а, ы. с. м.
- Идеальный, ая, ое. прил.
- Идеалистъ, а, ы. с. м.
- ИДОЛЬ, а, ы. с. м. Греч.
- Идольскій, ая, ое. прил.
- Идолопоклонни - чашь, аю, ешь, аль. гл. ср.
- Идолопоклонникъ, а, и. с. м. Идолопоклонни - ца, ы, ы. с. ж.
- Идолопоклонничій, чья, чье. Идолопоклонни - ческій, ая, ое. прил.
- Идолопоклонничество, а. с. ср.
- Идолопоклонство - ващъ, ую, ешь, аль. гл. ср.
- Идолопоклоненіе, я. с. ср.
- Идолопоклонство, а. с. ср.
- Идолослуженіе, я. с. ср.
- Идолослужитель, я, и. с. м. Идоислужи - тельница, ы, ы. с. ж.
- ИДТИ, иду, ешь (шелъ, заимствовано, кажеш - ся, и сокращено отъ шествовать.) гл. ср. непр.
- Взойши, йду, ешь, шелъ. гл. ср.
- Презойти, презойден - ный. гл. д.
- Войши. гл. ср.
- Выйши. гл. ср.

К а

- Дойти. гл. ср.
 Зайти. гл. ср.
 Изойти. гл. ср.
 Произойти. гл. ср.
 Найти, найденный.
 гл. д.
 Найтись, найдуся, ешь-
 ся, шелся. гл. возв.
 Низойти. гл. ср.
 Снизойти. гл. ср.
 Обойти, обойденный.
 гл. д.
 Обойтись, дуся, ешься,
 шелся. гл. общ.
 Остойти. гл. ср.
 Подойти. гл. ср.
 Пойти. гл. ср.
 Предъити. гл. ср.
 Прейти. гл. д.
 Перейти, перейден-
 ный. гл. д.
 Прійти. гл. ср.
 Прійтись. гл.
 Пройти. гл. ср.
 Пройтись. гл.
 Противуйти. гл.
 ср.
 Разойтись. гл.
 П.разойтись. гл.
 Сойти. гл. ср.
 Сойтись. гл.
 Уйти. гл. ср.
 ИЗБА, ы, избь. Ум.
 Избушка, и, я. Из-
 бенка, и, и. Избушеч-
 ка, и, и. с. ж.
 Избный, ая, ое, прил.
- ИЗВЕСТЬ, и. Известка
 и. с. ж.
 Известный, ая, ое. прил.
 Известковый, ая, ое.
 прил.
 Известникъ; а, и. с. м.
 ИЗУМРУДЪ, а, ы. с. м.
 Перс.
 Изумрудный, ая, ое.
 прил.
 ИЗЪ. пред.
 ИЗЮМЪ, а. с. м. Тур.
 Изюмина, ы, ы. Ум.
 Изюминка, и, и. с. ж.
 ИКАТЬ, аю, ешь, аль
 гл. ср.
 Иканіе, я. с. ср.
 Икота, ы. Икотка, и,
 с. ж.
 Икаться, икается,
 алось. гл. въ 3 л.
 употр.
 Заикашьяся, каюся,
 ешься, каля. гл.
 Заиканіе, я. с. ср.
 Заика, и, и. с. ж.
 Икнушь, ну, ешь,
 нуль. гл. с.
 Икнуться, икнется,
 икнулось. гл. въ 3
 лицъ употр.
 Заинкнуться, нуся, ешь-
 ся, улся. гл.
 ИКОНА, ы, ы. с. ж.
 Греч.
 Иконный. ая, ое. прил.
 Иконникъ, а, и. с. ж.

- Иконоборствовать**, ую, **ИЛЕМЪ**, льма, льмн.
ешь, овалъ. гл. ср. с. м.
- Иконоборство**, а. с. ср. **Ильмовый**, ая, ое, прил.
- Иконоборственный**, ая, **Ильмовникъ**, а, и. с. м.
ое. прил. **ИЛИ**. союзъ, см. ли.
- Икоборецъ**, рца, рцы. **ИЛЬ**, а с. м.
с. м. **Иловатый**, ая, ое. прил.
- Икоборный**, ая, ое. **иловапъ**.
прил. **Иловато**. нар.
- Икоборщина**, ы. с. ж. **Иловатость**, и. с. ж.
- Иконописъ**, и. с. ж. **ИМѢТЬ**, ею, ешь, вль.
гл. д.
- Иконописание**, я. с. ср. **Имѣніе**, я. **Неимѣніе**, я.
- Иконописание**, а. с. ср. **Имѣніе**, я. **Неимѣніе**, я.
с. ср.
- Иконописецъ**, сца, ы. **Имущество**, а, а. **Неи-**
с. м. **мущество**, а. с. ср.
- Иконописный**, ая, ое. **Имѣться**, имѣется,
прил. имѣлся. гл. возв.
- Иконописная**, ыя. прил. **Преимущество**, а, а. с.
какъ с. ср.
- Иконопоклонникъ**, а, и. **Преимущественный**, ая,
с. м. ое. прил.
- Иконостасъ**, а, ы. с. м. **Преимущественно**, нар.
- Греч. **Преимуществовать**, ую,
ср. ешь, овалъ. гл. ср.
- Иконостасный**, а, ое. **ИМПЕРІЯ**, и, и. с. ж.
прил. **Лан**.
- ИКРА**, ы, икры. с. ж. **Имперскій**, ая, ое. прил.
- толстая икры. ик- **Императоръ**, а, ы. с. м.
- ра паюсная. ум. **Императрица**, ы, ы.
- Икорка**, и. **Икорки**. с. ж. **Императорскій**, ая, ое.
прил.
- Икринный**, ая, ое. прил. **Императрица**, а, о.
прил.
- Икринъ**. **Имперіалъ**, а, ы. Ум.
- Икриться**, икрится, ик-
рилась. гл.
- Отъикриться**, гл.

- И.иперіальчикъ**, а, и. **Тезоименитство**, з. с. ср. с м. **Христоименитый**, ая, ое. прил.
- Полуиперіаль**, а, ы. **Именованіе**, нуя, ешь, овалъ. **Именованный**, гл. д.
- Ум. **Полуиперіальчикъ**, а, и. с. м. **Именованіе**, я. с. ср. **Именоваться**, уюсь, ешься, овался. гл. возв.
- ИМЯ**, ени, ена. с. ср. **Именное**, безъименный, ая, ое. прил. **Именное**, безъименно, нар.
- Именное**, нар. **Именное**, гл. д.
- Единоименный**, одноименный, ая, ое. прил. **Именное**, я. с. ср. **Именное**, гл. возв.
- Многоименный**, ая, ое. прил. **Именное**, гл. д. **Именное**, гл. возв.
- Разноименный**, ая, ое. прил. **Именное**, гл. д. **Именное**, гл. возв.
- Современный**, ая, ое. прил. **Именное**, гл. д.
- Тезоименный**, ая, ое. прил. **Именное**, я. с. ср. **Именное**, гл. возв.
- Тождественный**, ая, ое. прил. **Именное**, гл. возв.
- Именцы**, ъ, с. ж. мн. **Именное**, ая, ое. прил. **Именное**, ая, ое. прич.
- Именщикъ**, а, п. с. м. **Именное**, ая, ое. прич.
- Именственный** (падежь).
- Именственный**, ая, ое. прил. **Именное**, я. с. ср. **Именное**, гл. возв.
- Именство**, нар. **Именное**, гл. возв.
- Именность**, и. с. ж. **Именное**, ая, ое. прил.
- Великоименный**, ая, ое. прил. **Именное**, ая, ое. прич.
- Высокоименный**, ая, ое. прил. **Именное**, ая, ое. прич.
- Тезоименный**, ая, ое. прил. **Именное**, ая, ое. прич.
- И.и.и.и.**, я, с. и. иностр.
- И.и.и.и.**, а, ы. с. и. Лап.
- И.и.и.и.**, ая, ое. прил. **И.и.и.и.**, и.и.и.и. с. и. **И.и.и.и.**, ая, ое. прил. **И.и.и.и.**, в.в.в.в. в.в.в. в.в.в. гл. ср.

- Заиндѣвѣть**, гл. ср.
Заиндѣвѣлый, ая, ое. прил.
- ИНЖЕНЕРЪ**, а, ы с. м. Франц.
Инженерный, ая, ое. прил.
- Инженерство**, а. с. ср.
ИНСПЕКТОРЪ, а, ы. с. м. Лаш.
Инспекторша, и, и. с. ж.
Инспекторскій, ая, ое. прил.
- ИНСТРУМЕНТЪ**, а, ы. с. м. Лаш.
Инструментальный, ая, ое. прил.
- ИННЫЙ**, ая, ое. прил.
Инакій, инакой, инаковой, ая. ое. прил.
Инако, инакъ, инаково, иначе. нар.
Инаѣ. нар.
Иногда. нар.
Инокъ, а, и. с. м. Инокня. и, и. с. ж.
Иноческій, ая, ое. прил.
Иночески, иночески. нар.
Иночество, а. с. ср.
Иночествовать, ую, ешь, аль. гл. ср.
Обинякъ, а, и. с. м.
Переиначить, чу, ишь, иль. **Переиначенный**, гл. д.
- Переиначиться**, чусь, ишься, илься. гл. возв.
ИПОХОНДРІЯ, и. с. ж. Греч.
Ипохондрикъ, а, и. с. м.
Ипохондрический, ая, ое. прил.
- ИРОНІЯ**, и, и. с. ж. Гр.
Ироническій, ая, ое. прил.
Иронически, нар.
- ИСКАТЬ**, ищу, ешь, искаль. **Исканный**. гл. д.
Исканіе, я. с. ср.
Искъ, а, и. с. м.
Исковый, ая, ое. прил.
Истецъ, стца, ы. с. м.
Ищекъ, а, и. с. м.
Ищій, ая, ее. прил.
Ищя, и, и. Ум. **Ищейка**, и, и. с. ж.
Искатель. я, и. с. м.
Искательница, ы, ы. с. ж.
Искательный, ая, ое. прил.
Искомый, ая, ое. прич.
Искаться, щусь, ешься, алься. гл. возв.
Взыскашь. гл. д.
Взысканіе, я. с. ср.
Взыскъ, а, и. с. м.
Взыскатель, я, и. с. м.
Взыскательница, ы, ы. с. ж.

- Взыскательный**, ая, ое. **Проискъ**, а, и, с. м.
 прил. **Разыскашь**. гл. д.
Взысканецъ, нца, ы. с. м. **Розыскъ**, а, и. с. м.
Взыскаться, щуся, ешь- **Розыскный**, ая, ое. прил.
 ся, ался. гл. возв. **Розыскная**. вм. с.
Выискашь. гл. д. **Разыщикъ**, а, и. с. м.
Выискъ, а, и. с. м. **Снискашь**. гл. д.
Выискаться. гл. возв. **Снискаше**, я. с. ср.
Доискашь. гл. д. **Снискашься**. гл. возв.
Доискаться. гл. возв. **Сыскашь**. гл. д.
Изыскашь. гл. д. **Сысканіе**, я. с. ср.
Изысканіе, я. с. ср. **Сыскъ**, а, и. с. м.
Изыскаться, гл. возв. **Сыскный**, ая, ое. прил.
Наискашь. гл. д. **Сыскная**. какъ с.
Наискаться. гл. возв. **Сыщикъ**, а, и. с. м.
Обыскашь гл. д. **Сыскаться**, гл. возв.
Обысканіе, я. с. ср. **Искивашь** (ваю, ешь),
Обыскъ, а, и. с. м. валь. гл. д.
Обыскный, ая, ое. прил. **Взыскивашь**. гл. д.
Обыщикъ, а, и. с. м. **Взысканіе**, я. с. ср.
Обыскаться. гл. возв. **Взыскиваться**. гл. возв.
Отыскашь. гл. д. **Выискивашь**. гл. д.
Отысканіе, я. с. ср. **Вышекиваніе**. я. с. ср.
Отыскаться. гл. возв. **Выискиваться**. гл. возв.
Переискашь. гл. д. **Доискивашь**. гл. д.
Подыскашь. гл. д. **Доискиваться**. гл. возв.
Подыскъ, а, и. с. м. **Изыскивашь**. гл. д.
Подыщикъ, а, и. с. м. **Изыскиваніе**, я. с. ср.
Подыщица, ы, ы. с. ж. **Изыскиваться**. гл. возв.
Подыскаться. гл. об. **Обыскивашь**. гл. д.
Поискашь. гл. д. **Обысканіе**, я. с. ср.
Пискъ, а, и. с. м. **Обыскаться**. гл. возв.
Приискашь. гл. д. **Отыскивашь**. гл. д.
Приисканіе, я. с. ср. **Отыскиваніе**. с. ср.
Приискатель, я. и. с. м. **Отыскиваться**. гл. возв.
Приискаться. гл. возв. **Переискивашь**. гл. д.
Проискашь. гл. д. **Подыскивашь**. гл. д.

Подыскиваться , гл. возв.	ИСТЕРИКА , и, и. с. ж.
Поискивашь , гл. д.	Греч.
Приискивашь , гл. д.	Историческій , ая, ое.
Приискиваніе , я. с. ср.	прил.
Приискиваться , гл. возв.	ИСТОРИЯ , и, и. с. ж.
Проискивашь , гл. д.	Греч.
Проискиваніе , я, с. ср.	Историкъ , а, и. с. м.
Разыскивашь , гл. д.	Историческій , ая, ое.
Разыскиваніе , я. с. ср.	прил.
Снискивашь , гл. д.	Исторически , нар.
Снискиваться , гл. возв.	ИСТУКАНЪ , а, ы. с. м.
Сыскивашь , гл. д.	Истуканцый , ая, ое.
Сыскиваніе , я. с. ср.	прил.
Сыскиваться , гл. возв.	ИСТЫЙ , ая, ое, прил.
ИСКРА , ы, ы. Ум. Ис-	Сл. (кажется, отъ
корка, и, и. с. ж.	гл. ес.иь.)
Искристый , ая, ое, прил.	Истина , ы, ы. с. ж.
Искрометный , ая, ое.	Воистинну , поистиннѣ.
прил.	какъ нар.
Искриться ; юсь, ишься,	Истинный , ая, ое, прил.
ился, гл.	Истинно , нар.
Заискрится , гл.	Неистовый , ая, ое.
ИСКРЕННІЙ , яя, ое.	прил.
прил.	Неистова , нар.
Искренно , нар.	Неистовство , а, а. о.
Искренность , и. с. ж.	ср.
ИСПОЛИНЪ , а, ы. с. м.	Неистовствовать , ую
Исполиновъ , а, о. прил.	ешь, овалъ. гл. ср.
Исполинскій , ае, ое, прил.	

ПРОИЗВОДНАГО СЛОВАРЯ

Б у к в а Х.

- ХА**, ха, ха! междом. *Нахальство*, а, а. с. ср.
Хохоташь, чу, ешь, *Нахалиться*, юсь, ишь-
 аль. гл. ср. ся, ился. гл. об.
Хохотанье, я. с. ср. *Поухалиться*. гл. об.
Хохотъ, а, ы, с. м. *Нахальничать*, аю. ешь,
Хохотня, я. с. ж. аль. гл. ср.
Хохотунъ, на, ны. с. м. **ХАЛУГА**, и, и. с. ж. *Сл.*
Хохотунья, и, и. с. ж. *Захолустье*, я, я. с. ср.
Захохоташь. гл. ср. **ХАЛУЙ**, я, и. с. м. *Ха-*
луйка, и, и. с. ж.
Захохотаться. гл. воз. *Халуйский*, ая, ое. прил.
Похохоташь. гл. ср. *Халуйски*, *похалуйски*.
Нахохоташься, чусь, чешься, шался. нар.
 гл. об. *Халуйство*, а. с. ср.
Разхохоташься. гл. **ХАНЖИТЬ**, у, ишь,
 об. иль. гл. ср.
ХАЗЪ, а, ы. с. м. Араб. *Ханжа*, и; и. с. об.
 (ткань, матерія.) *Ханжество*, а. с. ср.
Хазовый, (конецъ) ая, **ХАБИТЬ**. гл. д. *Стар.*
 ое. прил. *Охабень*, бня, бни. см.
ХАИТЬ, ю, ишь, иль. *Похабный*, ая, ое. прил.
 гл. д. (прост.) *Похабно*. нар.
Хайло, а. с. ср. *Похабникъ*, а, и. с. м.
Хайлишь, ю, ишь, *Похабница*, ы, ы. с. ж.
 иль. гл. ср. *Похабничать*, аю, ешь,
Нахаль, а, ы. с. м. аль. гл. ср.
Нахалка, и, и. с. ж. *Похабство*, а, а. с. ср.
Нахальный, *нахайли-*
еый, ая, ое. *Нахаленъ*, *Похабствовать*, ую,
нахайлиевъ. прил. ешь, аль. гл. ср.
Нахально. нарѣч. *Ухабъ*, ы, ы. Ум. *Уха-*
беть, бца, бцы. с. м.

- Ухабина**, ы, ы. с. ж. **Захаркать**, захар-
Ухабистый, ая, ое. канный. гл. д.
 прил. **Захаркаться**, аюсь, ешь-
Хапашь, аю, ешь, аль. ся, ался. гл. нозв.
 гл. д. **Нахаркашь**. гл. ср.
Халунь, а, ы. с. м. **Обхаркашь**, обхар-
Халунья, и, и. с. ж. канный. гл. д.
Захапашь, захапан- **Харкнушь**, ну, ешь,
 ный. гл. д. уль. гл. ср.
Наханашь, нахапан- **Выхаркнуть**. гл. д.
 ный. гл. д. **Отхаркнуть**, гл. д.
Охапашь, охапанный. (Харкивашь, аю ешь),
 гл. д. аль. гл. ср.
Охапка, и, и. Ум. **Оха-** **Выхаркивашь**. гл. д.
почка, и, и. с. ж. **Выхаркиваніе**, я. с. ср.
Разхапашь. гл. д. **Ошхаркивашь**. гл. д.
Схапашь. гл. д. **Отхаркиваніе**, я. с. ср.
Хапнушь, ну, ешь, **Похаркивашь**. гл. ср.
 уль. гл. д. **Похаркиваніе**, я. с. ср.
 (Хапывашь, ваю, **ХАРЧЬ**, а, и. с. м.
 ешь), аль. гл. д. Араб. (трапа, из-
 держки.)
Захапывашь. гл. д. **Харчевий**, ая, ое. прил.
Захапываніе, я. с. ср. **Харчевия**, и, и. с. ж.
Нахапывашь. гл. д. **Харчевенный**, ая, ое.
Нахапываніе. я. с. ср. прил.
Охапывашь. гл. д. **Харчевникъ**, а, и. с. м.
Охапываніе, я. с. ср. **Харчевничій**, ья, ье.
ХАРКАТЬ, аю, ешь, **Харчевенический**, ая,
 аль. гл. ср. ое. прил.
Харканье, я. с. ср. **Харчевеничать**, аю, ешь,
Харкота, м. с. ж. аль. гл. ср.
Харкотина, ы, ы. с. ж. **Харчись**, у, ишь,
Харкунь, а, ы. с. м. иль. гл. д.
Харкунья, и, и. с. ж. **Харчиться**, усь, ишь-
Выхаркашь, выхар- ся, ился. гл. об.
 канный. гл. д. **Изхарчиться**. гл. об.
Выхарканіе, я. с. ср.

Престарчиться , гл. об.	Самохвальство , а, а. е.
Корчма , ы, ы. с. ж.	ср
Корчемный , ая, ое.	Хвалиться , люсь, ишь-
прил.	ся, ился. гл. воз.
Корчмарь , я, и. Корчем-	Хвальба , ы, ы. с. ж.
никъ , а, и. с. м. Кор-	Хвалебный , ая, ое. прил.
чемница , ы, ы. с. ж.	Восхвалишь , возхва-
Корчемниковъ , а, о. прил.	ленный. гл. д.
Корчемнический , ая, ое.	Восхваление , я. с. ср.
прил.	Выхвалишь . гл. д.
Корчествовать , ую,	Выхваление , я. с. ср.
ешь, аль. Корчемни-	Захвалишь . гл. д.
чать , аю, ешь, ал.	Нахвалишь . гл. д.
гл. ср.	Нахвалятся , гл. возв.
Корчество , а. е. ср.	Похвалишь . гл. д.
ХАРЯ , и, и. Ум. Харь-	Похваление , я. с. ср.
ка , и, и. Харица , ы,	Похвала , ы, ы. с. ж.
ы . Ув. Харшца , и, и.	Похвальный , ая, ое. По-
с. ж.	хваленъ , льна, льно.
ХВАЛИТЬ , ю, ишь,	прил.
иль, Хваленный . гл. д.	Похвально , нар.
Хваление , я. о. ср.	Похваляться . гл. возв.
Хвала , ы, ы. с. ж.	Раохвалишь . гл. д.
Хвальный , ая, ое. прил.	Восхваляшь . гл. д.
Доброхвальный , ая, ое.	Выхваляшь , гл. д.
прил.	Выхваляться . гл. возв.
Достохвальный , ая, ое.	Похваляшь . гл. д.
Достохваленъ , льна,	Похваляться . гл. возв.
льно. прил.	Похвальба , ы, ы. с. ж.
Достохвально . нар.	(Хваливашь , ваю,
Хвалитель , я, и. с. м.	ешь), валь. вл. д.
Пустохвалъ , а, ы. с. м.	Похваливашь . гл. д.
Пустохвалка , и, и.	Прихваливашь . гл.
с. ж.	д.
Самохвалъ , ла, ы. с. м.	Расхвалявашь . гл. д.
Самохвалка , и, и. с. ж.	ХВАСТАТЬ , аю, ешь,
	аль. гл. ср.

Хвастаніе , я. с. ср.	Хватски , похватски.
Хвастунъ , а, ы. с. м.	нар.
Хвастунья , и, и. с. ж.	Скорохватъ , а, ы. с. м.
Хвастливый , ая, ое.	Хвататься , юсь, ешь-
Хвастлиевъ , а, о. прил.	ся, ался. гл. возв.
Хвастливость , и, и. с. ж.	Выхвапашь . гл. д.
Хвастовски . нар.	Захвапашь . гл. д.
Хвастовство , а. с. ср.	Захватъ , а, ы. с. м.
Хвастаться , аюсь, ешь-	Нахвапашь . гл. д.
ся, ался. гл. общ.	Нахватаніе , я. с. ср.
Захваспашь . гл. ср.	Обхвапашь . гл. д.
Нахваспашь . гл. ср.	Обхватъ , а, ы. с. м.
Похваспашь . гл. ср.	Перехвапашь . гл. д.
Прихваспашь . гл. д.	Перехватаніе , я. с. ср.
Прихвастнуть , ну, ешь,	Перехватъ , а, ы. с. м.
уль. гл. д.	Наперехватъ . какъ нар.
Расхвапашь . гл. д.	Перехватчикъ , а, и. с.
Расхвастаться . гл. возв.	м. Перехватчица , ы,
Схвапашь . гл. ср.	ы. с. ж.
(Хвастывашь , аю,	Подхвапашь . гл. д.
ешь), аль. гл. ср.	Наподхватъ . какъ нар.
Похвастывашь . гл.	Похвапашь . гл. д.
ср.	Расхвапашь . гл. д.
Прихвастывашь . гл.	Расхватаніе , я. с. ср.
ср.	Расхватъ , а. с. м.
Прихвастываніе , я. с. ср.	На расхватъ . какъ нар.
Расхвастывашь . гл.	Схвапашь . гл. д.
д.	Хвапашь , чу, пишъ,
Расхвастываться . гл.	шилъ. Хваченный . гл.
возв.	д.
ХВАТАТЬ , аю, ешь,	Хватиться . гл. возв.
аль Хвапанный . гл. д.	1) за что; 2) чего.
Хватаніе , я. с. ср.	Выхвапашь . гл. д.
Хватка , и. с. ж.	Захвапашь . гл. д.
Хватъ , а, ы. с. м.	Обхвапашь . гл. д.
Хватскій , ая, ое. прил.	Обхватиться . гл. об.
	Перехвапашь . гл. д.

Подхватишь. гл. д.	Подхватываніе, я. с. ср.
Прихватишь. гл. д.	Похватывашь гл. д.
Прихватка, и. с. ж.	Прихватывашь. гл.
Прохватишь. гл. д.	д.
Расхватишь. гл. д.	Прихватываніе, я. с. ср.
Схватишь. гл. д.	Прохватывашь. гл.
Схватисься, чусь, нишься, шился. 1) сь кѣмъ; 2) за что; 3) чего.	д.
Схватка, и, и. с. ж.	Расхватывашь. гл.
Ухватишь. гл. д.	Расхватываніе, я. с. ср.
Ухватка, и, и. с. ж.	Схватывашь. гл. д.
Ухватливый, ая, ое.	Схватываніе, я. с. ср.
Ухватливъ, а. о. прил.	Схватываться. гл. об.
Ухватъ, а. ы. Ум. Ухва- тикъ, а, и. Ухватецъ, шдъ, шцы. с. м.	Ухватывашь. гл. д.
Ухватиться, чусь, нишься, шился. гл. возв.	Ухватываніе, я. с. ср.
(Хватывашь, аю, ешь), аль. гл. д.	Ухватываться. гл. об.
Выхватывашь. гл. д.	ХВОРОСТЬ, а. с. м.
Выхватываніе, я. с. ср.	Хворостина, ы, ы. Ум.
Захватывашь. гл. д.	Хворостинка, и, и. с. ж.
Захватываніе, я. с. ср.	Хворостникъ, а. Хворо- стинникъ, а. с. м.
Захватываться. гл. возв.	ХВОРЫЙ, ая, ое. Хворъ, а, о. прил.
Обхватывашь. гл. д.	Хворость, и. с. ж.
Обхватываніе, я. с. ср.	Хворашь, аю, ешь, аль. гл. ср.
Перехватывашь. гл. д.	Хвораніе, я. с. ср.
Перехватываніе, я. с. ср.	Хворається, хворалось. гл. безл.
Подхватывашь. гл. д.	Захворать. гл. ср.
	Захворалось, гл. безл. нел.
	Нахвараться, аюсь, ешься, ался. гл. об.
	Перехворашь. гл. ср.
	Похворашь. гл. ср.

- Прохворашь.** гл. ср. **Хикашь,** жихикашь,
Прихварывашь. гл. аю, ешь, аль. гл. ср.
 ср. **Нахикашься,** аюсь,
Прихворнуть, ну, ешься, ался. гл. об.
 ешь, нуль. гл. ср. **Расхикашься,** гл. об.
Разхворащья, аюсь, **ХИЖА,** и. Сл. (хата.)
 ешься, ался. гл. об. **Хижина,** ы, ы. Ум.
ХВОСТЪ, а, м. Ум. **Хво-** **Хижинка,** и, и. с ж.
стикъ, а, и. Ув. **Хво-** **Хипишь,** чу, пишь,
стище, а, и. с. м. **пиль.** гл. д.
Хвостецъ, спца, с. м. **Прихитить,** **прихиче-**
Хвостовый, ая, ое. прил. **ный.** гл. д.
Хвостистый, ая, ое. **Ухитить,** **ухиченный.**
Хвостистъ, а, о. прил. гл. д.
Безхвостый, ая, ое. **Прихичивать,** ваю, ва-
хвостъ. а. о. прил. **есть,** валъ. гл. д.
Долгохвостый, ая, ое. **Прихичиваніе,** я. с. ср.
Долгохвостъ, а, о. **Ухичивать.** гл. д.
 прил. **Ухичиваніе,** я. с. ср.
Короткохвостый, ая, ое. **ХИЛЫЙ,** ая, ое. **Хилъ,**
Короткохвостъ, а, о. а, о. прил.
 прил. **Хилость,** и. с. ж.
Широкохвостый, ая, ое. **Хилѣшь,** (хирѣшь)
Широкохвостъ, а, о. **фю, вешь, ѣзь.** гл. ср.
 прил. **Хилѣніе,** я. с. ср.
Прихвостень, спн я, **Захилѣть,** (захирѣть).
 спни. с. м. гл. ср.
Хвостать, аю, ешь, **Захилѣлый,** ая, ое. прил.
 аль. гл. д. (еѣникомъ) **Похилѣть.** гл. ср.
Хвостатъся, аюсь, ешь- **ХИМЕРА,** ы, ы. с. ж.
 ся, ался. гл. возв. **Греч.**
ХВОЩЪ, а. с. м. **Химерный,** **Химериче-**
Хвощовый, ая, ое. прил. **скій,** ая, ое. прил.
ХВОЯ, хвои. с ж. **ХИМИЯ,** и. с. ж. **Греч.**
Хвойный, ая, ое. прил. **Химическій,** ая, ое.
ХИ, хи, хи! межд. прил.
Химически. нар.

- Хи́микъ, а, и с. м. Исхититель, я, и. с. м.
 Алхимія, и. с. ж. Похитишь. гл. д.
 Алхимическій, ая, ое. Похищеніе, я, я. с. ср.
 прил. Похититель, я, и. с. м.
 Алхимикъ, а, и. с. м. Похитительница, ы,
 ХИРУРГІЯ, и. с. ж. ы. с. ж.
 Греч. Расхитишь. гл. д.
 Хирургъ, а, и. с. м. Расхищеніе, я, я. с. ср.
 Хирургическій, ая, ое. Расхититель, я, и. с. м.
 прил. Расхитительница, ы,
 ХИТИТЬ, шу, тишь. ы, с. ж.
 пиль. Хищенный, гл. Восхищашь, аю, ешь,
 д. Сл. аль. гл. д.
 Хищеніе, я. с. ср. Восхищаться, аюсь,
 Хищный, ая, ое. Хи- ешься, ался. гл. возв.
 щенъ, щна, щно. прил. Исхищашь. гл. д.
 Хищность, и, с. ж. Похищашь. гл. д.
 Хищникъ, а, и. с. м. Похищаться. гл. возв.
 Хищница, ы, ы. с. ж. Разхищашь. гл. д.
 Хищниковъ, а, о. прил. Разхищаться. гл. возв.
 Хищнический, ая, ое. ХИТРЫЙ, ая, ое.
 прил. Хитръ, а, о. прил.
 Хищнически. нар. Хитро. нар.
 Хищничать, аю, ешь, Хитрость, и, и. с. ж.
 аль. гл. д. Хитренькой, ая, ое.
 Хищничества, а, а. с. ср. Хитренекъ, въ ка,
 Восхишишь, восхи- нько. прил.
 щенный. гл. д. Хитренько. нар.
 Восхищеніе, я, я. с. ср. Хитростный, Безхитро-
 Воохититель, я, и. с. м. стный, ая, ое. Без-
 Восхитительный, ая, ое. хитростенъ, стна,
 Восхитителенъ, льна, стно. прил.
 льно. прил. Безхитростно. нар.
 Восхититься, шуся, Злохитростный, ая, ое.
 пишья, шился. гл. Злохитростенъ, стна.
 возв. стно. прил.
 Исхишишь. гл. д. Злохитростно. нар.

- Хитроеатый**, ая, ое. **Холодноватость**, и. с. ж.
Хитроеатъ, а, о. **Холоденекъ**, **Холоднехо-**
 прил. **некъ**, нька, нько.
Хитроеато. нар. прил.
Хитрець, а, ы. с. м. **Холодниенько**, **Холодне-**
Хишришь, ю, ишь, **хонько**. нар.
 иль. гл. ср. **Хладъшь**, **Холодъшь**,
Перехитритъ. **Перехи-** **вю**, ешь, **ѣль**. гл. ср.
транный. гл. д. **Охладъть**. гл. ср.
Перехитреніе, я. с. ср. **Охладъніе**, я. с. ср.
Похишришь. гл. ср. **Прохладъть**. гл. ср.
Ухишришь. гл. д. **Холодишь**, жу, дишь,
Ухитриться, рюсь, ишь- **диль**. **Холоженный**.
 ся, ился. гл. возв. гл. д.
Перехишряшь. **Хладительный**, ая, ое.
Ухишрять и **Ухи-** прил.
щрять. **Ухищенный**. **Выхолодишь**. гл. д.
 гл. ср. **Захолодишь**. гл. д.
Ухищеніе, я, я. с. ср. **Захолодь**, и. с. ж.
Злоухищеніе, я, я. с. ср. **Нахолодишь**. гл. д.
Ухищенно. нар. **Охолодишь** и **Охла-**
Ухитряться и **Ухищ-** **диль**. **Охлажденный**,
рятвоа, юсь, ешься, **гл. д.**
ялся. гл. возв. **Охлажденіе**, я. с. ср.
ХЛАДЪ, а. Сл. — **Хо-** **Охлада**, ы. с. ж.
лодь, а. Ум. **Холо-** **Охолодиться** и **Охла-**
докъ, дка. с. м. **диться**. гл. возв.
Хладный, **Холодный**, **Прохладишь** и **Про-**
 ая, ое. **Холоденъ**, дна, **холодишь**. **Прохлаж-**
 дно. прил. **денный**. гл. д.
Хладно, **Холодно**. нар. **Прохлажденіе**, я. с. ср.
Холодность, и. с. ж. **Прохлада**, ы. с. ж.
Холодникъ, а, и. с. м. **Прохладный**, ая, ое.
Холодноватый, ая, ое. **Прохладенъ**, дна, дно.
Холодноватъ, а, о. прил.
 прил. **Прохладно**, нар.

Холодновато. нар.

Лѣтописи III.

Л

Прохлазительный , ая, ое. Прих адителенъ, льна, льно. прил.	Хлебальный , ая, ое. прил.
Прохолодь , и, с. ж.	Выхлебать . гл. д.
Расхолодитъ . гл. д.	Дохлебать . гл. д.
Охлаждать и Охолождать . гл. д.	Захлебать . гл. д.
Охлаждаться и Охолождаться . гл. возв.	Захлебаться . аюсь, ешься, ался. гл. возв.
Прохлаждать и Прохолождать . гл. д.	Нахлебаться . гл. возв.
Прохлаждаться и Прохолождаться . гл. возв.	Отхлебать . гл. д.
Выхолаживашъ . гл. д.	Похлебать . гл. д.
Выхолаживаніе , я. с. ср.	Похлебка , и, и. Ум Похлебочка , и, и. с. ж.
Захолаживашъ . гл. д.	Похлебочный , ая, ое. прил.
Захолаживаніе , я. с. ср.	Прихлебать . гл. д.
Прохолаживашъ . гл. д.	Прихлебка , и, и. с. ж.
Прохолаживаніе , я. с. ср.	Прихлебатель , я, и. с. м. Прихлебательница , ы, ы. с. ж.
Прохолаживашся . гл. возв.	Расхлебать . гл. д.
Расхолаживашъ . гл. д.	Хлебнуть , ну, нешь, нуль. гл. д.
Расхолаживаніе , я. с. ср.	Выхлебнуть . гл. д.
ХЛАМЪ , Хламость, а. с. и.	Дохлебнуть . гл. д.
Хламостить , шу, спишь спиль. гл. д.	Захлебнуть . гл. д.
Захламостить . гл. д.	Захлебнуться . гл. возв.
Нахламостить . гл. д.	Оухлебнуть . гл. д.
ХЛЕБАТЬ аю, ешь, ая. Хлебанный . гл. д.	Прихлебнуть . гл. д.
Хлебаніе , я. с. ср.	Схлебнуть . гл. д.
	Ухлебнуть . гл. д.
	(Хлебывать) аю, ешь, ая. гл. д.
	Выхлебывать . гл. д.
	Выхлебываніе , я. с. ср.
	Дохлебывать . гл. д.
	Дохлебываніе , я. с. ср.

- Захлебывашься.** гл. возв.
Похлебывашь. гл. д.
Нохлевание, я. с. ср.
Прихлебывашь. гл. д.
Пихлавание, я. с. ср.
Расхлебывашь. гл. д.
Расхлевание, я. с. ср.
ХЛЕСТАТЬ и **Хлысашь;** шу, щешь; аль. гл. д.
Хлестание; Хлытание, я. с. ср.
Хлестъ; Хлытъ; а, ы. Ум. **Хлыстикъ;** а, и. с. м.
Хлестаться; шусь, щешься, аля. гл. возв.
Хлыстовщина, ы. с. ж.
Выхлесташь. гл. д.
Выхлестаться; выхлысашься. гл. воз.
Захлестка; и, и. с. ж.
Захлесташь. гл. д.
Захлестаться. гл. возв.
Исхлестать. гл. д.
Исхлестаться. гл. воз.
Нахлесташь, нахлысашь. гл. д.
Нахлестка; и, и. с. ж.
Нахлестаться. гл. возв.
Охлесташь; охлысашь. гл. д.
Охлестаться; Охлысаться. гл. воз.
Похлесташь; Похлысашь. гл. д.
Похлестаться; Похлысаться. гл. воз.
Расхлесташь; Расхлысашь. гл. д.
Расхлестаться; Расхлысаться. гл. воз.
Хлеснуть; Хлыснуть; ну, нешь, нуль. гл. д.
Хлеснуться; Хлыснуться. гл. возв.
Выхлеснуть; Выхлыснуть. гл. д.
Захлеснуть; Захлыснуть. гл. д.
Захлеснуться. гл. воз.
Охлеснуть; Охлыснуть. гл. д.
Охлеснуться; Охлыснуться. гл. возв.
Прихлеснуть; Прихлыснуть. гл. д.
Прохлеснуть; Прохлыснуть. гл. д.
Прохлеснуться. гл. об.
Разхлеснуться. гл. возв.
Ухлеснуть; Ухлыснуть. гл. д.
(Хлестывашь; ваю, ешь); аль.
Похлестывашь. гл. д.
Прихлестывашь. гл. д.
ХЛИПАТЬ, аю, ешь; аль. гл. ср.

- Хлипание**, я. с. ср.
Всхлипыва́ть, аю, ешь, аль. гл. ср.
Всхлипывание, я. с. ср.
Всхлипнуть, ну, ешь, нуль. гл. ср.
Захлипать. гл. ср.
Расхлипаться, аюсь, ешься, ался. гл. воз.
ХЛИПКИЙ, ая, ое **Хлипко́в**, йка, пко. прил.
Хлипкость, и. с. ж.
ХЛОПАТЬ, аю, ешь, аль. гл. ср.
Хлопаніе, я. с. ср.
Хлопотня, и с. ж.
Хлопушка, и, и. с. ж.
Хлопокъ, пка, пки. Ум. **Хлопочекъ**, чка, чки. с. м.
Хлопчатый, ая, ое прил.
Хлопье, я, я. с. ср.
Захлопать. гл. ср.
Обхлопать, **Обхлопанный**. гл. д.
Охлопокъ, пка, пки. Ум. **Охлопочекъ**, чка, чки. с. м.
Охлопье, я, я. с. ср.
Похлопать. гл. ср.
Расхлопать, **Расхлопанный**. гл. д.
Хлопшы, ь. Ум. **Хлопотышки**, екъ. с. ж.
Хлопошный, **Хлопотливый**, ая. ое. **Хлопотень**, пна, пно. **Хлопотливъ**, а, о, прил.
Хлоотно, **Хлопотливо**. нар.
Хлопоща́ть, чу, чешь, шаль. гл. ср.
Хлопотаніе, я. с. ср.
Хлопотуи́ть, а, ы. с. м.
Хлопотуи́ль, и, и. с. ж.
Хлопотникъ, а, и. с. м.
Хлопотница, ы, ы. с. ж.
Выхлопота́ть. гл. д.
Выхлопотаніе, я. с. ср.
Прохлопота́ть. гл. ср.
Захлопота́ться; **чу́сь**, **чешься**, **шался**. гл. об.
Нахлопота́ться. гл. об.
Хлопнуть, ну, нешь, нуль. гл. д.
Захлопнуть. гл. д.
Захлопнуться. гл. возв.
Опхлопну́ть. гл. д.
Прихлопну́ть. гл. д.
(Хлопыва́ть), аю, ешь), аль.
Обхлопыва́ть. гл. д.
Обхлопывање, я. с. ср.
Похлопыва́ть. гл. ср.
Похлопывање, я. с. ср.
Прихлопыва́ть. гл. д.
Расхлопыва́ть. гл. д.

- ХЛѢБЪ**, а, ы. Ум. Хлѣбѣцъ, бца, бцы. с. м.
Хлѣбный, **Безхлѣбный**, ая, ое. прил.
Хлѣбникъ, а, и. с. м.
Хлѣбня, и. и. с. м.
Хлѣбennyй, ая, ое. прил.
Хлѣбная. въ видѣ суц.
Хлѣбенное. въ видѣ суц.
Хлѣбородный, ая, ое.
Хлѣбороденъ, дна, дно. прил.
Хлѣбосоля, а, ы. с. м.
Хлѣбосолка, и, и. с. ж.
Хлѣбосоляство, а. с. ср.
Хлѣбосольный, ая. ое. прил.
Хлѣбошѣ, а, ы. с. м.
Безхлѣбница, ы. с. ж.
Нахлѣбникъ, а, и. с. м.
Нахлѣбница, ы. ы. с. ж.
Похлѣбство, а. с. с.
Похлѣбствовать, ую, ешь, аль. гл. ср.
Похлѣщикъ, а, и. с. м.
Ухлѣбить, лю, ишь, иль. гл. д.
ХЛѢВЪ, а, ы. Ум. Хлѣвокъ, вка, вки. с. м.
ХЛЮСТАТЬ, аю, ешь, аль. гл. д.
Захлюсташь, **Захлюстанный**. гл. д.
Захлюстаться, аюсь, ешься, ался. гл. возв.
- Нахлюсташь**, **Нахлюстанный**. гл. д.
Нахлюстаться. гл. возв.
ХЛЯБЬ, и, м. с. ж. Сл. **Хлябать**, аю, ешь, ал. гл. ср.
Расхлябашься, аюсь, аешься, ался. гл. об.
ХМЕЛЬ, я. 1) **растѣніе**; 2) **оостряніе пьнаго**. Ум. **Хмелекъ**, лѣка. с. м.
Хмелевый ая, ое. прил.
Хмелина, ы, ы. Ум. **Хмелинка**, и, и. с. ж.
Хмельникъ, а, и. с. м.
Хмельной, ая, ое. **Хмеленъ**, льна, льно. прил.
Хмельное. какъ суцъ.
Хмельшь, лѣю, ешь, дѣль. гл. ср.
Охмельть. гл. ср.
Похмелье, я. с. ср.
Росхмельть. гл. ср.
Въ росхмель. какъ нар.
Опохмеляшь, аю, ешь, яль. гл. д.
Опохмеляться, ляюсь, ешься, ялся. гл. возв.
Опохмелишь, лю, лишь, лиль. гл. д.
Опохмелиться, люсь, лишься, лился. гл. возв.

- ХМУРИТЬ**, рю, ришь, риль. гл. д.
Хмурение, с. ср.
Хмуриться, рюсь, ришься, рился. гл. возв.
Нахмуришь, **Нахмуренный**. гл. д.
Нахмуриться. гл. возв.
Принахмурить. гл. д.
Принахмуриться. гл. возв.
Нахмуривать, аю, ешь, аль. гл. д.
Нахмуривание, я, с. ср.
Нахмуриваться, аюсь, аешься, ался. гл. возв.
Принахмуривать. гл. д.
Принахмуриваться. гл. возв.
ХНЫ! хны! межд.
Хныкать, каю, каешь. — чу, чешь, — кль. гл. ср.
Хныканіе, я, с. ср.
Захныкать. гл. ср.
Прохныкать. гл. ср.
Расхныкаться. гл. об.
Хныкнуть, ну, ешь, кль. гл. ср.
ХОВОТЬ, а, ы. Ум. **Хоботкѣ**, цка, шки. с. м.
ХОДИТЬ, жу, дишь, диль. гл. ср. 1) гдѣ, куда? 2) въ чемъ? 3) за кѣмъ или за чемъ?
Хожденіе, **Нехожденіе**, я, с. ср.
Ходокѣ, а, н. с. м.
Ходѣ, а, с. м.
Ходкѣй, ая, ое. **Ходокѣ**, дка, дко. прил.
Ходко. нар.
Ходьба, ы, с. ж.
Ходячій, ая, ее. прил.
Хожатый, аго, ые. какъ сущ. м.
Хожалый, аго, ые. какъ сущ. м.
Ходуля, и, и. с. ж.
Ходенеиѣ. нар.
Ходатый, я, и. с. м.
Ходатайца, **Ходатайница**; ы, ы. с. ж.
Ходатайствовать, ую, уешь, валь. гл. ср.
Ходатайство, а, с. ср.
Ходатайствованіе, я, с. ср.
Исходатайствовать, **Исходатайствованный**. гл. д.
Исходатайствованіе, я, с. ср.
Иноходь, и, с. ж.
Иноходецѣ, дца, дцы. с. м.
Миноходеиѣ, какъ нар.
Мореходецѣ. дца, дцы. с. м.
Мореходный, ая, ое. прил.

- Мореходство**, а. с. ср. **Вхожій**, ая, ее. **Вхожѣ**, а, е. прил.
Нѣшеходець, дца, дцы.
Нѣшеходѣ, а, ы. с. м. **Выходишь**. гл. ср.
Нѣшеходство, а. с. ср. **Вытождѣніе**, я. с. ср.
Скореходѣ, а, ы. с. м. **Выходѣ**, а, ы. с. м.
Скореходовѣ, а, о. прил. **Выходець**, дца, дцы. с. м.
Скореходскій, ая, ое. **Выходка**, и, и. с. ж.
 прил. **Безвыгодно**. нар.
Судоходный, ая, ое. **Выходиться**, жусь, дишься, дился. гл. о.
 прил.
Судоходство, а. с. ср. **Выходишь**, **Выхожен- ный**. гл. д.
Восходишь, **Всходишь**. гл. ср.
Восхожденіе, я, с. ср. **Доходишь**. гл. ср.
Восходѣ, **Всходѣ**, а, ы. с. м. **Доходѣ**, а, ы. Ум.
Превосходишь. гл. д. **Доходець**, дца, дцы.
Превосходство, а, а. с. ср. **Доходишко**, а, и с. м.
 ср. **Доходный**, ая, ое. прил.
Превосходствовать, ую, ешь, аль. гл. ср. **Доходно**. нар.
Превосходный, ая, ое. **Заходишь**. гл. ср.
Превосходенѣ, а, о. прил. **Захожденіе**, я. с. ср.
Превосходно. нар. **Исходишь**. гл. ср.
Превосходительный, ая, ое. прил. **Исхожденіе**, я. с. ср.
Высокопревосходительный, ая, ое. прил. **Исходѣ**, а, ы. с. м.
Превосходительство, а, а. с. ср. **Исходный**, ая, ое. прил.
Высокопревосходитель- ство, а, а. с. ср. **Происходитъ**. гл. ср.
Входишь. гл. ср. **Происхожденіе**, я. с. ср.
Вхожденіе, я. с. ср. **Находишь**. гл. д.
Входѣ, а, ы. с. м. **Находка**, и, и. с. ж.
Вхожѣ, а, ы. с. м. **Находный**, ая, ое. прил.
Нисходишь. гл. ср. **Находиться**, жусь, дишься, дился. гл. возв.
Снисходишь. гл. ср. **Нисходительный**, ая, ое. **Снисходительнѣ**,

- льна, льно. прил.
 Снисходительно. нар.
 Снисходительность, и,
 и. с. ж.
 Снисходительство, а.
 с. ср.
 Обходить. гл. ср.
 Обхождение, я. с. ср.
 Обходительный, ая, ое.
 Обходительнѣ, а, о.
 прил.
 Обходительно. нар.
 Обходительность, и. с.
 ж.
 Обходительство, а. с.
 ср.
 Обходѣ, а, ы. с. м.
 Небходимый, ая, ое.
 Необходимѣ, а. о.
 прил.
 Необходи.но. нар.
 Необходимость, и, и.
 с. ж.
 Обиходѣ, а, ы. с. м.
 Обходиться. гл. возв.
 Отходить. гл. ср.
 Отхождение, я, с. ср.
 Отходѣ, а, ы. с. м.
 Отходная. какъ сущ.
 Отходчивый, ая, ое.
 Отходчивѣ, а, о.
 прил.
 Отхожий, ая, ее. прил.
 Подходить. гл. ср.
 Подходѣ, а, ы. с. м.
 Походишь. гл. ср. 1)
 гдѣ 2) на кого?
- Потождене, я. я. с. ср.
 Подѣ, а, ы. с. м.
 Потодный, ая. ое. прил.
 Походка, и, и. с. ж.
 Похожий, ая, ее. Похожѣ,
 а, е. прил.
 Преходить и Пере-
 ходить. гл. д.
 Перехождение, я. с. ср.
 Переходѣ, а, ы. с. м.
 Переходчивый, ая, ое.
 Переходчивѣ, а, о.
 прил.
 Приходить. гл. ср.
 Прихождение, я. с. ср.
 Приходѣ, а, ы. с. м.
 Приходный, ая, ое. При-
 ходенѣ, дна, дно. прил.
 Приходский, ая, ое. прил.
 Прихожанинѣ, а, жане.
 с. м. Прихожанка, и,
 и. с. ж.
 Прихожий, ая, ее. прил.
 Прихожая. какъ. сущ.
 Приходиться. гл. об.
 Проходить. гл. ср.
 Прохождение, я. с. ср.
 Проходѣ, а, ы. с. м.
 Проходный, ая, ое. прил.
 Прохожий, ая, ее. прил.
 Непроходимый, ая, ое.
 Непроходи.мѣ, а, о.
 прил.
 Непроходимость, и, и.
 с. ж.
 Преходиться. гл. об.
 Расходиться. гл. об.

- . **Расходъ**, а, ы. с. м. **Дохаживать**. гл. ср.
Расходный, ая, ое. прил. **Обхаживать**. гл. ср.
Расходчикъ, а, и. с. м. **Похаживать**. гл. ср.
Расходчица, ы, ы. с. ж. **Похаживаніе**, я. с. ср.
Расхожий, ая, ее. прил. **Перехаживать**. гл.
Прорасходиться. гл. об. ср.
Сходить. гл. ср. **Прихаживать**. гл.
Схождение. я, с. ср. ср.
Сходъ, а, ы. с. м. **Прохаживаться**,
Сходный, **Несходный** аюсь, ешься, ался.
 ая, ое. **Стодень**, **Не-** гл. об.
сходень, дна, дно. **Прохаживаніе**, я. с. ср.
 прил. **Разхаживать**. гл. ср.
Сходно, **Несходно**. нар. **Разхаживаніе**, я. с. ср.
Сходня, и. и. с. м. **Разхаживаться**. гл. об.
Сходишься. гл. об. **Ухаживать**. гл. ср.
Сходя, и, и. с. ж. **Ухаживаніе**, я. с. ср.
Сходбище, а, а. с. ср. **ХОЗЯИНЪ**, а, ева. с. м.
Сходство, **Несходство**, **Хозяйка**. ум. **Хозяюш-**
 а. е. ср. ка, и, и. с. ж.
Сходственный, ая, ое. **Хозяиновъ**, а, о. **Хозяй-**
 прил. кинъ, а, о. прил.
Сходственно. нар. **Хозяйскій**, ая, ое. прил.
Сходственность, и, и. **Хозяйство**, а. с. ср.
 с. ж. **Хозяйственный**, ая, ое.
Сходствовать, ую, ешь, прил.
 валь. гл. ср. **Хозяйствовать**, ую,
Схожий, ая, ее. **Схожь**, ешь, аль. гл. ср.
 а, е. прил. **Хозяйничать**, аю, ешь,
 аль. гл. ср.
Уходить. гл. ср. **ХОЛКА**, и, и. с. ж.
Ухождение, я. с. ср. **ХОЛМЪ**, а, ы. ум. **Хол-**
Уходъ, а, ы. с. м. **Холмикъ**, а, и. с. м.
Уходиться. гл. об. **Холмистый**, ая, ое.
(Хаживать, аю, ешь), **Холмисть**, а, о. прил.
 аль. гл. ср. **ХОЛОПЪ**, а, ы. с. м.
Выхаживать. гл. д. **Холопка**, и, и. с. ж.
Выхаживаніе, я. с. ср.

- Холопѣѣ**, а. о. **Холопкинѣ**, а. о. прил.
Холопскій, ая, ое. **Холопій**, пъя. пье. прил.
Холопски, **Похолопски**, нар.
Холопство, а. с. ср.
ХОЛОСТЫЙ, ая, ое. **Холостыѣ**, а. о. прил.
Хол стякѣ, а, и. с. м.
Хол стьба, ы. с. ж.
Холосшица, шу, спишиѣ, с.вилѣ. **Холощенный**. гл. д.
Холощеніе, я. с. ср.
Холостить. гл. д.
ХОЛОТЪ, а, ы. Ум. **Холотикѣ**, а, и. Ув. **Холотище**, а. с. м.
Холщовый, **Холстяный**, ая, ое. прил.
Холстина, м. Ум. **Холстинка**, и. с. ж.
Холстинный, ая, ое. прил.
Холщевникѣ, а, и. с. м.
ХОЛИТЬ, лю, лишѣ, лиль. гл. д.
Холя, и, с. ж.
Хольный, ая, ое. **Холенѣ**, льна, льно. прил.
Хольно. нар.
Холиться, люсь, лишѣся, лядся. гл. возв.
Выхолиѣѣ, **Выхоленый**. гл. д.
Вых литься. гл. возв.
- Прихолиѣѣ**. гл. д.
Прихолиѣѣся. гл. возв.
Поприхолиѣѣся. гл. возв.
ХОМУТЪ, а, ы. Ум. **Хомутикѣ**, а, и. **Хомутишко**, а, и. с. м.
Хомутъ вѣѣ, ая, ое. прил.
Хомутный, ая, ое. прил.
Хомутина, ы, ы. с. ж.
Хомупаѣѣ, аю, ешь, аль. гл. д.
Охомутать. гл. д.
Расхомутать. гл. д.
Расхомутаться. гл. возв.
ХОМЯКЪ, а, я. Ум. **Хомячекѣ**, чка, чки. с. м.
Хомяковѣ, а, о. прил.
ХОРЕЙ, я, и. с. и Греч. **Хореическій**, ая, ое. прил.
ХОРЕКЪ, рька, рьки. Ум. **Хоречекѣ**, чка, чки. с. м.
Хорьковѣѣ, ая, ое. прил.
ХОРОШІЙ, ая, ее. **Хорощѣ**, а, о. прил.
Урав, **Лучшій**, ая, ее. **Хорошо**. нар.
Хорошенькій, ая, ое. **Хорошехонекѣ**, нька, нько. прил.
Хорошенько, **Хорошехонько**. нар.
Хорошество, а. с. ср.

- Хорошѣшь**, вю, вешь, аль. гл. ср.
Похорошѣть. гл. ср.
Охорашивать, аю, аешь, аль. гл. д.
Охорашиваться. гл. возв.
ХОРУГВЬ, и, и. с. ж.
Хоружий, аго, іе. с. м.
ХОРЬ, а, ы. с. м. Треч.
Хорный, ая, ое. прил.
Хоровый, ая, ое. прил.
Хоры, овъ, с. ж. мн.
Хороводъ, а, ы. с. м.
Хороводный, ая, ое. прил.
ХОУБТЬ, чу, чешь, шѣль. гл. ср.
Хотѣніе, я. я. с. ср.
Хотя, Хотъ: нар.
Хотѣться, хотѣтся, хотѣлось. гл. безл.
Доброхотъ, **Недоброхотъ**, а, ы. с. м. **Доброхотка**, **Недоброхотка**, и, и. с. ж.
Доброхотный, **Недоброхотный**, ая, ое. **Доброхотенъ**, **Недоброхотенъ**, шна, шно. прил.
Доброхотно, **Недоброхотно**. нар.
Доброхотство, **Недоброхотство**, а. с. ср.
Доброхотствовать, вую, ешь, ваѣь. гл. ср.
Самохотный, ая, ое. прил.
Самохотно. нар.
Охота, ы. с. ж.
Охотникъ, а. и. с. м.
Охотница, ы, ы. с. ж.
Охотниковъ, а, о. прил.
Охотничий, чья, чье. **Охотническій**, ая, ое. прил.
Поохотничьи. нар.
Охотный, ая, ое. прил.
Охотно. нар.
Охочій, ая, ее. **Охочь**, а, е. прил.
Охотиться, чусь, пишьясь, шился. гл. об.
Похотиться. гл. об.
Заохотить, чу, пишья, шиль. гл. д.
Приохотить. гл. д.
Приохотиться. гл. возв.
Развохотить. гл. д.
Развохотиться. гл. возв.
Заохочивать, аю, ешь, аль. гл. д.
Заохочиваніе, я. с. ср.
Приохочивать. гл. д.
Восхотѣшь. гл. ср.
Отхотѣшь. гл. ср.
Отхотѣться, отхотѣтсся, отхотѣлось. гл. безл.
Захотѣшь. гл. ср.
Захотѣться, захотѣтсся, захотѣлось. гл. безл.
Похотѣшь. гл. ср.

- Похошѣніе**, я, я. с. ср. **ХРАБРЫЙ**, ая, ое.
Похотѣ, и, и. с. ж. **Храбрѣ**, а, о. прил.
Похотный, ая, ое. **Похотень**, шна, мно. **Храбра**. нар.
прил. **Храбрость**, и. с. ж.
Похотливый, ая, ое. **Похотливѣ**, а, о. прил. **Храбрецѣ**, а, м. с. м.
Похотливо нар. **Храбровашѣ**, ую, ешь, ая. гл. ср.
Похотникѣ, а, и. с. м. **Храброваніе**. я. с. ср.
Похотница, ы, ы. с. ж. **Похотливашѣ**. гл. ср.
Прихотѣ, и, и. с. ж. **Храбришься**, юсь, ишься, илсь. гл. об.
Прихотливый, ая, ое. **Похрабриться**. гл. об.
Прихотливѣ, а, о. **Прихрабриться**. гл. об.
прил. **Расхрабриться**, рюсь, ишься илсь. гл. возв.
Прихотливо. нар. **ХРАМЪ**, а, ы. Ум. **Храмикѣ**, а, и. с. м.
Прихотникѣ, а, и. с. м. **Храмовый**, ая, ое. прил.
Прихотница, ы, ы. с. ж. **Храмина**, ы, ы. с. ж.
Прихотничать, аю, ешь, ая. гл. ср. **Хорома**, ы, ы. с. ж. мн.
ХОХОЛЬ, хла, хлы. **Хороменный**, ая, ое. прил.
Ум. Хохолокѣ, лка, лки. **Хохолочекѣ**, чка, чки. **Увед. Хохлище**, а. с. м. **ХРАНИТЬ**, **Хоронить**, ню, ишь, идѣ. гл. д.
Хохлатый, ая, ое. **Хохлатѣ**, а, о. прил. **Храненіе**, **Хороненіе**, я. с. ср.
Хохлачѣ, а, и. с. м. **Хранитель**, я, и. с. м.
Хохлаша, и, и. Ум. **Хохлаша**. и, и. с. ж. **Хранительница**, ы, ы. с. ж.
Духохлый, ая, ое. прил. **Законохранитель**, я, и. с. м.
Хохлишься, люсь, лишься, лилсь. гл. об. **Казнохранитель**, я, и. с. м.
Нахохлиться гл. об. **Книгохранитель**, я, и. с. м.
Нахохливаться, аясь, ешься, ялсь. гл. об. **Хранилище**, а, а. с. ср.
Прихохлиться. гл. об.

- Книгохранилище**, а, а. **Сохранительный**, ая, ое. ср.
 о. ср.
Храниться, **Хоронить**-**ся**. гл. возв.
Охранишь, **Охраненный**. гл. д.
Охраненіе, я. с. ср.
Охранительный, **Охранный**, ая, ое. прил.
Охраниться. гл. возв.
Похоронить, **Похороненный**. гл. д.
Похороненіе, я. с. ср.
Похороны, ъ. с. ж. мн.
Похоронный, ая, ое. прил.
Похоронять, яю, ешь, яль. гл. д.
Предохранить, **Предохраненный**. гл. д.
Предохраненіе, я. с. ср.
Предохранитель, я, и. с. м. **Предохранительница**, ы, ы. с. ж.
Предохранительный, ая, ое. прил.
Предохраниться. гл. возв.
Сохранишь, **Схоронить**, **Сохраненный**, **Схороненный**. гл. д.
Сохраненіе, **Хороненіе**, я. с. ср.
Сохранитель, я, и. с. м. **Сохранительница**, ы, ы. с. ж.
Сохранительный, ая, ое. прил.
Сохранно. нар.
Сохранность, и. с. ж. **Сохраниться**, **Схорониться**. гл. возв.
Охраняшь, яю, ешь, яль. гл. д.
Охраняться. гл. возв.
Предохранять. гл. д.
Предохраняться. гл. возв.
Сохраняшь. гл. д.
Сохраняться. гл. возв.
ХРАПѢТЬ, плю, пишь, пвь. гл. ср.
Храпѣніе, я. с. ср.
Храпунъ, а, ы. с. м.
Храпунья, я, и. с. м.
Храпезъ, а. с. м.
Храпъ, а, ы. с. м.
Нахрапомъ. нар.
Захрапѣшь. гл. ср.
Похрапѣшь. гл. ср.
Прохрапѣшь. гл. ср.
Храпнушь, ну, ешь, нуль. гл. ср.
Всхрапнуть. гл. ср.
Прихрапнуть. гл. ср.
(Храпывать, аю, ешь), аль. гл. ср.
Всхрапывать. гл. ср.
Всхрапываніе, я. с. ср.
Похрапывать. гл. ср.

- ХРЕВЕТЬ**, бѣа, бѣмъ. *Христiанство*, а. с. ср.;
 ум. *Хребтикѣ*, з, и. *Христоролюбивый*, ая, ве;
 с. м. прил.
- Хребтовый*, ая, ое. прил. *Антихристѣ*, а, ы. с.
Хребетный, ая, ое. прил. м. Греч.
- ХРИПѢТЬ**, плю, пишь,
 ивъль гл. ср. *Христосовашься*,
 уюсь, ешься; ался.
 гл. об.
- Хрипѣніе*, я. с. ср. *Христосованье*, я. с. ср.
Хрипота, ы. с. ж. *Похристосоваться*. гл.
Хрипунѣ, а, ы. с. ж. об.
- Хрипунья*, и, и. с. ж. **ХРОМЫЙ**, ая, ое:
Хрипный, ая, ое. прил. *Хромѣ*, а, о. прил.
Хрипливый, ая, ое. *Хри-*
пливъ, а, о. прил. *Хромоногій*, ая, ое. *Хро-*
моногѣ, а, о. прил.
- Хрипливо*. нар. *Хромѣшь*, ѣю; ешь;
Хриповатый, ая, ое. *ѣль*, гл. ср.
Хриповатѣ, а, о. прил. *Хромота*, ы. с. ж.
Хриповато. нар. *Охромѣть*. гл. ср.
- Хриповатость*, и. с. ж. *Хромать*, аю, ешь;
Хрипнуть, ну, нешь; аль. гл. ср.
- нвъль*. гл. ср. *Хроманіе*, я. с. ср.
Озрипнуть. гл. ср. *Захромать*. гл. ср.
Озрипный, ая, ое. прил. *Позромать*. гл. ср.
Охрипашъ, аю, ешь; *Прохромать*. гл. ср.
 аль гл. ср. *Расхроматься*, аюсь;
Озрипаніе, я. с. ср. ешься, ался. гл. об.
- ХРАСТОСЬ**, ша. в. м. (*Храмывашъ*, аю;
 Греч. ешь); аль. гл. ср.
- Христовѣ*, а, б. прил. *Прихрамывать*. гл. ср.
Христiанинѣ, а. не с. *Прихрамываніе*, я. с.
 м. *Христiанка*, и, и; с. ж. ср.
- Христiанскій*, ая, ое. **ХРОНОЛОГІЯ**, и, и, б;
 прил. ж. Греч.
- Христiански*, *Похри-* *Хронологическій*, ая, бб;
стiански. нар. прил.

- Хронологически.** нар. **Художничій**, чья, чье.
Хрономѣра, а, и. с. м. **Художнический**, ая, ое.
ХРУПЫЙ, ая, ое. **Хру-** прил.
пкѣ, пка, пко. прил. **Художный**, ая, ое. прил.
Хрупкѣ сть, и. с. ж. **Художничать**, аю, ешь,
Хрупнуть, ну, ешь, аль. гл. ср.
ХРУСТѢТЬ, щу, спишь, **Художество**, а, а. с. ср.
спѣлѣ. гл. ср. **Художественный**, ая,
Хрустѣніе, я. с. ср. **Художественно.** нар. **оѣ**. прил.
Хрустнуть, ну, ешь, **ХУДЫЙ**, ая, ое. **Худь**,
нуль. гл. ср. а, о. прил.
ХРЫЧЬ, а, и. с. м. **Худо.** нар.
Хрычѣвка, и, и. с. ж. **Худоба**, м. **Худость**, и.
ХРѢНЬ, а. с. м. с. ж.
Хрѣнѣвый, ая, ое. прил. **Худоватый**, ая, ое. **Ху-**
ХРЮ. Голосъ свиной. **довать**, а, о. прил.
Хрюкаѣть, аю, ешь, **Худовато.** нар.
аль. гл. ср. **Худенькій**, ая, ое. **Ху-**
Хрюканье, я. с. ср. **денекъ**, нька, нько.
Хрюкало, а. с. ср. прил.
Бахрюкаѣть. гл. ср. **Худенько.** нар.
Хрюкнуѣть, ну, ешь, **Худетонекъ**, нька, нько.
ль. гл. ср. прил.
ХРЯЦЬ, а, и. Ум. **Хря-** **Худетонько.** нар.
цкѣ, а, и. с. м. 1) **Худошавый**, ая, ое. **Ху-**
ѣвъ но. у. 2) крупной **дошавь**, а, о. прил.
песокъ. 3) грубой **Худошавость**, и. с. ж.
холстѣ. **Худѣ**шь, ѣю, ешь,
Хрящевый, ая, ое. прил. аль. гл. ср.
Хрящеватый, ая, ое. **Худѣ**ніе, я. с. ср.
Хрящевато, а, о. прил. **Похудѣ**ть, гл. ср.
Хрящеватость, и. с. ж. **Похудѣ**лый, ая, ое,
ХУДОГЪ, гл. Сл. **Ху-** прил.
дожникъ, а, и. с. м. **Истудѣ**ть. гл. ср.
Художниковъ, а, о. прил. **Истудѣ**лый, ая, ое, прил.

Охудать, аю, ешь, аль. Охуденный. гл д.	Охуленіе, я. с. ср. Охулка, и. с. ж. Похулишь, Похулен- ный. гл. д.
Охуденіе, я. с. ср. Охудаться. гл. возв.	Похулка, и. с. ж. Расхулишь, Разху- ленный. гл. д.
ХУЛИГЪ, лю, лишь, лиль. гл. д.	Разхуленіе, я. с. ср. Разхулка, и. с. ж. (Хуливать, аю, ешь), аль. гл. д.
Хула, ы, ы. с. ж. Хульный, ая, ое. прил. Хульно. нар. Богохульный, ая, ое. прил.	Охуливать. гл. д. Охуливаніе, я. с. ср. Разхуливать. гл. д. ХУТОРЪ, а, ы. Ум. Ху- торокъ, рка, рки. с. м.
Хуленіе, я, я. с. ср. Хулитель, я, и. с. м. Хулительница, м, ы. с. ж.	ХЪРЪ, а, ы. с. м. Хъритъ, ю, ишь, иль. гл. д. Захъритъ, гл. д. Похъритъ. гл. д.
Хулительный, ая, ое. прил.	
Захулишь, Захулен- ный. гл. д.	
Охулишь, Охулен- ный. гл. д.	

Конецъ двенадцатой Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Дванадцятби Части:

	Стран.
I. Протоколь 30 го засѣданія, обыкновеннаго. - - - - -	5
Приложенія. - - - - -	9
II. Протоколь 31 го засѣданія, обыкновеннаго. - - - - -	12
Приложеніе. - - - - -	16
III. Протоколь 32 го засѣданія, обыкновеннаго. - - - - -	17
Приложенія. - - - - -	21
IV. Протоколь 33 го засѣданія, обыкновеннаго. - - - - -	34
V. Протоколь 34 го засѣданія, чрезвычайнаго. - - - - -	37
Приложенія. - - - - -	41
VI. Протоколь 35 го засѣданія, обыкновеннаго. - - - - -	47
Приложеніе. - - - - -	51
VII. Протоколь 36 го засѣданія, чрезвычайнаго. - - - - -	54
Приложенія. - - - - -	60
VIII. Протоколь 37 го засѣданія, чрезвычайнаго. - - - - -	67

О г л а в л е н і е.

	Стр.
Приложенія.	-
Мысли, почерпнутыя изъ Пророка Исаи.	-
О имени Славянъ.	-
Природный Рускій Стихотворецъ.	-
Стихотворные опыты Сибирякова.	-
1. Отрывокъ изъ Баллады: Всемила и Милонъ.	-
2. Отрывокъ изъ посланія къ Н. Ал. Сл.	95
3. Ошвъшь Канарейки. Басня.	96
4. Надгробіе. М. Н. М.	97
5. Совѣшь на выборъ жениха А. И.	—
6. Надпись къ портрету.	99
Раскаяніе. Стихотворный отрывокъ.	—
IX. Протоколъ 38 го засѣданія, чрезъ вычайнаго.	120
Приложенія.	154

248
DR

SEP 16 1963

